

COMPARATIVE POLITICS RUSSIA

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

2019 Т.10 № 2

В номере:
КИТАЙСКАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ

**10
лет**

ВЫСШАЯ
АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК)
при Министерстве образования и науки

В соответствии с решением **Высшей аттестационной комиссии** Министерства образования и науки Российской Федерации журнал включен в перечень **ведущих рецензируемых научных журналов** и изданий, в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по отраслям 23.00.00 – Политология и 07.00.00 – Исторические науки и археология.

**Журнал включен в следующие
международные библиографические базы данных:**

WEB OF SCIENCE™ CORE COLLECTION
– **EMERGING SOURCES
CITATION INDEX**

РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС
НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ
Science Index

**ULRICH'S
PERIODICALS DIRECTORY™**

BASE

Интелпрос
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ РОССИЯ

OCLC
WorldCat®

Crossref

DOAJ DIRECTORY OF
OPEN ACCESS
JOURNALS

CYBERLENINKA

Google™
Scholar

**J-Gate
INDEXED**

OPEN ARCHIVES

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА COMPARATIVE POLITICS RUSSIA

2019 • Т. 10 № 2

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-28335 от 8 декабря 2009 г.
и Эл №ФС77-63932 от 09.12.15 (онлайн)

Издано при
поддержке
фонда
развития
МГИМО

Международный редакционный совет

Главный редактор

А.Д. Воскресенский,
д.полит.н., д.философии
(Манчестерский университет), профессор

Заместитель главного редактора

Е.В. Колдунова, к.полит.н., доц.

Ответственный секретарь

Д.А. Кузнецов

Т.А. Алексеева, д.ф.н., проф., заслуженный деятель
науки РФ, МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

В.Я. Белокреницкий, д.и.н., проф., Институт
востоковедения РАН, Москва, Россия

Александр Жебит, проф., Федеральный университет
Рио-де-Жанейро, Рио-де-Жанейро, Бразилия

В.И. Журавлева, д.и.н., проф., РГГУ, Москва,
Россия

Клаус Зегберс, проф., Свободный университет
Берлина, Берлин, Германия

Чарльз Зиглер, проф., Университет Луисвилла,
Луисвилл, США

М.В. Ильин, д.полит.н., проф., НИУ ВШЭ,
Москва, Россия

В.Г. Ледяев, д.ф.н., д. философии (Манчестерский
университет), проф., НИУ ВШЭ, Москва, Россия

М.М. Лебедева, д.полит.н., проф., заслуженный
работник высшей школы РФ, МГИМО МИД РФ,
Москва, Россия

В.В. Михеев, д.э.н., проф., академик РАН,
ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Е.И. Пивовар, д.и.н., проф., член-корреспондент
РАН, РГГУ, Москва, Россия

Редакционная коллегия выпуска

Е.В. Колдунова

А.В. Ломанов

В.Г. Ледяев

Д.А. Кузнецов

Ответственный секретарь онлайн версии

И.Ю. Окунев, к.полит.н., доц.

Е.В. Попов, LL.M.(Университет Эссекса), к.ю.н.,
доц., МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

В.Д. Соловей, д.и.н., проф., МГИМО МИД РФ,
Москва, Россия

Л.В. Сморгун, д.полит.н., проф., СПбГУ, Санкт-
Петербург, Россия

М.В. Стрежнева, д.полит.н., д. философии
(Манчестерский университет), проф., ИМЭМО РАН,
Москва, Россия

Д.В. Стрельцов, д.и.н., проф., МГИМО МИД РФ,
Москва, Россия

Анн де Тинги, проф., Сьянс По, Париж, Франция

Алишер Файзуллаев, проф., Университет мировой
экономики и дипломатии Узбекистана, Ташкент,
Узбекистан

Чжао Хуашэн, проф., Фуданьский университет,
Шанхай, Китай (КНР)

Т.А. Шаклеина, д.полит.н., проф., МГИМО МИД
РФ, Москва, Россия

И.Н. Тимофеев, к.полит.н., доц., РСМД, Москва,
Россия

У Юйшань, проф., Академия Синика, Тайбэй,
Китай, Тайвань

Международный научно-консультационный совет

О.Н. Барabanов, д.полит.н., проф.,
МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

О.В. Гаман-Голутвина, д.полит.н.,
проф., МГИМО МИД РФ, Москва, Россия,
зам. председателя

В.В. Гриб, д.ю.н., проф., Издательская группа
«Юрист», Москва, Россия, *председатель*

С.И. Лунев, д.и.н., проф., МГИМО МИД РФ,
Москва, Россия

Айше Дитрих, проф., Ближневосточный
технический университет, Анкара, Турция

Акихиро Ивасита, проф., Университет Хоккайдо,
Саппоро, Япония

О.В. Павленко, к.и.н., доц., РГГУ, Москва, Россия

Ли Син, проф., Пекинский педагогический

университет, Пекин, Китай (КНР)

А.Ю. Шутов, д.и.н., проф., МГУ имени М.В. Ломо-
носова, Москва, Россия, *зам. председателя*

Макет и оформление *А.В. Талалаевского*

Журнал основан в 2009 г.
С начала издания – №35

Центр подписки:
+7(495) 617-18-88 (многоканальный)
Адрес редакции:
115035, Москва, Космодамианская наб.,
д. 26/55, стр. 7
Тел.: +7(495) 953-91-08
E-mail: avtor@lawinfo.ru;
http: www.lawinfo.ru

Печать офсетная
Усл. печ. л. 23,0
Общий тираж 3000 экз.
Цена свободная
Подписано в печать 11.05.2019
Выход из печати: 15.05.2019
ISSN – 2221-3279
ISSN (online) – 2412-4990

Точка зрения авторов может не
совпадать с точкой зрения редакции

© Воскресенский А.Д., эмблема, 2019
© Воскресенский А.Д., 2019
© Сравнительная политика, 2019
© Издательская группа «Юрист», 2019

COMPARATIVE POLITICS RUSSIA СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

2019 • Vol. 10 № 2

Mass Media Registration Certificates: PI №FS77-28335 of Dec.8, 2009 &
EL №FS77-63932 of Dec.9, 2015(online)

Published
with support
of MGIMO
Endowment
Foundation

International Editorial Board

Editor-in-Chief / Founder

Alexei D. Voskressenski, Doctor of Political Science, PhD (University of Manchester), PhD (Institute of Far Eastern Studies), Professor

Deputy Editor-in-Chief

Ekaterina V. Koldunova, Candidate of Political Science, Associate Professor

Executive Secretary *Denis A. Kuznetsov*

Tatiana A. Alekseeva, Doctor of Philosophy, Professor, Distinguished Researcher of the RF, MGIMO University, Moscow, Russia

Viacheslav Ya. Belokrenitsky, Doctor of History, Professor, Institute for Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Alexander Zhebit, Professor, Federal University of Rio de Janeiro, Rio de Janeiro, Brazil

Viktoria I. Zhuravleva, Doctor of History, Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Klaus Segbers, Professor, Free University of Berlin, Berlin, Germany

Charles E. Ziegler, Professor, University of Louisville, Louisville, USA

Michail V. Il'in, Doctor of Political Science, Professor, Higher School of Economics, Moscow, Russia

Marina M. Lebedeva, Doctor of Political Science, Professor, Distinguished Lecturer of Russian Higher School, MGIMO University, Moscow, Russia

Vasily V. Mikhreev, Doctor of Economics, Member, Russian Academy of Sciences, Institute of World Economy and International Relations, Moscow, Russia

Efim I. Pivovarov, Doctor of History, Professor, Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Editorial Board of the Issue

Ekaterina V. Koldunova

Aleksandr V. Lomanov

Valery G. Ledyayev

Denis A. Kuznetsov

Executive Secretary (online version)

Igor Yu. Okunev, Candidate of Political Science, Associate Professor

Evgeny V. Popov, Candidate of Law, LL.M (University of Essex), Associate Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Valery D. Solovej, Doctor of History, Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Leonid V. Smorgunov, Doctor of Political Science, Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Marina V. Strezhneva, Doctor of Political Science, PhD (University of Manchester), Professor, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Dmitry V. Strel'tsov, Doctor of History, Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Anne de Tinguy, Professor, Sciences Po, Paris, France

Alisher Faizullaev, Professor, University of World Economics and Diplomacy of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

Zhao Huasheng, Professor, Fudan University, Shanghai, P.R. China

Tatiana A. Shakleina, Doctor of Political Science, Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Ivan N. Timofeev, Candidate of Political Science, Associate Professor, Russian International Affairs Council, Moscow, Russia

Yu-Shan Wu, Professor, Institute of Political Science, Academia Sinica, Taipei City, Taiwan, China

International Advisory Board

Oleg N. Barabanov, Doctor of Political Science, Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

O.V. Gaman-Golutvina, Doctor of Political Science, Professor, MGIMO University, Moscow, Russia, *Deputy Chair*

Vladislav V. Grib, Doctor of Law, Professor, Publishing Group "Yurist", Moscow, Russia, *Chair*

Sergey I. Luneyev, Doctor of History, Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Ayşe Dietrich, Professor, Middle East Technical University, Ankara, Turkey

Akihiro Iwashita, Professor, University of Hokkaido, Sapporo, Japan

Olga V. Pavlenko, Candidate of History, Associate Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Li Xing, Professor, Beijing Normal University, Beijing, P.R. China

Andrey Yu. Shutov, Doctor of History, Professor, Moscow State University, Moscow, Russia, *Deputy Chair*

Typesetting – *Alexey Talalaevsky*

Established in 2009
No.35 since 2010

Subscription Centre:
+7(495)617-18-88 (multichannel)
Editorial Office Address:
Bldg. 7, 26/55 Kosmodamianskaya
Emb., Moscow, 115035
Phone: +7(495)953-91-08
E-mail: avtor@lawinfo.ru
www.lawinfo.ru

Offset printing
Conventional printing sheet – 23,0
Circulation: 3000 copies
Free-market-price
Passed for printing 5 May 2019
Printed: 15 May 2019
ISSN – 2221-3279
ISSN (online) – 2412-4990

Authors' point of view may not coincide with that of the Editorial staff

© Voskressenski A.D., logo, 2019
© Voskressenski A.D., 2019
© Comparative Politics, 2019
© Publishing Group "Yurist", 2019

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ИНСТИТУТОВ

К.А. Ефремова. Сравнительный анализ теоретических подходов к определению регионального комплекса

Сунь Лэй. Китайский путь – модернизационная трансформация китайской цивилизации

А.Б. Каримова. Индо-Тихоокеанский постатлантизм

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ГЕОПОЛИТИКА

Ян Цземьянь. Китайская теория дипломатии и безопасности в новую эпоху

Чжао Хуашэн. «Новый треугольник» в отношениях между Китаем, Россией и США

Е.А. Антюхова. Фактор образования в «мягкой силе» США, Китая и ЕС: сравнительный анализ

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ДИСКУССИИ

Круглый стол «Перспективы китайских реформ в изменившемся мире». Часть I: «Внешний контекст реформ, китайско-американские отношения, дискуссии об экономической либерализации и оценка процесса углубления реформ в Китае»

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛОКАЛЬНОГО ОПЫТА

Лю Фэнхуа. Китайско-российское партнерство и стратегическое сотрудничество

А.В. Лукин, В.Б. Кашин. Российско-китайское сотрудничество и безопасность в АТР

П.А. Антонов. «Потомственные парламентарии» («сэсю: гиин») в политической системе современной Японии: сравнительно-исторический анализ

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ЗАМЕТКИ

В.Ц. Головачев. Захват советского танкера «Туапсе»: эндшпиль операции по обмену заложниками (сравнительный анализ событий и истинных причин инцидента)

COMPARATIVE ANALYSIS OF CONCEPTS AND INSTITUTIONS

5 Ksenia A. Efremova. Comparative Analysis of Theoretical Approaches to Definition of the Regional Complex

20 Sun Lei. The Chinese Path – Modernization Transformation of the Chinese Civilization

37 Alla B. Karimova. Indo-Pacific Post-Atlantism

COMPARATIVE POLITICS AND GEOPOLITICS

56 Yang Jiemian. China's Diplomatic and Security Theories in the New Era

69 Zhao Huasheng. The “New Triangle” in Relations between China, Russia and the United States

86 Ekaterina A. Antyukhova. Factor of Education in Soft Power of the United States, China and the EU: A Comparative Analysis

DISCUSSION

99 Roundtable “Prospects of Chinese Reforms in a Changed World.” Part I: “External Context of Reforms, Chinese-American Relations, Discussions on Economic Liberalization and Evaluation of Reforms Deepening in China”

COMPARATIVE ANALYSIS OF LOCAL CASES

118 Liu Fenghua. Chinese-Russian Partnership and Strategic Cooperation

135 Alexander V. Lukin, Vasily B. Kashin. Russian-Chinese Cooperation and Security in Asia Pacific Region

152 Pavel A. Antonov. Hereditary MPs (seshyu: giin) in the Political System of Modern Japan: Comparative and Historical Analysis

RESEARCHERS' NOTES

165 Valentin Ts. Golovachev. Capture of the Soviet Tanker “Tuapse”: A Hostage Swap Endgame (Comparative Analysis of the Events and the True Causes of the Incident)

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Конференция «Современная Россия в мировом политическом процессе: глобальное и региональное измерение» (Москва, Россия)

Конференция «Цифровая трансформация взаимосвязанности Южной и Юго-Восточной Азии» (Янгон, Мьянма)

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

ACADEME

178 Conference “Modern Russia in the Global Political Process: Global and Regional Dimension” (Moscow, Russia)

180 Conference “Digital Transformation of Interconnectedness in South and Southeast Asia” (Yangon, Myanmar)

181 **GUIDE FOR THE AUTHORS**

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ РЕГИОНАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА

Ксения Александровна Ефремова

*Московский государственный институт
международных отношений (Университет) МИД России,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 20 октября 2018 <i>Принята к печати:</i> 10 апреля 2019</p>	<p>Аннотация: Настоящая статья посвящена рассмотрению понятия «региональный комплекс» (regional complex) с позиций трёх доминирующих на данный момент в теории международных отношений парадигмальных подходов – неореализма, неолиберализма и конструктивизма. В англоязычной литературе понятие «региональный комплекс» ассоциируется, прежде всего, с теорией региональных комплексов безопасности, выдвинутой Б. Бузаном и О. Уэвером; однако, такая трактовка значительно обедняет его содержание. В отечественной литературе предпринята попытка отойти от узкого понимания данного термина, расширив его содержание за счёт добавления проблематики развития (см. работы А.Д. Воскресенского, Е.В. Колдуновой и др.). Вместе с тем, представляется, что с концептуальной точки зрения данное понятие всё ещё недостаточно проработано. Автор статьи ставит своей целью проанализировать применение термина «региональный комплекс» в доступной ему англоязычной и русскоязычной литературе с тем, чтобы выявить его научную ценность. Признавая, что существующие трактовки не позволяют однозначно зафиксировать значение рассматриваемого термина, автор предлагает своё определение регионального комплекса как интегрированной («зрелой») региональной подсистемы, обладающей собственной субъектностью, основанной на чувстве региональной (само)идентичности, разделяемой населением конкретного региона и внерегиональными наблюдателями. В статье приводится аналитическое сравнение понятий «регион», «региональная подсистема», «региональный комплекс», характеризуются их смысловые отличия. Основной вывод автора заключается в том, что понятие регионального комплекса, несмотря на его практическую невостребованность англоязычными исследователями, заслуживает своего места в русскоязычном политологическом словаре, поскольку позволяет концептуализировать многообещающую сферу международных отношений – региональные и межрегиональные взаимодействия. Представляется, что использование данного термина является значимым и продуктивным для дальнейшего развития отечественной школы мирового комплексного регионоведения</p>
<p>Об авторе: к.полит.н., доцент, кафедра востоковедения; научный сотрудник, Центр комплексного китаеведения и региональных проектов, МГИМО МИД России e-mail: efremova@mgimo.ru</p>	
<p>Ключевые слова: регион; региональная подсистема; региональный комплекс; неореализм; неолиберализм; конструктивизм; мировое комплексное регионоведение</p>	

Настоящая статья посвящена рассмотрению понятия «региональный комплекс» (*regional complex*) с позиций трёх доминирующих на данный момент в теории международных отношений парадигмальных подходов – неореализма, неолиберализма и конструктивизма. Понятие регионального комплекса является одним из центральных в мировом комплексном регио-

новедении (МКР) – интегральной социально-экономической дисциплине, изучающей закономерности процесса формирования и функционирования политико-экономической системы регионов мира с учётом исторических, демографических, национальных, религиозных, экономических, политико-правовых, природно-ресурсных особенностей, места и роли в международном

разделении труда и системе (подсистемах) международных отношений¹. Между тем, с концептуальной точки зрения оно всё ещё недостаточно проработано.

В англоязычной литературе понятие «региональный комплекс» ассоциируется, прежде всего, с теорией региональных комплексов безопасности, выдвинутой Барри Бузаном и Оле Уэвером²; однако, такая трактовка значительно обедняет его содержание. В отечественной литературе предпринята попытка отойти от узкого понимания данного термина. Так, А.Д. Воскресенский справедливо отмечает, что региональные комплексы безопасности являются разновидностью региональных комплексов; соответственно, «региональный комплекс» – это более широкое понятие³. Той же точки зрения придерживается Е.В. Колдунова, утверждающая, что региональный комплекс – это «региональное пространство, взаимосвязанное более комплексно не только в сфере международной безопасности»⁴.

¹ Мировое комплексное регионоведение: введение в специальность: учебник. / Под ред. проф. А.Д. Воскресенского. – М.: Магистр; ИНФРА-М, 2015. – С. 317. [Mirovoe kompleksnoe regionovedenie: vvvedenie v spetsial'nost': uchebnik (World Regional Studies: Introduction to the Field: A Textbook) / Ed. by A.D. Voskressenski. Moscow: Magistr; INFRA-M, 2015. P. 317.]

² Buzan, B.; Wæver, O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 564 p.

³ Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. – 2012. – № 2. – С. 53. [Voskressenski, A.D. Kontseptsii regionalizatsii, regional'nykh podsystem, regional'nykh kompleksov i regional'nykh transformatsii v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniiakh (Concepts of Regionalization, Regional Subsystems, and Regional Transformations in the Contemporary IR) // *Comparative Politics Russia*, 2012, No. 2, p. 53.]

⁴ Колдунова Е.В. Мировое комплексное регионоведение как исследовательский подход и научная дисциплина // Вестник МГИМО-Университета. – 2016. – № 5. – С. 64. [Koldunova, E.V. Mirovoe kompleksnoe regionovedenie kak issledovatel'skii podkhod i nauchnaia distsiplina (World Regional Studies

Представляется, что подход к определению регионального комплекса, предложенный российскими учёными, более адекватно отражает сущность данного понятия. Именно ему мы будем следовать ниже.

Определение понятия «региональный комплекс»

Одно из первых упоминаний регионального комплекса встречается в докладе специального комитета отделения геологии и географии Национального исследовательского совета США под председательством Дерузента Уитлси, изданном в начале 1950-х гг. Авторы доклада обозначают данным термином особую разновидность региона, в котором сформировалось региональное самосознание. Как отмечают Д. Уитлси и его коллеги, «там, где оно существует, региональное самосознание укрепляет солидарность людей внутри региона, способствуя тем самым его стабильности. Регион, четко осознающий себя, с большой вероятностью будет восприниматься своими обитателями и сторонними наблюдателями как нечто, обладающее независимым существованием. Эта психологическая особенность является одним из элементов регионального комплекса»⁵.

В отличие от американских авторов, европейские исследователи Б. Хеттне и Ф. Содербаум обозначают понятием «региональный комплекс» одну из ранних стадий формирования институционализированной региональной общности, на которой «народы отдельных национальных государств, вероятнее всего, обладают дозированной информацией друг о друге и практически не доверяют друг другу, не говоря уже о формировании общей идентичности», и где «отсутствует общее ощущение того, что

as an Analytical Approach and a Scientific Discipline) // *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2016, No. 5, p. 64.]

⁵ Whittlesey, D. et al. *Regional Study with Special Reference to Geography* / D. Whittlesey, P.E. James, J. Malin, C.F. Jones, H.H. McCarty, S.B. Jones, R.S. Platt, L.E. Klimm, Kirk Stone, J.R. Whitaker. Washington, D.C.: Division of Geology and Geography, National Research Council, National Academy of Sciences, 1952. P. 48.

все плывут в одной лодке»⁶. Как мы видим, это полностью противоречит тому, о чём за полвека до них писали Д. Уитлси и его коллеги. Учитывая то, что в доступной нам англоязычной литературе этот термин больше практически нигде не встречается (за исключением работ, цитирующих Б. Хеттне и Ф. Содербаума), можно прийти к выводу, что он не востребован современной западной политологией, и его содержание до конца не проработано.

Итак, какая же трактовка понятия «региональный комплекс» верна – американская или европейская? В поисках ответа на этот вопрос обратимся к трудам российских исследователей, принадлежащих к школе мирового комплексного регионоведения. В отечественной академической традиции принято рассматривать научные понятия в их органической взаимосвязи. Так, авторы учебника «Мировое комплексное регионоведение» под редакцией А.Д. Воскресенского помещают понятие «региональный комплекс» в контекст родственных ему по смыслу, но, вместе с тем, существенно отличающихся по содержанию понятий «регион» и «региональная подсистема (международных отношений)».

Они дают следующее определение регионального комплекса: «группа государств, обладающая достаточно высокой степенью функциональной и географической взаимозависимости, отграничивающей её от других регионов и определяющей тип регионального комплекса, т.е. это многомерный сегмент международного пространства регионального уровня, выделяемый на основе существования относительно устойчивой системы региональных взаимосвязей и взаимозависимостей структурно-пространственного характера разного типа (политических, экономических, культурно-исторических) и разной степени интенсивности, позволяющих отграничить его от среды или выступить подсистемным объединением различной степени цельности по отношению к международной среде. Понятие регионального комплекса аналитически уже, чем по-

нятие региональной подсистемы, но может рассматриваться как важнейший элемент зрелой региональной подсистемы»⁷.

В связи с этим стоит пояснить, что же представляет собой региональная подсистема, подвидом которой выступает региональный комплекс. А.Д. Воскресенский и его коллеги понимают под этим термином «совокупность специфических региональных политико-экономических, культурно-цивилизационных, историко-социальных и социокультурных взаимодействий в пространственном кластере системы международных отношений»⁸. При выделении региональных подсистем они обращают внимание на ряд дополнительных аспектов, из которых для нас наиболее существенным является то, что «в основе каждой региональной подсистемы лежит своя религиозно-национальная картина мира, неформально определяющая специфику взаимодействия внутри региональной подсистемы»⁹. Таким образом, фактически, речь идёт о наличии у региональной подсистемы зачатков формирования особой региональной идентичности, являющейся отличительной характеристикой её «зрелого» состояния (которому соответствует понятие регионального комплекса) – что согласуется с мнением Д. Уитлси и его соавторов.

Следует также подчеркнуть, что понятие «региональной подсистемы» принципиально отличается от понятия «региона». Эту точку зрения ещё в 1984 году высказывал коллектив авторов под руководством В.И. Гантмана, утверждая, что «международный политический регион как единица анализа структуры системы межгосударственных отношений (т.е. как региональная подсистема международных отношений – *прим. К.Е.*) не может быть отождествлён с регионом географическим. Они могут совпадать или не совпадать по

⁷ Мировое комплексное регионоведение: учебник. / Под ред. проф. А.Д. Воскресенского. – М.: Магистр; ИНФРА-М, 2014. – С. 196 [Mirovoe kompleksnoe regionovedenie: uchebnik. (World Regional Studies: A Textbook) / Ed. by A.D. Voskressenski. Moscow: Magistr; INFRA-M, 2014. P. 196.]

⁸ Ibid. С. 241.

⁹ Ibid. С. 240.

⁶ Hettne, B.; Söderbaum, F. Theorising the Rise of Regionness // *New Political Economy*, 2000, Vol. 5, No. 3, pp 463-464.

своим границам, но при всех случаях являются разными понятиями. Международный политический регион – это прежде всего общность проблемно-политическая, содержащая определённые политические отношения по поводу каких-либо проблем, и уж затем проблемно-географическая»¹⁰. Таким образом, регион, региональная подсистема и региональный комплекс имеют немало общего, однако различаются между собой по ряду существенных признаков.

Сопоставим базовые характеристики региона, региональной подсистемы и регионального комплекса в *Табл. 1*.

Таблица 1

Сравнение понятий регион, региональная подсистема, региональный комплекс

	Регион	Региональная подсистема	Региональный комплекс
Географическая сопряжённость	+	+	+
Проблемная взаимосвязанность	–	+	+
Общая идентичность	–	–	+

Table 1. Comparison of Concepts of a Region, Regional Subsystem, Regional Complex

Мы видим, что все три понятия тесно связаны между собой, хотя и не тождественны друг другу. Региональный комплекс представляет собой региональную подсистему, обладающую таким характерным качеством как идентичность, что превращает её из пространства, где разворачиваются межгосударственные взаимодействия по поводу ключевых региональных проблем, в самостоятельного субъекта мировой политики. В свою очередь, региональная подсистема появляется в том регионе, где сильна взаимосвязанность между образующими его государствами, возникающая в силу наличия

¹⁰ Система, структура и процесс развития современных международных отношений / Отв. ред. В.И. Гантман. – М. : Наука, 1984. – С. 94. [Sistema, struktura i protsess razvitiia sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshenii (System, Structure and Process of Development of the Contemporary International Relations) / Ed. by V.I. Gantman. Moscow: Nauka, 1984. P. 94.]

общих интересов или, напротив, узлов противоречий. Вместе с тем, это таксоны одного уровня, идентичные в том смысле, что все они ограничены пределами одной географической зоны (хотя её границы могут незначительно варьировать). Регион и региональная подсистема, региональная подсистема и региональный комплекс могут соответствовать друг другу по своим пространственным очертаниям: как отмечает А.Д. Воскресенский, «региональные комплексы могут либо полностью совпадать с региональными подсистемами, либо выступать в качестве ядра региональной подсистемы»¹¹. Однако важно помнить, что аналитически это разные понятия, которые не следует смешивать между собой.

Интерпретация понятия «региональный комплекс»

Известно, что в основе политических взаимодействий лежат отношения по поводу распределения власти и собственности в государственно-организованном обществе или мировом сообществе¹². Взаимодействия между элементами регионального комплекса также основаны на властных отношениях. Американский экономист и социолог Кеннет Ю. Боулдинг выделяет три типа властных отношений: деструктивные, продуктивные и интегративные. Деструктивные отношения построены на угрозах, продуктивные – на обмене, а интегративные – на чувствах любви и ненависти¹³. Каждому из трёх типов властных отношений соответствует свой теоретический подход, ставящий во главу угла либо неотвратимость наказания, либо возможность вознаграждения, либо

¹¹ Voskressenski, A.D. Non-Western Theories of International Relations: Conceptualizing World Regional Studies. Palgrave Macmillan, 2017. P. 188.

¹² Хрусталёв М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. – М.: Аспект Пресс, 2015. – С. 21. [Khrustalev, M.A. Analiz mezhdunarodnykh situatsii i politicheskaia ekspertiza (Analysis of International Situations and Political Expertise). Moscow: Aspekt Press, 2015. P. 21.]

¹³ Boulding, Kenneth E. Three Faces of Power. Newbury Park, California: Sage Publications, 1989. Pp. 23-25.

обеспечение легитимности. Это такие подходы как неореализм, неолиберализм и конструктивизм. Ниже мы рассмотрим, как они интерпретируют потребность государств во взаимном сотрудничестве и связанный с этим механизм региональной интеграции, лежащий в основе формирования регионального комплекса.

Неореализм

Согласно постулатам классического реализма, разделяемым теоретиками неореализма, государства являются эгоистическими рациональными акторами, которые действуют, исходя из своих национальных интересов, имеющихся у них ресурсов и располагаемой ими информации. В основе взаимодействия государств лежит борьба: (1) как минимум, за существование в качестве суверенного территориально-политического образования; (2) как правило, за расширение возможности воздействия на внешнеполитическое поведение других государств; и (3) как максимум, за доминирование в пределах глобальной системы международных отношений или её отдельных региональных подсистем. Главной категорией, позволяющей сравнивать потенциальные возможности государств, в неореалистическом дискурсе выступает понятие национальной мощи, которое включает в себя, в частности, такие аспекты, как площадь территории и численность населения, обеспеченность ресурсами, военная мощь, экономические возможности, политическая стабильность, компетентность правительства и др.¹⁴

Последователи неореализма исходят из базовой посылки о том, что международные отношения анархичны по своей природе, и государства в отсутствие верховного арбитра действуют по принципу «каждый сам за себя». Главным регулирующим механизмом при этом выступает взаимное силовое уравновешивание: менее мощные государства объединяются друг с другом, чтобы противостоять потенциальному гегемону, или, наоборот, присоединяются к нему в надежде на его покровительство. Эти страте-

гии получили названия «балансирование» и «примыкание». Кроме того, некоторые государства выбирают стратегию нейтралитета, принципиально отказываясь вступать в какие-либо блоки и коалиции. Любое объединение государств является временным и непрочным, поскольку основано на сиюминутных интересах и отражает текущую расстановку сил на международной арене. Как только ситуация меняется, бывшие союзники становятся врагами – и наоборот, бывшие противники образуют очередные краткосрочные альянсы.

Миропорядок в духе реалполитик представляет собой игру с нулевой суммой, в которой каждое государство стремится увеличить свою долю территории и богатства посредством перераспределения ограниченных мировых ресурсов в свою пользу – разумеется, за счёт других стран. Взаимное недоверие подталкивает правительства к неуклонному наращиванию национальной мощи, вынуждая их принимать внешнеполитические решения, направленные на минимизацию потенциального ущерба и максимизацию собственного выигрыша. Для достижения своих целей государства нередко объединяются в региональные блоки, где, как правило, доминирует наиболее сильная держава либо коалиция нескольких держав. В этой ситуации возрастает риск возникновения войн (включая торгово-экономические) между различными региональными группировками, поскольку каждая региональная держава стремится извлечь максимальную выгоду из своего геостратегического положения, а в условиях игры с нулевой суммой наиболее предпочтительной стратегией для неё является конфликт, а не сотрудничество¹⁵.

Неореалисты полагают, что длительное межгосударственное сотрудничество не только не выгодно его участникам, но и в принципе невозможно по двум причинам. Во-первых, государство, согласившееся на сотрудничество, постоянно опасается возможного предательства со стороны своих

¹⁴ Waltz, Kenneth N. *The Emerging Structure of International Politics // International Security*. Cambridge, Mass.: Fall 1993, Vol. 18, No. 2, p. 50.

¹⁵ Gamble, Andrew; Payne, Anthony. *The World Order Approach / Theories of New Regionalism: A Palgrave Reader / Ed. by F. Söderbaum and T.M. Shaw. L.: Palgrave Macmillan, 2003. P. 43.*

временных союзников и, следовательно, стараясь обезопасить себя от возможных рисков, рано или поздно предаёт их первым (либо само становится жертвой предательства, поскольку другие государства также рассуждают в терминах минимизации потенциального ущерба своим национальным интересам). Во-вторых, каждое государство опасается, что его временные союзники (они же – потенциальные противники) выгадают от взаимного сотрудничества больше, чем оно само, и таким образом укрепят свои стратегические позиции относительно него, что подорвёт его собственную жизнеобеспеченность (так называемая дилемма «относительного выигрыша»)¹⁶. Поэтому любые инициативы межгосударственного сотрудничества, сколь бы долговечными они ни казались, будут немедленно дезавуированы, как только изменится международная конъюнктура.

Учитывая вышесказанное, с точки зрения неореалистов, процессы региональной интеграции следует рассматривать в контексте формирования временных альянсов между государствами, чьи интересы и предпочтения на данный момент в целом совпадают, что сводит до минимума вероятность возникновения конфликта между ними в обозримом будущем (хотя и не исключает его совсем, поскольку сама природа международных отношений конфликтна по определению). Соответственно, силовое равновесие, установившееся между ними, является достаточно устойчивым, а их взаимное сотрудничество имеет относительно долгосрочный характер. Мотивы образования подобного регионального альянса, как правило, связаны с какой-либо общей угрозой, которой государства региона стремятся сообща противостоять. Так возникают региональные комплексы безопасности, являющиеся естественным порождением анархической системы международных отношений¹⁷.

¹⁶ Grieco, Joseph M. *Anarchy and the Limits of Cooperation: A Realist Critique of the Newest Liberal Institutionalism / Neorealism and Neoliberalism: The Contemporary Debate* / Ed. by David A. Baldwin. New York: Columbia University Press, 1993. Pp. 118-119.

¹⁷ Buzan, B.; Wæver, O.; Wilde, J. de. *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder-London: Lynne Rienner, 1998. P. 12.

Классическое определение регионального комплекса безопасности было предложено в начале 1990-х годов британским политологом Барри Бузаном. Этот феномен описывается им как «группа государств, чьи приоритетные опасения в сфере безопасности связаны настолько тесно, что их национальная безопасность не может реалистично рассматриваться в отрыве друг от друга»¹⁸. При этом отношения между составными элементами регионального комплекса безопасности могут быть не только дружественными, но и враждебными. Региональный комплекс безопасности, где преобладают конфликтные взаимоотношения, представляет собой «незрелую» региональную подсистему международных отношений, не имеющую собственной субъектности. Это такие региональные подсистемы, в которых сотрудничество между государствами имеет эпизодический характер или отсутствует вообще. Очевидно, что в последнем случае оснований для появления общей региональной идентичности не просматривается, и речь о формировании полноценного регионального комплекса просто не идёт.

В том же случае, если государства региона связывают устойчивые опасения относительно третьих стран (например, при возникновении угрозы со стороны другого регионального блока или внерегиональных держав, активно вмешивающихся в их внутренние дела), неореалисты допускают образование региональной интеграционной структуры, участники которой разделяют общую идеологию и, следовательно, идентифицируют себя и других по принципу «свой – чужой». Однако такие объединения существуют лишь до тех пор, пока угроза, являющаяся поводом для их формирования, остаётся актуальной. Процесс образования и распада подобных региональных группировок описывается теоретиками международных отношений Барри Бузаном, Оле Уэвером и Япом де Вилдом в терминах секьюритизации и десекуритизации, где под секьюритизацией понимается крайняя

¹⁸ Buzan, B. *People, States, and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era*. London: Wheatsheaf Books, 1991. P. 106.

степень политизации какой-либо проблемы, которая начинает рассматриваться как угроза региональной безопасности¹⁹. Если при этом государства региона однозначно идентифицируют себя как союзников в деле ликвидации этой угрозы, можно говорить о формировании у них общей идентичности, а, следовательно, и о складывании полноценного регионального комплекса.

Неолиберализм

Сторонники неолиберального подхода, так же как неореалисты, признают анархический характер глобальной системы международных отношений и её региональных подсистем. Однако, в отличие от неореалистов, они убеждены, что прежние механизмы поддержания международной безопасности, которые базировались на принципах взаимного устрашения и сдерживания, блокового противостояния и образования конъюнктурных военно-политических альянсов, исчерпали себя. По их мнению, на смену устаревшему механизму силового уравнивания приходит механизм распределения выгод, возникающих в процессе межгосударственного сотрудничества, что ведёт к установлению уже не «баланса сил», а «баланса интересов». Таким образом, мировая политика постепенно превращается в игру с ненулевой суммой, от которой в той или иной степени получают выгоду все её участники. В данном случае, государства, будучи рациональными игроками, преследующими собственные интересы, стремятся уже не к относительному (как считают неореалисты), а к абсолютному выигрышу, что и побуждает их сотрудничать между собой, отринув взаимные опасения относительно неравномерного распределения выгод от такого сотрудничества.

Согласно базовым постулатам неолиберализма, государства заинтересованы в многостороннем взаимодействии, позволяющем им решать коллективные проблемы, которые не могут быть решены в одностороннем порядке (например, проблемы,

касающиеся региональной безопасности). Вместе с тем, не обладая полной и непротиворечивой информацией относительно намерений других стран и подозревая, что те, желая максимизировать собственную выгоду в ущерб коллективной выгоде, нарушат условия соглашения, государства предпочитают действовать по принципу «каждый сам за себя». Здесь неолиберальная интерпретация совпадает с неореалистской. Однако неолибералы, в отличие от неореалистов, полагают, что способ преодолеть дефицит информации, повысить взаимное доверие и сократить издержки межгосударственного взаимодействия всё же существует. По их мнению, эти функции выполняют специально созданные международные институты – организации и режимы, устанавливающие стандарты и правила поведения на мировой арене. Последние берут на себя часть ответственности за поддержание регионального порядка, позволяя государствам более эффективно отстаивать свои интересы, но одновременно и вынуждая их сдерживать свои агрессивные намерения в отношении друг друга.

Особенность функционирования международных институтов заключается в том, что участие в них предполагает добросовестное исполнение правительствами принятых на себя обязательств и межгосударственных договоренностей. Вступая в международные организации и соглашения, государства добровольно передают часть своего суверенитета международным институтам, рассчитывая на благоприятный эффект от их деятельности, обеспечивающий всем их участникам гарантированную выгоду в долгосрочной перспективе. В качестве основной мотивации, побуждающей государства к взаимному сотрудничеству, неолибералы называют расчёт на получение ценной, не доступной иными средствами инсайдерской информации, необходимой для принятия внешнеполитических решений, и стремление к участию в распределении общественных благ, являющихся результатом коллективного действия. Государства, нарушившие свои международные обязательства, лишаются тем самым потенциальных выгод, возникающих в процессе многосто-

¹⁹ Buzan, B.; Wæver, O.; Wilde, J. de. Security: A New Framework for Analysis. Boulder-London: Lynne Rienner, 1998. P. 23.

ронного сотрудничества. Последнее соображение, по представлению неолибералов, должно удерживать их от односторонних действий, ущемляющих интересы их контрагентов²⁰.

Создание суверенными государствами международных институтов, с точки зрения неолибералов, играет двоякую роль. Во-первых, оно позволяет более мощным государствам зафиксировать установленные ими (и устраивающие их) правила игры, не тратя дополнительных ресурсов на их продвижение. Крупные державы добровольно ограничивают свой суверенитет, подчиняясь решениям международных организаций и соблюдая международные режимы, поскольку эти институты поддерживают выгодный для них механизм распределения преимуществ от межгосударственного сотрудничества, создавая дополнительные препятствия для появления ревизионистских государств²¹. Во-вторых, оно даёт возможность наиболее заинтересованным (и при этом не обязательно более мощным) государствам включиться в процессы международного нормотворчества, используя многосторонние форматы для формулирования новых правил, с которыми, возможно, согласятся остальные участники международных институтов (включая великие державы). Таким образом, государства, проявляющие внешнеполитическую инициативу, получают шанс обеспечить развитие международной ситуации в благоприятном для себя направлении без применения традиционных инструментов международного влияния, таких как проецирование мощи²².

Основной движущей силой, стимулирующей развитие региональных интеграционных процессов, по мнению неолибералов, выступает глобализация. У этого феномена есть как положительные, так и отрицатель-

ные стороны – причём и те, и другие способствуют развитию межгосударственного взаимодействия на региональном уровне. Позитивным следствием глобализации является увеличение трансграничной мобильности факторов производства и интенсификация экономических взаимосвязей, что существенно облегчает региональное сотрудничество. Негативным же следствием её является проекция на региональный уровень глобальных проблем, с которыми страны региона не могут справиться в одиночку и для решения которых они вынуждены создавать специализированные региональные институты²³. Таким образом, и неореалисты, и неолибералы указывают на преобладающую роль внешнего (экзогенного) фактора в процессе регионального строительства. Они сходятся во мнении, что катализатором интеграционных процессов являются внерегиональные силы, в то время как внутренние (эндогенные) факторы имеют второстепенное значение. Иными словами, государства вступают в региональные организации не потому, что сами стремятся к объединению, а потому, что их вынуждают к этому сложившиеся обстоятельства.

Неолибералы интерпретируют процессы региональной интеграции в терминах функциональной взаимозависимости. Сотрудничество возникает, когда государства осознанно меняют своё поведение так, чтобы оно соответствовало действительным или ожидаемым предпочтениям контрагентов²⁴. Данная поведенческая модель при её многократном повторении институционализируется, на её основе формируется сеть устойчивых функциональных взаимосвязей, охватывающих различные сферы – от безопасности и экономики до культуры и идеологии. Образованные таким образом ре-

²⁰ Martin, Lisa L.; Simmons, Beth A. Theories and Empirical Studies of International Institutions // *International Organization*, 1998, Vol. 52, No. 4, p. 739.

²¹ Nye, Jr. Joseph S. What New World Order? // *Foreign Affairs*, 1992, Vol. 71, No. 2, pp. 94-96.

²² Martin, Lisa L.; Simmons, Beth A. Theories and Empirical Studies of International Institutions // *International Organization*, 1998, Vol. 52, No. 4, p. 721.

²³ Börzel, Tanja A. Theorizing Regionalism: Cooperation, Integration, and Governance / *The Oxford Handbook of Comparative Regionalism* / Ed. by Börzel T.A., Risse T. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 45.

²⁴ Axelrod, R.; Keohane, R.O. Achieving Cooperation under Anarchy: Strategies and Institutions / *Neorealism and Neoliberalism: The Contemporary Debate.* / Ed. by David A. Baldwin. New York: Columbia University Press, 1993. P. 85.

гиональные интеграционные группировки характеризуются наличием специфических принципов, норм, правил и процедур, регулирующих взаимодействие государств – их участников. Очевидно, что существование общего нормативно-правового контекста, в котором разворачиваются межгосударственные отношения, может рассматриваться как доказательство того, что в данной региональной подсистеме сложилась своя особая идентичность, позволяющая провести чёткую грань между «нами» и «ними» – а, следовательно, она достигла той самой «зрелой» стадии, на которой региональная подсистема преобразуется в региональный комплекс.

Конструктивизм

Анализ региональных интеграционных процессов с позиции теории социального конструктивизма акцентирует внимание на роли коллективных убеждений, общественных условностей и поведенческих практик, возникающих в ходе регионального строительства. В отличие от рационалистических подходов (к которым относятся неореализм и неолиберализм), конструктивизм сфокусирован не только и не столько на формальных институтах, образованных государствами, сколько на неформальных взаимодействиях, стимулируемых различными негосударственными общественно-политическими силами²⁵. С точки зрения конструктивистов, реальное объединение государств возможно только там, где уже существует общая региональная идентичность, которая, по их мнению, является предпосылкой, а не следствием региональной интеграции. Эта идентичность, в свою очередь, складывается в том регионе, где свободно циркулируют идеи, нормы и принципы, сплачивающие региональное сообщество, которые разделяет большинство государств. Таким образом, движущей силой регионализации выступают, в первую очередь, эндогенные факторы, а именно, потребность государств региона в

многостороннем сотрудничестве, выражающаяся в формировании соответствующего социального запроса.

Конструктивисты полагают, что процесс регионального строительства (*region-building*) начинается с выдвижения концептуальной идеи о том, что входящие в данный регион государства объединяет нечто большее, чем просто географическая близость. Как правило, этот идеологический посыл исходит от местных политических элит, заинтересованных в создании регионального межгосударственного объединения. Как отмечает норвежский политолог Ивер Нойман, создатели региона – это «политические акторы, которые в рамках того или иного политического проекта видят свой интерес в том, чтобы вообразить некую пространственную и временную идентичность для региона и распространить плоды своего воображения среди как можно большего числа людей»²⁶. Эта воображаемая реальность, нередко подкрепляемая историческими мифами, начинает воспроизводиться и самовоспроизводиться до тех пор, пока регион (а точнее, региональный комплекс) не станет привычной частью политического дискурса и не начнёт восприниматься как данность самими его обитателями, а также сторонними наблюдателями за его пределами.

Таким образом, конструктивисты рассматривают региональный комплекс в качестве воображаемого сообщества (*imagined community*), рамки которого задаются в ходе общественно-политического дискурса. Региональный комплекс существует лишь до тех пор, пока его существование не ставится под сомнение заинтересованными сторонами; как только дискурс смещается в иную плоскость, это непосредственно отражается на региональной динамике. Соответственно, региональный комплекс представляет собой «процесс в развитии», изучение которого требует поиска ответов на вопросы о том, как и почему он был образован, кто сформулировал критерии его выделения и кто воплотил их в жизнь, кто поддерживает его

²⁵ Börzel, Tanja A. *Theorizing Regionalism: Cooperation, Integration, and Governance / The Oxford Handbook of Comparative Regionalism / Ed. by Börzel T.A., Risse T.* Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 44.

²⁶ Neumann, I.B. *A Region-Building Approach / Theories of New Regionalism: A Palgrave Reader / Ed. by F. Söderbaum and T.M. Shaw.* L.: Palgrave Macmillan, 2003. P. 161.

существование и с какими намерениями, и как он трансформируется под влиянием дискуссий, идущих на эту тему в обществе²⁷. Определение и переопределение границ регионального комплекса – это не просто привилегия неких членов политического истеблишмента или академического сообщества, а естественный процесс его функционирования в текущих пространственно-временных координатах, которые не являются и не могут являться чётко зафиксированными, поскольку они меняются вслед за изменением региональной идентичности.

Идентичность, в свою очередь, также не является чем-то статичным: она постоянно находится в процессе становления²⁸. Для того чтобы понять логику складывания региональной идентичности, финский географ Ансси Пааси предлагает разобрать механизм институционализации регионов, под которым он подразумевает «становление регионов как части социально-пространственной структуры и сознания общества»²⁹. А. Пааси полагает, что «некоторые люди и группы (элиты) специализируются на активном производстве и воспроизводстве регионального сознания, в конечном счёте, благодаря установленным и институционально закреплённым смысловым структурам... Постольку, поскольку этот вопрос лежит в сфере коммуникации, те группы, которые доминируют в данной сфере, очевидно, также доминируют и в области воспроизводства сознания и идей, касающихся природы социально-пространственной реальности»³⁰. Таким образом, элиты, контролирующие региональный общественно-политический дискурс, контролируют тем самым и процессы (де)конструирования региональной идентично-

сти, а, следовательно, и дальнейшую судьбу всего регионального комплекса.

Ставя под сомнение значимость объективных факторов, способствующих формированию регионального комплекса (таких как силовое уравнивание или функциональная взаимозависимость государств, его составляющих), конструктивисты утверждают, что региональная идентичность возникает не там, где для этого имеются рациональные предпосылки, а там, где реализуется соответствующий общественно-политический проект регионального строительства. При этом никаких предварительных условий для создания «с нуля» регионального комплекса не требуется: как отмечает И. Нойман, «всегда можно найти какую-то связь, какую-то предысторию, которая может быть использована, чтобы оправдать включение конкретного актора в конкретный регион»³¹. Таким образом, конструктивисты фактически допускают возможность произвольной социальной инженерии, основанной лишь на субъективном видении элит, кроющихся и перекраивающих социально-политическое пространство мира по своему усмотрению, поскольку именно они, в конечном счёте, выбирают, где будут проходить границы регионального комплекса, какие элементы культурного наследия и исторической памяти его народов нужно возвести в ранг региональных символов, а какие – предать забвению, какие практики следует поощрять, а какие – пресекать.

Вместе с тем, конструктивисты заостряют внимание на ещё одном принципиальном аспекте образования регионального комплекса, а именно, на легитимности действий региональных элит по его продвижению. Как справедливо отмечают британские политологи Эндрю Гэмбл и Энтони Пейн, «легитимность не просто зависит от притязаний сильных; она также зависит от активного согласия слабых»³².

²⁷ Ibid. P. 162.

²⁸ Vøås, M.; Marchand, M.H.; Shaw, T.M. *The Weave-World: The Regional Interweaving of Economies, Ideas and Identities / Theories of New Regionalism: A Palgrave Reader* / Ed. by F. Söderbaum and T.M. Shaw. L.: Palgrave Macmillan, 2003. P. 208.

²⁹ Paasi, A. *The Institutionalization of Regions: A Theoretical Framework for Understanding the Emergence of Regions and the Constitution of Regional Identity* // *Fennia*, 1986, Vol. 164, No. 1, p. 110.

³⁰ Ibid. P. 114.

³¹ Neumann, I.B. *A Region-Building Approach / Theories of New Regionalism: A Palgrave Reader* / Ed. by F. Söderbaum and T.M. Shaw. L.: Palgrave Macmillan, 2003. P. 176.

³² Gamble, Andrew; Payne, Anthony. *The World Order Approach / Theories of New Regionalism:*

Международный институт (норма, режим, организация) является легитимным, если государства считают приемлемым и правильным добровольно подчиняться тем ограничениям, которые он на них накладывает. Американский политолог Айан Хёрд указывает на то, что «легитимность содействует соблюдению требований [международных институтов], предоставляя актору внутреннее основание для того, чтобы следовать тому или иному правилу. Когда актор убеждён, что правило является легитимным, соблюдение его мотивируется уже не просто страхом возмездия или эгоистичными расчётами собственной выгоды, но внутренним чувством нравственного долга: контроль является легитимным в той степени, в которой он одобряется или рассматривается в качестве должного»³³.

Легитимность, по мнению конструктивистов, выступает в качестве основы создания регионального комплекса: «сообщество возникает там, где несколько индивидов разделяют общее понимание того, что является легитимным»³⁴. Легитимность выгодна для сильных игроков, поскольку снижает издержки от прямого подчинения ими остальных участников международных отношений; соответственно, они стремятся навязать им свои ценности и правила игры, согласно которым другие государства должны добровольно признать их право на лидерство/доминирование. Таким образом, концепция легитимности меняет анархический характер международных отношений на более упорядоченный. Как отмечает А. Хёрд, «там, где актор интернализирует правило потому, что считает его легитимным, это правило приобретает для него авторитет... Международная система с авторитетными институтами уже не может считаться “анархической”; и действительно, она демонстрирует многие черты, которые мы обычно ассоциируем с внутренней политикой. Если мы признаём, что авторитетные международные институ-

ты существуют благодаря тому, что государства признают их легитимными, тогда международная система не анархична. В ней появляются сегменты, которые управляются так же, как управляются внутри сами государства, при помощи структур, опирающихся на нормативную силу для претворения в жизнь своих решений»³⁵.

Таким образом, понятие легитимности оказывается тесно связано с концепцией регионального и глобального управления. Нидерландский политолог Эдвард Бест перечисляет такие принципы регионального управления как «добровольное согласие правительств с решениями органа регионального управления», «наличие механизма разрешения споров», «общественная поддержка региональных органов управления» и «интеграция в социальной сфере»³⁶. Последний критерий явно указывает на то, что региональное управление базируется на понимании региона как внутренне интегрированного сообщества – что соответствует нашему представлению о региональном комплексе.

Заключение

Суммируя вышесказанное, постараемся прояснить, что же следует понимать под термином «региональный комплекс». Во-первых, это самостоятельная аналитическая категория, отличающаяся от родственных ей понятий «регион» и «региональная подсистема» тем, что она описывает внутренне интегрированное региональное сообщество, которому присуще коллективное самосознание и, следовательно, общая (само)идентичность. Существование региональных комплексов (правда, объясняя его разными причинами) признают все три магистральных подхода в современной теории международных отношений: неореализм, неолиберализм и конструктивизм. Несмотря на то, что этот термин практически не используется в западной политологии, представляется целесообраз-

A Palgrave Reader / Ed. by F. Söderbaum and T.M. Shaw. L.: Palgrave Macmillan, 2003. P. 59.

³³ Hurd, I. Legitimacy and Authority in International Politics // *International Organization*, 1999, Vol. 53, No. 2. P. 387.

³⁴ Ibid. P. 388.

³⁵ Ibid. P. 401.

³⁶ Best, E. The Assessment of Regional Governance: Principles, Indicators and Potential Pitfalls / UNU-CRIS Working Paper №W-2008/10. Tokyo: United Nations University, 2009. P. 22.

ным и далее применять его для обозначения «зрелой» (то есть в высокой степени интегрированной) региональной подсистемы, как это делают российские исследователи (А.Д. Воскресенский, Е.В. Колдунова, А.А. Киреева и др.³⁷).

Во-вторых, понятие регионального комплекса в большой степени отражает конструктивистскую трактовку понятия «регион», который рассматривается как «развивающееся, трансформирующееся и постоянно воспроизводящееся выражение специфических пространственно-временных отношений и структур, имеющих место в обществе»³⁸. Соглашаясь с конструктивистами в том, что в основе выделения регионального комплекса лежит критерий наличия общей идентичности, укажем, тем не менее, на некоторые недостатки данного подхода. Так, в частности, нельзя согласиться с И. Нойманом в том, что объективные факторы не играют принципиальной роли в выделении регионов: на наш взгляд, региональное самосознание может сформироваться только лишь на базе неких объективных условий, которые и создают основу для региональной саморефлексии. Это могут быть некоторые проблемные узлы, или общая историческая память, или давление извне – в любом случае, что-то должно послужить триггером для формирования региональной (само)идентификации. Одного желания разработчиков регионального проекта здесь явно не достаточно.

В-третьих, своеобразие регионального комплекса проявляется в том, что он, в отличие от региона и региональной подсистемы, обладает собственной субъектностью. Некоторые исследователи (А.Д. Воскре-

сенский³⁹, О.Г. Леонова⁴⁰, Н.А. Васильева, М.Л. Лагутина⁴¹) предлагают обозначать это особое качество регионального комплекса термином «глобальный регион», под которым понимаются «новые активные внутренне интегрированные акторы мировой политики»⁴². Отличительной чертой глобального региона является его способность к согласованному коллективному действию. Таким образом, глобальный

³⁹ См. Мировое комплексное регионоведение: введение в специальность: учебник. / Под ред. проф. А.Д. Воскресенского. – М.: Магистр; ИНФРА-М, 2015. [Mirovoe kompleksnoe regionovedenie: vvedenie v spetsial'nost': uchebnik (World Regional Studies: Introduction to the Field: A Textbook) / Ed. by A.D. Voskressenski. Moscow: Magistr; INFRA-M, 2015.] и другие работы.

⁴⁰ Леонова О.Г. Глобальная регионализация как феномен развития глобального мира // Век глобализации. – 2013. – № 1. – С. 59-66. [Leonova, O.G. Global'naia regionalizatsiia kak fenomen razvitiia global'nogo mira (Global Regionalization as a Phenomenon of Global World's Development) // *Vek globalizatsii*, 2013, No. 1, pp. 59-66.]

⁴¹ Васильева Н.А., Лагутина М.Л. Глобальный евразийский регион: опыт теоретического осмысления социально-политической интеграции. СПб.: Издательство Политехнического университета, 2012. [Vasil'eva, N.A.; Lagutina, M.L. Global'nyi evraziiskii region: opyt teoreticheskogo osmysleniia sotsial'no-politicheskoi integratsii (The Global Region of Eurasia: A Theoretic Understanding of Social and Political Integration). Saint Petersburg: Izdatel'stvo Politekhniceskogo universiteta, 2012]; Лагутина М.Л. Глобальный регион как элемент мировой политической системы XXI века // Сравнительная политика. – 2015. – № 2. – Р. 87-95. [Lagutina, M.L. Global'nyi region kak element mirovoi politicheskoi sistemy XXI veka (The Global Region as an Element of the World Political System of the 21st Century) // *Comparative Politics Russia*, 2015, No. 2, pp. 87-95.]

⁴² Мировое комплексное регионоведение: введение в специальность: учебник. / Под ред. проф. А.Д. Воскресенского. – М.: Магистр; ИНФРА-М, 2015. – С. 185. [Mirovoe kompleksnoe regionovedenie: vvedenie v spetsial'nost': uchebnik (World Regional Studies: Introduction to the Field: A Textbook) / Ed. by A.D. Voskressenski. Moscow: Magistr; INFRA-M, 2015. P. 185.]

³⁷ См.: Мировое комплексное регионоведение: введение в специальность: учебник. / Под ред. проф. А.Д. Воскресенского. – М.: Магистр; ИНФРА-М, 2015. [Mirovoe kompleksnoe regionovedenie: vvedenie v spetsial'nost': uchebnik (World Regional Studies: Introduction to the Field: A Textbook) / Ed. by A.D. Voskressenski. Moscow: Magistr; INFRA-M, 2015.]

³⁸ Paasi, A. The Institutionalization of Regions: A Theoretical Framework for Understanding the Emergence of Regions and the Constitution of Regional Identity // *Fennia*, 1986, Vol. 164, No. 1, p. 116.

регион – это, по сути, региональный комплекс, выступающий в качестве субъекта глобального управления.

Подводя итоги, подчеркнём, что понятие регионального комплекса, несмотря на его практическую невостребованность англоязычными исследователями, заслуживает своего места в русскоязычном политологическом словаре, поскольку позволяет концептуализировать многообещающую сферу международных отношений – региональные и межрегиональные взаимодействия. В этом своём качестве оно постепенно начинает использоваться российскими специалистами для обозначения особой категории региональных подсистем, обладающих собственной субъектностью, основанной на чувстве региональной (само)идентичности, разделяемой населением конкретного региона и вне-региональными наблюдателями. Представляется, что это терминологическое различие является значимым и продуктивным для дальнейшего развития отечественной школы мирового комплексного регионоведения.

Литература:

- Васильева Н.А., Лагутина М.Л.* Глобальный евразийский регион: опыт теоретического осмысления социально-политической интеграции. СПб.: Издательство Политехнического университета, 2012.
- Воскресенский А.Д.* Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. – 2012. – № 2.
- Колдунова Е.В.* Мировое комплексное регионоведение как исследовательский подход и научная дисциплина // Вестник МГИМО-Университета. – 2016. – № 5.
- Лагутина М.Л.* Глобальный регион как элемент мировой политической системы XXI века // Сравнительная политика. – 2015. – № 2. – С. 87-95.
- Леонова О.Г.* Глобальная регионализация как феномен развития глобального мира // Век глобализации. – 2013. – № 1. – С. 59-66.
- Мировое комплексное регионоведение: введение в специальность: учебник. / Под ред. проф. А.Д. Воскресенского. – М.: Магистр; ИНФРА-М, 2015.
- Система, структура и процесс развития современных международных отношений / Отв. ред. В.И. Гантман. – М.: Наука, 1984.
- Хрусталёв М.А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. – М.: Аспект Пресс, 2015.
- Axelrod, R.; Keohane, R.O.* Achieving Cooperation under Anarchy: Strategies and Institutions / Neorealism and Neoliberalism: The Contemporary Debate. / Ed. by David A. Baldwin. New York: Columbia University Press, 1993.
- Best, E.* The Assessment of Regional Governance: Principles, Indicators and Potential Pitfalls / UNU-CRIS Working Paper №W-2008/10. Tokyo: United Nations University, 2009.
- Boàs, M.; Marchand, M.H.; Shaw, T.M.* The Weave-World: The Regional Interweaving of Economies, Ideas and Identities / Theories of New Regionalism: A Palgrave Reader / Ed. by F. Söderbaum and T.M. Shaw. L.: Palgrave Macmillan, 2003.
- Börzel, Tanja A.* Theorizing Regionalism: Cooperation, Integration, and Governance / The Oxford Handbook of Comparative Regionalism / Ed. by Börzel T.A., Risse T. Oxford: Oxford University Press, 2016.
- Boulding, Kenneth E.* Three Faces of Power. Newbury Park, California: Sage Publications, 1989.
- Buzan, B.* People, States, and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era. London: Wheatsheaf Books, 1991.
- Buzan, B.; Wæver, O.* Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Buzan, B.; Wæver, O.; Wilde, J. de.* Security: A New Framework for Analysis. Boulder-London: Lynne Rienner, 1998.
- Gamble, Andrew; Payne, Anthony.* The World Order Approach / Theories of New Regionalism: A Palgrave Reader / Ed. by F. Söderbaum and T.M. Shaw. L.: Palgrave Macmillan, 2003.
- Grieco, Joseph M.* Anarchy and the Limits of Cooperation: A Realist Critique of the Newest Liberal Institutionalism / Neorealism and Neoliberalism: The Contemporary Debate / Ed. by David A. Baldwin. New York: Columbia University Press, 1993.
- Hettne, B.; Söderbaum, F.* Theorising the Rise of Regionness // *New Political Economy*, 2000, Vol. 5, No. 3.
- Hurd, I.* Legitimacy and Authority in International Politics // *International Organization*, 1999, Vol. 53, No. 2.
- Martin, Lisa L.; Simmons, Beth A.* Theories and Empirical Studies of International Institutions // *International Organization*, 1998, Vol. 52, No. 4.
- Neumann, I.B.* A Region-Building Approach / Theories of New Regionalism: A Palgrave Reader / Ed. by F. Söderbaum and T.M. Shaw. L.: Palgrave Macmillan, 2003.
- Nye, Jr. Joseph S.* What New World Order? // *Foreign Affairs*, 1992, Vol. 71, No. 2.
- Paasi, A.* The Institutionalization of Regions: A Theoretical Framework for Understanding the Emergence of Regions and the Constitution of Regional Identity // *Fennia*, 1986, Vol. 164, No. 1.
- Voskressenski, A.D.* Non-Western Theories of International Relations: Conceptualizing World Regional Studies. Palgrave Macmillan, 2017.
- Waltz, Kenneth N.* The Emerging Structure of International Politics // *International Security*. Cambridge, Mass.: Fall 1993, Vol. 18, No. 2.
- Whittlesey, D. et al.* Regional Study with Special Reference to Geography / D. Whittlesey, P.E. James, J. Malin, C.F. Jones, H.H. McCarty, S.B. Jones, R.S. Platt, L.E. Klimm, Kirk Stone, J.R. Whitaker. Washington, D.C.: Division of Geology and Geography, National Research Council, National Academy of Sciences, 1952.

References:

- Axelrod, R.; Keohane, R.O.* Achieving Cooperation under Anarchy: Strategies and Institutions / Neorealism and Neoliberalism: The Contemporary Debate. / Ed. by David A. Baldwin. New York: Columbia University Press, 1993.

- Best, E. The Assessment of Regional Governance: Principles, Indicators and Potential Pitfalls / UNU-CRIS Working Paper №W-2008/10. Tokyo: United Nations University, 2009.
- Bøås, M.; Marchand, M.H.; Shaw, T.M. The Weave-World: The Regional Interweaving of Economies, Ideas and Identities / Theories of New Regionalism: A Palgrave Reader / Ed. by F. Söderbaum and T.M. Shaw. L.: Palgrave Macmillan, 2003.
- Börzel, Tanja A. Theorizing Regionalism: Cooperation, Integration, and Governance / The Oxford Handbook of Comparative Regionalism / Ed. by Börzel T.A., Risse T. Oxford: Oxford University Press, 2016.
- Boulding, Kenneth E. Three Faces of Power. Newbury Park, California: Sage Publications, 1989.
- Buzan, B. People, States, and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era. London: Wheatshaf Books, 1991.
- Buzan, B.; Wæver, O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Buzan, B.; Wæver, O.; Wilde, J. de. Security: A New Framework for Analysis. Boulder-London: Lynne Rienner, 1998.
- Gamble, Andrew; Payne, Anthony. The World Order Approach / Theories of New Regionalism: A Palgrave Reader / Ed. by F. Söderbaum and T.M. Shaw. L.: Palgrave Macmillan, 2003.
- Grieco, Joseph M. Anarchy and the Limits of Cooperation: A Realist Critique of the Newest Liberal Institutionalism / Neorealism and Neoliberalism: The Contemporary Debate / Ed. by David A. Baldwin. New York: Columbia University Press, 1993.
- Hettne, B.; Söderbaum, F. Theorising the Rise of Regionness // *New Political Economy*, 2000, Vol. 5, No. 3.
- Hurd, I. Legitimacy and Authority in International Politics // *International Organization*, 1999, Vol. 53, No. 2.
- Khrustalev, M.A. Analiz mezhdunarodnykh situatsii i politicheskoi ekspertiza (Analysis of International Situations and Political Expertise). Moscow: Aspekt Press, 2015.
- Koldunova, E.V. Mirovye kompleksnoe regionovedenie kak issledovatel'skii podkhod i nauchnaia distsiplina (World Regional Studies as an Analytical Approach and a Scientific Discipline) // *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2016, No. 5.
- Lagutina, M.L. Global'nyi region kak element mirovoi politicheskoi sistemy XXI veka (The Global Region as an Element of the World Political System of the 21st Century) // *Comparative Politics Russia*, 2015, No. 2, pp. 87-95.
- Leonova, O.G. Global'naiia regionalizatsiia kak fenomen razvitiia global'nogo mira (Global Regionalization as a Phenomenon of Global World's Development) // *Vek globalizatsii*, 2013, No. 1, pp. 59-66.
- Martin, Lisa L.; Simmons, Beth A. Theories and Empirical Studies of International Institutions // *International Organization*, 1998, Vol. 52, No. 4.
- Mirovye kompleksnoe regionovedenie: vvedenie v spetsial'nost': uchebnik (World Regional Studies: Introduction to the Field: A Textbook) / Ed. by A.D. Voskressenski. Moscow: Magistr; INFRA-M, 2015.
- Neumann, I.B. A Region-Building Approach / Theories of New Regionalism: A Palgrave Reader / Ed. by F. Söderbaum and T.M. Shaw. L.: Palgrave Macmillan, 2003.
- Nye, Jr. Joseph S. What New World Order? // *Foreign Affairs*, 1992, Vol. 71, No. 2.
- Paasi, A. The Institutionalization of Regions: A Theoretical Framework for Understanding the Emergence of Regions and the Constitution of Regional Identity // *Fennia*, 1986, Vol. 164, No. 1.
- Sistema, struktura i protsess razvitiia sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshenii (System, Structure and Process of Development of the Contemporary International Relations) / Ed. by V. I. Gantman. Moscow: Nauka, 1984.
- Vasil'eva, N.A.; Lagutina, M.L. Global'nyi evraziiskii region: opyt teoreticheskogo osmysleniia sotsial'no-politicheskoi integratsii (The Global Region of Eurasia: A Theoretic Understanding of Social and Political Integration). Saint Petersburg: Izdatel'stvo Politekhicheskogo universiteta, 2012.
- Voskressenski, A.D. Kontseptsii regionalizatsii, regional'nykh podsystem, regional'nykh kompleksov i regional'nykh transformatsii v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniakh (Concepts of Regionalization, Regional Subsystems, and Regional Transformations in the Contemporary IR) // *Comparative Politics Russia*, 2012, No. 2.
- Voskressenski, A.D. Non-Western Theories of International Relations: Conceptualizing World Regional Studies. Palgrave Macmillan, 2017.
- Waltz, Kenneth N. The Emerging Structure of International Politics // *International Security*. Cambridge, Mass.: Fall 1993, Vol. 18, No. 2.
- Whittlesey, D. et al. Regional Study with Special Reference to Geography / D. Whittlesey, P.E. James, J. Malin, C.F. Jones, H.H. McCarty, S.B. Jones, R.S. Platt, L.E. Klimm, Kirk Stone, J.R. Whitaker. Washington, D.C.: Division of Geology and Geography, National Research Council, National Academy of Sciences, 1952.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THEORETICAL APPROACHES
TO DEFINITION OF THE REGIONAL COMPLEX

Ksenia A. Efremova

*MGIMO University,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 20.10.2018</p> <p><i>Accepted:</i> 10.04.2019</p>	<p>Abstract: The paper deals with the analysis of the concept “regional complex” by three mainstream approaches in the IR theory, namely, neorealism, neoliberalism, and social constructivism. In the English-speaking world the concept is mostly associated with the Regional Security Complexes Theory (RSCCT) developed by Barry Buzan and Ole Wæver. However, such understanding reads the concept too narrow. Russian scholars (Alexei D. Voskressenski, Ekaterina V. Koldunova) broaden this understanding by engaging developmental issues. Yet, it seems that the concept “regional complex” still needs further elaboration. The author aims to analyze the use of the concept in the available English and Russian academic literature in order to reveal its scientific value. Having found that existing interpretations do not identify unambiguously the meaning of the “regional complex”, the author suggests her own definition of the regional complex as an integrated (“mature”) regional subsystem, which possesses its own actorness based on the feeling of a specific regional identity that is shared by peoples of the region as well as extra-regional observers. The paper offers an analytic comparison of the notions “region”, “regional subsystem”, “regional complex”. The main conclusion drawn by the author implies that the concept of “regional complex”, virtually ignored by English-speaking academic community, deserves an entry in the Russian political science thesaurus because it helps to conceptualise a promising field of international relations, that is, regional and interregional interaction. It seems that the use of this term is meaningful and productive for further development of the Russian school of World Regional Studies.</p>
<p>About the author: Candidate of Political Science, Associate Professor, Department of Asian and African Studies; Researcher, Center for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, MGIMO University e-mail: efremova@mgimo.ru</p>	
<p>Key words: region; regional subsystem; regional complex; neorealism; neoliberalism; constructivism; World Regional Studies</p>	

Для цитирования: Ефремова К.А. Сравнительный анализ теоретических подходов к определению регионального комплекса // *Сравнительная политика*. – 2019. – №2 – С. 5-19.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10013

For citation: Efremova, Ksenia A. Sravnitel'nyy analiz teoreticheskikh podkhodov k opredeleniyu kompleksa (Comparative Analysis of Theoretical Approaches to Definition of the Regional Complex) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 2, pp. 5-19.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10013

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10014

КИТАЙСКИЙ ПУТЬ – МОДЕРНИЗАЦИОННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КИТАЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ*

Сунь Лэй

Пекинский политехнический институт,
Пекин, Китайская Народная Республика

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 20 декабря 2018 <i>Принята к печати:</i> 25 апреля 2019</p>	<p>Аннотация: В статье рассматриваются «китайский путь» – модернизационная трансформация китайской цивилизации. Показано, что «китайский путь» отражает формирование и развитие новой конфигурации китайской цивилизации. От цивилизационной трансформации к «китайскому пути» проводится поэтапное историческое развитие, были неудачи «совершенствования государственного строительства», победы «революции государственного строительства», успехи «экономического государственного строительства», конструирование «цивилизационного государственного строительства». Социализм с китайской спецификой освобождает и развивает производительные силы, создает социалистическую рыночную экономику, социалистическую демократию, прогрессивную социалистическую культуру, гармоничное социалистическое общество, экокультуру социализма.</p>
<p>Об авторе: к.пед.н., старший преподаватель, Институт марксизма, Пекинский политехнический институт e-mail: 759220970@qq.com</p>	
<p>Ключевые слова: китайский путь; модернизация; трансформация китайской цивилизации; социализм с китайской спецификой; китайская модель</p>	

Введение

«Китайский путь» отражает формирование и развитие новой конфигурации китайской цивилизации. До Опиумных войн китайская цивилизация являлась «китайской традиционной цивилизацией», некоторые считали ее всего лишь проявлением аграрной цивилизации. После Опиумных войн китайская традиционная цивилизация под натиском современной западной цивилизации начала модернизироваться и изменяться, начался процесс ее трансформации в современную цивилизацию с упором на индустриализацию. Продвижение в сторону современной цивилизации – это направленные движения всех цивилизаций.

«Китайский путь» глубоко укоренен в многотысячелетней исторической традиции китайской цивилизации и китайской само-

бытной общественной структуре. Под руководством теории марксизма эта концепция, почерпнувшая основные элементы западной цивилизации, отвечающие основному направлению развития человечества, дала миру иной путь модернизационного развития. Этот путь развития многократно ускоряет трансформацию китайской традиционной цивилизации в современную цивилизацию. На сегодняшний день этот путь уже помог создать не уступающую цивилизации Запада материальную культуру, политическую культуру, общественную культуру, духовную культуру и экологическую культуру, и это – неоспоримый факт. В связи с этим, за границей появилось немало экспертов из политических кругов, которые, либо от зависти, либо от стремления научиться, либо

* Данная статья является промежуточным результатом проекта (№ 17YJC710072) гуманитарно-социального исследования молодежного фонда Министерства образования КНР «Исследование теории и практики нравственного воспитания в период СССР (1917-1956)» и проекта (№ 17KDC015) исследований социальных наук молодежного фонда «Идея генсека ЦК КПК Си Цзиньпина о государственном управлении в оценке русских ученых».

от страха, либо от стремления «захвалить», либо от давления, либо от стремления «облить грязью», пишут книги, описывающие достижения Китая и его проблемы. Это вызывает смешанные чувства, даже некоторое огорчение. И это в ситуации, где все признают тот факт, что и Китай и китайская цивилизация находятся на подъеме.

Каким образом может трансформироваться китайская цивилизация?

Издrevле Китай был просвещенным государством. Китайская традиционная цивилизация насчитывает 5000 лет непрерывного развития и является единственной в своем роде во всем мире: китайские иероглифы все еще продолжают существовать, китайская нация все еще существует. Напротив, культура Древнего Египта, Древней Индии, Древнего Вавилона не только прекратили свое существование, но уже нет и людей, которые являлись бы носителями этих культур.

До Опиумных войн китайская традиционная цивилизация постоянно находилась в процессе обновления, но это было внутреннее бесконечное преобразование. Оно происходило внутри «Великой китайской империи» – цивилизации каждого народа внутри Китая (особенно, аграрная и скотоводческая культуры) постоянно преобразовались, отбрасывали старое и принимали новое. Конечно, этот процесс отбрасывания старого и восприятия нового нельзя назвать трансформацией, но китайская традиционная цивилизация таким образом увеличивалась как снежный ком, становилась более плотной, стала вмещать в себе тысячи явлений, как океан вмещает сотни рек, становилась самобытной и единой. Именно поэтому китайская традиционная цивилизация смогла меняться, смогла отбросить старое и воспринять новое. Китаизация индийского буддизма является хорошим проявлением этого явления. Индийский буддизм проник в Китай, используя свое духовное превосходство, за короткое время покорил души множества китайцев, стал вызовом для традиционной культуры Китая в виде конфуцианского учения. Результатом этого вызова

стало то, что индийский буддизм смешался с китайской культурой, у которой огромная жизнеспособность и возможность воспринимать новое и отбрасывать старое, буддизм превратился неотъемлемую часть китайской цивилизации. Это и есть Китаизация индийского буддизма.

Цивилизация неотделима от культуры. Причина способности китайской цивилизации к трансформации кроется в ее культурном гене. Глубоко укоренившаяся китайская традиция, глубокая и многогранная китайская культура создали серьезную и богатую историческую основу для развития и трансформации общества. С одной стороны, ген китайской культуры имеет устойчивую и неизменную структуру, сохраняет наследие 5000 лет развития китайской цивилизации, с другой стороны, он обладает потенциалом к развитию, что гарантирует прогресс китайской цивилизации. По поводу этой характеристики китайской цивилизации еще в 1919 году Мао Цзедун в «Великом единении народов (3)», опубликованном в «Сянцзянской критике» писал: «Наш китайский народ имеет великую силу! В будущем реформа китайской нации будет доведена до конца. Великое единение китайского народа народностей закончится успешно. Наш золотой и сверкающий мир впереди»¹.

Выше уже говорилось об особом культурном гене китайской цивилизации значении его для устойчивого развития общества. Китайский культурный ген содержит в себе совершенно особенную созидательную силу, к тому же большая его часть в определенном смысле является воплощением одной из составляющих ценностей человечества. Это и является гарантией того, что китайская традиционная цивилизация может успешно трансформироваться. Неоспоримым фактом является то, что в китайской цивилизации помимо этой квинтэссенции культурных генов, есть еще немало того, от чего необходимо избавиться в процессе трансформации.

¹ Ранние работы Мао Цзедуна (на кит.яз.). – Хунань: Народное издательство, 2008. С. 393-394. [Ranniye raboty Mao TSzeduna (The Early Works of Mao Zedong) (in Chinese). Khunan?: Narodnoye izdatel'stvo, 2008. Pp. 393-394.]

Опиумные войны 1840 года привели к тому, что западная модернизация ворвалась в Китай, китайская цивилизация начала погружаться в процесс модернизации. Ведь только через трансформацию можно добиться перерождения. Трансформация проявляется не только в базисе производительных сил и экономики, она также должна проявляться в таких областях, как политическая структура, духовная культура и прочих элементах надстройки. В этот раз вызов столкновения с западной цивилизацией был гораздо более жестким и серьезным для китайской цивилизации, чем вызов столкновения с индийской цивилизацией, который переживался ранее. Однако на протяжении 170 лет мы добились огромного прогресса в процессе цивилизационной трансформации. Под влиянием китайской цивилизации произошла китаизация марксизма. Кроме того, этот процесс породил два великих достижения китаизации марксизма: маоизм и теорию социализма с китайской спецификой. Под руководством этих двух великих достижений государство стало независимым, народ стал свободным, страна стала богатой и могущественной, нация находится в процессе возрождения, а народ – в процессе обогащения.

Конечно же формирование двух великих теоретических систем доказывает только то, что китайская цивилизация может трансформироваться, но совершенно не доказывает, что она может трансформироваться успешно. Трансформация цивилизации это полное жизни явление, это не просто примерка разнообразных цивилизаций на китайскую, не замыкание только на других цивилизациях, особенно западной цивилизации. Западная индустриальная цивилизация в некоторых моментах совершенно очевидно превосходит китайскую традиционную цивилизацию, особенно в том, что касается материальной цивилизации, науки и техники. Однако при впитывании и использовании западного опыта нельзя проводить «тотальную вестернизацию», особенно это касается режима на Западе. В человеческой цивилизации есть определенные вещи, которые имеют характерную «региональность» и «общественный харак-

тер», как говорилось: «Мандарин, растущий к югу от реки Хуай, – это цзюй, мандарин, растущий к северу от реки Хуай, – это цзи. Листья у них похожи, а плоды и вкус отличаются. Что определяет их свойства? Разная почва и вода». Цивилизация, как и мандариновый куст, ведет себя по-разному в разных природных условиях. 30 лет мы находимся в процессе проведения курса реформ и открытости, на самом деле, мы уже восприняли определенный дух западной современной цивилизации, например, концепцию развития, концепцию верховенства права, концепцию рыночной экономики и т.д. Естественно, восприятие происходит не просто, нет догматичного «одалживания», используется способ «адаптации западной культуры при сохранении корпуса китайских ценностей и марксистских идей»², чтобы все это китаизировалось, проявляло в себе китайскую специфику и китайский характер. Однако этого недостаточно для успешной трансформации. Нам следует продолжать в рамках всестороннего углубления реформ и открытости воспринимать и усваивать все наиболее активные компоненты передовых цивилизаций человечества.

Если смотреть с точки зрения трансформации, то уже пройденные сто лет борьбы – всего лишь один исторический этап процесса трансформации китайской цивилизации, который еще далеко не завершен. Процесс китайской цивилизационной трансформации – очень долгосрочное и ответственное дело!

«Китайский путь»: выбор пути трансформации китайской цивилизации

Формирование современной цивилизации – это тенденция исторического развития.

² «Адаптация западной культуры при сохранении корпуса китайских ценностей и марксистских идей» – это научная идея и культурная установка, выдвинутая г-ном Фан Кэли в 2006 году во времена современного идеологического строительства в Китае о связях трех великих научных теорий Китая, запада и марксизма. Эта идея представляет собой «слияние воедино трех «потоков» марксизма как идеи, китайских ценностей как корпуса и западной культуры, и создание из них чего-то нового».

Трансформация китайской традиционной цивилизации в сторону современной цивилизации – это выбранный столетия назад путь, который Китай начал в 1840 году. Цивилизация зиждется на материальной, духовной, политической и ценностной основах. Великое возрождение китайской нации заключается не только в возрождении в материальной плоскости, гораздо более важным является возрождение в духовной, политической и ценностной плоскостях, которые заключаются в демократии, цивилизации и гармонии. Именно по этой причине на протяжении истории китайская традиционная цивилизация оказывалась на перепутье перед лицом выбора маршрута, последний сделанный выбор помог удержать марксизм и социализм в качестве ведущей идеологии и основного порядка трансформации. Опыт показывает, что «китайский путь» является великим путем китайской цивилизационной трансформации. Идя по этому пути, китайская цивилизация непременно сможет успешно осуществить процесс трансформации.

Трансформация Китая в сторону современной цивилизации вовсе не означает отказа от традиционной цивилизации, это не просто критика традиционного цивилизационного порядка, это становление китайского цивилизационного гена, смелое впитывание и использование всех достижений цивилизации человечества, проведение творческой реструктуризации традиционной цивилизации. Начиная с Опиумных войн, Китай не отвергал гуманистическое общечеловеческое содержание западной цивилизации, но и не отказывался от наилучших проявлений китайской традиционной цивилизации. Наоборот, находясь в процессе перестройки, Китай постоянно реализовывал «китайскую специфику», «национальное своеобразие», «специфику эпохи». Начиная с 1840 года китайская традиционная цивилизация столкнулась с невиданным ранее вызовом, с этого момента Китай начал эпоху великих перемен, которых не было несколько тысяч лет. В процессе этих великих перемен, начиная с 1840 года и на протяжении всего 20 века, в Китае происходило слишком много событий, которые тормозили или мешали процессу модернизации Китая. Особен-

но очевидное влияние оказали Опиумные войны, Тайпинское восстание, китайско-французская война 1883 г., восстание ихэтуаней, китайско-японская война 1894 г., вторжение европейских держав в Китай, период японского завоевания Китая, гражданская война между Гоминьданом и КПК, «Культурная революция». Китайский народ познавал западную модернизацию, проходя через эти катастрофические для страны события. «китайский путь» является контрударом Китая и его способом превзойти западную модернизацию, это также означает рост и развитие китайского цивилизационного порядка. От цивилизационной трансформации к «китайскому пути» проводится поэтапное историческое развитие, на котором были неудачи «совершенствования государственного строительства», победы «революции государственного строительства», успехи «экономического государственного строительства», конструирование «цивилизационного государственного строительства».

«Совершенствование государственного строительства» – тупиковая дорога китайской модернизации

«Движение по усвоению заморских дел», «Сто дней реформ», новая политика последних годов династии Цин и установление конституционной монархии, все эти события до Синхайской революции не имели цели затрагивать феодальное самоуправство и императорскую власть, не отрицали феодализма. Это заделывание дыр и попытка улучшения разных сторон политической системы приводили в итоге к неудачам. Почему? Если смотреть с точки зрения экономических факторов, то сторонники улучшения подверглись влиянию капиталистического прогресса производительных сил, однако зачаточные проявления капитализма в то время были только в прибрежных районах, это ничтожное количество прогрессивных производительных сил не могло соревноваться с экономическим эффектом феодальной экономики, которая насчитывала несколько тысяч лет. Если смотреть с точки зрения политических факторов, то представители этого ничтожного количества прогрессивных производительных сил имели очень слабый

потенциал, но надеялись при содействии империализма и с помощью компромисса с действующей властью достичь цели совершенствования государственного строительства. Но это равносильно сказке. Стронники совершенствования также были «близоруки» к основной революционной силе – к народным массам. Они не только отделились от них, но и боялись их, что и привело к поражению идеи совершенствования. Совершенствование не сложилось, оставалась только революция. Если не избавиться от феодальных пережитков, если не выгнать представителей империалистических сил, то государственное строительство не удастся. Если не удастся государственное строительство, то как будет проходить цивилизационная трансформация?

«Революционное строительство» – основа пути китайской цивилизационной трансформации

Постепенно средства революционного строительства были найдены, однако сама революция прошла два этапа. Сначала произошла буржуазно-демократическая революция под руководством Сунь Ятсена, она помогла избавиться от феодального строя, создать Китайскую республику. Демократическо-республиканские идеи глубоко проникли в сердца людей, но демократическо-республиканское государство не соответствовало их истинному стремлению в государственном строительстве. В результате Китай попал в ситуацию междоусобной войны. Демократическая революция капиталистического характера очевидно не подходила Китаю. Грохот Октябрьской революции в России принес в Китай марксизм-ленинизм. В это же время появилась Коммунистическая партия Китая. Китайская революция вошла в новую эпоху, началась новая демократическая революция. Под руководством КПК при помощи создания единого фронта вооруженной борьбы союза рабочих и крестьян борьба велась на протяжении 28 лет. В итоге в 1949 году была основана Китайская Народная Республика. Как говорил Мао Цзедун, именно с этого времени начал подниматься китайский народ. Три года восстановления эко-

номики, три года социалистических преобразований и в 1956 году был основан социалистический строй, завершилась китайская революция. Социалистический строй задал основу для китайской цивилизационной трансформации.

«Экономическое строительство» – материальная основа китайской цивилизационной трансформации

С 1956 года Китай вошел в период всеобъемлющего социалистического строительства. Победа социалистической революции в первую очередь вызвала становление социалистических производственных связей. Производственные отношения определяются производственными силами, производственные отношения высокого уровня не имеют основы в виде производственных сил высокого уровня, такие производственные отношения рано или поздно создают проблемы. Как и следовало ожидать, в последние 30 лет мы совершили много ошибок на пути развития производственных сил и отношений, что привело к тому, что производственные силы и отношения, экономический базис и надстройка, породили большое количество проблем. После завершения «Культурной революции» второе поколение руководителей во главе с Дэн Сяопином осмелилась отбросить идеи «диктатуры пролетариата и непрерывной революции», изменить пути «классовой борьбы как основополагающего элемента», раскрепостить сознание и по-деловому отнестись к идеологической линии. Они вступили на путь реформ и открытости («с основным вниманием к экономическому строительству»). После 30 лет усилий успехи экономического развития Китая привлекли внимание всего мира. К 2010 году наша страна по объему ВВП обогнала Японию и заняла второе место в мире. Совокупная мощь государства увеличилась, международное положение, очевидно, укрепилось. Основываясь на преимуществах китайского строя и тенденциях его развития, многие люди внутри страны и за ее пределами рассчитывают, что примерно в 2025 году экономическая мощь Китая превзойдет американскую и выйдет на первое место в мире.

«Цивилизационное строительство» – культурные и психологические основы пути китайской цивилизационной трансформации

Великое возрождение китайской нации заключается не только в экономическом возрождении, гораздо важнее через экономическое возрождение начать цивилизационную трансформацию с целью осуществить всестороннее возрождение. Ядро всестороннего возрождения – это мораль и культура, это цивилизация. Если Китай не проведет цивилизационную трансформацию, пусть даже и осуществит модернизацию и станет сильным государством, то он будет просто экономически мощным государством и не будет являться могущественной цивилизованной державой на подъеме. Если говорить о китайской мечте великого возрождения китайской нации, то экономическая мощь государства, экономическое строительство – это обязательные условия. Однако богатство и могущество – это всего лишь тело государства, а тело может и состариться, и умереть. Только цивилизация, которая является душой, будет существовать и множиться из поколения в поколение. Если говорить, что наше будущее это только могущественная и богатая страна, которая не имеет морали и ценностей, заслуживающих похвалы, то этот результат не тот, который бы хотели увидеть наши предшественники. По мере укрепления могущества, Китай должен иметь право голоса не только в делах экономики, но иметь влияние и в областях морали и идей, наряду с прочими великими державами. Поэтому богатство и могущество государства всего лишь заложило материальную основу для китайской цивилизационной трансформации.

Великое возрождение китайской нации должно пройти по пути «цивилизационного строительства», только так возможно цивилизационное строительство в государстве. Путь западной модернизации, использующий пушки и капиталистическое оружие в качестве своей главной логики, в процессе распространения по всему миру был обречен на то, что в незападных государствах, особенно в Китае и других восточных стра-

нах с древней культурой восприятие западного пути модернизации не будет востребовано. К тому же, китайская традиционная культура не восприняла западный путь модернизации, более того, Китай избрал марксистский и социалистический путь модернизации, таким образом, подверг критике и перешагнул через западный капиталистический путь модернизации. Это дуалистическое решение: «Китайский путь» не может «принять» и «следовать» сформированной в процессе западной модернизации исторической логике³. «Цивилизационное строительство государства» является традиционным путем в Китае. Причина нескольких тысяч лет существования китайской империи заключается в том, что с помощью деятелей культуры и нравственных людей этикет Поднебесной основывался не на захватывании земель, а на покорении Поднебесной, чтобы сформировать империю. После 1840 года китайское традиционное «цивилизационное строительство» было окончательно сломлено, страна докатилась до полукOLONиального положения. Китайская нация при насильственном вторжении западной цивилизации прошла через мучительный путь, с помощью революционных средств смогла основать социалистическое государство, с помощью реформ и открытости стремилась к возрождению «цивилизационного строительства», ускорила цивилизационную трансформацию. Больше тридцати лет успехов реформ и открытости показывают, что путь социализма с китайской спецификой, выдвинутый на 17 съезде КПК, после того, как все прояснилось, – ускорить развитие китайской цивилизационной трансформации «цивилизационного строительства». Доклад на 17 съезде КПК четко определил коренные причины наших успехов и прогресса, которые сводились к прокладыванию пути социализма с китайской спецификой.

³ Цзоу Шипэн. Китайский путь и практическая философия Китая (на кит. яз.) // Марксизм и реальность. – 2012. – № 6. [Zou Shipeng. Kitayskiy put' i prakticheskaya filosofiya Kitaya (na kit. yaz.) (The Chinese Way and the Practical Philosophy of China (in Chinese)) // Marksizm i real'nost'. – 2012. – № 6.]

Путь социализма с китайской спецификой – истинный маршрут «цивилизационного строительства»

Путь социализма с китайской спецификой – это принципиальный успех 90 лет борьбы, созидания и накопления сил партии и народа. Китай не пошел по старому пути закрытия страны, также не избрал порочный путь смены курса, он пошел по нашему новому пути – по пути социализма с китайской спецификой. 18-й съезд КПК дал полноценное научное определение этому пути, а именно «социализм с китайской спецификой под руководством КПК определяет положение дел в стране, уделяя основное внимание экономическому строительству, придерживается четырема коренными принципами, курсу реформ и открытости. Он освобождает и развивает производительные силы, создает социалистическую рыночную экономику, социалистическую демократию, прогрессивную социалистическую культуру, гармоничное социалистическое общество, экокультуру социализма, поощряет всестороннее развитие человека, поэтапно реализует общее благосостояние всего народа, создает зажиточное, демократическое, гармоничное, современное, социалистическое государство». Главная задача строительства социализма с китайской спецификой в том, что реализовать социалистическую модернизацию и великое возрождение китайской нации, идти по пути социализма с китайской спецификой.

Основа цивилизации – в культуре. Каким образом появился путь развития социализма с китайской спецификой в результате процесса развития цивилизации китайского народа в течение 5000 лет? В основном благодаря реформированию и трансформации культуры. «Китайский путь» движется в соответствии с возрождением страны, с реальностью революции, строительства и осуществления курса реформ и открытости в Китае, а также в соответствии с опытом 5000 лет культуры Китая. Если отойти от этой реальности и от культуры, то из этого «ничего не выйдет». В то же время, все происходит без отрыва от прогрессивной цивилизации, которая создана человеческим

обществом. «Китайский путь» появляется на стыке западной капиталистической культуры и китайской традиционной культуры, в основе которой – конфуцианская культура. Это путь, который появляется в результате стыка европейского марксизма, советского ленинизма, влечения китайского народа к освобождению и независимости, стремления к мощному государству и благосостоянию народа. Изнутри это касается нескольких систем взаимоотношений Китая и Запада, Китая и третьего мира, социализма и капитализма, китайской традиции и модернизации.

В 1840 году китайская традиционная культура столкнулась с западной капиталистической культурой, в процессе обороны терпела одну неудачу за другой и находилась в слабом положении. Вопрос о том, как возродить китайскую культуру, стал занимать умы образованных людей. После поражения Синьхайской революции, особенно в период Движения за новую культуру, передовые интеллектуалы Китая пытались, используя западную науку и демократические идеи провести реформу китайской традиционной культуры способом «отбрасывания», а именно отбросить пассивные элементы и развивать позитивные моменты. Феодалная культура, которая сопротивлялась науке и демократии, подверглась критике, культура, совпадающая с научными и демократическими идеями, получила возможность реформироваться и возродиться. Успех Движения за новую культуру усилил распространение в Китае идей марксизма-ленинизма. Китайский народ, перебирая и впитывая в себя разнообразные социально-политические течения с Запада, в конце концов остановил свой выбор на наиболее прогрессивном направлении в мире – марксизме-ленинизме. Широкое распространение марксизма-ленинизма и восшествие на политическую арену рабочего класса из Движения 4 мая способствовали становлению Коммунистической партии Китая. С этого момента КПК осознала, что на нее возложена историческая задача по реформированию и трансформации китайской культуры. Как только была создана КПК, большое внимание уделялось культурному строительству. Мао Цзедун

во время пребывания в Яньане всесторонне описал новодемократическую культуру. В своем труде «О новой демократии» он выдвинул концепцию строительства антиимпериалистической, антифеодальной, национальной, научной, массовой культуры. В своей основе новодемократическая культура – это революционная культура под руководством марксизма-ленинизма. Именно в условиях такой культуры, наша страна одержала победу в новодемократической революции и социалистической революции. Вместе с этим, Китай вступил в эпоху всестороннего строительства социализма, кроме того, сформировал собственную культуру социалистического строительства. Во время проведения курса реформ и открытости, китайская культура развилась в передовую культуру социализма с китайской спецификой. КПК из людей, продолжающих и развивающих китайскую традиционную культуру, сделала представителей, инициаторов и катализаторов развития передовой культуры социализма с китайской спецификой.

Каким образом во время проведения курса реформ и открытости КПК, находясь в авангарде политической и культурной жизни, могла распознавать и управлять диалектическими связями между китайской традиционной культурой и мировой современной культурой?

Во-первых, как воспринимался марксизм? Марксизм пришел из Европы, является иностранной культурной идеологией. Однако марксизм впитал в себя результаты развития мировой цивилизации и имеет мировое значение. Ленин говорил: « в марксизме нет ничего похожего на «сектантство» в смысле какого-то замкнутого, застенелого учения, возникшего в стороне от столбовой дороги развития мировой цивилизации. Напротив, вся гениальность Маркса состоит именно в том, что он дал ответы на вопросы, которые передовая мысль человечества уже поставила»⁴. Энгельс в труде «Проис-

хождение семьи, частной собственности и государства» так комментировал свободу, равенство и братство: свобода, равенство и братство – это лозунги буржуазии, но это вовсе не прерогатива марксизма, зарождение этих простых ценностей началось на начальном этапе исторического развития человечества, на этапе родовой общины. После вступления в общество частной собственности, и особенно в капиталистическое общество, буржуазия создала фальшивый ореол свободы, равенства и братства. Это не есть ошибка свободы, равенства и братства, это результат капиталистического строя. Только тогда, когда наступит будущее нашего общества, а именно коммунизм, ценности начального периода человеческого общества: свобода, равенство, братство, «возродятся в более высокой форме»⁵. Это и есть открытость марксизма. Именно по причине открытости, марксизм, зародившись на западно-европейской капиталистической почве, смог расцвести за пределами западной Европы, особенно на Востоке, в Китае. КПК, придерживаясь марксизма, «использует его в соответствии с китайскими особенностями», «позволяет этим идеям воплощаться в Китае, при этом каждое проявление должно иметь китайские черты»⁶, кроме того, партия сформировала два проявления китаизации марксизма при осуществлении китайской революции, строительства и курса реформ и открытости, а именно теоретические системы маоизма и социализма с китайской спецификой. Осуществление «китайского пути» показывает, что истинность марксизма заключается не только в раскрытии универсальных законов развития истории человечества, но и в том, что он

⁴ Собрания сочинений В.И. Ленина (на кит. яз.). Том 2. – Пекин: Народное издательство, 1995. – С. 309. [Sobraniya sochineniy V.I. Lenina (Collected Works of V.I. Lenin) (in Chinese). Vol 2. Peking: Narodnoye izdatel'stvo, 1995. P. 309.]

⁵ Полное собрание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса (на кит. яз.). Том 4. – Пекин: Народное издательство, 2009. – С. 198. [Polnoye sobraniye sochineniy K. Marksa i F. Engel'sa (Complete Works of K. Marx and F. Engels) (in Chinese). Vol 4. Peking: Narodnoye izdatel'stvo, 2009. P. 198.]

⁶ Избранные сочинения Мао Цзедунa (на кит. яз.). Том 2. – Пекин: Народное издательство, 1991. – С. 534. [Izbrannyye sochineniya Mao TSzeduna (Selected Works of Mao Zedong) (in Chinese). Vol. 2. Peking: Narodnoye izdatel'stvo, 1991. P. 534.]

учит китайских людей «искать свой путь, идти по собственному пути». С тем пор, как китайские люди избрали марксизм, творческий дух китайских людей стал расцветать, «китайский путь» стал расширяться⁷.

Во-вторых, как воспринимается западная культура? После 1840 года в мире существовала тенденция того, что «мощный исторический тренд в том, что его последователи процветают, его противники гибнут», уже невозможно было оставаться в стороне. Китай был уже тесно связан с мировыми державами. Китаю было необходимо бросить вызов западной цивилизации, в процессе исторической и глобальной современной трансформации он должен был осмыслить, впитать и вынести суждение о западном опыте и пойти по своему пути китайской модернизации. В то время «если бы захотели найти в китайской традиции достаточные духовные ресурсы, развить ее движущую силу, чтобы спасти Китай, то вероятность этого была бы очень мала, основы для этого не было»⁸. В условиях, когда стало ясно, что китайская традиционная цивилизация не была той единственной силой, которая бы могла помочь Китаю завершить трансформацию в сторону современной цивилизации, люди стали невольно обращать внимание на разнообразные идеологические течения Запада, например, либерализм, утопический социализм, национализм, сциентизм, практицизм, позитивизм, анархизм. Эта смена друг за другом идейных течений была как

шумная и беспорядочная череда мимолетных событий. Однако содержащиеся в этих идеях позитивные компоненты понемногу усваивались. Например, в то время интеллигенция и политическая элита подражали современному западному формату «создания зла», но при этом, выдвинули концепцию «сохранения корпуса китайских ценностей при адаптации западной культуры». «Корпус» лучшей китайской традиционной культуры должен иметь «китайское для Китая» в качестве ядра, «адаптировать» западное учение для достижения богатства Китая. На протяжении более 170 лет Китай переживал перипетии поиска формулы связей между «корпусом» и «адаптацией», и только после этого пришло осознание того, что «корпус» и «адаптация» могут меняться, а перемена значит создание нового в процессе наследования и перенимания. Путь модернизации, созданный социализмом с китайской спецификой, есть сочетание «нового корпуса» китайской традиционной цивилизации и «новой адаптации» западной рыночной экономики. Это сочетание означает, что китайская модернизация не может следовать и на самом деле не следует западному пути модернизации, но нельзя не признать, что на протяжении длительного времени процесс китайской модернизации более или менее, осознанно или не осознанно, использовал западную модель модернизации в качестве системы координат, постоянно преследуя цель социалистической модернизации.

В-третьих, как воспринимается китайская традиционная культура? Никто не спорит, что китайской традиционной культуре необходима модернизация. Как модернизироваться? Проходя через трудности. Как ранее некоторые ученые выдвигали идею «адаптации западного при сохранении корпуса китайских ценностей», это и есть разумный и эффективный способ воспринимать китайскую традиционную культуру. Однако, сохраняя «корпус китайских ценностей», необходимо придерживаться трех принципов, а именно, искоренить недуг феодальной закрытости китайской традиционной культуры и поощрять ее современный характер; искоренить косность традиционной культуры и поощрять созидательность; искоренить оторванность

⁷ Чэнь Чжэнькай. Столетие Синхайской революции: великое идеологическое освобождение: «Китайский путь» добился мирового признания» (на кит. яз.) // Жэньминь Жибао Интернешнл, 30 сентября 2011. [Chen' Chzhen'kay. Stoletiyе Sin'khayskoy revolyutsii: velikoye ideologicheskoye osvobodzheniye: «Kitayskiy put'» dobilsya mirovogo priznaniya» (The Centenary of the Xinhai Revolution: The Great Ideological Liberation: "The Chinese Way" Has Got Global Recognition) (in Chinese) // *Zhen'min' Zhibao Interneshnl*, 30 Sep. 2011.]

⁸ Ду Вэймин. Современная мораль и конфуцианские традиции (на кит. яз.). – Шанхай: Издательство Саньянь, 1997. – С. 317. [Du Veymin. *Sovremennaya moral' i konfutsianskiye traditsii* (Modern Morality and Confucian Traditions) (in Chinese). Shangkay: Izdatel'stvo San'lyan', 1997. P. 317.]

от реальности и поощрять практичность. На самом деле, начиная с курса реформ и открытости, Коммунистическая партия Китая в основном и следовала этим трем принципам в отношении традиционной культуры. К примеру, Дэн Сяопин выдвигал идею «малого благоденствия», Цзян Цземинь выдвигал идею «нравственного управления», Ху Цзиньтао – идею «гармоничного общества» и «гармоничного мира», также и Си Цзиньпин выдвигал идею «китайской мечты» на 18-м съезде КПК. Одновременно с этим, эти инновации проявляют в себе идеи марксизма, они впитали в себя позитивные элементы, которые способствуют развитию человечества, кроме того, они показывают тенденцию трансформации китайской цивилизации по сближению регионального и глобального. Например, проявление системы главных ценностей. Система главных ценностей всесторонне олицетворяет «дух марксизма, адаптацию западного при сохранении китайских ценностей». В особенности, те ключевые ценностные представления, которые были выдвинуты 18 съездом КПК, показывают процесс трансформации региональной китайской цивилизации в сторону глобальной. На уровне отдельного человека выдвинуты понятия «патриотизма, преданности работе, добросовестности и дружбы», на уровне всего общества – понятия «свободы, равенства, справедливости и верховенства права», на уровне государства – понятия «мощи, демократии, цивилизации и гармонии». Таким образом традиционные китайские культурные ценности «нравственного совершенствования», «порядка в доме», «управления государством», которые заложены в каждом человеке, семье и государстве, развиваются и выходят на уровень глобальных «мировых» ценностей человечества. Эти как бы 24 иероглифа на атласе общих человеческих ценностей, можно сказать, что они успешно перестраивают и переформируют систему цивилизационных ценностей «китайской национальной эпохальной специфики», интегрируя «традиционный Китай», «современный Китай», «глобальный Китай» в эту систему «три в одном». Си Цзиньпин, выступая 17 февраля 2014 года на открытии семинара для руководящих кадров среднего звена по всестороннему углублению реформ на третьем пленуме

18 съезда КПК, подчеркнул: «Необходимо развивать государственную систему управления и модернизацию потенциала управления, необходимо культивировать систему социалистических ценностей и общечеловеческих ценностей, ускоренно создавать особую систему ценностей с китайской и национальной спецификой». «Необходимо усиленно развивать потенциал лучших китайских традиций, необходимо реализовывать высокую степень инновационности китайских традиций, культивировать культурный дух, который существует вне времени и пространства, имеющий современные ценности, неизменную притягательную силу. Необходимо распространять результаты современной инновационной китайской культуры, которая продолжает устоять традиционной китайской культуры и развивает дух времени, а также помогает становлению нашего государства»⁹. 24 февраля во время 13-го коллективного учебного семинара Политбюро ЦК КПК Си Цзиньпин вновь подчеркнул, что развитие и культивирование социалистических ценностей должно опираться на китайскую традиционную культуру: «Великая духовная китайская традиционная культура является тем фундаментом, который помогает нам твердо стоять на ногах в рамках мировой культуры. Китайская культура имеет долгую историю, за это время накопились глубокие духовные устремления китайской нации, это показывает особую духовную специфику китайской нации, что помогает ее развитию из поколения в поколение и духовной подпитке для этого развития. Традиционная китайская добродетель является квинтэссенцией китайской культуры, источником богатой идейной нравственности». Он также отметил: «Только

⁹ Си Цзиньпин. Совершенствовать и развивать строй социализма с китайской спецификой, развивать систему управления государства и управленческого потенциала (на кит. яз.) // Жэньминь Жибао, 18 февраля 2014. [Si TSzin'pin. Sovershenstvovat' i razvivat' stroy sotsializma s kitayskoy spetsifikoy, razvivat' sistemu upravleniya gosudarstva i upravlencheskogo potentsiala (To Improve and Develop the System of Socialism with Chinese Characteristics, to Develop the System of Government Management and Management Potential) (in Chinese) // *Zhen'min' Zhibao*, 18 Feb. 2014.]

помня о прошлом, можно прокладывать дорогу в будущее, только перенимая наследие, можно создать что-то инновационное». «Отбрасывание традиций, потеря корней – это подобно перерубанию духовных артерий». «Историко-культурное наследие и, в особенности, ценности и нравственные нормы, полученные от предыдущих поколений, необходимо использовать на пользу современности, но сохраняя при этом критический подход, применять избирательно, перенимать, отбрасывая лишнее, использовать духовное богатство китайской нации для обучения». Особая созидательность, ценностные ориентиры и яркая самобытность китайской традиционной культуры, которые формировались несколько тысяч лет, являются основной духовной артерией, с помощью которой формируются культурная самоуверенность и ценностная самоуверенность нашей цивилизационной трансформации и «становления цивилизованного государства».

Путь социализма с китайской спецификой, с одной стороны, показывает, что нет «универсальной мировой цивилизации» – мировая цивилизация многообразна. С другой стороны, показывает, как КПК успешно завершила путь «революционного строительства государства» с китайской спецификой, приблизилась к завершению пути специфического «экономического становления государства». Если смотреть на современные тенденции, «экономическое становление государства» не имеет особых проблем, этот путь под силу завершить. Однако можно ли довести до конца «культурное становление государства»? Эта проблема требует усилий и борьбы. В период 30 лет процветания во время курса реформ и открытости мы отстали в осуществлении цивилизационного строительства. ВВП возрос, однако нравственность упала, идеалы были утрачены, ценности потеряны, экология ухудшилась. Может ли реально возвысится государство, у которого потеряна «цивилизация», однако есть подъем «мощи»? Боюсь, у всех, у центральных и местных властей, у людей высокого и низкого социального положения, у партийцев и простых людей, будет один и тот же ответ на этот вопрос: таким образом невозможно реально возвысится.

У КПК в течении 30 лет, пока ВВП рос, нравственность падала, идеалы были утрачены, ценности потеряны. Не было заблуждений и отчаяния на этот счет, эту проблему не отбросили, наоборот, партия бесстрашно идет вперед и смотрит в лицо трудностям, ориентируется на массы, использует прошлый опыт, обобщает его и дает распоряжения для решения проблем, добивается очень хороших результатов, по крайней мере «нравственность, идеалы, система ценностей и экология» в основном сохраняются. Новое партийное руководство продвигается по пути социализма с китайской спецификой, постоянно основывается на новой исторической обстановке и решает проблемы, своевременно корректирует стратегию управления государством, приспосабливается к постоянно меняющейся ситуации в мире, стране и партии. После 18-го съезда КПК, в особенности после того, как третий пленум ЦК КПК выдвинул концепцию «модернизации системы управления государством и управленческого потенциала», объединив содержание доклада 18-го съезда и содержание 3-го пленума, а также учитывая несколько выступлений Си Цзиньпина, можно понять, что стратегия КПК по управлению государством трансформируется от «экономического становления государства» к «цивилизационному установлению государства». Это взгляд с точки зрения цивилизационного развития, который переустанавливает цели развития Китая и его отношения с миром.

«Пройденные 90 ли из пути в 100 ли составляют лишь половину», настал всесторонний прорыв курса реформ и открытости, когда 3-ой пленум ЦК КПК выдвинул 330 рекомендательных мер в 15 областях, в которых существуют проблемы и подводные камни, и путь социализма с китайской спецификой вышел на новый уровень развития.

Иной путь модернизации возможен и осуществим

Начиная с Опиумных войн, великое возрождение китайской нации стало лейтмотивом развития Китая. У возрождения две цели одна – благосостояние, вторая – цивилизация. Благосостояние – это базис и структура цивилизации, если нет благо-

состояния, то откуда взятая цивилизация; цивилизация – это одновременно и исток, и конечная цель благосостояния, если нет цивилизации, а благосостояние только увеличивается, то далеко на этом не уйдешь. Возрождение цивилизации вовсе не является просто возвращением к старой культуре, это трансформация китайской цивилизации и выход ее на новый уровень. В мире, который управляется западными развитыми капиталистическими государствами, Китаю уже нет возможности пойти по их пути, чтобы стать развитым государством. Этот путь китайский народ не одобрит, 170 лет истории развития Китая доказывают это. Путь империализма тоже не будет одобрен, достаточно посмотреть на отношение американского президента Обамы на возвышение Китая. В 2010 году в своем выступлении в Австралии он отметил, что «если Китай будет развиваться по той же модели, что и Америка, и Австралия, то это будет катастрофой для всего мира, этого не выдержит наша планета, Китай должен развиваться по иной модели»¹⁰. Сигнал, исходящий от Обамы таков: вы, развивающиеся государства, должны выбрать другой формат жизни, который бы гарантировал, что наш западный формат жизни не ухудшится.

Китай не пойдет по пути западной модернизации. А что это за путь – путь западной модернизации? Энгельс в своей книге «Положение рабочего класса в Англии» провел глубокий анализ этой проблемы: внутри страны проходил мизантропический процесс огораживания, который оставил людей без крова. За пределами страны шла активная колониальная экспансия, шло масштабное вторжение и захват других государств. По свидетельствам источников, в период с 1876 года по 1900 год колониальная империя Англии выросла с 22 млн 476 тыс кв. км, до 32 млн 713 кв. км, прирост составил 10 млн 237 тыс. кв. км. До Второй мировой войны Великобритания контролировала одну пя-

тую поверхности суши и четверть населения Земли. Великобритания не просто таким образом осуществляла модернизацию, можно сказать, что начиная с 15 века, цивилизация развитых стран Запада основывалась на эксплуатации и захвате, их западная модернизация основывалась на экспроприации земли у местных крестьян, эксплуатации рабочих, захватах, расширении, колонизации и даже агрессивной войне. Путь западной модернизации испещрен кровью и наполнен злодеяниями.

Китай и не вступал на путь западной модернизации. Победа Новодемократической революции в Китае объявила завершение «века унижений Китая». Китайский социализм заложил основу для осуществления китайской модели модернизации. Социализм с китайской спецификой – это путь «стремления к модернизации и отказа от вестернизации», это неизбежно для государства, в котором как и в Китае не хватает экономической культуры. Это самостоятельный путь развития, который Китайская Компартия и китайский народ выработали на основе реальности своей страны. Также можно сказать, что путь социализма с китайской спецификой вовсе не продолжает «советскую модель», успешно избегает влияния теорий «зависимости», «центризма», «вестернизации» и прочих идей, которые использует капитализм. Социализм с китайской спецификой развивается самостоятельно, он приобретает к мировому сообществу, ориентируется на будущее и шаг за шагом ищет то, что подходит китайским реалиям. Кроме того, он следует историческому течению социализма с китайской спецификой, творчески подходит к ошибкам и неудачам, которые возникают на пути полувекковой истории китайской модернизации, успешно преодолевает те сложности, которые возникают на современном этапе перед развивающимися государствами¹¹.

Дэн Сяопин отмечал, что основным духом третьего пленума 11-го созыва ЦК

¹⁰ Ян Ин, Ван Сяоцян. Дэн Интао: модернизация для большинства (на кит.яз.) // Типография Гонконга. – 2012. – № 1. [Yan In, Van Syaotsyan. Den Intao: modernizatsiya dlya bol'shinstva (Dan Intao: Modernization for the Majority) (in Chinese) // *Tipografiya Gonkong*, 2012, No. 1.]

¹¹ Шэнь Юньсо. Теория китайского формата (на кит.яз.). – Пекин: Народное издательство, 2007. – С. 418. [Shen' Yun'so. Teoriya kitayskogo formata (Theory of Chinese Format) (in Chinese). Pekin: Narodnoye izdatel'stvo, 2007. P. 418.]

КПК является самостоятельное мышление, политический курс формируется именно из этой реальности. «В Китае строится социализм. В марксизме не был найден правильный путь, равно как и в ленинизме. Каждое государство имеет особые условия, свой собственный опыт, поэтому надо мыслить самостоятельно»¹². Конечно, мы подчеркиваем, что ищем собственный путь развития, но мы вовсе не проводим модернизацию, закрывая границы, мы только говорим, что не можем перенимать и копировать модель развития и опыт других государств.

Путь социализма с китайской спецификой соответствует общественным реалиям и закономерностям социального развития Китая, в полной мере использует то пространство, которое предоставлено ему мировой историей. Кроме того, благодаря ему совершается правильный выбор нового направления развития, которое предоставлено историей человечества.

Этот верный выбор обусловлен непрерывным поиском и глубокими познаниями. В 1954 году 1-й съезд ВСНП выдвинул идею «четырех модернизаций». В 1958 году «Большой скачок» заставил нашу экономику сделать рывок, но не продвинул ее вперед. В 1975 году 4-й съезд ВСНП снова выдвинул концепцию осуществления «четырех модернизаций» в конце XX века. В 1976 году возникло движение по «критике Дэна и отпору реабилитации правоуклонистов». В 1978 году третий пленум 11-го созыва постановил сместить фокус партийной работы на строительство социалистической модернизации. С этого момента Китай встал на путь модернизации социализма с китайской спецификой. Если бы не было 30 лет опыта до начала курса реформ и открытости, то КПК продолжала бы блуждать в потемках при осуществлении модернизации. «Говоря о понимании строительства социализма, нужно иметь процесс. Необходимо появ-

ляться из реальности, от неопытности приходиться к опыту, от малого опыта приходиться к большому опыту, от этого признанного царства необходимости, строительства социализма, постепенно переходить к свержению слепоты, признавать объективные закономерности, через это получать свободу, через признание рождается скачок развития вверх, достигается царство свободы»¹³. Социализм с китайской спецификой, начатый Дэн Сяопином, именно так постепенно и появился. На сегодняшний день, достигло ли «царства свободы» это понимание Китайской Компартии «подходящего китайской ситуации» «пути модернизации по китайской модели»?¹⁴ Едва ли. Однако постепенно это состояние приближается, это неоспоримо.

Если смотреть с точки зрения пути модернизации, социализм с китайской спецификой реализуется через курс реформ и открытости. Рыночная экономика является основным рычагом изменений. Используются преимущества социализма и эффективность рыночной экономики для обновления. Цель модернизации благосостояния, демократии, цивилизации и гармонии становится все ближе. Есть ученые, которые рассматривают путь модернизации через социализм с китайской спецификой как «способ человечества отделаться от оков неоллиберализма и изобрести другое практическое руководство для мира»¹⁵. Это довольно неплохое опреде-

¹² Собрание избранных произведений Дэн Сяопина (на кит.яз.). Том 3. – Пекин: Народное издательство, 1993. – С. 260. [Sobraniye izbrannykh proizvedeniy Den Syaopina (The Collection of Selected Works of Deng Xiaoping) (in Chinese). Vol. 3. Pekin: Narodnoye izdatel'stvo, 1993. P. 260.]

¹³ Собрание сочинений Мао Цзэдуна (на кит.яз.). Том 8. – Пекин: Народное издательство, 1999. – С. 300. [Sobraniye sochineniy Mao TSzeduna (Collected Works of Mao Zedong) (in Chinese). Vol. 8. Pekin: Narodnoye izdatel'stvo, 1999. P. 300.]

¹⁴ Собрание избранных произведений Дэн Сяопина (на кит.яз.). Том 2. – Пекин: Народное издательство, 1993. – С. 163. [Sobraniye izbrannykh proizvedeniy Den Syaopina (Collection of Selected Works by Deng Xiaoping) (in Chinese). Vol. 2. Pekin: Narodnoye izdatel'stvo, 1993. P. 163.]

¹⁵ Ван Цзяньцзюнь. Третий пленум 18 созыва открыл новые горизонты для китайского пути (на кит.яз.) // Ляован, Еженедельный новостной журнал, 11 ноября 2013. [Van TSzyan'tszyun'. Tretyy plenum 18 sozyva otkryl novyye gorizonty dlya kitayskogo puti (The Third Plenum of the 18th Convocation Opened up New

ление. Анализируя опыт латиноамериканских государств, понятно, что путь модернизации под руководством неолиберализма для западных государств является способом свысока навязать странам Азии, Африки и Латинской Америки другой путь модернизации, который служит целям именно этих западных государств. Это путь иллюзий. Коммунистическая партия Китая может избавиться от оков неолиберализма, поскольку существует историческая необходимость исторического выбора марксизма в качестве руководящей теории для трансформации Китая в сторону модернизации и возрождения китайской нации. Марксизм зародился в капиталистических государствах Западной Европы, его основное свойство в том, что при его реализации раскрывается незападный и выше, чем западный социалистический путь модернизаций. «Путь социализма с китайской спецификой», реализующейся под руководством марксистской теории, – это превосходный способ для мира, побеждающий вопрос западной модернизации и превосходящий западную модернизацию, а также обновляющий проблему марксистской модернизацией и имеющий китайскую специфику. Если анализировать текущую обстановку, то этот способ реально можно осуществить. Китай на протяжении всего XX века прошел путь противостояния и опережения капитализма: революционными методами изгнал иностранных захватчиков, выгнал группировки бюрократов и капиталистов на Тайвань, через курс реформ и открытости и с помощью глобализации в мире капиталистической системы смог впитать в себя все достижения цивилизации человечества и осуществить собственное перерождение. Китай стал экономически великой державой и, таким образом, заработал себе еще большее право голоса на мировой арене.

Если подробно изучить путь развития китайской модернизации, то становится понятно, что он в некоторых аспектах ее развития использует передовой опыт и самые эффективные методы других способов модернизации. Однако, тем не менее, он стоит

на принципе внутренних потребностей самого государства, что выявляет особенности этого пути: первое, это определенные способы развития, отличные от западного, второе – это избегание всех трудностей, которые выпали на долю западной модернизации.

Курс реформ и открытости проводится в Китае уже более 30 лет, его результаты привлекают внимание всего мира. Сейчас реформы в Китае достигли очень высокого уровня, широта, глубина и сложность реформ увеличиваются. Так 7 февраля 2014 года Си Цзиньпин во время эксклюзивного интервью в российском г. Сочи говорил: курс реформ и открытости в Китае идет уже более 30 лет, уже дошел до высокой стадии. Можно сказать, что легкий этап, когда все довольны, мясо уже съедено, остались только твердые кости. Необходима большая смелость, чтобы проводить реформы и двигаться вперед, смело брать на себя ответственность и справляться с трудностями, смело смотреть в глаза опасности. Нужно твердо идти вперед к четко определенной цели, чтобы не совершать необратимых ошибок. У нас есть большая смелость и поступь тверда, потому что у нас есть вера. Мы преисполнены верой в себя, т.к. после долгих исканий мы нашли подходящий китайским условиям путь социализма с китайской спецификой. КПК следует лишь опираться на 1,3 миллиардное население Китая, твердо идти по своему пути. Таким образом партия сможет справиться со всеми трудностями, будет делать все новые успехи и, наконец осуществит возрождение китайской нации и социалистическую модернизацию.

Заключение

18-й и 19-ый съезды КПК выдвинули обобщенную формулировку «пяти в одном», которая поместила концепцию «строительства экоцивилизации» в центр процесса обогащения народа, связала ее с долгосрочными планами национального будущего. Участники съезда предложили поместить строительство экоцивилизации на видное место, связать это строительство с многосторонним процессом экономического, политического, культурного становления. Кроме того, съезд сформулировал всесто-

Horizons for the Chinese Way) (in Chinese) // *Lyaovan, Yezhenedel'nyy novostnoy zhurnal*, 11 Nov. 2013.]

ронный план строительства экоцивилизации, предложил «усиленно продвигаться к новой эпохе социалистической экоцивилизации». Экоцивилизация является формой трансформации индустриальной культуры, которую Китай предлагает всему миру, зашедшему в тупик. Экоцивилизация и такие идеи китайской выдающейся традиционной экокультуры, как «единство человека и природы», «гармоничного сосуществования» и «любви к природе», имеют природную однородность и высокую степень совпадения. Экоцивилизация была предложена Китаем и содержит китайский цивилизационный ген. Такого рода трансформация приведет к существенным изменениям развития мира, где пока выживает только сильнейший и который развивается под руководством западных стран.

Китай уже вступил в фазу страны со средним доходом. Каким образом избежать «ловушки среднего дохода» и продолжать идти по пути западной затратной и энергоемкой индустриализации? Это неосуществимо. Китаю необходим мирный расцвет. Китай не может повторить западный путь индустриализации. Необходимо проложить новый путь. Конечно, если говорить о Китае, который находится на последнем этапе индустриальной цивилизации, вызовы впереди очень велики, однако и возможностей тоже много. Сейчас в Китае новый цивилизационный период, который и называется этапом экоцивилизации.

Во-первых, после тридцати лет со времен начала курса реформ и открытости Китай использовал рыночную экономику на глобальной платформе, чтобы сократить разрыв по уровню индустриализации с западными странами, и в результате стал второй экономикой мира. Во-вторых, в процессе индустриализации Китай накопил множество проблем и противоречий, влияющих на процесс развития. Интенсивная индустриализация привела к высокому уровню загрязнения и растрачиванию ресурсов, например, загрязнению воды, смогу в городах, истощению недр и т.д. Все это угрожает существованию китайской нации. В-третьих, Китай вступил в фазу, когда срочно необходимо менять модель развития. Поэтому на-

чало новой эпохи экоцивилизации является великой исторической возможностью для возрождения китайской нации.

Новое руководство Китая ведет страну к «новому этапу социалистической экоцивилизации». «Новой эпоха экоцивилизации» – это новый идеологический ответ. Этот ответ «является открытием..., показателем всестороннего развития современной цивилизации после периода развития [традиционной] науки, а также является величайшей идеей 18-го съезда»¹⁶. Начиная в 18-го съезда ЦК уже начал работать в этом направлении. Улучшение жизненного уровня населения, регулирование структуры экономики, изменение системы оценки кадров по уровню ВВП, увеличение строгости штрафов и контроль за загрязнением окружающей среды заводами, усиление защиты окружающей среды и прочие законы, затрагивающие экоцивилизацию, уже действуют.

На 19-ом съезде КПК внесена идея генсека ЦК КПК Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи. Как он говорил: «со времени вступления социализма с китайской спецификой в новую эпоху, противоречие между постоянно растущими потребностями народа в прекрасной жизни и неправомерностью и неполнотой развития стало основным противоречием китайского общества». Си Цзиньпин указал 14 основополагающих принципов социализма с китайской спецификой новой эпохи. Он подчеркнул, в ближайшие 5 лет Китай будет обращать особенное внимание на вопросы окружающей среды и развития экоцивилизации страны.

Путь социализма с китайской спецификой как новая эпоха экоцивилизации, является сложной темой для объяснения развития человеческого общества, но так осуществляется цивилизационный путь поступательного

¹⁶ Ван Цзяньцзюнь. Третий пленум 18 созыва открыл новые горизонты для китайского пути (на кит.яз.) // Ляован, Еженедельный новостной журнал, 11 ноября 2013. [Van TSzyan'tszyun'. Tretiy plenum 18 sozyva otkryl novyye gorizonty dlya kitayskogo puti (The Third Plenum of the 18th Convocation Opened up New Horizons for the Chinese Way) (in Chinese) // *Lyao van, Yezhenedel'nyy novostnoy zhurnal*, 11 Nov. 2013.]

развития Китая и мира. Он является продолжением идей научного развития, выдвинутого новым китайским руководством. 400 лет развития традиционной индустриальной цивилизации дало человечеству невиданное ранее богатство и экономическое процветание, однако в то же время она вызвала загрязнение воздуха, ухудшение окружающей среды, истощение ресурсов. Человеческое общество не может не развиваться, однако не может больше применять временные меры, которые усугубляют ситуацию – в конце концов, у нас в распоряжении только один земной шар. Социалистическая экоцивилизация является важной составляющей социалистического пути, она представляет собой новый тип цивилизации, совмещающий в себе идеи китайской экоцивилизации и западной индустриальной цивилизации. Она совмещает развитие индустриализации и защиту экологии, выстраивает быстрый и хороший путь индустриализации нового типа, создает прекрасный Китай, где «синее небо, зеленая трава и чистая вода», дает человечеству новый цивилизационный путь поступательного развития¹⁷. Если смотреть с этой точки зрения, путь социализма с китайской спецификой не только дает миру новый формат развития, но и новую форму цивилизации.

Литература:

Ду Вэймин. Современная мораль и конфуцианские традиции (на кит. яз.). – Шанхай: Издательство Саньлянь, 1997.

Избранные сочинения Мао Цзедун (на кит. яз.). Том 2. – Пекин: Народное издательство, 1991.

Исследование центра Теоретической системы социализма с китайской спецификой Центральной партийной школы. Неизбежность эпохи Китайского пути (на кит. яз.) // Цюйши. – 2013. – № 20.

Полное собрание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса (на кит. яз.). Том 4. – Пекин: Народное издательство, 2009.

¹⁷ Исследование центра Теоретической системы социализма с китайской спецификой Центральной партийной школы. Неизбежность эпохи Китайского пути (на кит. яз.) // Цюйши. – 2013. – № 20. [Issledovaniye tsentra Teoreticheskoy sistemy sotsializma s kitayskoy spetsifikoy Tsentral'noy partynoy shkoly. Neizbezhnost' epokhi Kitayskogo puti (Study of the Center of the Theoretical System of Socialism with Chinese Characteristics of the Central Party School. The Inevitability of the Era of the Chinese Way) (in Chinese) // *Tsyuyshi*, 2013, No. 20.]

Ранние работы Мао Цзедуна (на кит. яз.). – Хунань: Народное издательство, 2008.

Си Цзиньпин. Совершенствовать и развивать строй социализма с китайской спецификой, развивать систему управления государством и управленческого потенциала (на кит. яз.) // Жэньминь Жибао, 18 февраля 2014.

Собрание избранных произведений Дэн Сяопина (на кит. яз.). Том 2. – Пекин: Народное издательство, 1993.

Собрание избранных произведений Дэн Сяопина (на кит. яз.). Том 3. – Пекин: Народное издательство, 1993.

Собрание сочинений Мао Цзедуна (на кит. яз.). Том 8. – Пекин: Народное издательство, 1999.

Собрания сочинений В.И. Ленина (на кит. яз.). Том 2. – Пекин: Народное издательство, 1995.

Хе Синьюань. Китайский путь – иной путь модернизации (на кит. яз.). – Фуцзянь: Народное издательство, 2014.

Цзоу Шунэн. Китайский путь и практическая философия Китая (на кит. яз.) // Марксизм и реальность. – 2012. – № 6.

Чэнь Чжэнькай. Столетие Синьхайской революции: великое идеологическое освобождение: «Китайский путь» добился мирового признания» (на кит. яз.) // Жэньминь Жибао Интернешнл, 30 сентября 2011.

Шэнь Юньсо. Теория китайского формата (на кит. яз.). – Пекин: Народное издательство, 2007.

Ян Ии, Ван Сяоцян. Дэн Интао: модернизация для большинства (на кит. яз.) // Типография Гонконга. – 2012. – № 1.

References:

Chen' Chzhen'kay. Stoletiyе Sin'khayskoy revolyutsii: velikoye ideologicheskoye osvobodzheniye: «Kitayskiy put'» dobilsya mirovogo priznaniya» (The Centenary of the Xinhai Revolution: The Great Ideological Liberation: "The Chinese Way" Has Got Global Recognition) (in Chinese) // *Zhen'min' Zhibao Interneshnl*, 30 Sep. 2011.

Du Veymin. Sovremennaya moral' i konfutsianskiye traditsii (Modern Morality and Confucian Traditions) (in Chinese). Shangkay: Izdatel'stvo San'lyan', 1997.

Issledovaniye tsentra Teoreticheskoy sistemy sotsializma s kitayskoy spetsifikoy Tsentral'noy partynoy shkoly. Neizbezhnost' epokhi Kitayskogo puti (Study of the Center of the Theoretical System of Socialism with Chinese Characteristics of the Central Party School. The Inevitability of the Era of the Chinese Way) (in Chinese) // *Tsyuyshi*, 2013, No. 20.

Izbrannyye sochineniya Mao TSzeduna (Selected Works of Mao Zedong) (in Chinese). Vol. 2. Pekin: Narodnoye izdatel'stvo, 1991.

Khe Sin'yuan'. Kitayskiy put' – inoy put' modernizatsii (He Xinyuan, the Chinese Way – a Different Way of Modernization) (in Chinese). Futszyan': Narodnoye izdatel'stvo, 2014.

Polnoye sobraniye sochineniy K. Marksa i F. Engel'sa (Complete Works of K. Marx and F. Engels) (in Chinese). Vol 4. Pekin: Narodnoye izdatel'stvo, 2009. P. 198.

Ranniye raboty Mao TSzeduna (The Chinese Way and the Practical Philosophy of China) (in Chinese). Khunan': Narodnoye izdatel'stvo, 2008. Pp. 393-394.

Ranniye raboty Mao TSzeduna (The Early Works of Mao Zedong) (in Chinese). Khunan': Narodnoye izdatel'stvo, 2008. Pp. 393-394.

Shen' Yun'so. Teoriya kitayskogo formata (Theory of Chinese Format) (in Chinese). Pekin: Narodnoye izdatel'stvo, 2007.

Si TSzin'pin. Sovershenstvovat' i razvivat' stroy sotsializma s kitayskoy spetsifikoy, razvivat' sistemu upravleniya gosudarstva i upravlencheskogo potentsiala (To Improve and Develop the System of Socialism with Chinese Characteristics, to Develop the System of Government Management and Management Potential) (in Chinese) // *Zhen'min' Zhibao*, 18 Feb. 2014.

Sobraniya sochineniy V.I. Lenina (Collected Works of V.I. Lenin) (in Chinese). Vol. 2. Pekin: Narodnoye izdatel'stvo, 1995.

Sobraniye izbrannykh proizvedeniy Den Syaopina (Collection of Selected Works by Deng Xiaoping) (in Chinese). Vol. 2. Pekin: Narodnoye izdatel'stvo, 1993.

Sobraniye izbrannykh proizvedeniy Den Syaopina (The Collection of Selected Works of Deng Xiaoping) (in Chinese). Vol. 3. Pekin: Narodnoye izdatel'stvo, 1993.

Sobraniye sochineniy Mao TSzeduna (Collected Works of Mao Zedong) (in Chinese). Vol. 8. Pekin: Narodnoye izdatel'stvo, 1999.

Yan In, Van Syaotsyan. Den Intao: modernizatsiya dlya bol'shinstva (Dan Intao: Modernization for the Majority) (in Chinese) // *Tipografiya Gonkonga*, 2012, No. 1.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10014

THE CHINESE PATH – MODERNIZATION TRANSFORMATION OF THE CHINESE CIVILIZATION

Sun Lei

*Beijing Institute of Technology,
Beijing, China*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 01.12.2018</p> <p><i>Accepted:</i> 25.04.2019</p>	<p>Abstract: The article deals with “Chinese path” – modernization transformation of the Chinese Civilization. It is shown that “Chinese path” reflects the formation and development of a new configuration of Chinese civilization. From civilizational transformation to “the Chinese path” is the gradual historical development, was the failure “to improve the state of construction of the” victory “of the revolution state-building”, the success of the “economic state-building”, constructing a “civilizational state-building”. Socialism with Chinese characteristics liberates and develops the productive forces, creating a socialist market economy, socialist democracy, advanced socialist culture, harmonious socialist society, eco-culture of socialism.</p>
<p>About the author: Dr. of Pedagogy, Lecturer, School of Marxism, Beijing Institute of Technology</p> <p>e-mail: 759220970@qq.com</p>	
<p>Key words: Chinese path; modernization; socialism with Chinese characteristics; transformation of the Chinese civilization; the Chinese model</p>	

Для цитирования: Сунь Лэй. Китайский путь – модернизационная трансформация китайской цивилизации // *Сравнительная политика*. – 2019. №2 – С. 20-36.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10014

For citation: Sun Lei. Kitayskiy put' – modernizatsionnaya transformatsiya kitayskoy tsivilizatsii (The Chinese Path – Modernization Transformation of the Chinese Civilization) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 2, pp. 20-36.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10014

ИНДО-ТИХООКЕАНСКИЙ ПОСТАТЛАНТИЗМ

Алла Бекмухамедовна Каримова

*Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова
Российской академии наук,
Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 15 марта 2019 <i>Принята к печати:</i> 25 апреля 2019</p>	<p>Аннотация: Исходя из цели исследования (теоретизирование функционального моделирования геостратегического региона), привлечены характеристики исторических стратегий, примененных в бассейнах Атлантического, Тихого и Индийского океанов. В процессе отбора единиц площади прогнозируемого дизайна апробирован конструкт «сопряжение»*, введенный в петлю обратной связи между проблемой создания региона, средствами ее решения, теориями, концепциями, документами и событиями. Выделен прикладной аспект футурологического комплекса. Предложено <i>определение геостратегического региона</i>, сделаны предположения о его функциональной роли в условиях четвертой промышленной революции, в которой регионы выступают мутагенами международной среды. развития отечественной школы мирового комплексного регионоведения</p>
<p>Об авторе: д.полит.н., главный научный сотрудник, ИМЭМО РАН; профессор, кафедра политической социологии, Российский государственный гуманитарный университет e-mail: albecar@yandex.ru</p>	
<p>Ключевые слова: сопряжение; Средний и Ближний Восток; Муссонная Азия; Индо-Тихоокеанский регион/Indo-Pacific; постатлантизм; геостратегический регион</p>	

Методология исследования

С появлением соглашений, устанавливающих правовой порядок трансграничного взаимодействия, региональное пространство стало фактом международной среды. Объемы, которые занимают региональные отношения в международном переговорном процессе и стратегической деятельности, доказывают, что регион стал частью одной из сложнейших проблем теории и практи-

ки межгосударственных отношений – становления нового международного порядка, определившись как цель и средство стратегии доминирования.

Анализ региональных конструкций в практике международных отношений (Европейский Союз, Центральная Азия, Северный регион, Средний и Ближний Восток) показал, что они организованы как про-

* Связанность, сопряженность (connectedness) – базовое понятие теории сетей, охватывающее все действия по созданию взаимосвязанных коммуникаций. Термин широко используется в исследованиях цифровой глобализации, для построения индексов международной торговли (см., напр.: Manyika, J.; Lund, S.; Bughin, J.; Woetzel, J.; Stamenov, K.; Dhruv, Dh. Digital Globalization: The New Era of Global Flows. Report McKinsey Global Institute, February 2016. Mode of access: <https://www.mckinsey.com/business-functions/digital-mckinsey/our-insights/digital-globalization-the-new-era-of-global-flows>), применяется как измеритель экономической плотности региональных пространств и интенсивности трансграничных связей, как руководящий принцип построения интегрированных продуктов, актуализирован в документах ЕС и США. Структура связанности/плотности (connectivity) играет важную роль как в раскрытии функциональной архитектуры, так и организации региона. Североамериканский стратегический аналитик А.-М. Слотер, исследуя воздействие феномена на сферу международных отношений, определяет connectedness как меру могущества современного государства (см.: Slaughter, A.-M. The Chessboard and the Web: Strategies of Connection in a Networked World. Yale University Press, 2017. 304 p. Slaughter, A.-M. Connections, not Armies, make Countries Powerful. April 18, 2016. Mode of access: <https://www.ft.com/content/21973144-0544-11e6-9b51-0b5e65703ee>; Слотер Э.-М. Преимущество Америки (America's Advantage). 14 ноября 2009 г. Режим доступа: http://globalaffairs.ru/number/n_14034).

странство одной или нескольких функций, обеспечивающих решение конкретной проблемы¹.

В международном пространстве феномен региона одним из первых выделил русский географ-энциклопедист В.П. Семенов-Тянь-Шанский (1870-1942). Опираясь на методологию, представляющую географию как ландшафтную оболочку Земли, ученый рассматривал регион как многообразие соотношений и взаимоотношений, вызванных взаимодействием между обществом и природой. Основными элементами его конструкции являются пространство, границы (место смены явлений, рубежи и пределы), движение и человеческое измерение (антропогенный фактор). Исследователь эмпирически установил вариабельность практики построения региона. Он пришел к выводу, что конструкторы регионов могут как создавать необходимые качества, так и лишать объект, присущих ему признаков, «меблируя» географический ландшафт типами территориального передвижения народов².

Таким образом, регион – это результат диверсифицированного взаимодействия внутренней жизни и внешнего окружения, система движения, структура лояльности и цели.

Использование региона как пространственной формы локализации и решения социальной проблемы принадлежит Чикагской школе социологии. На протяжении XX в. значение региональных исследований непрерывно возрастало в экономической сфере. Авторы Средне-Азиатского экономического района Ю.И. Пославский и Г.Н. Черданцев нашли решение проблемы развития через создание сети водоснабжения. С ирри-

гационной точки зрения вся Средняя Азия – «одно целое вне каких бы то ни было административных и политических границ, т.к. водные артерии настолько велики и важны для всего района, что немислимо использовать даже небольшую часть из них, чтобы это не отразилось на жизни всей Средней Азии»³. Найденный ими принцип связанности – водные артерии – обеспечил успех модернизации и постоянный рост показателей основных сфер жизнеобеспечения среднеазиатских советских республик. В постсоветское время водные споры между республиками превратились в негативный фактор интеграционных процессов, обнаружив не только бинарные свойства экономической регионализации, но и изъяны линейной модели американского экономиста Б. Балаши. Вместе с тем как западная (жесткая институциональная схема, Европейский союз), так и азиатская (слабоструктурированная, АСЕАН) дают немало аргументов в пользу вывода В.П. Семенова-Тянь-Шанского о ненадежности экономического крепежа в региональных конструкциях. В то же время миграционный кризис Европейского союза подтверждает верность его предположения о важности управляемого распределения человеческих потоков в регионально организованном пространстве.

Являясь конкретным территориальным фрагментом, регион обладает способностью интегрировать, разграничивать, распределять, организовывать и трансформировать архитектуру глобальной взаимозависимости, т.е. служить переходным или захваченным пространством. Таким образом, «природные» свойства региона позволяют использовать его как технологию *стягивания* (ограничения) и *растягивания* (расширения) политического влияния отдельных акторов международных процессов. Отмеченная специфика показывает, что в глобальном информационном поле регион «выполняет» функции стратега.

¹ Каримова А.Б. Региональное пространство в современной политической организации мира. – М.: ИВ РАН, 2006. – 206 с. [Karimova, A. Regional'noe prostranstvo v sovremennoj politicheskoy organizacii mira (Regional Space in the Modern Political Organization of the World). Moscow: IV RAN, 2006. 208 p.]

² Семенов-Тянь-Шанский В.П. Район и страна. – Москва, Ленинград. Государственное издательство, 1928. – С. 9-28. [Semenov-Tyanshanskij, V.P. Rajon i strana (The Region and the Country). Moscow, Leningrad. Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1928. 311 p.]

³ Средне-Азиатский экономический район. Под ред. Ю.И. Пославского и Г.Н. Черданцева. – Ташкент: ТЭС, 1922. – С. 53. [Sredne-Aziatskiy ekonomicheskiy rayon (Central Asian Economic Region). Ed. by YU.I. Poslavski, G.N. Cherdantsev. Tashkent: TES, 1922. P. 53.]

Региональная конструкция, как вода, воздух, силовой баланс и баланс силы не имеет постоянной формы. Следовательно, – конвенциональных границ. Вместе с тем в процессе создания международных регионов (глобальная регионализация) возникают нормы взаимодействия партнеров одного уровня: «ведущих субъектов международных отношений и их агентов, действующих на основании полученных прав и полномочий»⁴.

Регион как конструкция влияния возник вместе с центрами, обозначившими свои претензии на наднациональную власть в заданном пространстве. К концу XX в. феномен стал основным объектом анализа в североамериканских стратегических исследованиях, выясняющих условия, при которых локальные факторы начинают взаимодействовать с политическими целями и управлять пространством в «несуществующих» границах.

Практика показывает: наиболее функциональной конструкцией для балансирования является международный регион, как пространство, которое всегда стремится к пересечению политических и административных границ, нарушая и «вмешиваясь» в регламенты соседствующих суверенитетов. Вероятно, это следует отнести к особым условиям строительства регионов, предусматривающих новые функции поведения в сфере политики, экономики, торговли. На этот признак указывал Х. Маккиндер, оценивая в 1904 г. возрастающую мобильность власти России, которую, по его мнению, необходимо было разрушить *любой возможной социальной революцией*⁵. Эта особенность

⁴ Косолапов Н.А. Глобализация: от миропорядка к международно-политической организации мира / Богатуров А.Д., Н.А. Косолапов, М.А. Хрусталева. Очерки теории и политического анализа международных отношений. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2002. – С. 316. [Kosolapov, N.A. Globalizaciya: ot miroporjadka k mezhdunarodno-politicheskoj organizacii mira (Globalization: from the World Order to the International Political Organization of the World). Moscow: Scientific and educational forum on international relations, 2002. P. 316.]

⁵ Mackinder, H.J. The Geographical Pivot of History // *The Geographical Journal*, 1904, Vol. 23, No. 4, p. 436.

наиболее рельефно характеризует прибрежные пространства – литораль, где океаническая и сухопутная *системы мобильности власти* становятся единым операционным целым или прерываются.

Само по себе пространство универсально. Территория, где сочетаются стратегические активы нескольких наций, становится пространством региональных балансов. Так, в ближневосточной конструкции «Соединенные Штаты движутся между четырьмя крупными региональными державами – Ираном, Саудовской Аравией, Израилем и Турцией – поддерживая друг друга в вечном балансировании»⁶. Иными словами, стратегический крепеж конструкции регионально организованного пространства «держится» на лидере, выстроившим иерархию баланса сил.

Наблюдения позволяют утверждать: строительным материалом геостратегического региона являются горы, моря, дороги, транспортные средства, оружие, демография/миграция, технологии, экономика, конфликт и воля/стратегия актора к реализации национального интереса в пространственном замысле. Его главная функция – функция доминирования, распоряжающаяся сложной формой обороны и развития целевой территории.

Сопрягая почти полтора столетия два океана (Атлантический и Индийский), Великобритания обрела статус мировой державы, контролируя самые известные мировые торговые пути (в Индию и на Дальний Восток). Однако ее способность обеспечивать заданную функцию начала снижаться к концу XIX столетия и значительно сократилась с появлением трех конкурентных коммуникаций – континентальной сети российских железных дорог (Транссибирская и Евро-Азиатская), панамского связывания Атлантического с Тихим океаном (1920 г.) и военно-торговой логистики морских перевозок – материального выражения идеологии доминирования Соединенных Штатов в Западном полушарии.

⁶ Friedman, G. Coming to Terms With the American Empire, 14.04.2015. Mode of access: <https://www.financialsense.com/contributors/georgefriedman/coming-to-terms-with-american-empire>

Одна из самых известных и изученных – модель Среднего и Ближнего Востока (регион между Индией и Аравийским полуостровом), описанная А. Мэхэном в 1902 г., по сути, совпадает с рельефом *Indo-Pacific*, но более миниатюрная и с другим «младшим союзником». С1995 г. Средний и Ближний Восток «вместе с Ираном и Афганистаном именуется ...Большой Ближний Восток»⁷. Пространственные аналогии не оставляют сомнений, что *Indo-Pacific* – глобальная итерация британской модели Средний Восток (см. *Рис. 1*).

Рис. 1. Эволюция моделей мирового доминирования на основе морского превосходства

Pic. 1. Evolution of world-dominated models of world domination

Серьезность намерения, вызревшего в североамериканском экспертном сообществе задолго до официального термина «Индо-Тихоокеанский регион», засвидетельствовано четырьмя пространственными событиями – отказом от Транстихоокеанского партнерства, выходом из Трансатлантического объединения; усилением военной составляющей присутствия в Южной и Юго-Восточной Азии, комплектованием Индо-Тихоокеанского командования ВМС (2018 г.). Заявленный проект, осуществление которого предположительно завершиться через 60 лет, отражает совокупное видение США своей роли в Европе, Азии, Евразии и Африке, где «каждый из этих регионов требует участия и лидерства Америки»⁸. Этот

⁷ Каплан Р. Месть географии. Что могут рассказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного / пер. с англ. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2016. – С. 126. [Kaplan, R. Mest' geografii. Chto mogut rasskazat' geograficheskie karty' o gryadushhix konfliktax i bitve protiv neizbezhnogo (The Revenge of Geography. What the Map Tells Us About Coming Conflicts and the Battle Against Fate) / Transl. from Eng. Moscow: KoLibri, Azbuka-Attikus, 2016. P. 126.]

⁸ Clinton, H. America's Pacific Century. October 11, 2011. America's Pacific Century. Mode of

контекст определяет Индо-Тихоокеанскую литораль как пространство верификации американского могущества.

Акваториальная активность глобальных игроков заставила Россию внести Индоокеанское направление (наряду с Атлантическим, Арктическим, Тихоокеанским, Каспийским и Антарктическим) в национальную морскую стратегию.

С позиций регионостроительства Индо-Тихоокеанская конструкция представляет самостоятельный научный интерес. Актуальность исследования феномена востребована необходимостью методологии осмысления геопро пространственной стратегии, сопрягающей морские и береговые пути океанов.

Квадрига

Разрабатывая стратегию поведения мировой державы, североамериканские теоретики пришли к выводу, что основным ресурсом доминирования являются «региональные и глобальные балансы без узурпации внутреннего суверенитета», в рамках которых есть возможность «создавать ситуации, когда другие страны хотят делать то, что в интересах США»⁹.

Нет сомнений, что *создание ситуаций, когда другие страны хотят делать то, что в интересах США*, является прикладным приоритетом индо-тихоокеанской инициативы. Его реализация предполагает масштабирование стратегической глубины, требующей выравнивания нагрузки и создания пространственных преимуществ с целью обретения/возвращения статуса мировой державы. *Выравнивание нагрузки* выразиться в восприятии объединенной Европы как экономического конкурента с амбициями центра силы, давления на нее через создание конфликтных отношений с Россией, деидеологизации Атлантической хартии и восприятия реальности сквозь призму *Indo-Pacific*. *Создание пространственных преимуществ* вызовет кризис институтов, поддерживаю-

access: <https://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century>

⁹ Metz, S. How to Tell If America Will Remain a Global Superpower. Mode of access: <https://www.worldpoliticsreview.com/articles/13741/how-to-tell-if-america-will-remain-a-global-superpower>

щих архитектуры Азиатско-Тихоокеанского и Атлантического регионов¹⁰. *Обретение/возвращение статуса мировой державы* произойдет в случае признания Россией, Китаем и Индией гегемонистской роли Соединенных Штатов.

Американский проект сопряжения двух океанов вызревал в ходе инициированного Японией (С. Абэ) четырехстороннего диалога *Quadrilateral Security Dialogue (Quad)* между Австралией, Индией, Соединенными Штатами и Японией (2007 г.). Японская опция построить *Free and Open Indo-Pacific* получила быструю реакцию североамериканского аналитического сообщества, с тревогой наблюдавшего за трансформацией региональных отношений в Азии. Вскоре оценки того, что стратегическая озабоченность войнами в Ираке и Афганистане и системой атлантической безопасности отвлекли США от серьезных сдвигов власти в Азиатско-Тихоокеанский регионе, были включены в политический дискурс.

Характер этих изменений, грозящих Штатам второстепенной ролью в ключевых стратегических вопросах в АТР, рельефизирован в конструкте *iAsia*¹¹ («Азия шести и»). Три первых «и» – *Integrating, Innovating, Investing* – отражая качество развития азиатского сообщества в целом, тезисно аргументируют и актуализируют проблему *постатлантизма*:

– «Эпицентром мировой власти больше не является Атлантика, а Тихий океан»¹²,
– интегрированная Азия превратит США в периферию.

Следующие три категории аналитической платформы *iAsia* – *Insecurity, Instability, Inequality* – инструменты Индо-Тихоокеанского сопряжения.

iAsia – формализованное будущее Азии интерпретируется как глобальная угроза, устранить которую способна *запряженная четверка демократиями* (Австралия, Ин-

дия, США и Япония) *квадрига*¹³ или единый геостратегический комплекс.

Некоторые элементы *Indo-Pacific* были намечены Ф. Тёрнером (стратегическая константа тихоокеанского развития США), А. Мэхэном («проблема Азии» с Китаем в центре Азии и Японией в центре Тихого океана), Н. Спайкменом (географические инструменты контроля береговых территорий афро-азиатских и арабских стран, Индии и Китая¹⁴), в рекомендациях Х. Маккиндера («больше не думать о Европе, но об Азии и Африке»¹⁵), актуализировавшего Северную Америку как один из четырех «геополитических островов», сжимающих Мировой остров/Евразию (см. *Рис. 2*).

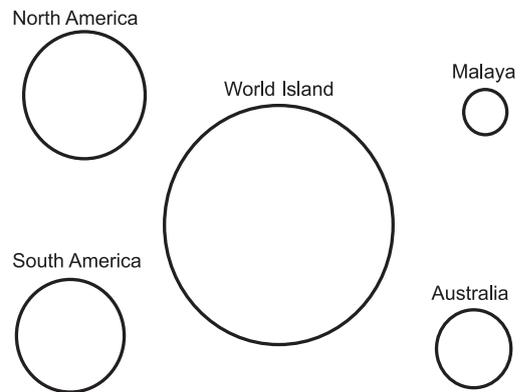

Рис. 2. Графическое пояснение Х. Маккиндера основной идеи его геополитической концепции¹⁶

Pic. 2. Graphic explanation by H. Mackinder of the main idea of his geopolitical concept

В аналитической конструкции британского географа представлены четыре региона (Европа, Средний Восток и две муссонные земли), которые можно «вскрыть» морским проникновением. Возможность проникновения в недоступные «для океанского судоходства»¹⁷ (регионы Арктики и

¹⁰ С этих позиций британский брексит видится как стратегическая реакция на *Quad*.

¹¹ Campbell, K.M., Patel, N., Singh V.J. The Power of Balance: America in iAsia. June 2008. Center for a New American Security. Washington. 6 p.

¹² Ibid.

¹³ Квадрига (*quadrigae*, лат.) – «четверка» (*quattuor*), *jungere* – «соединять», *jugum* – «упряжка».

¹⁴ Spykman, N.J. *America's Strategy in World Politics*. New York: Harcourt, Brace & Co., 1942.

¹⁵ Mackinder, H.J. *Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction*. New York: Henry Holt and Company. 1919. P. 91.

¹⁶ Ibid. P. 84.

¹⁷ Mackinder, H.J. *Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction*. New York: Henry Holt and Company. 1919. P. 93.

континентального дренажа, измеряющих «почти половину Азии и четверть Европы»), Х. Маккиндер нащупал в муссонных переходах Центральной Азии. На этом географическом допущении Н. Спайкмен смоделировал Римленд.

Наблюдатели отметили военно-морское присутствие США в Тихоокеанском регионе (1832 г.) задолго до концептуального оформления тихоокеанского вектора развития США. Ко времени появления концепции «западного мира» (1896 г., Ф. Тёрнер) подразделения ВМС страны уже контролировали стратегический перекресток (Филиппины, Гуам, Гонконг) регионального морского судоходства¹⁸. Дальнейшее расширение условного Запада зависело от «проведения сильной внешней политики, строительства межокеанского канала», нацеленного на «возрождение... морской мощи, распространение американского влияния на прилегающие острова и соседние страны... Цитадель (Тихий океан – А.К.), из которой выдвигаются эти требования, находится к западу от Аллеган»¹⁹. Освоение тихоокеанских морских путей сулило приобретение самого ценного ресурса – мобильность власти во внешнем пространстве, наличие которого в терминологии Х. Маккиндера определено как основной признак могущества субъекта международных отношений.

Подчеркивая значимость обустройства тихоокеанского побережья, Ф. Тёрнер создал алгоритм движения американского государства к мировому лидерству: «Люди “западного мира” отвернулись от Атлантического океана...» ради участия «в мировой политике в регионе Тихого океана»: «стали хозяевами Филиппин..., завладели Гавайскими островами и приобрели контролирующее влияние в зоне Мексиканского залива»²⁰.

Идентичный вектор и у А. Мэхэна: «В Европе и Америке территориальная оккупация в настоящее время является политически фиксированной и гарантированной, в том, что касается широких линий. Любые возможные в настоящее время изменения границ, если они будут осуществлены, не приведут к материнскому результату в универсальных коммерческих условиях (курсив – А.К.). Австралия также оккупирована, и политическая зависимость острова от моря определена договоренностями между цивилизованными государствами, более или менее искусственными, но международно признанными. В тех же условиях находится огромная Африка, ожидания которой невелики и несущественны по отношению к ее району. Таким образом, ее торговые отношения установят государства, право которых на это оспариваться не будет. Кроме того, что касается торговли, то слабость и отсталость ее жителей пока еще делают Африку областью, имеющей незначительное значение. Таким образом, остается Азия, условия которой с точки зрения мировой политики»²¹ оказались исключительно привлекательными для реализации национальных интересов Соединенных Штатов.

Уже в 1904 г. русский океанограф А.И. Воейков предвидел: «в близком будущем Атлантический океан лишится своего нынешнего первенства, которое перейдет к Тихому, как лишилось его Средиземное море, бывшее главным торговым путем нашей планеты в течение 30 веков до XV века»²². Таким образом, перспектива дисфункции атлантического операционного комплекса прогнозировалась.

Воспроизведенная Таблица 1 А.И. Воейкова – дизайн превосходства (начало XX в.) Атлантического над Индийским и Тихим океанами.

¹⁸ Lippmann, W. U.S. Foreign Policy: Shield of the Republic. Boston: Little, Brown and Company, 1943. P. 24.

¹⁹ Тёрнер Ф.Дж. Фронтир в американской истории / Пер. с англ. Москва: Издательство «Весь Мир», 2009. С. 188. [Tyorner, F.Dzh. Frontir v amerikanskoj istorii (The Frontier of American History) / Transl. from Eng. Moscow: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2009. 304 p.]

²⁰ Ibid. С. 268.

²¹ Mahan, A.T. The Problem of Asia and Its Effect Upon International Relations. Boston: Little, 1900. Pp. 159-160.

²² Воейков А.И. Будет ли Тихий океан главным торговым путем земного шара? СПб, 1911. С. 1. [Voejkov, A.I. Budet li Tihij ocean glavnym trgovym putem zemnogo shara? (Will the Pacific Ocean Be the Main Trade Route of the Globe?). St. Petersburg, 1911. P. 1.]

Таблица товаров, циркулирующих в торговых бассейнах трех океанов²³

Товар	Океан		
	Индийский	Тихий	Атлантический
Золото			
Серебро	–	Тихий	Атлантический
Платина	–	Тихий	Атлантический
Ртуть	–	Тихий	Атлантический
Никель	–	Тихий	Атлантический
Олово	–	Тихий	Атлантический
Медь	Индийский	Тихий	Атлантический
Марганец	–	–	Атлантический
Свинец	–	Тихий	Атлантический
Цинк	–	–	Атлантический
Железо	Индийский	Тихий	Атлантический
Каменный уголь	Индийский	Тихий	Атлантический
Нефть	–	Тихий	Атлантический
Поваренная соль	–	Тихий	Атлантический
Чилийская селитра	–	Тихий	–
Рис	Индийский	Тихий	Атлантический
Пшеница	–	Тихий	Атлантический
Рожь	–	–	Атлантический
Кукуруза	–	Тихий	Атлантический
Ячмень	–	Тихий	Атлантический
Овес	–	Тихий	Атлантический
Бобовые	–	Тихий	Атлантический
Плоды средних широт	–	Тихий	Атлантический
Тропические плоды	–	Тихий	Атлантический
Орехи и древесное масло	Индийский	Тихий	Атлантический
Масличные семена	Индийский	Тихий	Атлантический
Сахар	Индийский	Тихий	Атлантический
Лес средних широт	–	Тихий	Атлантический
Тропический лес	Индийский	Тихий	Атлантический
Каучук	Индийский	Тихий	Атлантический
Кофе	Индийский	Тихий	Атлантический
Чай	Индийский	Тихий	–
Хлопок	Индийский	Тихий	Атлантический
Лен	–	–	Атлантический
Пенька	Индийский	Тихий	Атлантический
Джут	Индийский	–	–
Разные прядильные растения	–	Тихий	Атлантический
Растительные краски	Индийский	Тихий	Атлантический
Мясо	–	Тихий	Атлантический
Живность и яйца	–	–	Атлантический
Масло и сыр	–	Тихий	Атлантический
Сало, кожи	Индийский	Тихий	Атлантический
Рыба	–	Тихий	Атлантический
Шерсть	Индийский	Тихий	Атлантический
Шелк	Индийский	Тихий	Атлантический

Table 1. The Table of Products Circulating in the Trade Basins of Three Oceans

²³ Ibid. С. 63-65.

Табличное движение товарных потоков позволяет отметить важную особенность создания пространственной иерархии – замысел связывания. Так, оценивая активы Транскаспийской железной дороги, выстроенной Россией в 1880-х гг., вице-король Индии Дж. Керзон подчеркивал, что эта сеть увеличивает коммерческие перспективы России в Центральной Азии и фактически является инструментом вытеснения британских товаров с рынков Персии, Афганистана, Малой Азии; сокращает стратегическое пространство Великобритании, прокладывая конкуренту дорогу к Индийскому океану и Персидскому заливу²⁴.

К этому времени транспортировка нефти позволила коммуникационно привязать к Атлантическому торговому бассейну (операционной системе) самые известные на тот момент места ее добычи (Техас, Кавказ, Фергана, Баку, Закаспийская область). В третий раз нефть, «совершившая» вторую промышленную революцию, выявила хрупкость «особых отношений»²⁵ («дело Бурайми» и Суэцкий кризис) и заставила критически оценить действительность традиционных балансов, в том числе и внутри *iAsia*.

В период третьего экономического сдвига стратегическое значение энергетического фактора только возрастало.

В эпоху четвертой цифровой революции энергия стала незаменимым ресурсом цивилизационного развития. Все участвующие в Quad страны импортируют углеводо-

родные энергоносители – важнейшее сырье для многочисленных средств, «соединения вещей физического мира с виртуальными сетями»²⁶, испытывают бинарную (коммуникационную и сырьевую) мощь эффекта зависимости. Иными словами, энергетическая зависимость выступает основным фактором сопряжения *Indo-Pacific* и задает параметры квадросилы.

Анти-*iAsia*

Процесс сопряжения Атлантического и Тихого океанов, в результате которого США превратились в «имперскую республику» «с зависимыми территориями и протекторатами», позволяет отметить реализацию тактических рекомендаций Н. Спайкмена. В частности, успешную в атлантической и тихоокеанской стратегиях метаморфозу побежденных противников в контролируемых союзников (Германия, Япония)²⁷, превращение друзей-партнеров в соперников/врагов (Китай).

Тезисы Н. Спайкмена слышны в «Стратегии безопасности Соединенных Штатов в Восточноазиатском и Тихоокеанском регионах», рубежной для понимания *североамериканского постатлантизма*:

– поддержание всестороннего участия США, включая не только присутствие примерно 100000 военнослужащих США в Азии, но и целый ряд других государственных и частных взаимодействий с регионом;

– дальнейшее укрепление наших союзнических отношений с Японией, Кореей, Австралией, Таиландом и Филиппинами;

– всестороннее взаимодействие с Китаем для построения учреждения для долгосрочного отношения, основанного на сотрудничестве и взаимном интересе;

²⁶ Шваб К. Четвертая промышленная революция: перевод с англ. – М.: Издательство «Э», 2018. – С. 27-30. [Schwab, K. Chetvertaya promy'shlennaya revolyuciya (The Fourth Industrial Revolution). Transl. from Eng., Moscow: Izdatel'stvo "E", 2018. Pp. 27-30.]

²⁷ Эта технология в настоящее время реализуется Соединенными Штатами в отношении Северной Кореи, цена местоположения которой в контексте строительства ИТР стремительно растет.

- расширение сотрудничества со странами Юго-Восточной Азии в области безопасности и укрепления доверия;
- расширение регионального сотрудничества с Россией;
- поддержка развития плюрализма в сфере безопасности, включая расширение многостороннего, минилатерального и двустороннего диалогов в регионе;
- содействие демократии;
- пресечение и противодействие распространению оружия массового уничтожения;
- повышенное внимание к терроризму, деградации окружающей среды, новым инфекционным заболеваниям, незаконному обороту наркотиков и другим транснациональным вызовам как важнейшим элементам «всеобъемлющей безопасности»²⁸.

По сути, это механизм управления регионом, где пока «не преобладает ни одна нация, поскольку флот США поныне остается спокойно царствующим владыкой морей..., мир, где существует децентрализованная сеть морских баз. Снабжением их ведают Соединенные Штаты, союзные отношения различны в различных условиях; таким образом фрегаты и миноносцы могут “включаться в игру”, приходя на эти базы – сплошь и рядом напоминающие плавучие нефтяные вышки, разбросанные от Африканского Рога до Индонезийского архипелага»²⁹. Данная выдержка дает представление о дизайне индо-тихоокеанской *anti-Asia*, включая ее функциональную константу.

Таким образом, строительство *Indo-Pacific* отвечает рекомендациям Х. Маккиндера и Н. Спайкмена относительно Азии, и Африки; определяет в лице Индии «младшего союзника»; соответствует ре-

шению контролировать или вытеснить из стратегического пространства «основных соперников» (Россию и Китай), чью «эволюцию», по мнению консультанта *Foreign Policy Research Institute* и *RAND Corporation* П. Брэкена, Штаты «упустили из виду» и теперь вынуждены победить «в стратегической модернизации» инструментов влияния³⁰. Схематически стратегическая модернизация видится как:

- интеграция против интеграции;
- пространство противоборства основных акторов международных отношений;
- комплекс антикризисных мер, стимулирующих ресурсы развития претендента на лидерство и подавления аналогичных намерений со стороны соперников;
- территориальная проекция экспансии влияния.

Спрягающая зависимость

В стратегической оптике регион слияния индо-тихоокеанских вод и климатической зоны муссонных ветров³¹ выглядит как ареал сплетающихся конфликтов между тремя ядерными державами: 1. Индией и Китаем (региональный); 2. Китаем и США (в союзе с Австралией, Тайванем, Японией и Южной Кореей) – центральный фрагмент глобального цивилизационного противоборства.

Австралия. Отсутствие потенциально враждебного потенциала было центральным элементом в китайско-австралийских отношениях в обоих случаях, что до 2017 г. заставляло Австралию воздерживаться от участия в Quad. В отличие от партнерских экспертных структур, рассматривающих Quad преимущественно как «антикитайскую коалицию»³² в пу-

²⁸ The United States Security Strategy for the East Asia-Pacific Region-1998. The Secretary of Defense. Washington, DC 20301. P. 1. Mode of access: <http://ryuky-okinawa.net/downloads/usdod-easr98.pdf>

²⁹ Каплан Р. Муссон: Индийский океан и будущее американской политики / Пер. с англ. С. Александровского. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус. – С. 32. [Kaplan, R. Musson: Indiyanskiy okean i budushcheye amerikanskoy politiki (Monsoon: The Indian Ocean and the Future of American Politics) / Transl. by C. Aleksandrovsky. Moscow: KoLibri, Azbuka-Attikus. P. 32.]

³⁰ Bracken, P. The 2018 Nuclear Posture Review with Stipulations. February 1, 2018. Mode of access: <https://www.fpri.org/article/2018/02/2018-nuclear-posture-review-signaling-restraint-stipulations>

³¹ Предположение А.И. Воейкова (1878 г.) о «далеком распространении климата муссонов на север и на запад» было поддержано в мировом географическом обществе практически сразу, как только он опубликовал свое исследование.

³² Lohman, W. The Fundamentals of the Quad. Mode of access: <https://www.aspistrategist.org.au/the-fundamentals-of-the-quad>

бликациях задействованного в диалоге Австралийского Института стратегической политики особо подчеркивается, что пересмотр стратегических рисков не означает рассмотрение Китая «как неизбежное превращение в нашего врага»³³.

Однако страна имеет аргументы в поддержку проекта спряжения Индийского и Тихого океанов, основной функцией которого вырисовывается создание операционной системы контроля морских перевозок нефти и газа, сверхценных энергоносителей, без которых *цифровые и информационные технологии, определяющие все нынешние и будущие достижения четвертой промышленной революции, лишены «всепроникающей силы» и, следовательно, бесполезны.*

Трансформация отношений крупных держав в морях Юго-Восточной Азии со странами *iAsia* сократило стратегическое пространство Австралии, что, прежде всего отразилось на поставках нефтетоплива, почти полностью поступающих из стран Ближнего Востока и Сингапура.

Австралийские военные аналитики выдвигают в качестве приоритета участия в четырехстороннем индо-тихоокеанском балансе необходимость предотвращения угрозы морской блокады. Проведенное в 2014 г. исследование показало, что в такой ситуации резервов топлива внутри страны хватит примерно на три недели, а авиационного бензина – на 17 дней. Экспертиза данных выявила: «Австралия ... является единственным государством-членом Международного энергетического агентства, которое не поддерживает рекомендованный им 90-дневный уровень (Южная Корея обеспечена на 240 дней, Япония – 152)»³⁴.

Аналитики предупредили, при определенных стратегических обстоятельствах не только Китай, но и Индонезия может прибегнуть к блокаде. Для австралийских вооруженных сил это обуславливает необходимость быть готовыми к специфике войны в архипелаге.

Индонезия. Страна не стремится стать партнером *Quad*. Ее приоритеты развития по-прежнему связаны с АСЕАН и Indian Ocean Rim Association³⁵. Индонезия обладает значительными природными запасами энергоносителей, является единственным в ЮВА экспортером сжиженного газа, поставщиком нефте- и биотоплива в страны региона, включая Китай.

Однако структура национального нефтяного рынка показывает, что стратегическая равноудаленность Индонезии не столь безупречна. Конкурентами индонезийских компаний являются Эксон Мобил, Вико, КонокоФилиппс, БП и Шеврон. По сообщениям СМИ, в 2019 г. дочерние структуры американских компаний *Exxon Mobil* и *Chevron* увеличат добычу нефти до 406 тыс. б/с. В этот же период добыча крупнейшей национальной нефтедобывающей компании Pertamina может составить 85 тыс. б/с³⁶.

Индия. Силу воздействия энергетического фактора на развитие Индии можно оценить масштабами и динамикой развития ее энергетического сектора. Страна использует практически все виды энергии: угольную, нефтяную, газовую, атомную, водную. В стране развита инфраструктура производства и торговли энергии, полученной из биомассы и солнца.

Индийцы – одна из самых цифровых наций в мире. Тем драматичнее ее почти абсолютная зависимость от импорта углеводородов. По оценкам экспертов, к 2025-30 гг. Индия будет покрывать до 80-85% своих потребностей импортируемой нефтью. По этому показателю она уже обошла Японию (третьего в мире после Китая и США крупнейшего импортера энергии).

Географически ближайшим крупным поставщиком энергосырья в Индию является Иран. Однако ввиду санкционного сдерживания этой страны Соединенными Штатами индийскому правительству пришлось

³³ Dibb, P., Brabin-Smith, R. Australia's Management of Strategic Risk in the New Era. Strategic Insights, No. 123. Australian Strategic Policy Institute. November 2017. P. 7.

³⁴ Ibid. P. 9.

³⁵ Indian Ocean Rim Association – торговая и инвестиционная кооперация 19 стран в литорали Индийского океана.

³⁶ Индонезийская дочка *Exxon Mobil* превращается в крупнейшего нефтедобытчика в стране. 18 января 2019. Режим доступа: <https://polpred.com/news/?cnt=59§or=8>

решать проблему поставок строительством порта Чабахар³⁷ на иранском побережье. Тем самым индийцы обеспечили циркуляцию товаров через Оманский залив с прицелом на создание коридора Персидский залив-Каспийское море. Однако китайский порт Гвадар (Пакистан) тянет свои маршруты в Стамбул. Таким образом, векторы Гвадара и Чабахара обнажают разные стратегии в одном геополитическом узле. Тем самым февральские боестолкновения между Индией и Пакистаном становятся объяснимыми в логике противодействия строительству Чабахарского коридора (Индия-Афганистан-Иран, а впоследствии и страны постсоветской пентады³⁸), который используется Афганистаном и Индией для транспортировки энергоресурсов.

Индия располагает и умеет пользоваться человеческим капиталом интеграции пространства, превосходя демографическими комбинациями всех своих конкурентов в Индо-Тихоокеанском регионе. Индийцы являются крупнейшими общинами экспатриантов вдоль всей индо-тихоокеанской литорали, включая и США. Аналитики включают индо-североамериканское цифровое братство в социальные позитивы Indo-Pacific.

Литоральные диаспоры и демография – индийские активы, которыми не располагает ни один из западных партнеров нового

макроконструкта. По привлечению Индии в Quad наблюдатели отдадут пальму первенства Японии, официально оценивающей свои отношения с этой страной как самые важные в мире³⁹.

Япония. Популярность Японии в регионе прямо пропорциональна ее инвестиционным потокам в экономики соседних стран. В последнее время аналитики обратили внимание на кредитные обещания странам Индийского океана под участие в развитии портов. Так, в Мьянме, Шри-Ланке и Бангладеш японская сторона планирует реконструировать три порта, для «обеспечения безопасности морских путей, соединяющих Азию и Африку через Ближний Восток»⁴⁰.

Наблюдающаяся логистическая активность Страны восходящего солнца в АТР, по мнению шриланкийских стратегических аналитиков, «обусловлено ее полной зависимостью от импортируемых энергоносителей, перевозимых морем». Япония является четвертым крупнейшим импортером нефти в мире, уступая только Китаю, США и Индии. Ее основные поставщики: Саудовская Аравия (40,1%), ОАЭ (24,1%), Кувейт (7,3%), Катар (7,3%), Россия (5,7%), Иран (5,3%). В число крупных поставщиков также входят Ирак, Мексика, Индонезия, Казахстан, США и Оман⁴¹.

Островное положение Японии и структура ВВП обуславливают ее энергичное продвижение концепции *Свободного и открытого Индо-Тихого океана*. В то же время развитие инфраструктуры, включающей такие стратегические активы, как порты и аэропорты включено в ее оборонное измерение.

³⁷ В ноябре 2018 г. США вывели порт Чабахар из-под действия нового пакета антииранских санкций, что можно рассматривать как признание чрезвычайной важности развития партнерства с Индией в рамках *Quad-Indo-Pacific*.

³⁸ Термин «политическая пентада» введен автором для обозначения пяти постсоветских государств Центральной Азии. Его прикладное значение состоит в использовании Центральной Азии пяти государств как дорожную конструкцию, обеспечивающую любые евразийские территориальные сопряжения. См. об этом: Каримова А. Центральная Азия: эвристики и модели // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2018. – № 10, Т. 62. – с. 114-123. [Karimova, A. Central'naya Aziya: ehvristiki i modeli (Central Asia: Heuristics and Models) // *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2018, No. 10, Vol. 62, pp. 114-123.]

³⁹ Daniel Twining: Why Asia Is Ready for a US-India-Japan Alliance. Mode of access: <https://asia.nikkei.com/Politics/Daniel-Twining-Why-Asia-is-ready-for-a-US-India-Japan-alliance>

⁴⁰ Japan to Offer Aid for Indian Ocean Ports. News Desk // *JakartaPost*. Mode of access: <https://www.thejakartapost.com/news/2018/05/25/japan-to-offer-aid-for-indian-ocean-ports.html>

⁴¹ Япония. – М.: ЦДУ ТЭК, 2018. – 12 с.

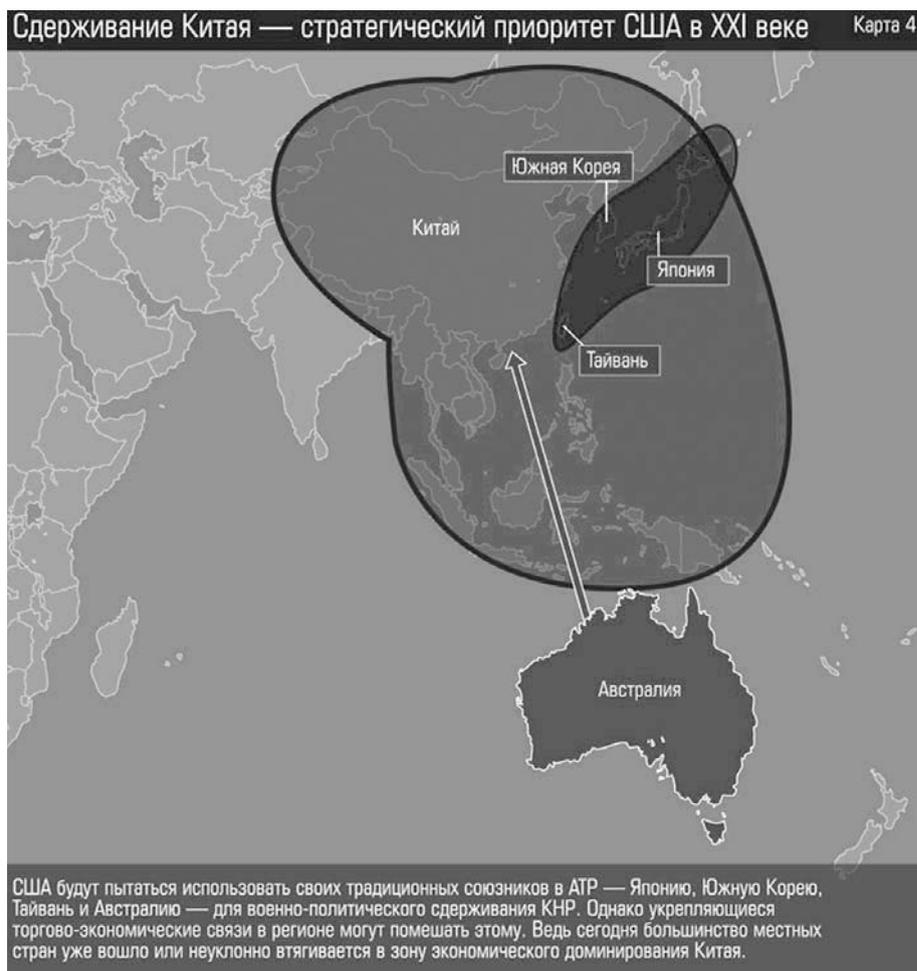

Рис. 3. «Тайваньский» узел Индо-Тихоокеанской зоны сопряжения (см. Быков П. Геополитика реиндустриализации (Geopolitics of Re-industrialization) // *Эксперт*, 2012, № 9 (792). Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2012/09>

Рис. 3. Taiwan Knot of the Indo-Pacific Zone of Interfacing

Событийный фон убеждает в правоте вывода директора Центра Индо-ланкийских инициатив и морского права при Фонде «Pathfinder» отставного адмирала Дж. Колумбейджа: «Все в регионе Индийского океана имеет оборонное измерение»⁴².

Как выясняется, значение военно-торговой логистики региона взвешивают все его участники.

⁴² Kurukulasuriya, L. Japan Eyes Sri Lanka's Deep Water Port of Trincomalee. August 31, 2018. Mode of access: <https://thediplomat.com/2018/08/japan-eyes-sri-lankas-deep-water-port-of-trincomalee>

Китай. Китайская стратегия в Индийском и Тихом океанах, названная американскими экспертами «Нить жемчуга», нацелена на создание именно такого инфраструктурного функционала, обеспечивающего доступность и безопасность нефтегазовых перевозок.

В условном регионе самым «крепким орешком» для китайских стратегов остается лишь «Малаккская дилемма»⁴³, связанная с

⁴³ Ohara, B. Where America and China Stand on the Taiwan Issue. September 02, 2018. Mode of access: <https://thediplomat.com/2018/09/where-america-and-china-stand-on-the-taiwan-issue>

Рис. 4. Спектр влияния «афгано-пакистанского» узла (см. Быков П. Геополитика реиндустриализации (Geopolitics of Re-industrialization) // *Эксперт*, 2012, № 9 (792). Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2012/09>

Рис. 4. Spectrum of the “Afghan-Pakistani” Node

предполагаемой блокировкой пролива ВМС США *soto voce* Тайванем и Японией.

Показанный на Рис. 3 стратегический узел Мирового побережья угрожает доставке нефтепродуктов из Персидского залива и Африки по Индийскому океану через подверженный пиратским нападениям узкий Малаккский пролив к берегам Поднебесной. А это – более 85% от всего закупаемого ею объема. Это побуждает китайскую сторону расширять свой геостратегический поиск. «С начала нового тысячелетия китайский флот уже проделал несколько грандиозных плаваний, включая одно вокруг света, посетив 23 страны Азии, Африки, Америки, Европы и Океании»⁴⁴.

Одним из результатов этих плаваний стал конкурентный Панамскому Большой Никарагуанский канал – опорная точка ки-

тайского входа/выхода в воды Атлантического и Тихого океанов.

Очень продуктивным оказался интерес Пекина к Арктике в целом⁴⁵ и к российскому Северному морскому пути, освоение которого значительно снижает транзитные затраты и открывает путь к разработкам гренландского нефтегазоносного шельфа. Иными словами, «нити» китайского «жемчуга» могут прошить все пространство *Indo-Pacific*, включая некоторые российские муссонные регионы.

А.И. Воейков включал в «муссонную страну»: «западное побережье Охотского моря, всю область реки Амур, Корею и область рек, впадающих в море между Амуром и Пейхо, весь собственный Китай, за исключением западной части Ганьсу., восточную часть Индокитая...Китайское, Японское и Желтое моря с их заливами». А также Са-

⁴⁴ Лебедева Н. Китайская стратегия «нить жемчуга» (The Chinese “Pearl Thread” Strategy). Режим доступа: <http://infoglaz.ru/?p=46545> <http://infoglaz.ru/?p=46545>

⁴⁵ В 2004 г. КНР построила полярную исследовательскую станцию на Шпицбергене, а в 2013 г. включилась в работу Арктического совета в статусе постоянного наблюдателя.

халин, Формозу, Японские и Филиппинские острова, Среднюю и Восточную Монголию с Ордосом и Алашанью, горы Ганьсу, Куку-нор, Цайдам и Северный Тибет»⁴⁶.

Синергетическое воздействие на пространство национальных интересов РФ могут оказать два включенных в *Indo-Pacific* сюжета: планирование «голубых» арктических операций ВМФ США⁴⁷ и афгано-пакистанский узел (см. *Рис. 4*).

Реальность vs теория

Дизайн *Indo-Pacific-Atlantic* чувствителен к новым угрозам, продуцируемым нестабильным развитием стран Мирового побережья. Конфигурация маршрутов перевозок энергоносного сырья в страны, где совершается четвертая промышленная революция, позволяет объективировать масштабы проектируемого сопряжения: от Гвинейского залива (Атлантический океан) до Занзибара (75 островов Индийского океана), ориентируясь на муссонные⁴⁸ векторы глобальных ветров.

Главными соперниками в зоне муссонных ветров (см. *Рис. 5-6*) наблюдатели видят Китай и Соединенные Штаты⁴⁹.

⁴⁶ Воейков А.И. Климат области муссонов Восточной Азии (Амурского края, Забайкалья, Манчжурии, Восточной Монголии, Китая, Японии и т.д.) // Известия Импер. рус. геогр. о-ва. Санкт-Петербург, 1879. Т. 15, вып. 5. – С. 323, 366, 390. [Voejkov, A.I. Klimat oblasti mussonov Vostochnoj Azii (Amurskogo kraja, Zabajkal'ya, Manchzhurii, Vostochnoj Mongolii, Kitaya, Yaponii i t.d.) (The Climate of the Region of the Monsoon of East Asia (the Amur Region, Transbaikalia, Manchuria, Eastern Mongolia, China, Japan, etc.)) // *Izvestiya Imp. Rus. geogr. o-va*. St. Petersburg, 1879. Vol. 15, Iss. 5. Pp. 323, 366, 390.]

⁴⁷ Eckstein, M. Navy to Release Arctic Strategy This Summer, Will Include Blue Water Arctic Operations. April 19, 2018. Mode of access: <https://news.usni.org/2018/04/19/navy-to-release-arctic-strategy-this-summer-will-include-blue-water-arctic-operations>.

⁴⁸ Муссон – ветер, меняющий свое направление два раза в год: летом его вектор направлен с океана на сушу, зимой – с суши на океан.

⁴⁹ Кривельская Е. Политика новой администрации США в Африке: некоторые оценки (The Policy of the New US Administration in Africa: Some Estimates). Режим доступа: <http://nk.org>.

Египетский журналист И. Аннан пришел к выводу, «что порт Гвадар и китайско-пакистанский проект в регионе стали ареной региональной борьбы за власть» между Арабскими Эмиратами с одной стороны и Катаром, Пакистаном, Китаем – с другой⁵⁰. Гвадарский узел, как часть древнего Шелкового пути, затягивает Южную, Центральную Азию (СНГ) и Ближний Восток в Индо-Тихоокеанский геостратегическую конструкцию.

Гвадар-Чабахар-Кальхат (порт на восточном побережье Аравийского полуострова, Оман) – опорные точки древних дорог шелка и ладана, хранители торговых путей в океан и по суше. Уже в средние века Кальхат описывался как «большой город в заливе того же имени; от Дуфара он на северо-западе, в шестистах милях... Тут прекрасное пристанище, и много судов приходят сюда с разными товарами из Индии и торгуют здесь хорошо, потому что из этого города товары и пряности везутся внутрь страны, по многим городам и замкам. Вывозится отсюда в Индию много хороших скакунов, а купцам от этого большая выгода. Из этой страны и из других, о которых я вам рассказывал прежде, много хороших лошадей вывозятся в Индию; так много, что и не счесть»⁵¹.

Островные гавани и порты Индо-Тихоокеанской литорали, выходящей от Африканского Рога до Индонезийского архипелага (6500 км), теперь перевозчики нефти и газа, энергия которых – ресурс современного существования и могущества государств, в большинстве не располагающих этим сырьем. Поэтому локальные общества, дорожное пространство которых нельзя исклю-

ua/geopolitika/politika-novoy-administratsii-ssha-v-afrike-nekotoryie-otsenki-79425

⁵⁰ Аннан И. «Новый Дубай»: каким образом пакистанский порт Гвадар угрожает региональной роли ОАЭ? («New Dubai»: How Does the Pakistani Port of Gwadar Threaten the Regional Role of the UAE?) 16.12.2017. Режим доступа: <https://novostivse.ru/novyi-dubai-kakim-obrazom-pakistanskii-port-gvadar-ygrozhaet-regionalnoi-rol-i-oae>.

⁵¹ Поло М. Книга чудес / пер. с фр. – М.: Издательство «Белый город», 2003. – С. 186. [Polo, M. *Kniga chudes* / Transl. from fr. (Book of Miracles). Moscow: Izdatel'stvo «Belyj gorod», 2003. P. 186.]

Рис. 5. Масштаб и направление зимнего муссона

Презентация учителя географии МОУ гимназия №54 г. Краснодара А.В. Эсауленко.
 Режим доступа: <http://5klass.net/geografija-7-klass/Klimaticheskie-osobennosti-Evrazii/003-Uchitel-geografii.html>.2018

Pic. 5. Scale and Direction of the Winter Monsoon

Рис. 6. Масштаб и направление летнего муссона

Презентация учителя географии МОУ гимназия №54 г. Краснодара А.В. Эсауленко.
 Режим доступа: <http://5klass.net/geografija-7-klass/Klimaticheskie-osobennosti-Evrazii/003-Uchitel-geografii.html>.2018

Pic. 6. Scale and Direction of the Summer Monsoon

чить из логистики *Indo-Pacific*, так ли иначе пропитываются атмосферой скрытого и оттого особо острого цивилизационного выживания⁵², индикатором которого являются функции региональных балансов.

В североамериканской теории «баланс сил» терминован как одна из двух разновидностей «непрямой войны». Однако «основной предел американской империи такой же, как у британской и Римской империй: демографический»⁵³. Этот недостаток преодолевается созданием региональных балансов, в каждом из которых определяется «младший» союзник. Так, в атлантическом сопряжении – это ресурсы Великобритании. В тихоокеанском – возможности Японии (Филиппин и Австралии). В *Indo-Pacific* на эту роль определена Индия⁵⁴, региональный лидер Южной Азии, располагающий демографическим, миграционным и дорожным активами по всей индо-тихоокеанской литорали. В североамериканских и японских оценках Индия фигурирует как единственная азиатская страна, вес и масштабы которой компенсируют власть и влияние Китая. «Ее военно-морской флот патрулирует морские пути, которые являются мировой энергетической супермагистралью, соединяющей нефтегазовые ресурсы Персидского залива с большими экономиками Восточной Азии»⁵⁵.

При движении с запада на восток по впадающим в Индийский океан водным потокам Красного, Аравийского, Яван-

ского, Южно-Китайского морей и Бенгальского залива открывается торговый бассейн, охватывающий страны Африканского Рога, Индокитая и Муссонной Азии – земель, повернутых «одна в сторону Тихого океана, а другая в сторону Индийского океана»⁵⁶.

В этом пространственном изобилии силовая стратегия, как это стало понятно в афганской и иракской войнах, контрпродуктивна. Поэтому конструкторы *Quad* меняют смысловую константу связи между большими игроками Тихого океана. В новом подходе к моделированию будущего используется концепт «сила баланса», который сочетает жесткую и умную разновидности силы с особенно ловким использованием дипломатии в ситуации возникающей *iAsia* (интеграция, инновации и инвестиции)⁵⁷. Три других выделенных на платформе *iAsia* фактора: 1) соперничество великих держав (*insecurity*); 2) деградация окружающей среды, экстремизм, незаконная торговля людьми, наркотиками и оружием (*instability*); 3) все виды проявления неравенства (*inequality*) квалифицируют стратегический ландшафт для США как мировой державы. Таким образом, основной функцией *Quad* является рекапитализация власти в Азии до того, как другие центры власти АСЕАН/АТР сделают это невозможным для США и Японии.

Отсюда – концептуальное переосмысление мэхэновских положений о формирующейся угрозе в «азиатском Средиземноморье»⁵⁸, изобретение новых методов ее предотвращения (т.н. «перебалансировка» или подготовка к перманентному конфликту), обусловленное необходимостью строительства геостратегического региона, опорными точками которого служат сила баланса, цепи островов, заливы и

⁵² В этом контексте военный инцидент между Индией и Пакистаном, начавшийся 27.02.2019, можно рассматривать не только как продолжение исторического конфликта, но и как начало войны за границы развития (цивилизационная война).

⁵³ Friedman, G. Coming to Terms With the American Empire. 14.04.2015. Mode of access: <https://www.financialsense.com/contributors/george-friedman/coming-to-terms-with-american-empire>

⁵⁴ Summary of the 2018 National Defense Strategy of The United States of America. Sharpening the American Military's Competitive Edge. Mode of access: <https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf>

⁵⁵ Daniel Twining: Why Asia Is Ready for a US-India-Japan alliance. Mode of access: <https://asia.nikkei.com/Politics/Daniel-Twining-Why-Asia-is-ready-for-a-US-India-Japan-alliance>

⁵⁶ Mackinder, H.J. The Geographical Pivot of History // *The Geographical Journal*, 1904, Vol. 23, No. 4, p. 431.

⁵⁷ Campbell, K.M.; Patel, N.; Singh, V.J. The Power of Balance: America in *iAsia*. June 2008. Center for a New American Security. Washington. P. 9.

⁵⁸ Sempa, F.P. Nicholas Spykman and the Struggle for the Asiatic Mediterranean. January 09, 2015. Mode of access: <https://thediplomat.com/2015/01/nicholas-spykman-and-the-struggle-for-the-asiatic-mediterranean>

порты, интегрированные функциями военных и торговых флотов.

Опорные пункты США, КНР и Индии в большинстве своем находятся в конфликтных зонах, однако в этих конфликтах ВМС – вспомогательный участник, не имеющий постоянных мишеней. Этот «пробел» Х. Маккиндер некогда «восполнил» «бродячими бедуинами» и «степными всадниками Евразии». Ныне функции хаотизации Мирового побережья выполняют современные пираты и незаконно пересекающие морские границы мигранты, обеспечивая постоянное присутствие военноморских сил заинтересованных государств в акватории региона.

* * *

Эмпирика проекций позволяет сгруппировать характеристики Индо-Тихоокеанского сопряжения следующим образом:

замысел – гибрид конфликта, безопасности и влияния;

цель – управление Мировым океаном, включая его переходные континентальные зоны;

форма – система распределения силы баланса для обороны территориальных комплексов, контролирующих перевозки стратегического сырья;

конструкция – активы баланса четырех демократий, расширяющаяся модель Среднего Востока; системная композиция морей, проливов, заливов, литорали, переходных зон, континентальных дорожных конструкций;

функционал – рекапитализация власти, защита территориальных комплексов, обогранных для контроля перевозок стратегического сырья;

технология – операционная система управления пространственным хаосом; театр военных действий по условиям четвертой промышленной революции (война за границы развития).

Выявленные особенности определяют *геостратегический регион как пространственную конструкцию балансов, существенных для развития территорий более высокого иерархического уровня.*

Литература:

Воейков А.И. Будет ли Тихий океан главным торговым путем земного шара? – СПб, 1911.

Воейков А.И. Климат области муссонов Восточной Азии (Амурского края, Забайкалья, Манчжурии, Восточной Монголии, Китая, Японии и т.д.) // Известия Имп. рус. геогр. о-ва. – Санкт-Петербург, 1879. Т. 15, вып. 5.

Каплан Р. Месть географии. Что могут рассказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного / пер. с англ. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2016.

Каплан Р. Муссон: Индийский океан и будущее американской политики / Пер. с англ. С. Александровского. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус.

Каримова А. Центральная Азия: эвристики и модели // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – № 10, Т. 62. – С. 114-123.

Каримова А.Б. Региональное пространство в современной политической организации мира. – М.: ИВ РАН, 2006. – 206 с.

Косолапов Н.А. Глобализация: от миропорядка к международно-политической организации мира / Богатуров А.Д., Н.А. Косолапов, М.А. Хрусталева. Очерки теории и политического анализа международных отношений. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2002.

Поло М. Книга чудес / пер. с фр. – М.: Издательство «Белый город», 2003.

Семенов-Тянь-Шанский В.П. Район и страна. – Москва, Ленинград. Государственное издательство, 1928.

Средне-Азиатский экономический район. Под ред. Ю.И. Пославского и Г.Н. Черданцева. – Ташкент: ТЭС, 1922.

Тёрнер Ф. Дж. *Фронтир в американской истории* / Пер. с англ. Москва: Издательство «Весь Мир», 2009.

Шваб К. Четвертая промышленная революция: перевод с англ. – М.: Издательство «Э», 2018.

Япония. – М.: ЦДУ ТЭК, 2018.

Bracken, P. The 2018 Nuclear Posture Review with Stipulations. February 1, 2018. Mode of access: <https://www.fpri.org/article/2018/02/2018-nuclear-posture-review-signaling-restraint-stipulations>

Campbell, K.M., Patel, N., Singh V.J. The Power of Balance: America in iAsia. June 2008. Center for a New American Security. Washington.

Clinton, H. America's Pacific Century. October 11, 2011. America's Pacific Century. Mode of access: <https://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century>

Curzon, G.N. Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian Question / by George N. Curzon, G.N. Curzon. 2 ed.: Longmans Green and co., 1889. Pp. 12-13, 283-286, 292-313.

Dibb, P.; Brabin-Smith, R. Australia's Management of Strategic Risk in the New Era. Strategic Insights, No. 123. Australian Strategic Policy Institute. November 2017.

Dunn, D.H.; Avenell, E. US-UK Special Relationship. Mode of access: <http://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199743292/obo-9780199743292-0189.xml>

Lippmann, W. U.S. Foreign Policy: Shield of the Republic. Boston: Little, Brown and Company, 1943.

Lohman, W. The Fundamentals of the Quad. Mode of access: <https://www.aspistrategist.org.au/the-fundamentals-of-the-quad>

Mackinder, H.J. Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. New York: Henry Holt and Company. 1919.

Mackinder, H.J. The Geographical Pivot of History // *The Geographical Journal*, 1904, Vol. 23, No. 4.

Mahan, A.T. The Problem of Asia and Its Effect Upon International Relations. Boston: Little, 1900.

Manyika, J.; Lund, S.; Bughin, J.; Woetzel, J.; Stamenov, K.; Dhruv, Dh. Digital Globalization: The New Era of Global Flows. Report McKinsey Global Institute, February 2016. Mode of access: <https://www.mckinsey.com/business-functions/digital-mckinsey/our-insights/digital-globalization-the-new-era-of-global-flows>

Metz, S. How to Tell If America Will Remain a Global Superpower. Mode of access: <https://www.worldpoliticsreview.com/articles/13741/how-to-tell-if-america-will-remain-a-global-superpower>

Slaughter, A.-M. The Chessboard and the Web: Strategies of Connection in a Networked World. Yale University Press, 2017. 304 p. Slaughter, A.-M. Connections, not Armies, make Countries Powerful. April 18, 2016. Mode of access: <https://www.ft.com/content/21973144-0544-11e6-9b51-0fb5e65703ce>;

Spykman, N.J. America's Strategy in World Politics. New York: Harcourt, Brace & Co., 1942.

Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America. Sharpening the American Military's Competitive Edge. Mode of access: <https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf>

The United States Security Strategy for the East Asia-Pacific Region-1998. The Secretary of Defense. Washington, DC 20301. P. 1. Mode of access: <http://ryukyu-okinawa.net/downloads/usdod-east98.pdf>

References:

Bracken, P. The 2018 Nuclear Posture Review with Stipulations. February 1, 2018. Mode of access: <https://www.fpri.org/article/2018/02/2018-nuclear-posture-review-signaling-restraint-stipulations>

Campbell, K.M., Patel, N., Singh V.J. The Power of Balance: America in iAsia. June 2008. Center for a New American Security. Washington.

Clinton, H. America's Pacific Century. October 11, 2011. America's Pacific Century. Mode of access: <https://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century>

Curzon, G.N. Russian Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian Question / by George N. Curzon, G.N. Curzon. 2 ed.: Longmans Green and co., 1889. Pp. 12-13, 283-286, 292-313.

Dibb, P.; Brabin-Smith, R. Australia's Management of Strategic Risk in the New Era. Strategic Insights, No. 123. Australian Strategic Policy Institute. November 2017.

Dunn, D.H.; Avenell, E. US-UK Special Relationship. Mode of access: <http://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199743292/obo-9780199743292-0189.xml>

Kaplan, R. Mest' geografii. Chto mogut rasskazat' geograficheskie karty' o gryadushhix konfliktax i bitve protiv neizbezhnogo (The Revenge of Geography. What the Map Tells Us About Coming Conflicts and the Battle Against Fate) / Transl. from Eng. Moscow: KoLibri, Azbuka-Attikus, 2016. 384 p.

Kaplan, R. Musson: Indijskiy okean i budushcheye amerikanskoj politiki (Monsoon: The Indian Ocean and the

Future of American Politics) / Transl. by C. Aleksandrovsky. Moscow: KoLibri, Azbuka-Attikus.

Karimova, A. Central'naya Aziya: ehvristiki i modeli (Central Asia: Heuristics and Models) // *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2018, No 10, Vol. 62, pp. 114-123.

Karimova, A. Regional'noe prostranstvo v sovremennoj politicheskoy organizacii mira (Regional Space in the Modern Political Organization of the World). Moscow: IV RAN, 2006. 208 p.

Kosolapov, N.A. Globalizaciya: ot miroporyadka k mezhdunarodno-politicheskoy organizacii mira (Globalization: from the World Order to the International Political Organization of the World). Moscow: Scientific and educational forum on international relations, 2002.

Lippmann, W. U.S. Foreign Policy: Shield of the Republic. Boston: Little, Brown and Company, 1943.

Lohman, W. The Fundamentals of the Quad. Mode of access: <https://www.aspirategist.org.au/the-fundamentals-of-the-quad>

Mackinder, H.J. Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. New York: Henry Holt and Company. 1919. P. 91.

Mackinder, H.J. The Geographical Pivot of History // *The Geographical Journal*, 1904, Vol. 23, No. 4.

Mahan, A.T. The Problem of Asia and Its Effect Upon International Relations. Boston: Little, 1900.

Manyika, J.; Lund, S.; Bughin, J.; Woetzel, J.; Stamenov, K.; Dhruv, Dh. Digital Globalization: The New Era of Global Flows. Report McKinsey Global Institute, February 2016. Mode of access: <https://www.mckinsey.com/business-functions/digital-mckinsey/our-insights/digital-globalization-the-new-era-of-global-flows>

Metz, S. How to Tell If America Will Remain a Global Superpower. Mode of access: <https://www.worldpoliticsreview.com/articles/13741/how-to-tell-if-america-will-remain-a-global-superpower>

Polo, M. Kniga chudes / Transl. from fr. (Book of Miracles). Moscow: Izdatel'stvo «Belyj gorod», 2003.

Schvab, K. Chetvertaya promy'shennaya revolyuciya (The Fourth Industrial Revolution). Transl. from Eng., Moscow: Izdatel'stvo "E", 2018.

Semenov-Tjan-Shanskij, V.P. Rajon i strana (The Region and the Country). Moscow, Leningrad. Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1928. 311 p.

Slaughter, A.-M. The Chessboard and the Web: Strategies of Connection in a Networked World. Yale University Press, 2017. 304 p. Slaughter, A.-M. Connections, not Armies, make Countries Powerful. April 18, 2016. Mode of access: <https://www.ft.com/content/21973144-0544-11e6-9b51-0fb5e65703ce>;

Spykman, N.J. America's Strategy in World Politics. New York: Harcourt, Brace & Co., 1942.

Sredne-Aziatskiy ekonomicheskij rayon (Central Asian Economic Region). Ed. by YU.I. Poslavski, G.N. Cherdantsev. Tashkent: TES, 1922.

Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America. Sharpening the American Military's Competitive Edge. Mode of access: <https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf>

The United States Security Strategy for the East Asia-Pacific Region-1998. The Secretary of Defense. Washington, DC 20301. P. 1. Mode of access: <http://ryukyu-okinawa.net/downloads/usdod-east98.pdf>

Tyorner, F. Dzh. Frontir v amerikanskoj istorii (The Frontier of American History) / Transl. from Eng. Moscow: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2009. 304 p.

Voejkov, A.I. Budet li Tihij ocean glavnym torgovym putem zemnogo shara? (Will the Pacific Ocean Be the Main Trade Route of the Globe?). St. Petersburg, 1911.

*Voejkov, A.I. Klimat oblasti mussonov Vostochnoj Azii (Amurskogo kraja, Zabajkal'ya, Manchzhurii, Vostochnoj Mongolii, Kitaya, Yaponii i t.d.) (The Climate of the Region of the Monsoon of East Asia (the Amur Region, Transbaikalia, Manchuria, Eastern Mongolia, China, Japan, etc.)) // *Izvestiya Imp. Rus. geogr. o-va*. St. Petersburg, 1879. Vol. 15, Iss. 5.*

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10015

INDO-PACIFIC POST-ATLANTISM

Alla B. Karimova

The Primakov Institute of World Economy and International Relations of Russian Academy of Sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 15.03.2019</p> <p><i>Accepted:</i> 25.04.2019</p>	<p>Abstract: Starting from the aims of the research conceptualizing the functional modelling of the geostrategic region), the characteristics of the historic strategies, applied in the basins of the Atlantic, Pacific and Indian oceans, have been specified. In the process of selecting the area units for the forecast design, the construct connectedness incorporated in the feedback loop between the problem of creating the region, the means of solving this problem, the associated theories, concepts, documents and events, has been approbated. The applied aspect of the futurological complex has been noted. The definition of the geostrategic region has been offered, and assumptions about its functional role under the conditions of the fourth industrial revolution, during which regions appear as mutagens of the international environment, have been made.</p>
<p>About the author: Dr. of Political Sciences, Chief Researcher, IMEMO; Professor, Department of Political Sociology, Russian State University for the Humanities e-mail: albecar@yandex.ru</p>	
<p>Key words: Middle East; Monsoon Asia; Pacific Ocean; Indian Ocean; Indo-Pacific; geostrategic region</p>	

Для цитирования: Каримова А.Б. Индо-Тихоокеанский постатлантизм // *Сравнительная политика*. – 2019. №2 – С. 37-55.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10015

For citation: Karimova, Alla B. Indo-Tikhookeanskiy postatlantizm (Indo-Pacific Post-Atlantism) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 2, pp. 37-55.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10015

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10016

КИТАЙСКАЯ ТЕОРИЯ ДИПЛОМАТИИ И БЕЗОПАСНОСТИ В НОВУЮ ЭПОХУ

Ян Цземянь

*Шанхайский институт международных отношений,
Шанхай, Китайская Народная Республика*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 10 декабря 2018 <i>Принята к печати:</i> 15 апреля 2019</p>	<p>Аннотация: Созыв восемнадцатого съезда Коммунистической партии Китая ознаменовал новый период внутренней политики и дипломатии Китая. Теория дипломатии великой державы с китайской спецификой и целостный взгляд на национальную безопасность основываются на наследии великой китайской культуры и марксизме. В аспектах теоретической структуры, проблемной ориентации, методов исследования и т. д. был достигнут заметный прогресс, который в настоящее время на этапе системной интеграции. Современное теоретическое построение дипломатической безопасности Китая должно укрепить связь между дипломатией и безопасностью, дипломатией и внутренней политикой. В интерактивном аспекте необходимо усилить интеграцию внешних идей, теорий, стратегий и политики. В международном аспекте единство противоположностей должно быть реализовано в воплощении китайской специфики, содействии международному влиянию и повышению мирового значения Китая. В аспекте применения необходимо улучшить руководящую роль теории дипломатической безопасности на практике.</p>
<p>Об авторе: главный научный сотрудник, Шанхайский институт международных отношений e-mail: sravnitpolit@mail.ru</p>	
<p>Ключевые слова: теория дипломатии великой державы с китайской спецификой; национальная безопасность; инновации; дипломатическая теория Китая</p>	

С ростом комплексной национальной мощи и расширения международного влияния Китай добился больших успехов в теоретических исследованиях в сфере дипломатии и безопасности. Будучи крупнейшей развивающейся страной и второй по величине экономикой в мире, Китай несет особые и важные международные обязательства. В целях содействия миру, развитию, сотрудничеству и взаимовыгодному миру необходимо укреплять сознание практики и теории, систематически обобщать и научно уточнять китайские теории безопасности и дипломатии, необходимо взаимодействовать с теорией социализма с китайской спецификой во взаимодействии с мировыми теориями международных отношений.

Новая отправная точка для построения китайских теорий

Теория дипломатии великой державы с китайской спецификой и целостный взгляд

на национальную безопасность – это два новых ярких достижения в строительстве международной теории Коммунистической партии Китая после 18 съезда КПК, которые стали ценным духовным наследием и основой теоретического руководства китайской дипломатии в новый период.

1) Развитие теории дипломатии великой державы с китайской спецификой.

Любая важная дипломатическая теория несет в себе глубокий исторический опыт и миссию развития. Теория дипломатии великой державы с китайской спецификой родилась и развивалась благодаря благоприятным стечениям обстоятельств внешнего взаимодействия между Китаем и другими странами мира.

Во-первых, концепция «китайской мечты» о великом возрождении китайской нации стала всеобщим стремлением китайского народа. Основным содержанием концепции «китайской мечты» являются процветание

страны, возрождение нации и счастье людей. Это содержание концепции показывает ее тесную связь с международной средой, в которой находится Китай. Китай в прошлом сполна пережил военные смуты и тяготы бедствий войны, в большой степени подвергся сильному влиянию пагубного западного «закона джунглей», согласно которому «выживает сильнейший». Поэтому лучшие представители китайской нации судьбу нации рассматривают как часть личной ответственности. Сунь Ятсен оставил после себя завет вести борьбу в союзе с народами мира, строящими отношения с китайской нацией на основе равенства. Под руководством Мао Цзэдуна китайский народ встал на ноги, а Дэн Сяопин «привел китайцев к богатству». Через 170 лет после окончания Опиумных войн борьба китайского народа заключается в национальном возрождении. Си Цзиньпин высоко оценил «продолжающуюся борьбу китайского народа, которая имеет большое значение для возрождения нации», он отметил, что это – «светлое будущее» китайского народа, допуская, что «мы сегодня более уверены и способны достичь этой цели, чем в любое другое время в истории». Великое возрождение китайской нации нуждается в благоприятной внутренней и внешней среде, в которой дипломатии отведена особая миссия.

Во-вторых, следует особо отметить инициативу создания «сообщества единой судьбы человечества». Генеральный секретарь Си Цзиньпин представил глубокое объяснение концепции «сообщества единой судьбы человечества» после 18 съезда КПК, постоянно и шаг за шагом обогащая свою концепцию. Идея концепции «сообщества единой судьбы человечества» показывает точное понимание Китаем мировой ситуации и глубокое понимание судьбы человечества, выражая искреннее стремление Китая к мирному развитию и сотрудничеству с другими странами. Концепция открыла новые границы дипломатии великой державы с китайской спецификой и стала важным знаменем дипломатии Китая в новый период. Более того, идеи и концепции инициативы «сообщества единой судьбы человечества», пропагандируемые Китаем, постепенно при-

знаются и принимаются международным сообществом. Например, 10 февраля 2017 года на пятьдесят пятой сессии Комиссии Организации Объединенных Наций по социальному развитию идея «создания сообщества единой судьбы человечества» была впервые записана в резолюции ООН. 23 марта 2017 года тридцать четвертая сессия Совета Организации Объединенных Наций по правам человека приняла две резолюции по «экономическим, социальным и культурным правам» и «праву на продовольствие». В резолюции четко выражено «создание сообщества единой судьбы человечества». Впервые важная китайская концепция была включена в резолюции Совета ООН по правам человека. Это также является признаком того, что эта идея становится важной частью международного дискурса по правам человека.

В-третьих, надо отметить создание теории дипломатии великой державы с китайской спецификой. В 2008 году после Олимпийских игр, проходивших в Пекине и после саммита «Большой двадцатки», Китай ускорил темпы перехода от статуса региональной к статусу глобальной державы. Начав приближаться к центру мировой системы, китайская дипломатия и безопасность стала рассматривать эти концепции как план и руководство к действию. После того, как осенью 2012 года товарищ Си Цзиньпин стал генеральным секретарем ЦК Компартии Китая, в Китае на высшем уровне больше внимания стало уделяться необходимости разработки стратегического мышления в дипломатии, и было выдвинута новая концепция «дипломатии великой державы с китайской спецификой». С этого времени Китай все чаще рассматривает международные отношения через призму большой страны и занимается глобальными делами на основе концепции и духа великой державы. В середине 2013 года Китай предложил «углубить путь дипломатии великой державы с китайской спецификой». В ноябре 2014 года Си Цзиньпин подчеркнул: «Китай должен иметь собственную национальную дипломатию со своими характеристиками, мы должны сделать иностранную работу нашей страны с отличительной китайской спецификой, китайским стилем и китайским

духом»; «дипломатия великой державы с китайской спецификой» относится не только к дипломатии Китая как мировой державе, но также означает китайскую дипломатию на данном конкретном этапе, а именно «дипломатию с китайской спецификой».

2) Формирование и развитие общей концепции национальной безопасности.

Весной 2014 года в Китае был создан Комитет государственной безопасности. Это знаменательное событие в развитии теории и практики безопасности Китая. На первом пленарном заседании Совета национальной безопасности Си Цзиньпин детально объяснил концепцию общей идеи национальной безопасности, подчеркнув, что на основе «точного понимания новых характеристик и новых тенденций изменения ситуации в государственной безопасности», необходимо «придерживаться общей концепции национальной безопасности и чтобы не сходить с пути национальной безопасности с китайской спецификой»¹.

Общая концепция национальной безопасности родилась в контексте все более усложнявшихся проблем безопасности в Китае. В мире, начиная с нового столетия, традиционная безопасность и нетрадиционная безопасность переплетаются и накладываются. Международный терроризм, начавший террористическую атаку 11 сентября на Соединенные Штаты, затянувшиеся войны в Афганистане и Ираке, Северокорейская ядерная проблема и проблема Ирана привели к усилению международной напряженности. «Арабская весна» в Западной Азии и Северной Африке привела к сильным региональным беспорядкам, глобальный финансовый кризис и европейский долговой кризис серьезно повлияли на мировую экономику. Изменение климата, массовые инфекционные заболевания и кибератаки создают новые угрозы, международная волна беженцев, ставшая причиной и следстви-

ем напряженных отношений между США и Европой, популистские и экстремистские течения, вместе с непредвиденными событиями, называемыми «чёрными лебедями», повсеместно возникают и перекликаются с изменениями политических ситуаций. В контексте возникновения этих новых проблем имеющиеся и существующие механизмы международного сотрудничества и основные теории уже оказались сложными для применения в этой новой обстановке.

Проблемы безопасности, с которыми сталкивается Китай на своей территории, очень сложны. Будучи крупнейшей развивающейся страной в мире, Китай имеет низкие показатели ВВП на душу населения. Проблемы несогласованности, дисбаланса и неустойчивости в развитии по-прежнему очень заметны. Способность научно-технических инноваций невелика, промышленная структура страны необоснованная, а сельскохозяйственный фундамент слаб. «Необходимо усилить верховенства закона при частом возникновении крупных происшествий в области безопасности»², заняться строительством «чистой партии» и «чистого правительства» и борьбой с коррупцией. Поставленные в этой области задачи очень серьезны. В некоторых районах Китая часто происходят массовые инциденты, из-за проникновения этнических сепаратистских сил и враждебных сил из-за рубежа очень сложно поддерживать социальную гармонию, стабильность и внутреннюю безопасность. Кроме того, загрязнение окружающей среды и неумеренное потребление ресурсов обостряют проблемы экологической и ресурсной безопасности Китая. В связи с этим Центральный Комитет партии с товарищем Си Цзиньпином во главе стремится идти в ногу со временем и отстаивать дух бесстрашия, чтобы инициировать новое понимание современных проблем безопасности и стремиться энергично продвигать новое по-

¹ Си Цзиньпин: «Придерживаться общей концепции национальной безопасности и идти по пути национальной безопасности с китайской спецификой» // «Синьхуа», 15 апреля 2014. Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/politics/2014-04/15/c_1110253910.htm (на китайском / in Chinese)

² «Предложение Центрального комитета Коммунистической партии Китая по разработке национального, экономического и социального развития в тринадцатом пятилетнем плане» // «Синьхуа», 03 ноября 2015. Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/fortune/2015-11/03/c_1117027676.htm (на китайском / in Chinese)

строение теории безопасности. В этом контексте и возникла в Китае общая концепция национальной безопасности. Нам поручено решать новые задачи, поставленные временем Китаю и международному сообществу.

3) Новый поиск: от «подведения итогов» к «моделированию возможностей».

Если главная задача построения теории дипломатии и безопасности Китая на предыдущем этапе заключалась в том, чтобы сделать исторические обобщения и краткое изложение основных взглядов, то акцент в будущем должен быть перенесен на создание теории перспективного высокоуровневого планирования.

Во-первых, мы должны рассматривать и обогащать существующие теории дипломатии и безопасности на основе имеющегося опыта исторического развития. Мы должны начать с подходов и методов исторического материализма и диалектического материализма, обобщить и свести к единому целому что есть, чего не хватает и что необходимо добавить Китаю в теории дипломатии и безопасности. Конечно, мы должны не только наследовать прекрасную традиционную культуру Китая и выдающиеся достижения зарубежной цивилизации, но и обратить особое внимание на новые идеи Китая в дипломатии и безопасности. Однако это не означает, что мы можем полагаться только на своих предшественников, без разработки собственных инициативных и инновационных решений. Напротив, мы должны дальше развиваться, основываясь на идеологической теории от Конфуция до Сунь Ятсена, Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина, формируя новую концепцию и теоретическую систему, добываясь труднодостижимых целей в отголосках современных теорий.

Во-вторых, мы должны изучить возможности появления и спланировать развитие будущих теорий дипломатии и безопасности в свете исторических перемен. Если посмотреть на временные рамки развития с точки зрения «начального этапа социализма», Китай в будущем столкнется со все более серьезными проблемами в области дипломатии и безопасности. Китаю необходимо укрепить идеологический и теоретический консенсус в отношении дипломатии

и безопасности в период развития страны и общества. Необходимо четко формулировать стратегические цели, задачи, основные проблемы и направления переходного периода «всестороннего построения общества средней зажиточности» и так называемых «держав среднего уровня». Только таким образом новая теория дипломатии и безопасности Китая может стать идеологическим и теоретическим руководством для решения новых возникающих проблем.

В-третьих, мы должны рассматривать взаимодействие между Китаем и международным сообществом в новую эпоху возникновения теории дипломатии и безопасности Китая с точки зрения внутренней и внешней координации. Начиная с XVIII Всекитайского съезда КПК Китай успешно провел совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) в Шанхае, саммит АТЭС в Пекине, саммит G20 в Ханчжоу, саммит БРИКС в Сямьне, форум Пекинского международного сотрудничества «Один пояс и один путь» и т. д. Китай использует «дипломатию на своем поле» для передачи китайских идей и теорий миру, и выдвигает новые идеи в области дипломатии, безопасности, экономики, культуры и т. д. В то же время Китай также проводит много двусторонних и многосторонних мероприятий и других способов конструктивного взаимодействия с международным сообществом в отношении практики и теории дипломатии и безопасности. Однако существующее взаимодействие Китая с миром по-прежнему далеко от того масштаба и эффекта, который они должны иметь. Более того, в эпоху переплетения внутреннего и внешнего, теория дипломатии Китая может быть по-настоящему универсальной только пройдя через проверку международной практикой.

Нам нужно ускорить теоретическое построение теории дипломатии и безопасности Китая, чтобы эти, получившиеся новые теории и стратегии, могли долгое время служить Китаю.

Материальные и практические характеристики теории

При построении теории дипломатической безопасности Китаю необходимо укрепить свою «материальную природу» и

исходить из приоритета практики. Практика является наиболее важной и фундаментальной характеристикой философии марксизма. «Материальная природа» подчеркивает интерактивный характер общественных производительных сил и производственных отношений, а также теорию и практику. «Практика в первую очередь» подчеркивает, что теория должна быть реализована на практике, чтобы можно было бы ей руководствоваться в практической деятельности.

1) Богатая практика дипломатии и безопасности в Китае является прочной почвой для построения соответствующих теорий.

С момента основания Китайской Народной Республики, особенно после начала политики реформ и открытости, комплексная мощь Китая продолжает расти. Теперь Китай стал второй по величине экономикой мира. Относительно прочная материальная основа решительно поддерживает национальную дипломатию. Между тем, национальная дипломатия добилась больших успехов в преодолении многочисленных трудностей, национальная безопасность также продолжает укрепляться в борьбе со многими серьезными внутренними и внешними проблемами. Практика дипломатической безопасности Китая богата, дорога извилиста, а достижения огромны, что не часто можно увидеть у современных мировых держав. Именно эта практика в сочетании с универсальной истиной марксизма является источником китайского марксизма. Она и является основой новой концепции китайской дипломатии и общей концепции национальной безопасности, которые обогатили и развили социалистическую теорию с китайской спецификой.

2) Постоянное расширение внутреннего объема и содержания дипломатической и национальной безопасности Китая.

С укреплением всеобъемлющей национальной силы и повышением международного статуса, дипломатия Китая уже давно вышла за рамки первоначальной региональной категории, и в настоящее время проходит трансформацию от дипломатии государственного субъекта до дипломатии, совмещающей в себе дипломатию государственного субъекта и негосударственного

субъекта (например, национальная правительственная дипломатия и «народная» дипломатия). В конкретной области это понятие также расширяется от политической дипломатии и дипломатии безопасности к экономической дипломатии, культурной дипломатии, социальной дипломатии, спортивной дипломатии и т. д. Точно так же область национальной безопасности Китая постепенно расширилась от традиционной безопасности и военной безопасности до общей национальной безопасности. Общая национальная безопасность включает в себя не только политику, экономику, военное дело, культуру, общество, землю, науку, технологию, информацию, экологию и ресурсы, в то же время она также включает безопасность новых областей, таких как социальные сети, океаны, космос и полярные области, а также безопасность человека и интеллектуальную безопасность.

3) Понимание Китаем дипломатии и безопасности постоянно движется от чувственного восприятия до рационального понимания на практике.

После 18 съезда партия и государство придают большое значение осуществлению на практике самосознания и уверенности в своих силах. Дипломатия и безопасность Китая, в первую очередь, являются практическим вопросом, отражающим логическую отправную точку дипломатии и безопасности Китая на современном этапе. В то же время практика дипломатии и безопасности Китая постоянно развивается, постоянно укрепляется на практике самосознание и уверенность в своих силах. Практика дипломатии и безопасности Китая становится все более и более распространенной, и ее результаты становятся все более значительными. Это увеличивает необходимость и возможность перехода от чувственного восприятия к рациональному пониманию, взаимно способствуя практическому самосознанию, способствует взаимному продвижению практического сознания, уверенности в себе и теории самосознания и уверенности в себе. После 18 съезда дипломатические ведомства внешних сношений китайского правительства укрепили теоретические исследования, возвышение теоретического понимания еще

больше укрепило руководящую роль практики. Кроме того, академическое сообщество не является прямым субъектом дипломатии и безопасности Китая. Тем не менее, посредством косвенного и виртуального участия, они углубляют восприятие знаний на практике и способствуют трансформации познания от чувствительности к разуму путем академических исследований.

Преимственность теории в новый период

В дополнение к практике выдающаяся китайская цивилизация и доктрина Маркса являются основным источником теории дипломатической безопасности Китая. В новой ситуации, подводя итоги размышления, Китай выбирает приоритеты и основные положения передаваемого наследия, чтобы построить и обогатить теорию.

1) Преимственность выдающейся китайской цивилизации.

Дипломатия и безопасность Китая тесно связаны с основными интересами страны, и соответствующие теории должны прежде всего иметь характеристики китайской цивилизации. Исследуя преимущество китайской цивилизации в аспектах дипломатии и безопасности, мы должны мыслить «двумя диалектическими моментами» и действовать путем «двустороннего взаимодействия».

Во-первых, «государство» и «домохозяйство» зависят друг от друга. Китай как единая страна, смог просуществовать в течение нескольких тысяч лет. В значительной степени он получил выгоду от консенсуса нации, общества и народа в вопросе «государства». Основополагающим теоретическим ядром этого консенсуса является то, что «государство» и «домохозяйство» зависят друг от друга. Мэн-цзы сказал: «Китай зиждется на государственности, государство зиждется на семье, семья зиждется на человеке». Философское обсуждение мудрецами «государства» и «домохозяйства» более 2000 лет назад имеет практическое значение и в настоящее время. С одной стороны, «государство» представляет общие интересы китайской нации. Вне зависимости обусловлены ли они влиянием естественных условий,

неоднократными вторжениями иноземцев или эпохой всеобъемлющей национальной силовой конкуренции, китайской нации нужна организованность и защита государства, поэтому продвигается система ценностей «ради государственных дел забыть о своей семье, ради общего блага забыть о себе». Си Цзиньпин однажды сказал: «Верное служение отечеству – моя цель в жизни». С другой стороны, если собрать вместе множество «домохозяйств» - получится «государство». «Государство» основывается на тысячах семей и отдельных людях, поэтому роли семьи и человека следует уделять больше внимания. Предложенное Конфуцием положение о том, что «стабильность Китая заключается в управлении государством, где совершенствование начинается с собственного «я» и продолжается в «семье», испокон веков непрерывно воодушевляет людей высоких идеалов и морали «любить семью и государство». Во многих случаях Си Цзиньпин подчеркивал диалектическое единство «государства» и «дома», содержащихся в превосходной китайской цивилизации. Он призвал «сотни тысяч семей стать важной основой для национального развития, национального прогресса и социальной гармонии». Это показывает, что «государство» и «дом» дополняют друг друга. Это достижение великой нации Китая, которая не только из поколения в поколение проходила испытания, но продолжает двигаться вперед.

Во-вторых, соответствие «войны» и «мира». От древней династии Ся и династии Шан до поздней династии Цин китайская национальная безопасность и дипломатия были тесно связаны. Цель «мир и процветание» и «Великая гармония в мире», к которым стремилось государство, становилась темой неуклонных теоретических исследований и академических дискуссий бесчисленного количества мудрецов, сформировав мысль о регулировании государственных дел и мировой дипломатии с китайской спецификой и «гармонию» Конфуция. И философское отрицание нападения учения Мо Ди воплотило его концентрированное проявление. Но в эпоху «закона джунглей» и «игр с нулевой суммой», в ситуациях многократного вторжения и оккупации, желаемая «теория толь-

ко мира» не только неработоспособна, но и крайне вредна. В древнем китайском трактате по военному искусству «Искусство войны Сыма Сянжу» говорится: «Даже если страна является большой страной, всеобщая война наверняка приведет к прекращению всеобщего существования. Хотя мир находится в спокойствии, опасно забывать войну». Кратко и всеобъемлюще Си Цзиньпин отметил по этому поводу: «Китай идет по пути мирного развития, и другие страны тоже должны идти по пути мирного развития». В то же время Си Цзиньпин также подчеркнул: «Только если все страны выйдут на путь мирного развития, они смогут развиваться вместе, и могут мирно сосуществовать друг с другом». Эта диалектическая интерпретация двусторонних отношений между мирным развитием и многонаправленным взаимодействием имеет большое руководящее значение для нас, чтобы понять и справиться с нынешней сложной международной ситуацией.

В-третьих, взаимное дополнение «дружбы» и «нападения». Со времен династий Хань и Тан территория Китая остается, в основном, неизменной. Экономика сельскохозяйственного Китая в основном требовала осуществлять оборонительную позицию в вопросе территории. В этой ситуации произошли большие изменения во времена Цинской династии. Китай во внешней политике с древних времен строил свои отношения на «гармонии» и «дружбе». Тем не менее, если о внешней политике Китая с древних времен говорить только с позиции добрососедства, это не будет является всеобъемлющим и объективным. В период Сражающихся царств между всеми вассальными государствами часто реализовывалось распределение власти по принципам «дружба с соседними царствами, война с дальними» и «использование хитроумных приемов». Во время династий Хань и Тан, когда Китай открывал и поддерживал Шелковый путь, он был подкреплен серьезной силой, и также умело использовал Западные страны против врагов гуннов. В конце правления династии Цин Китай, даже находясь в затруднительном положении «слабого государства, не имеющего дипломатии», по-прежнему «господствовал над варварами,

используя их самих» для достижения цели сохранения жизненного пути страны.

Поэтому, обсуждая вопрос о «дружбе» и «нападении» во внешних отношениях Китая, мы не должны говорить с позиции «доктрины, подтверждающей только односторонний подход», но и с позиции «доктрины, подтверждающей два мнения» или даже с позиции «доктрины, подтверждающей много мнений». Такое положение не только подкрепляется историческими фактами, но и более легко воспринимается иностранцами.

2) Преимущество учения Маркса.

Основой теории китайской дипломатии и безопасности является учение Маркса, в особенности идеи «китаизация» Маркса. Самыми важным из этих «красных генов» Китая является исторический материализм и диалектический материализм, то есть позиции, идеи и методы марксизма. В теории дипломатии и безопасности Коммунистическая партия будет следовать в целом китайским принципам доктрины Маркса с сочетанием международной и национальной ситуации. В наследовании следующих трех аспектов это особенно заметно.

Во-первых, международная система беспристрастности и справедливости. Учение Маркса гласит, что на необходимой исторической стадии своего существования государство должно подчеркивать мирное сосуществование, беспристрастность и справедливость со всеми странами мира. Маркс и Энгельс изложили основное содержание и характеристики беспристрастности справедливости, исходя из исторического материализма, критики буржуазии и идеалов будущего общества. Побывав в качестве полуколониальной и полуфеодальной страны более ста лет, Китай стал более настойчив в стремлении к равенству между государствами и нациями. После создания Китайской Народной Республики он всегда подчеркивал необходимость справедливых и разумных международных отношений, и важность международного правосудия. По мере продвижения к глобальной власти и силы Китай активно содействует развитию международной системы в более справедливом и разумном направлении. Усиливает репрезентативность и рациональность меж-

дународной системы в плане дипломатии, в сфере безопасности пропагандирует новую концепцию безопасности, общую безопасность, всеобъемлющую безопасность, безопасность сотрудничества и устойчивую безопасность. Кроме того, Си Цзиньпин также подчеркнул необходимость сочетания дипломатии, безопасности и других факторов для всестороннего рассмотрения. 17 февраля 2017 года на симпозиуме по вопросам национальной безопасности Си Цзиньпин подчеркнул: «Общее направление многополярности, экономической глобализации и демократизации международных отношений не изменилось. Мы должны направить международное сообщество на совместное формирование более справедливого и рационального нового международного порядка». Все это представляет собой воплощение, разработку и реализацию марксистской концепции государства, дипломатии и безопасности в новых условиях.

Во-вторых, международные отношения и сотрудничество, основанное на взаимном выигрыше. Поле зрения международных отношений классического марксизма это, главным образом, мировое общение, международная классовая борьба, мировая революция и т.д.³ После победы Октябрьской революции в России, Ленин в начале двадцатых годов двадцатого века, в соответствии с изменением международного положения, то есть при временном равновесии в соотношении сил социализма и капитализма и фактическими потребностями экономического общения, представил на суд общественности теорию возможности мирного сосуществования социалистических и капиталистических государств⁴. Под руководством Дэн Сяопина, был осуществлен важный переворот во внешнеполитическом курсе Китая, сделан упор на необходимости из стратегических интересов страны, а не с

точки зрения идеологии, налаживать межгосударственные отношения, по принципу «так можно решить все проблемы надлежащим образом»⁵. Произошли перемены, в настоящее время, Китай, как представитель группы развивающихся больших стран, в развитии как раз находится на массовом подъеме и может уже сравнительно равноправно вести диалог с развитыми западными странами. Си Цзиньпин подчеркнул: «Нужно твердо придерживаться сотрудничества, основанного на взаимном выигрыше, стимулировать создание новой формы международных отношений, и взяв концепцию взаимовыгодного сотрудничества сотрудничества в качестве основы, воплотить концепцию взаимовыгодного сотрудничества в политике, экономике, безопасности, культуре и во всех других областях внешнего сотрудничества»⁶. В настоящее время, предложенная Китаем новая форма международных отношений, основанная на взаимовыгодном сотрудничестве, сейчас постепенно становится реальностью.

В-третьих, совместно построенное и совместно используемое «сообщество с единой судьбой». В отношении коренной характеристики марксизма, Дэн Сяопин отметил, «Другое название марксизма – коммунизм. Наша многолетняя борьба только ради коммунизма, наши вера и идеал только то, что нужно, чтобы был коммунизм». Хотя после крупных перемен в Восточной Европе в международном положении появились важные перемены, особенно то, что мировое коммунистическое движение опустилось на низшую точку, но Китай по-прежнему придерживается руководства коммунистической партии, социалистического пути и коммунистических идеалов. После 19-го съезда партии, Си Цзиньпин выступил с инициативой создания «сообщества единой судь-

³ Го Шуюн: «Обсуждение идеологии международных отношений марксизма и курс исследования» // Мировая экономика и политика, 2004, No. 4, p. 2. (на китайском / in Chinese)

⁴ См. Полное собрание сочинений В.И. Ленина. Т. 32. Издательство «Жэньминь чубаньшэ», 1958. – С. 465-466; Т. 33, 1957, с. 128. (на китайском / in Chinese)

⁵ Собрание избранных произведений Дэн Сяопина. Т. 3. Издательство «Жэньминь чубаньшэ», 1993. – С. 330. (на китайском / in Chinese)

⁶ Опубликованная важная речь Си Цзиньпина на Центральной рабочей конференции по иностранным делам // «Синьхуа», 29 ноября 2014. Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/ttgg/2014-11/29/c_1113457723.htm (на китайском / in Chinese)

бы человечества», это уже принято в соображение в нынешнем реальном положении внутренней и внешней среды и указало направление развития международного общества. С точки зрения развития, «сообщества единой судьбы человечества» это тоже, осуществляемая коммунизмом поэтапная цель, взаимное дополнение друг друга, диалектическое единство.

Инновационное разъединение и синтез взаимодействия

Тесное соединение дипломатии с проблемами обеспечения безопасности. Си Цзиньпин подчеркнул, необходимо «учитывать ситуацию государственной безопасности, защиту государственной безопасности, нужно использовать закономерность, опираясь на большие перемены в сфере международного порядка». Поэтому китайской дипломатии и доктрине безопасности не только необходимо отдельное развитие, но также необходимо взаимное содействие, нужно еще больше расширить территорию и сферы проведения общения, состязания, слияния, создать инновационный синтез разъединения и взаимодействия.

Теоретическое инновационное разъединение.

Практическое углубление развития дипломатии и безопасности Китая, связанное с этим теоретическом строительством, также вошло в период высокоактивных изысканий и инноваций.

Во-первых, теоретическое развитие проблемы разных периодов. Со времени образования Китайской Народной Республики, сформировалась теория дипломатии и безопасности разных периодов. Вообще говоря, теории прошли через три этапа: защита государственной власти и политическая безопасность, защита важнейших интересов страны и расширение экономических и культурных интересов страны, продвижение глобального управления и реформирование системы международных отношений. В области теории дипломатии, со времени образования Китайской народной республики, пройден опыт идеологии дипломатии Мао Цзэдуна и идеологии дипломатии Дэн Сяопина (включая идеологию дипломатии

Цзян Цзэминя и идеологию дипломатии Ху Цзиньтао) и др. этапы. После 18-го съезда партии, Си Цзиньпин в сложной запутанной внутренней и внешней обстановке и богатой разносторонней дипломатической практике наследует и развивает дипломатическую идеологию предшественников. Он стоит в первых рядах развития эпохи, опирается на Китай и охватывает взором весь мир, выдвигает новые требования построения теории дипломатии великой державы с китайской спецификой. Соответствующая теория дипломатии и результат инновации «это важная составляющая теоретической системы социализма с китайской спецификой... необходимо руководство и направление, чтобы дипломатия великой державы с китайской спецификой непрерывно добивалась новых побед»⁷.

В области теории государственной безопасности, со времени образования КНР, в разные периоды сформировалась разная стратегическая идеология государственной безопасности. «Эти стратегические идеологии безопасности имеют сходство в преимущественном большом внимании к стабильной политической власти, охране безопасности государственного суверенитета, поддержки принципов независимости и добрососедства и других областях, также имеют специфичность в разном интерпретировании и реагировании в отношении к безопасности в разных условиях»⁸. В общем, взгляд на безопасность в Китае непрерывно расширяется горизонтально и вертикально. «Горизонтально – расширение государственной безопасностью сфер из сосредоточенных в прошлом в политике и военном деле. Вертикально – расширение безопасности других уровней из пристального внимания к собственной безопасности»⁹.

⁷ Ян Цзечи. Придерживание теории дипломатии и практических нововведений непрерывное создание нового положения китайской дипломатии // «Цюши», 2016, no. 3, pp. 5-6. (на китайском / in Chinese)

⁸ Целостный взгляд на национальную безопасность: учебник для кадровых работников. Китайское издательство, 2016, p. 11. (на китайском / in Chinese)

⁹ Ibid. Pp. 12-13.

Т.е. нужно объединять безопасность каждой сферы вместе и создать единую систему безопасности. Рассматривать национальную безопасность как единую систему... во избежание взаимных противоречий, столкновений, препятствий, ограничений в безопасности разных сфер»¹⁰.

Во-вторых, инновационный метод вертикального и горизонтального. Развитие китайской теории дипломатии и безопасности представляет собой вертикальное, горизонтальное и мульти-интегрированное новое устройство. В вертикальном аспекте, теория дипломатии великой державы с китайской спецификой и целостный взгляд на национальную безопасность прошли постепенное развитие, разные этапы. Например, развитие дипломатической идеологии Дэн Сяопина – это прохождение его международной стратегической идеологии, дипломатической международной стратегической идеологии и др. этапов вплоть до создания целостной теории безопасности 1995 года¹¹. Рассматривая горизонтальный срез, китайская теория дипломатии и безопасности становятся взаимодополняющими. В теории дипломатии великой державы с китайской спецификой содержатся множественные элементы международной политики, мировой экономики, общественной культуры и др. Китай сейчас проводит комплексное упорядочение и объединение богатой практики и создания идеологии дипломатии, безопасности и других сфер. Китайские внутренние реформы и экономическое развитие тоже непрерывно выдвигают новые теоретические требования к дипломатии и безопасности. Эти требования превосходят традиционные теоретические новаторства, делают упор на единое планирование, комплексность и цельность. С другой стороны, непрерывные инновации китайской теории дипломатии и безопасности также

дают могущественный толчок социально-экономическому развитию в стране.

Теоретический синтез в области международного взаимодействия.

В китайской теории дипломатии и безопасности не только необходимо продолжать придерживаться и развивать собственную специфику, но также необходим на данной основе обмен с международной теорией, состязание, слияние, развитие и рост во взаимодействии.

Во-первых, придерживаться специфики и увеличивать всеобщность. Придерживаясь специфики китайской теории дипломатии и безопасности, самое важное это придерживаться руководства коммунистической партии и социалистического строя, кроме того нужно придерживаться продолжения и развития выдающейся истории и традиционной культуры Китая, одновременно придавать большое внимание к практическим новшествам современной китайской дипломатии.

Относительно увеличения всеобщности, необходимо расширение теории китайской культуры великой державы, теорию социалистической великой державы, теорию развивающихся больших стран, теорию глобальной великой державы и др. международную всеобщность. Во время расширения всеобщности теории дипломатии и безопасности мирового сообщества Китаю еще необходимо увеличивать общность различных цивилизаций, представленных теорией, для большего углубления и долговечности китайского и мирового взаимодействия. Развитие и расширение международной всеобщности китайской теории может предоставить для теории китайской специфики еще более обширную платформу, также может повысить вдохновляющую силу и влияние теории китайской специфики в мире.

Во-вторых, перекрестное взаимодействие и инновационный синтез. В границах теории международной дипломатии и безопасности, Америка, представляющая западные страны длительное время имеет господствующее положение, но теории дипломатии и безопасности западных стран с каждым днем все более не хватает современной жизнеспособности и инновационной силы. Например, когда западные страны столкнулись

¹⁰ Лю Цзяньфэй. Целостный взгляд на национальную безопасность: теоретическое руководство и основные методы // Сюэсишибао, 03 мая 2016. (на китайском / in Chinese)

¹¹ Китайская «Новая концепция безопасности»: самая ранняя, 1995 г., представлена на региональном форуме АСЕАН. (на китайском / in Chinese)

с подъемом Китая, они стали обращаться за помощью к уже имеющимся теориям, опираться на теорию ловушки Фукидида, считают, что неизбежен конфликт между зарождающейся великой державой и сохраняющейся великой державой. В связи с этим, Си Цзиньпин подчеркнул и указал, «в мире изначально не было ловушки Фукидида, но между великими державами неоднократно происходят неправильные стратегические взаимодействия, возможно они просто сами себе создают ловушки Фукидида¹².

Совершенно очевидно, Си Цзиньпин в духе «не имея достойных предшественников, не зная равных преемников» влил новую силу в современную теорию международных отношений. Так Китай, участвуя в механизме международного сотрудничества и в других областях, в реагировании на изменение климата и других мировых проблем, усвоил международные уроки, тем расширив кругозор для осуществления китайского теоретического новаторства.

3. Укрепление руководящего значения теории.

Теория дипломатии великой державы с китайской спецификой и целостный взгляд на национальную безопасность берут начало из практики, но и расширяют границы практики.

Во-первых, укрепление практического и прикладного значения теории. Теория делится на уровни, а также имеет свойство эффективности на данном отрезке времени. Когда Китай выходит в центр мировой арены, существует очень острая необходимость предоставить достаточные возможности руководству отвечать на современные вызовы и планировать теорию полезности будущего развития.

Во-вторых, укрепление системного построения теории.

В соответствии с реальной потребно-

стью, Китай в области дипломатии и безопасности выдвинул немало новых концепций и взглядов, но в их отношениях между собой еще не образовано единое целое. Таким образом, нужно продолжать стимулировать еще более органичное слияние китайской теории дипломатии и безопасности с теорией социализма с китайской спецификой и исследовать связь между той, и другой, и далее проводить тщательную логическую дедукцию и создание научной системы.

В-третьих, серьезное отношение к единству теории и практики. Дипломатия и безопасность тесно связаны с современной обстановкой, если использовать их неправильно, то легко попасть в положение «за деревьями не видеть леса». Система и научная теория могут помочь перешагнуть обыденные конкретные случаи, дать лучший анализ, индукцию, цельность, и затем на этой основе создать возможность формирования перспективной теории. Таким образом, во время реагирования на проблемы, нужно избегать разрыва между теорией и практикой, явление «одного, но с разным результатом».

В-четвертых, обращение пристального внимания на проверку теории на практике. Теория должна непрерывно на практике получать проверку и оценку. Практическая проверка дипломатии и безопасности очень строгие, иногда даже жестокая, здесь не допустимы ни полкапли фальш. Таким образом, в вопросе практической проверки теории, политические круги и научное сообщество должны проводить глубокий анализ, испытывать глубокое уважение к теории и, в процессе практической проверки, непрерывно совершенствоваться и привносить новое в теорию.

Заключение

Великая эпоха требует великих теорий. Однако теоретическое построение также является долгосрочной и сложной комплексной системой, которая требует многократного взаимодействия, взаимного продвижения между чувственным восприятием и рационалистическим познанием и постепенного формирования единой системы. Реформы и открытие Китая должны укрепить по-

¹² Речь Си Цзиньпина на совместном ответственном банкете с местным правительством и дружественными организациями в Вашингтоне / сайт МИД Китая, 22.09.2015. Режим доступа: http://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/zt_674979/dnzt_674981/xzxzt/xpjdmgjxgsfw_684149/zxxx_684151/t1299508.shtml (на китайском / in Chinese)

строение теоретической системы социализма с китайской спецификой, в то время как построение дипломатических теорий и теорий безопасности с китайской спецификой является важной частью этой будущей единой системы. Для того, чтобы изменить сложившуюся теорию развития дипломатии и безопасности, где ученые отстают от руководства, а академические работы отстают от политической ситуации, нам необходимо повысить осведомленность и принять практические меры для содействия теоретическим исследованиям и новациям.

Поэтому необходимо крепить осознание проблем и укреплять новаторство в теории. Жизнеспособность теории заключается в инновациях. Процесс теоретических инноваций – это открытие проблем, изучение проблем и процесс решения проблем. Мы должны обладать высокой степенью теоретического сознания и теоретической чувствительности, и быть умелыми в деле выдвижения вопросов и разрешения проблем, т.е. проводить глубокие исследования, анализ и предлагать решения. Мы должны придавать большое значение суммарным уточнениям и формировать новую теорию.

Рассматривая историю построения дипломатических теорий и теорий безопасности с китайской спецификой, мы можем увидеть, что задачи на текущий и будущий период будут в основном сосредоточены на углублении и взаимном продвижении теории дипломатии и теории безопасности, интеграции этих теорий с национальными экономическими и социальными теориями, международном взаимодействии и слиянии китайских теорий дипломатии и безопасности, а также усилении динамической взаимосвязи между теорией опытной реализации и осуществлением теоретического руководства. Кроме того, мы должны улучшить теоретическую основу исследования текущих дел и контрмер и укрепить теоретическое создание «аналитических центров». В двух словах, мы должны сосредоточить свою энергию на применении теории и построении систематических конструкций. Глядя в будущее, необходимо понимать, что еще предстоит пройти долгий путь в построении теорий дипломатии и безопасности с

китайской спецификой. Однако, до тех пор, пока мы повышаем понимание практики и теории, укрепляем нашу практику и теоретическую уверенность, прилагаем неустанные усилия и непрерывные инновации, мы в конечном итоге сможем достигнуть слияния практики и теории.

References:

Си Цзиньпин: «Придерживаться общей концепции национальной безопасности и идти по пути национальной безопасности с китайской спецификой» // «Синьхуа», 15 апреля 2014. Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/politics/2014-04/15/c_1110253910.htm (на китайском / in Chinese)

Го Шуюн: «Обсуждение идеологии международных отношений марксизма и курс исследования» // *Мировая экономика и политика*, 2004, No. 4, p. 2. (на китайском / in Chinese)

Полное собрание сочинений В.И. Ленина. Т. 32. Издательство «Жэньминь чубаньшэ», 1958. – С. 465-466; Т. 33, 1957, с. 128. (на китайском / in Chinese)

Собрание избранных произведений Дэн Сяопина. Т. 3. Издательство «Жэньминь чубаньшэ», 1993. – С. 330. (на китайском / in Chinese)

Ян Цзечи. Придерживание теории дипломатии и практических нововведений непрерывное создание нового положения китайской дипломатии // «Цюши», 2016, no. 3, pp. 5-6. (на китайском / in Chinese)

Целостный взгляд на национальную безопасность: учебник для кадровых работников. Китайское издательство, 2016, p. 11. (на китайском / in Chinese)

Целостный взгляд на национальную безопасность: теоретическое руководство и основные методы // Сюэшишибао, 03 мая 2016. (на китайском / in Chinese)

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10016

CHINA'S DIPLOMATIC AND SECURITY THEORIES IN THE NEW ERA

Yang Jiemian

*Shanghai Institute for International Studies,
Shanghai, China*

<p>Article history: <i>Received:</i> 10.12.2018 <i>Accepted:</i> 15.04.2019</p>	<p>Abstract: The 18th CPC Congress marked a new era for China's domestic and foreign policies. Building on traditional Chinese culture and Marxism, China has achieved remarkable progress in diplomatic theory building in terms of theoretic framework, issue orientation, and methodologies, and now it is now time for systematic integration. While preparing for the CPC 19th Congress, we should heighten consciousness of practice and theory, enhance issue awareness, grasp the essence of the matters, conduct analytic researches, and work at effective solutions, and stress summarization and crystallization, thus forming new concepts and theories. While building China's system of diplomatic theories, it is necessary to better align foreign policy with security and domestic policies; integrate diplomatic philosophy, theories, strategies, and policies; properly handle the relationships between Chinese characteristics, international relevance, and worldwide significance; and increase the applicability of theories in diplomatic practice.</p>
<p>About the author: Principal Researcher, Shanghai Institute for International Studies e-mail: sravnitpolit@mail.ru</p>	
<p>Key words: China's diplomatic theory; concept of comprehensive national security; innovative diplomatic theories</p>	

Для цитирования: Ян Цземьянь. Китайская теория дипломатии и безопасности в новую эпоху // *Сравнительная политика*. – 2019. №2 – С. 56-68.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10016

For citation: Yang Jiemian. Kitayskaya teoriya diplomatii i bezopasnosti v novuyu epokhu (China's Diplomatic and Security Theories in the New Era) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 2, pp. 56-68.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10016

«НОВЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК» В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ КИТАЕМ, РОССИЕЙ И США

Чжао Хуашэн

*Институт международных исследований
Фуданьского университета,
Шанхай, Китайская Народная Республика*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 13 декабря 2018 <i>Принята к печати:</i> 5 апреля 2019</p>	<p>Аннотация: Появление в отношениях Китая, России и США «нового треугольника» взаимоотношений стало объективной реальностью. По своему характеру, структуре, содержанию, функциональности и влиянию нынешний треугольник отличается от существовавшего в прошлом «великого треугольника» КНР-США-СССР. В отношениях трех стран нет определенной колеи изменений, на современном этапе их перспективы являются открытыми. В китайско-российско-американском «новом треугольнике» происходит множество изменений, которые можно разделить на фоновые изменения и непосредственные изменения, влияющие на структуру взаимоотношений. Изменения в «треугольнике» не являются механическими, изолированными от окружающего мира и однолинейными, их определяет взаимодействие множества факторов. Теоретически в «треугольнике» Китая, России и США существует множество возможных моделей, выбор которых не является исключительно субъективным и зависит в значительной степени от общей ситуации и реальных потребностей.</p> <p>Создание союза является инструментальным и теоретически нет необходимости полностью устранять его из набора дипломатического инструментария. Внутри «треугольника» китайско-российское партнерство без заключения союза представляет наилучшую модель, заключение союза может быть лишь вынужденным выбором. Заключение китайско-российского союза будет подразумевать восприятие США как открытого врага, и хотя союз позволяет ослабить угрозу, обозначение великой державы в качестве врага само по себе создаст огромное стратегическое давление. Большим стратегическим успехом для Китая будет предотвратить появление врага, и в особенности -- не позволить партнерам превратиться во врага. Не менее важно поддержание с двумя другими державами хороших связей на еще более высоком уровне дипломатии. Хотя вероятность китайско-российского военно-политического союза очень низка, продолжение ухудшения китайско-американских и российско-американских отношений способом подтолкнуть Китай и Россию к созданию некоего азиатского блока. Китай отвергает менталитет холодной войны и «игру с нулевой суммой», однако он способен рационально, эффективно и конструктивно использовать структуру китайско-российско-американского треугольника</p>
<p>Об авторе: профессор, Институт международных исследований Фуданьского университета e-mail: sravnitpolit@mail.ru</p>	
<p>Ключевые слова: «большой треугольник»; отношения «нового треугольника»; Китай-Россия-США; переменные; модель</p>	

В современной международной политике Китай, Россия и США являются тремя наиболее крупными странами, обладающими мощным геополитическим влиянием. Эти отношения привлекают наибольшее внимание среди отношений между крупными державами, их изменения и развитие в значительной степени влияют на международную структуру и изменения в мировой обстановке.

Соединенные Штаты и Россия, несомненно, являются для Китая двумя наиболее

важными крупными странами, они занимают сердцевинное положение в китайской дипломатии крупного государства. При этом США и Россия имеют для Китая очень разное значение в политике, экономике и сфере безопасности. Правильное взаимодействие с США и Россией, рациональное и эффективное использование структуры китайско-российско-американского треугольника, развитие ее конструктивного содержания и снижение ее разрушительного потенциала являются стратегически важными задачами

и вместе с тем долгосрочными вызовами для китайской дипломатии.

Как будут построены китайско-американско-российские отношения? Воссоздает ли конфигурация отношений Китая, России и США знаменитый «большой треугольник» КНР-СССР-США? Если да, то какова его целесообразность и форма выражения? Если нет, то какую форму и природу будут иметь китайско-российско-американские отношения? Чем они будут отличаться от «большого треугольника»? Каковы основные переменные, влияющие на отношения в треугольнике Китай-Россия-США? Каковы возможные изменения в отношениях трех стран в будущем? Какую политику выберет Китай в отношениях с Россией и США? Данная статья представляет собой попытку ответить на эти вопросы.

Повторится ли «большой треугольник» Китая, России и США?

В 1970-е годы Китай, США и Советский Союз составляли известный исторический «большой треугольник». Этот этап в истории оказал такое глубокое влияние на отношения трех стран, что стал привычным способом понимания китайско-российско-американских отношений в последующие десятилетия. Рассматривая материалы о китайско-российско-американских отношениях, можно увидеть большое количество статей и научных конференций о «большом треугольнике». Все это показывает, что «большой треугольник» остается важным подходом и моделью мышления об отношениях Китая, России и США. Но являются ли нынешние отношения трех стран «большим треугольником»? Способны ли они стать новым «большим треугольником»?

Прежде всего, необходимо прояснить толкование и определение «большого треугольника». В лексиконе современных международных отношений «большой треугольник» указывает на отношения между Китаем и США и СССР в 1970-х годы. Другие страны также могут формировать «треугольные» отношения, но общепринятым является употребление «большого треугольника» применительно к Китаю, США

и СССР. Аналогичным образом «большая игра» указывает на соревнование великих держав в Центральной Азии, их соперничество в других регионах «большой игрой» не называют.

Основная сущность «большого треугольника» – это конфронтация и политическая игра между великими державами. Его теоретической основой является геополитическая конкуренция, по умолчанию это «игра с нулевой суммой». По сути «большой треугольник» представляет систему сдержек и противовесов, а не кооперативные отношения. Сотрудничество не является конечной целью «большого треугольника». Избирательное сотрудничество в его рамках основано на мотивах и целях конкуренции и политической игры. Поэтому трехстороннее сотрудничество не является «большим треугольником», их содержание различно и смешивать одно понятие с другим не следует. Разумеется, союз трех держав также не подпадает под определение исторического «большого треугольника».

Помимо этого следует различать треугольную связь и трехсторонние отношения. В целом связь «трех углов» означает созданную тремя независимыми субъектами взаимосвязанную структуру балансирования и взаимодействия. Это противоречивая структура, которая может включать соперничество, конфликт, игру и сотрудничество. Трехсторонние отношения – это механизм, в котором три страны организованы по общим интересам и вопросам, он нацелен на сотрудничество, поэтому в нем балансирование отсутствует или наличествует в сравнительно малом объеме. Исходя из этого, сотрудничество называют трехсторонним, а не «треугольным»; применительно к отношениям балансирования и сдерживания говорят о «стабильности треугольника», но не о «стабильности трех сторон».

В «большом треугольнике» Китая, Соединенных Штатов и Советского Союза были три главных угла, но его структура не была подобна стабильному треножнику (三足鼎立), это была конфронтация двух полюсов. Время существования «большого треугольника» на деле было очень коротким, всего лишь около десятилетия в 1970-х годах. До этого в 1950-х

годах Китай находился на стороне СССР, тогда между КНР, США и СССР никакого «большого треугольника» не было. В 1960-х годах китайско-советские отношения резко испортились. Китай осуществлял политику «нанесения ударов двумя кулаками», выступая одновременно против империализма и советского «ревизионизма». В тот период Китай проводил независимую политику и противостоял как США, так и СССР. Поскольку Китай находился за пределами противостояния двух полюсов, внутри объективно существовавшей конфигурации трех опор не было тесной связи, и потому не было «большого треугольника». В период 1980-х годов, после нормализации китайско-советских отношений, Китай одновременно развивал отношения с США и с СССР, вслед за этим «большой треугольник» исчез. В течение всего периода с 1950 по 1980-е годы основной структурой международной модели было противостояние между США и СССР, Китай был лишь одной из наиболее весомых независимых сторон в биполярной системе.

Основной эффект «большого треугольника» КНР, США и СССР заключался в сохранении баланса биполярного мира, не допуская крена чаши весов в ту или иную сторону, а никак не в укреплении трехполюсной конструкции. Китай получил стратегические преимущества в области безопасности в рамках «большого треугольника», но его подход состоял в объединении усилий с одним из полюсов в биполярной структуре, а не в создании отдельного собственного полюса силы наряду с США и СССР. Фактически в «большом треугольнике» пространственного стратегического маневра существовало только между двумя полюсам – США и СССР, но никак не между тремя полюсами. Это могли быть только стратегические маневры Китая в американо-советской биполярной структуре или стратегическое сотрудничество Вашингтона и Москвы с Пекином. Было невозможно появление стратегического союза США и СССР против КНР, так как они являлись противоположными полюсами.

«Большой треугольник» сформировался в особой международной обстановке холодной войны. Это была не просто конфронтация между двумя странами, фактиче-

ски противостояли друг другу два мира: две политические системы, две идеологические системы, два военных блока, два экономических рынка и два направления мирового развития. Изоляция, противостояние и непримиримость между ними являются основными маркерами холодной войны и главными характеристиками той эпохи.

Китай в «большом треугольнике», будучи слабым «углом», смог сыграть столь большую роль из-за специфики ситуации того времени. «Большой треугольник» появился лишь когда КНР и СССР столкнулись с угрозой войны. Во время инцидента на острове Чжэньбаодао (Даманский) в 1969 г. две страны оказались на пороге войны, вдоль более чем 7,6 тыс. километров границы было сосредоточено свыше миллиона солдат. В этой ситуации КНР и США объединились и зажали СССР в тиски, создав для него угрозу войны на два фронта. С точки зрения стратегии и реальности эта ситуация стала для СССР воплотившимся кошмаром. Роль Китая в международной системе и отношениях в рамках КНР-СССР-США многократно увеличилась. Другими словами, главная роль «большого треугольника» напрямую затрагивала военную и стратегическую безопасность страны. Если бы не было всестороннего военного противостояния США и СССР, если бы не было ухудшения отношений КНР и СССР до предвоенной грани, то «большой треугольник» не имел бы столь значительного влияния.

После определения сущности и основных характеристик «большого треугольника» становится очевидным, что в нынешних условиях прямого воспроизведение «большого треугольника» образца холодной войны практически невозможно.

Может быть высказано сомнение, связанное с оценкой комплексной национальной мощи России как чрезмерной слабой и потому не позволяющей России стоять наравне с Китаем и Соединенными Штатами, что не позволяет создать «большой треугольник». Однако это отрицание на самом деле касается возможности появления структуры трех опор, а не самого «большого треугольника». В прошлом в основе структуры «большого треугольника» КНР, США

и СССР находилась противоположность не трех, а двух полюсов. Теперь по комплексной национальной мощи Россию нельзя сравнивать с КНР и США, но в относительных понятиях Россия намного сильнее Китая времен «большого треугольника». В тот период более слабый Китай сформировал «большой треугольник» с двумя более сильными державами. Теперь Россия также может формировать «большой треугольник» с КНР и США. Относительная слабость России не является проблемой. Главный вопрос состоит в том, наличествуют ли другие условия.

Треугольные отношения в международной политике не обязательно отражают треугольную симметрию силы. Асимметричный треугольник может быть как с двумя сильными сторонами и одной слабой, так и с двумя слабыми сторонами и одной сильной. Понятие симметрии и асимметрии здесь относительное, так как симметрия не может быть полной, а асимметрия не может быть настолько большой, чтобы взаимоотношения потеряли свой смысл. Симметричные и асимметричные треугольники могут воплощать как трехполюсную, так и биполярную структуру. В современной международной политике существует очень мало треугольников, в которых сила сторон полностью симметрична: достаточно одного лишь участия КНР или США, чтобы треугольник не был симметричным. Наличие двух сильных и одной слабой стороны не препятствует формированию асимметричного треугольника. Напротив, пример «большого треугольника» КНР-США-СССР показывает, что именно в этом состоит условие его появления. В трехсторонних отношениях сотрудничества разница между сильными и слабыми сторонами взаимоотношений вообще не является проблемой.

«Большой треугольник» формата холодной войны трудно воспроизвести потому, что ныне для этого нет соответствующей среды и условий.

Геополитическая конфронтация и антагонизм между великими державами были основными предпосылками формирования «большого треугольника», без них появление «большого треугольника» невозможно.

В годы после окончания холодной войны эта важная предпосылка треугольника практически отсутствовала. В сегодняшних отношениях Китай-Россия-США противоречия и конфликты происходят главным образом в российско-американских и китайско-американских отношениях. Однако с точки зрения их основного характера они остаются в рамках конкуренции и сотрудничества, и существенно отличаются от периода холодной войны. В концепции двусторонних отношений сторон присутствуют и конфронтация, и сотрудничество; во взаимном позиционировании страны сосуществуют и как конкуренты, и как партнеры; в отношении интересов наблюдается их переплетение, а не тотальные различия; в международных делах присутствуют как конфликты, так и сочетание общих интересов. Хотя на данном этапе стратегическая конкуренция в китайско-американских и российско-американских отношениях возрастает, ни одна из конфликтных пар пока не достигла полностью враждебных и конфронтационных отношений.

Важный исторический урок «большого треугольника» состоит в том, что он возникает лишь когда двум государствам угрожает третья сторона, и эта угроза обычно связана с национальной стратегической и военной безопасностью. Предположим, что две страны не сталкиваются с угрозой исходящей от одной и той же страны, или угроза в отношении одной из стран не достигает серьезной степени. В этом случае, хотя данная страна по степени близости и удаленности отличается от двух других больших стран, она обычно предпочитает поддерживать определенное стратегическое пространство для маневрирования вместо того, чтобы полностью присоединиться к одной из сторон и перейти к враждебности с другой стороной. Это соответствует общему правилу отношений в треугольнике, где каждая страна пытается наладить с двумя другими более тесные отношения, чем отношения между ними.

Международная обстановка после холодной войны претерпела глубокие изменения, политических и структурных ограничений для формирования китайско-российско-американского «большого треу-

гольника» стало больше. С точки зрения политики «большой треугольник» идет наперекор тенденции эпохи. Со структурной точки зрения во времена холодной войны два полюса представляли большую часть мира, обладавшей силой переменной был один Китай. Современная международная обстановка сильно отличается. Если считать США и КНР самыми большими полюсами, то количество переменных заметно возросло: помимо России это Европа, Индия, Япония, многочисленные региональные организации, механизмы, негосударственные субъекты и т.д. Все они имеют более высокий международный статус, чем во времена холодной войны, а также проводят более независимую политику и имеют большее влияние. Структурные ограничения делают невозможным приобретение новым «большим треугольником» международного статуса и охвата аналогичного тому, что был в годы холодной войны.

Необходимо отметить, что позиция Китая является важным фактором, ограничивающим формирование «большого треугольника». Пекин проводит внеблоковую политику и не согласен с «игрой с нулевой суммой». Он не только не намерен участвовать в геополитической конкуренции, но также выступает против неё за открытое и всеобъемлющее международное сотрудничество¹. Поэтому «большой треугольник» не является приемлемым вариантом для Китая, и он, как минимум, не станет активно к нему стремиться.

Если «большой треугольник» трудно воспроизвести, каковы тогда нынешние отношения между Китаем, Россией и США? Означает ли это, что три страны не смогут вновь образовать треугольные отношения?

Это не так. Трудность повторения условий формирования «большого треугольника» не означает, что треугольные отношения между Пекином, Москвой и Вашингтоном

невозможны. «Большой треугольник» имеет особый характер и функции, которые отличают его от прочих типов отношений трех углов. Эти две концепции нужно четким образом различать. На деле после окончания холодной войны, пройдя через краткий период неопределенности, Китай, Россия и США быстро вошли в процесс формирования новых треугольных отношений². Треугольные отношения между Китаем, Россией и Соединенными Штатами существуют объективно. Мнение о том, что эти взаимоотношения не являются треугольными отношениями, не соответствует действительности.

Треугольная связь сама по себе является лишь структурной формой, она объективна, имеет инструментальные атрибуты и не несет при этом ценностного суждения. Ее ценностная ориентация проявляется только во время её применения. Другими словами, ценностная принадлежность придается пользователем, эти отношения могут привести как к положительным результатам, так

² Этот процесс можно считать начатым с объявления о стратегическом партнерстве между Китаем и Россией в 1996 году. В 1996 г. на фоне ухудшения американско-российских отношений во внешней политике России наблюдаются сдвиги в сторону неприятия однополярного мира и поддержки многополярности международных отношений. В апреле 1996 г. во время визита в Китай президент Б.Н. Ельцин принял предложение нового министра иностранных дел Е.М. Примакова о создании стратегического партнерства с Китаем. Позднее во время саммита «Шанхайской пятерки» Б.Н. Ельцин в импровизированной речи сказал, что другие страны внимательно следят за потенциалом России и Китая. Автор присутствовал в качестве сотрудника во время этого выступления. Хотя китайско-российское стратегическое партнерство не указывает на антиамериканизм, фон российско-американских и китайско-американских отношений является очевидным. См. также: Ельцин в Китае, «Пара Россия и Китай – нет таких пар в мире!» (Yeltsin in China, «Couple Russia and China – There Is no more such Pairs in the World!») // Коммерсант, 1996, 27 апреля. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/132001>; Барский К. «Восточный вектор» внешней политики России начертит Евгений Примаков (Evgeny Primakov Drew the «Eastern Vector» of Russia's Foreign Policy), 15.11.2016. Режим доступа: <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=16172>

¹ 王毅：新时期中美俄关系不是你上我下的跷跷板 (Ван И. Китайско-американо-российские отношения в новую эру не являются качелями / МИД Китая, 08 марта 2017). Режим доступа: <http://www.fmprc.gov.cn/web/wjzbzd/t1443999.shtml> (на китайском / in Chinese)

и к негативным последствиям. Треугольные отношения достаточно распространены в международной политике. Любые тройка стран, имеющие отношения ограничения и взаимодействия, могут создать треугольные отношения. Что касается китайско-российско-американских отношений, то в отношениях Китай-Россия, Китай-США и Россия-США третья сторона не занимает целиком весь фон и содержание отношений, но является их важной частью, взаимодействие и передающий эффект между ними предельно очевидны. Нет сомнений в том, что китайско-российско-американские отношения являются треугольными.

Однако это не возрождение «большого треугольника». Неверно рассматривать китайско-российско-американские отношения как переиздание прежнего «большого треугольника». Хотя «большой треугольник» и новый треугольник Китая, России и США неизбежно будут иметь некоторое сходство, они обладают важными отличиями. Их основные проявления сводятся к следующему: по своему характеру, как отмечали многие эксперты, классический «большой треугольник» – это конфронтационные антагонистические отношения, за ним стоят противоборствующие политические и военные группировки, идеологические системы, два лагеря четко обозначены, интересы ясно разделены, принцип «кто кого» определяет его сущность. Нынешний треугольник Китай-Россия-США – это сплав конкуренции и сотрудничества. Интересы этих стран взаимно пересекаются и не имеют четких границ, существуют конфликт интересов и вместе с ним общность интересов. Треугольник Китай-Россия-США относительно прост, в основе он ограничен тремя этими странами и не может полностью представлять организации или группы, в которых эти страны участвуют. Это означает, что треугольник Китай-Россия-США не разделит мир на два лагеря и две системы, как это было в годы холодной войны.

С точки зрения содержания, в центре «большого треугольника» находится военная стратегическая безопасность, главной целью являются военное превосходство и обеспечение военной стратегической безопасности.

В современном треугольнике Китай-Россия-США также существуют военные стратегические факторы безопасности, но еще более явным уровнем является строительство международного порядка, поддержание международного стратегического баланса и безопасности. Треугольник Китай-Россия-США раскрывается вокруг этих центральных тем, парирование военных угроз не является его основной функцией.

Эти два момента являются существенными отличиями нового китайско-российско-американского треугольника от исторического «большого треугольника».

С точки зрения структуры «большой треугольник» являлся биполярным, тогда как Китай, Россия и США формируют трехполосную структуру. Существует мнение, что разрыв между объемом российской экономикой и экономиками Китая и США слишком велик, что не дает поставить Россию в один ряд с ними в качестве третьего полюса. Однако треугольные отношения между Китаем, Россией и Соединенными Штатами в основном являются геополитическими, а не экономическими. В геополитике имеет значение комплексное влияние, а не только экономические показатели. Геополитическое влияние России намного превышает ее экономические показатели. В некоторых отношениях она сильнее Китая и способна встать в один ряд с Китаем и США. Россия позиционирует себя как один из независимых мировых центров силы, осуществляет независимую внешнюю политику и настаивает на равенстве с Китаем и США. Это важный фактор в её способности быть полюсом. Основное различие между трехполосной и двухполосной структурами состоит в том, что двухполосная структура представляет движущуюся комбинацию с двумя координатами в центре, тогда как трехполосная структура движется между тремя координатами. Двухполосная структура состоит из двух сильных и одного слабого, трехполосная структура соединяет трех сильных. В биполярной структуре «большого треугольника» Китая, США и СССР стратегические маневры можно было осуществлять между двумя стратегическими точками США и СССР, стратегические

союзы могли формироваться только между Китаем и США либо между Китаем и СССР. В трехполюсной структуре стратегический маневр может происходить между всеми тремя сторонами – Китаем, Россией и США. Это подразумевает возможность формирования стратегических союзов Китая и России, Китая и США, России и США.

Влияние треугольника Китай-Россия-США на международную политику уступает историческому «большому треугольнику», который служил структурной формой мирового устройства и сам был воплощением тогдашнего мироустройства. Поэтому влияние «большого треугольника» на мировое устройство находилось на самом высоком уровне и носило целостный характер, изменения в «большом треугольнике» были изменениями всего мироустройства того времени. Хотя треугольник Китай-Россия-США является самым важным структурным фактором в современной мировой политике, он не образует целостный структурный каркас мировой обстановки. В условиях многополяризации международной политики формирование мировой ситуации происходит под воздействием прочих центров силы. Китай, Россия и США не могут полностью подменить роль остальных центров силы наподобие Европы, Индии, АСЕАН, арабского мира, они также не в состоянии задавать направление их развития. Европа и Индия способны стать направлением соперничества для трех стран. Их вхождение в китайско-российско-американскую структуру способно повлиять на ее внутреннее балансирование и стать для нее определенным ограничителем.

В сфере дипломатии трех стран «большой треугольник» был намного важнее нынешнего треугольника Китая, России и США. «Большой треугольник» занимал видное место в дипломатии Китая, США и СССР, он стал главнейшим рычагом изменения стратегической ситуации. Внутренняя структура треугольника Китай-Россия-США является более рыхлой, эффект совместных действий в нем ограничен. В качестве дипломатического инструмента его применяют со скрытностью, что не похоже на четкость и последовательность бывшего «большого

треугольника», функционально он также не напоминает смелые и решительные результаты «большого треугольника». Хотя китайско-российско-американские отношения очень важны в дипломатии трех стран, они еще не достигают уровня «большого треугольника».

Изменения и переменные в треугольнике Китай-Россия-США

Кратко характеризуя текущую ситуацию в отношениях между Китаем, Россией и США, можно сказать, что их основной особенностью является стратегическое партнерство Китая с Россией, в международной политике они и США формируют две большие идеи и цели. Однако структурные рамки политических курсов двух стран по отношению к США пока не сформированы. Китай и Россия надеются на сотрудничество с Соединенными Штатами, обе страны хотят избежать вражды с Америкой. Обе страны рассматривают совместное стратегическое сотрудничество как оборонительное по своей сути, а не как антиамериканский альянс. Китай, Россия и США поддерживают независимую позицию по отношению друг к другу, оставляя место для стратегических маневров. Треугольник Китай-Россия-США обладает определенной гибкостью.

Каковы основные переменные в изменяющихся отношениях нового треугольника Китая, России и США?

В отношениях трех стран нет определенного пути изменений, на текущем этапе перспективы носят открытый характер, есть более одной возможности изменений, конечный результат зависит от нескольких переменных, которые можно разделить на фоновые переменные и прямые переменные. Фоновые переменные указывают на изменение соотношения национальной мощи, изменения в международной обстановке и во внутренней политике. Они имеют свои причины, но их роль является косвенной и направленной во многие стороны. Прямые переменные относятся к трем парам двусторонних отношений – между Китаем и Россией, Китаем и США, США и Россией. Изменения фоновых переменных в конечном итоге будут отражаться в китайско-российских, китайско-

американских и американо-российских отношениях; их взаимодействие и изменения напрямую определяют форму треугольника Китай-Россия-США. Изменения в китайско-российско-американском треугольнике не являются механическими, изолированными, линейными. Это результат многостороннего взаимодействия, зависящего от взаимодействия большого числа переменных.

Изменение соотношения национальной мощи в качестве переменной имеет свойство накапливаться постепенно. Обычно оно не происходит внезапно и проявляется только после накопления изменений до некоего качественного уровня. Поэтому эта переменная относительно стабильна.

Международная ситуация является переменной с большой неопределенностью. По сравнению с прошлым особенностью современной международной политики стала множественность изменений с большой амплитудой и широким влиянием. Возникновение непредвиденных значительных событий практически стало нормой, что сделало международную ситуацию капризной и непредсказуемой. Распад Советского Союза, события 11 сентября 2001 года, война в Ираке, украинский кризис, «Брекзит» и появление Трампа стали «черными лебедями», то есть событиями, вызвавшими внезапные крупные изменения международной обстановки. Поэтому в отношении международной обстановки можно делать лишь рутинные предположения, нет способа дать точные предварительные оценки, в особенности невозможно прогнозировать внезапные события и их влияние.

Во внутривнутриполитических переменах также наблюдается большая неопределенность. Например, американский «феномен Трампа» и его влияние на перемены во внутренней и внешней политике выходят за пределы нормального политического воображения. В России есть «феномен Путина». Высокий авторитет Путина в России сделал его воплощением российского государства. С другой стороны, «феномен Путина» несет неопределенность в отношении будущего России. В противоположность «феномену Трампа», связанная с «феноменом Путина» неопределенность происходит не из-за при-

хода к власти российского лидера, а из-за его будущего ухода. Именно потому, что Путин оказывает глубокое влияние на Россию, его уход оставляет все большее пространство для перемен, которые все труднее прогнозировать.

Китайско-российские отношения, американо-российские отношения и китайско-американские отношения являются прямыми переменными, которые влияют на треугольник Китай-Россия-США.

Китайско-российские отношения. Китайско-российские отношения имеют ключевое значение для треугольника Китай-Россия-США, они глубоко изменили потенциал «нового треугольника». Если китайско-российские отношения обратятся вспять, тогда в треугольнике Китай-Россия-США могут произойти переломные изменения, создающие условия для объединения России и США в целях совместного балансирования Китая. Напротив, если Китай и Россия останутся дружественными, китайско-российская структура стратегического сотрудничества в треугольнике Китай-Россия-США сохранится и сможет развиваться.

Со времени установления стратегического партнерства в 1996 г. китайско-российские отношения пережили самый продолжительный в новейшей истории период дружбы и сотрудничества. Две страны решили вековые пограничные споры. Более 20 лет между ними не было серьезных политических конфликтов, был создан институциональный механизм для обменов на высоком уровне, они придерживались схожих идей и сотрудничали в международной арене, проводили долгосрочное военно-техническое сотрудничество. Китай и Россия решили проблемы отношений двух стран в Центральной Азии посредством создания ШОС, отношения Большого евразийского партнерства решили проблемы сотрудничества двух стран в регионе Евразии. Две страны формируют стратегическое энергетическое партнерство, усиленно способствуют расширению экономических интересов двух стран. Было много областей, которые считали «минными полями» в китайско-российских отношениях, такими

как энергетический экспорт из Центральной Азии, «большая игра» в Центральной Азии, так называемая экспансия Китая на Дальний Восток и т.д., Но эти проблемы были смягчены или решены. Будем надеяться, что среднесрочной и долгосрочной перспективе мы не увидим серьезных противоречий, способных повернуть вспять китайско-российские отношения. Между двумя странами есть проблемы, особенно в области практического сотрудничества, но в основе своей они имеют технический характер, а не политический.

В ближайшие десять лет самым большим вызовом для китайско-российских отношений станут не конкретные противоречия, которые можно наблюдать сейчас, а трансформация положения двух стран. Вопрос в том, как обе страны будут подходить к кардинальным изменениям соотношения национальной мощи, включая быстрый рост национальной мощи Китая и относительное снижение национальной мощи России, как они будут адаптировать двусторонние отношения к этим новым условиям. Результат этой трансформации определит направление развития будущих китайско-российских отношений.

Некоторые ученые считают, что несбалансированное развитие является самой большой проблемой в китайско-российских отношениях³. Это верно, но суть проблемы не в этом. Несбалансированное развитие является нормальным для международной политики. Изменения национальной мощи также являются объективным процессом, который нельзя искусственно остановить. Вопрос в том, как адаптироваться и реагировать, тут возможен субъективный выбор. Другими словами, для китайско-российских отношений несбалансированное развитие является объективной тенденцией, но оно не указывает на финальное состояние отношений между двумя странами. Возможны различные результаты, ключевым моментом является вопрос адаптации и выбора.

Трансформация китайско-российских отношений особенно сложна потому, что за

³ Trenin, D. Challenges and Opportunities: Russia and the Rise of China and India / The National Bureau of Asia, Strategic 2011-2012. Pp. 228, 242.

последние столетия взаимоотношений две страны приобрели особый исторический опыт, сформировали особое взаимное восприятие и мышление, они привыкли к особой модели взаимоотношений. Основную концепцию этой модели можно обобщить как «сильная Россия – бедный и слабый Китай». Если распространить её на культуру, то на уровне подсознания будет присутствовать идея «цивилизированный Запад – отсталый Восток».

В российско-китайских отношениях нового времени соотношение «сильная Россия – бедный и слабый Китай» было объективным фактом. Сформированное на этой основе восприятие двусторонних отношений глубоко укоренено в российском мышлении, оно сильно повлияло на мышление китайцев, отразившись в структуре двусторонних отношений и взаимной политической психологии.

Исторический поворот начался в 1990-х годах, в нем были два знаковых события: политика реформ и открытости Китая, распад Советского Союза. Эти события создали необычную для истории китайско-российских отношений динамику: Китай понимается вверх, Россия спускается вниз, разрыв между ними быстро увеличивается, в положении двух стран произошла историческая рокировка. По данным Всемирного банка, в момент распада СССР у Китая и России был практически одинаковый валовой национальный продукт. Через десять лет китайская экономика была в четыре раза больше, чем российская⁴. К 2017 г. валовой национальный продукт Китая достиг 12 трлн долл. США, России – 2,2 трлн долл. США, масштаб китайской экономики почти в пять раз превышает российскую⁵.

Военные расходы также являются очень важным показателем для крупных держав. Согласно данным Стокгольмского международного научно-исследовательского ин-

⁴ Ibid.

⁵ По данным Всемирного банка, валовой национальный продукт (ВВП) России в 2011 г. составил 1,858 трлн долл. США, Китая – 7,318 трлн долл. США. Обе цифры рассчитаны по паритету покупательской способности (ВВП по ППС).

ститута мира (SIPRI), в 1990 г. накануне распада страны военные расходы СССР даже в значительно сокращенном виде составили 190,7 млрд долл. США по сравнению с 21 млрд долл. США военных расходов Китая в том же году. В 1992 г. в независимой России военные расходы уменьшились до 40,7 млрд долл. США, в Китае военные расходы составили 27,1 млрд долл. США. В 2017 г. военные расходы России возросли до 66,3 млрд долл. США, Китая – до 228,2 млрд долл. США⁶. Статистические методы SIPRI не являются бесспорными. Согласно официальным сообщениям Китая, его оборонный бюджет на 2018 г. составляет 1,1 трлн юаней или около 170 млрд долл. США⁷. По официальным российским данным, оборонный бюджет страны на 2018 г. составляет 2,7 трлн рублей, или около 48 млрд долл. США⁸, что более чем в три раза ниже китайского военного бюджета.

Можно ожидать, что из-за большей экономической базы Китая и быстрых темпов роста разрыв экономических показателей между Китаем и Россией в будущем станет еще больше. В качестве фундаментальной среды для двусторонних отношений эта ситуация способна стать скрытым вызовом для связей Китая и России. Этот так называемый вызов не означает кризисной тенденции, но указывает на возможность появления требующих решения больших проблем.

Вызов в сфере политических отношений заключается в том, чтобы сохранить равенство в китайско-российских отноше-

ниях. Равенство – очень чувствительный вопрос в отношениях Китая и России, можно сказать, что это политический нерв, которого нельзя касаться. Из-за исторических и других причин во взаимоотношениях Китая и России присутствует особенно сильное чувство собственного национального достоинства, неравенство рассматривают как неприемлемое унижение. С этим был связан раскол в китайско-советских отношениях в 1960-е годы.

Материальным источником неравенства является разрыв в национальной мощи. Это не означает, что разница в национальной мощи приведет к неравенству, но она определенно является его материальной основой. Государства исходя из собственных ресурсов и возможностей ставят стратегические цели, выбирают подходящие инструменты, формируют познавательные и мыслительные привычки. Процветание страны делает её более напористой во внешней политике, это естественно. Применительно к китайско-российским отношениям, Китай будет обладать в двустороннем диалоге большими преимуществами, большей уверенностью в себе и большей инициативой, что также естественно. В то же время все это может породить психологию сознательной или бессознательной самоуверенности. Для России это будет означать длительный и болезненный процесс адаптации к огромному разрыву. Из-за её слабого положения Россия станет чувствительной и даже сверхчувствительной к вопросам равенства, воспринимая даже самые заурядные события как неравенство. Это сделает отношения между двумя странами политически хрупкими, соответствующие уроки можно найти в китайско-советских отношениях. Теперь в общественном мнении Китай стал старшим братом, а Россия – младшим братом, Россию считают малым партнером Китая, Китай доминирует в повестке дня китайско-российского диалога⁹. Такой настрой в общественном мнении будет существовать в течение длительного времени. Если это общественное мнение

⁶ Military Expenditure by Country, in local currency, 1988-2017 / SIPRI, 2018. Mode of access: https://www.sipri.org/sites/default/files/2_Data%20for%20all%20countries%20from%201988%E2%80%932017%20in%20local%20currency.pdf

⁷ 关于2017年中央和地方预算执行情况与2018年中央和地方预算草案的报告, 2018年3月5日, 财政 (Доклад об исполнении центрального и местных бюджетов в 2017 г. и о проекте центрального и местных бюджетов на 2018 г. 5 марта 2018 г.). Mode of access: http://www.xinhuanet.com/politics/2018-03/23/c_1122582420.htm (на китайском / in Chinese)

⁸ Бюджет РФ на 2018 год и на плановый период 2019-2020 гг. Досье ТАСС. Режим доступа: <http://tass.ru/info/4679765>

⁹ Bo Bolo. A Wary Embrace. What the China-Russia Relationship Means for the World. Lowy Institute for International Policy, Penguin Random House Australia, 2017. P. 18.

возвысится до уровня политического сознания, это станет серьезной скрытой угрозой для китайско-российских отношений¹⁰.

Второй вызов касается вопросов безопасности, его суть заключается в том, как продолжать поддерживать взаимное доверие в вопросах безопасности на фоне быстрого роста китайской военной мощи. Китай и Россия являются друг для друга крупнейшими соседями, между ними граница протяженностью свыше 4,3 тыс. км. Одновременно это две военные державы, для которых вопросы безопасности являются краеугольным камнем двусторонних отношений. Другими словами, взаимное снятие угрозы безопасности друг друга является самой глубокой основой отношений между двумя странами. Если этот базис пошатнется, в китайско-российских отношениях произойдут фундаментальные изменения.

Источником вызова являются изменения сравнительной военной мощи Китая и России. Сильный военный потенциал всегда был основой российской государственности. Последние несколько сотен лет Россия сохраняла перед Китаем огромное преимущество. Однако в последние годы, с ростом

общей национальной мощи Китая, китайская военная мощь быстро увеличивается, и соотношение военной мощи двух стран стало постепенно меняться. Китайские военные расходы в три раза превышают российские, этот разрыв будет увеличиваться. Нет сомнений в том, что военные возможности Китая будут продолжать быстро расти. Можно предсказать, что в будущем Китай обгонит Россию в обычных вооружениях. Это относится не только к количественным показателям, поскольку в Китае уровень модернизации вооружения и техники быстро растет. Россия сможет сохранить свое преимущество в основном в области стратегического ядерного оружия.

Это не означает, что Китай будет угрожать России. Это также не означает, что Россия будет рассматривать Китай как военную угрозу. Перед лицом общих угроз безопасности этот фактор находится под контролем, взаимная поддержка для отражения общих угроз является более вероятным выбором. Постоянное развитие военного сотрудничества между Китаем и Россией уже показало это. Но если общие угрозы снизятся или исчезнут, либо если будет нанесен ущерб политическим отношениям Китая и России, этот фактор в двусторонних отношениях станет более заметным. Военная мощь отличается от других факторов и имеет свою специфику, ее влияние на межгосударственные отношения также обладает специфическими закономерностями. Быстрое развитие одной страны вовсе не обязательно ведет к усилению ее роли в продвижении двусторонних связей, временами бывает и наоборот. Крупные державы особенно внимательны к изменениям военной мощи, ни одна из них не желает появления крупной военной силы около своих границ, особенно если эта сила значительно превосходит её собственный военный потенциал.

«Возможность» нельзя приравнять к «намерению», хорошие политические отношения могут ослабить и разрешить вызванное беспокойство. Однако «возможности» являются объективной и существенной константой, которая имеет важное стратегическое значение и является одним из основных факторов стратегического планирования

¹⁰ Отвечая на вопрос о том, является ли Россия для Китая младшим братом, известный российский ученый С.А. Караганов сказал, что Россия не будет младшим братом какой-либо страны, и она никогда не играла такую роль. Не уважающие Россию страны потерпели от нее поражение. Это показывает, что Россия чувствительна к вопросам равенства. Караганов С. Китай и Россия – почти союзники... Россия и Индия ведут серьезный диалог по стратегическим вопросам только на высшем уровне // Россия в мировой политике, 7 марта 2018. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/pubcol/Kitai-i-Rossiya--pochti-soyuzniki-Rossiya-i-Indiya-vedut-serezny-dialog-po-strategicheskim-voprosam>[Karaганov, S. Kitay i Rossiya – pochti soyuzniki... Rossiya i Indiya vedut ser'yeznyy dialog po strategicheskim voprosam tol'ko na vysshem urovne (China and Russia Are almost Allies ... Russia and India Lead a Serious Dialogue on Strategic Issues only at the Highest Level) // Rossiya v mirovoy politike, 7 March, 2018. Mode of access: <http://www.globalaffairs.ru/pubcol/Kitai-i-Rossiya--pochti-soyuzniki-Rossiya-i-Indiya-vedut-serezny-dialog-po-strategicheskim-voprosam>]

безопасности крупных держав. Поэтому изменения соотношения военной мощи приведут к естественной переоценке военной стратегической безопасности. Следует подчеркнуть, что это лишь указание на существование такого фактора, который должен побудить Китай и Россию уделять еще больше внимания созданию долгосрочного устойчивого взаимного доверия в сфере военно-стратегической безопасности. Речь не идет о том, что он определенно приведет к повороту вспять в отношениях безопасности между двумя странами.

Третий вызов находится в плоскости международного сотрудничества, в центре проблемы сохранение основы китайско-российского сотрудничества. После окончания холодной войны Китай, Россия и США строили мировой порядок на различных концепциях. Китай и Россия выступали за многополярный мир, США придерживались однополярной гегемонии. Это привело к расхождению Китая и России с США, и также стало важной основой китайско-российского международного сотрудничества. Логические связи здесь такие: США являются единственной сверхдержавой, Китай и Россия намного слабее Америки, международный статус Китая и России схож, поэтому их требования также близки. Естественный выбор заключается в том, что две более слабые державы объединяют свои силы, чтобы противодействовать однополярной гегемонии и способствовать созданию многополярного мира.

Однако с продолжающимся возвышением Китая гегемония США постепенно распадается, позиции Китая, России и США меняются. Статус Китая повышается и приближается к американскому. Статус США относительно снизился, американская однополярная гегемония пошатнулась. Статус России понизился, хотя она осталась одним из полюсов, ее национальная мощь, в особенности объем экономики, значительно от-

стоит от китайской и американской¹¹.

Сходство концепций международных отношений Китая и России связано со схожестью их международного статуса, способствующим китайско-российскому сотрудничеству условием является слабая позиция обеих стран по отношению к США. Ныне положение Китая меняется, от позиции слабого он переходит к позиции сильного, в будущем он может стать крупнейшей экономикой мира. Если экономический фундамент определяет надстройку, станут ли различными концепции международных отношений Китая и России? Китай стал одним из двух центров силы в мире, это уже не слабая страна, предпосылка для объединения Китая и России как двух слабых стран против одной сильной страны больше не существует. На чем теперь будет основано международное сотрудничество Китая и России?

Российско-американские отношения. Отношения между США и Россией являются важной переменной в треугольнике Китай-Россия-США. Неважно хорошие они или плохие, их изменения важны для всего треугольника. Если отношения между США и Россией ухудшаются, это не означает, что будет создан китайско-российский антиамериканский альянс, это зависит также положения в китайско-американских отношениях и от выбора Китая. Однако объективно эта ситуация подталкивает Россию к укреплению сотрудничества с Китаем и полностью исключает логическую возможность объединения усилий США и России против Китая. Если американо-российские отношения будут улучшаться, это также не приведет к естественному совместному американо-российскому уравниванию Китая. Это зависит от ситуации в китайско-российских отношениях и от выбора самой России, но объективно перед Россией от-

¹¹ Согласно данным Всемирного банка ВВП Китая в 2017 г. составлял 12 трлн долл. США, России – 2,2 трлн долл США и Соединенных Штатов Америки – 20 трлн долл. США. Режим доступа: <https://data.worldbank.org.cn/country/china?view=chart>; <https://data.worldbank.org.cn/country/russian-federation?view=chart>; <https://data.worldbank.org.cn/country/united-states?view=chart>

кроется пространство для стратегического маневрирования между Китаем и США.

Очевидно, что среди факторов, способствующих изменению американо-российских отношений, негативных факторов гораздо больше, чем положительных, что подтверждается текущим положением в отношениях США и России.

После появления независимой России в 1991 г. все последующие президенты США и России пытались направить отношения между двумя странами по пути здорового развития. Все эти попытки начинались с больших надежд и заканчивались разочарованием.

В начальный период независимой России благодаря энтузиазму президентов Ельцина и Клинтона в отношениях двух стран начался «медовый месяц». В 1993 г. Россия и США заявили о стратегическом партнерстве, отношения между ними достигли пика¹². Вскоре после этого из-за расширения НАТО на восток, войны в Косово, событий вокруг Ирана и Ирака, контроля за вооружениями, ситуации в Чечне и других вопросов, американо-российские отношения вступили в период «холодного мира».

В 2000 г. вступившие в должности президентов Буш-младший и Путин возродили надежды на развитие двусторонних отношений. Когда Джордж Буш впервые встретился с Владимиром Путиным в Любляне в июне 2001 г., он сказал, что посмотрел на глаза Путина и увидел его сердце, почувствовал, что президент России заслуживает доверия¹³. В июле того же года после второй встречи в Генуе президент Буш сказал, что может открыто и честно обсуждать все вопросы с Путиным. После событий 11 сентября 2001 г. отношения между США и Россией снова потеплели. В мае 2002 г. Буш-младший посетил Россию, две страны объявили о соз-

дании отношений нового стратегического партнерства¹⁴. Новым это партнерство было по отношению к прежнему стратегическому партнерству, провозглашенному в 1993 году. Но этот подъем продлился недолго. В 2003 г. США начали войну в Ираке, американо-российские отношения вновь охладели.

В 2008 г. в США и России сменились президенты. При Обаме и Медведеве в американо-российских отношениях опять появился оптимизм. В то время Путин только что закончил свой второй срок, нового президента Медведев считали фигурой со сравнительно более отчетливой западной окраской, дающей шанс на улучшение американо-российских отношений. По этой причине администрация Обамы выдвинула стратегию «перезагрузки». В марте 2009 г. в Женеве госсекретарь США Хиллари Клинтон и глава МИД России Сергей Лавров одновременно нажали красную кнопку перезагрузки, символизирующую перезапуск американо-российских отношений. После объявления перезагрузки отношения между США и Россией несколько улучшились, но динамики было недостаточно, развитие процесса стало затруднительным уже в конце срока президентства Медведева. После того как в 2012 г. Путин вернулся в Кремль, «перезагрузка» была окончательно свернута¹⁵. После украинского кризиса последовала серия конфликтов и санкций, а отношения между США и Россией упали в пропасть.

В 2016 г. Трамп стал новым президентом США. Из-за его неприкрытой пророссийской позиции общественное мнение ожидало, что он привнесет новизну в американо-российские отношения. Трамп приложил для этого большие усилия. В июле и ноябре

¹² 3-4 апреля 1993 г. Клинтон и Ельцин встретились в Ванкувере (Канада) и опубликовали совместное заявление о том, что обе страны являются стратегическими партнерами.

¹³ Цитата слов Джорджа Буша на совместной пресс-конференции. Совместная пресс-конференция с Президентом Соединенных Штатов Америки Джорджем Бушем / Сайт Президента России, 16 июня 2001. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21263>

¹⁴ Московская декларация о новых стратегических отношениях между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки (Moscow Declaration on New Strategic Relationship between the Russian Federation and the United States of America) / Сайт Президента России, 24 мая 2002 года. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/3477>

¹⁵ Kuchins, Andrew C. Russia in 2013, Critical Questions for 2013: Regional Issues / CSIS, January 25, 2013. Mode of access: <http://csis.org/publication/critical-questions-2013-regional-issues#g>

2017 г. во время гамбургского саммита G20 и встречи лидеров АТЭС в Дананге, между Трампом и Путиным состоялись первые неофициальные контакты. В июле 2018 г. Трамп и Путин провели первый официальный саммит в Хельсинки. Однако, вопреки предсказаниям, отношения между США и Россией не только не улучшились, но и значительно ухудшились. Более того, в этот раз попытка перезагрузки сталкивается с беспрецедентными трудностями. Причина не только в том, что отношения между двумя странами стали еще хуже, более важно, что внутри США этому решительно противодействует истеблишмент. Хотя пока невозможно сказать, что пророссийская линия Трампа окончательно похоронена, ее перспективы не вызывают оптимизма. Внутриполитическая борьба в США уже подавила нормальную дипломатическую рациональность, в этом контексте американско-российские отношения также стали жертвой антитрамповской кампании истеблишмента. Антироссийское, антипутинское и антитрамповское течения в истеблишменте соединились воедино, перспективы улучшения Трампом американско-российских отношений стали мрачными. Чем больше Трамп делал для улучшения американско-российских отношений, тем больше становилось противодействие ему и его мерам. Возник замкнутый круг, который, возможно, будет разрушен только ухода от власти Трампа или Путина.

Взгляд на американско-российские отношения с 1993 г. позволяет сделать вывод, что за последние 20 лет они представляют собой нисходящую кривую. Все предыдущие администрации США и России прилагали усилия для их улучшения. Аналитические центры двух стран неоднократно пытались вывести их на правильный путь, но так и не смогли найти точки соприкосновения, способные вывести российско-американские отношения на путь устойчивого развития. Можно видеть, что в американско-российских отношениях существуют глубокие, системные и структурные проблемы. Эти проблемы являются отдельной темой для изучения. В упрощенном виде можно сказать о глубоком конфликте между двумя странами в

структуре интересов и взаимопонимания при полном отсутствии взаимного доверия. Эти проблемы чрезвычайно трудно преодолеть и они не исчезают со временем, а имеют свойство все больше и больше накапливаться.

Китайско-американские отношения.

Отношения Китая и США также имеют особое значение для треугольника. В случае конструктивных отношений между Китаем и США возможность формирования двусторонней структуры против третьей страны практически исключается из-за того, что Китай не станет формировать коалицию с США против России. Для США и России необходимость объединения против Китая также уменьшается. Если китайско-американские отношения ухудшатся, будут созданы структурные возможности для формирования двух групп: китайско-российской против США и американско-российской против Китая. Конечно, это лишь гипотеза технических и структурных условий, а не реальность. Ее вероятность зависит от состояния китайско-российских и американско-российских отношений и, что более важно, зависит от их содержания, а не только от внешней структуры. В случае ухудшения китайско-американских отношений, согласно общим закономерностям, внимание Китая и США к России вырастет, а статус России относительно повысится.

Среди трех пар двусторонних отношений между Китаем, США и Россией, в китайско-американских отношениях наиболее вероятны перемены крупного масштаба. В отношениях Китая и США происходит наиболее глубокая корректировка со времени установления дипломатических отношений. Это большое урегулирование отличается от колебаний прошлых лет. Многие ставшие привычными представления об отношениях между Китаем и США уже устарели, многие прежние правила уже не действуют, многие закономерности и правила потеряли силу, многие аналитические подходы утратили достоверность. Китайско-американские отношения становятся все труднее понимать и еще труднее предсказывать.

По сути изменение соотношений национальной мощи Китая и США является базовой

предпосылкой этой большой корректировки. По совокупной национальной мощи США по-прежнему превосходят другие крупные державы. Однако быстрый рост Китая, развитие международной ситуации и относительное снижение гегемонистского статуса США являются объективными фактами, и что еще важнее – это тенденции будущего.

Существуют различные суждения о причинах, характере и целях США в этой крупной корректировке китайско-американских отношений. Можно услышать все больше мнений о том, что суть заключается в конце «американских иллюзий» в отношении Китая¹⁶. В США среди всех слоев общества сформировался консенсус относительно Китая как самой крупной угрозы или одной из самых больших угроз. Политика США в отношении Китая начала кардинально меняться. В выступлении относительно политики на китайском направлении в октябре 2018 г. вице-президент США Пенс полностью поставил Китай на позицию оппонента. Выступая в жестком тоне он предъявил ряд обвинений, заявив о потере доверия и пообещал решительно противодействовать Китаю. Его речь была созвучна риторике времен холодной войны. И хотя эта речь могла быть связана с промежуточными выборами в США, она подтверждает изменение отношения США к Китаю. Более того, Пенс подверг всесторонней критике внутреннюю политику Китая, этот идеологический взгляд на китайско-американские отношения вызвал тревогу¹⁷.

Однако также необходимо внимательно следить за будущими корректировками консенсуса американской элиты по отношению к Китаю в вопросах стратегии и политики.

Еще более важен вопрос о том, в каком направлении большая корректировка направит китайско-американские отношения? Вернутся ли они к исходному пути? Или через процесс коррекции и взаимной адаптации будет сформирована «двуглавая политика»? Или, что еще хуже, отношения начнут двигаться к модели американо-советской холодной войны? Какие изменения произойдут в американской дипломатии после «шторма Трампа»?

На эти вопросы до сих пор нет окончательных ответов. Однако перспективы китайско-американских отношений не оптимистичны. Несмотря на возможность поворота и ослабления противостояния, характер взаимоотношений между двумя странами претерпел важные изменения. Оптимизму и доверию будет трудно вернуться в китайско-американские отношения. Наиболее вероятно, что в ближайшей и среднесрочной перспективе китайско-американские отношения будут изменяться в промежутке между плохими и очень плохими, нежели чем в промежутке между плохими и хорошими. Китайские официальные лица также считают, что ситуация не вызывает оптимизма, указывая на то, что китайско-американские отношения находятся на распутье, всего один непреднамеренный шаг может пагубно повлиять на отношения между Китаем и США¹⁸.

Литература:

Барский К. «Восточный вектор» внешней политики России начертил Евгений Примаков, 15.11.2016. Режим доступа: <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=16172>

Караганов С. Китай и Россия – почти союзники... Россия и Индия ведут серьезный диалог по стратегическим вопросам только на высшем уровне // Россия в мировой политике, 7 марта 2018. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/pubcol/Kitai-i-Rossiya--pochti-soyuzniki-Rossiya-i-Indiya-vedut-sereznyi-dialog>

¹⁶ Некоторые ученые указывают, что в последние годы Китай и США столкнулись с ростом стратегического недоверия друг к другу. Глобальный треугольник: Китай развернулся к России от США / Russianpulse, 06.04.2018. Режим доступа: <https://russianpulse.ru/continentalist/2018/04/06/1703761-globalnyy-treugolnik-kitay-razvernulsya-k-rossii-ot-nbsp-ssha>

¹⁷ Remarks by Vice President Pence on the Administration's Policy Toward China, October 4, 2018. Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-vice-president-pence-administrations-policy-toward-china/>

¹⁸ 王毅在美演讲：中美关系再次走到了十字路口—王毅国务委员兼外长在美国对外关系委员会的演讲，2018年9月9日 (Выступление Ван И в Соединенных Штатах: китайско-американские отношения вновь вышли на перепутье – советник Государственного совета и министр иностранных дел Ван И в Совете США по международным отношениям, 9 сентября 2018 года). Режим доступа: <http://www.mzfxw.com/m/show.php?classid=18&id=108786&style=0&cpage=0&cid=&bclassid=4> (на китайском / in Chinese)

po-strategicheskim-voprosam

Bo Bolo. A Wary Embrace. What the China-Russia Relationship Means for the World. Lowy Institute for International Policy, Penguin Random House Australia, 2017.

Kuchins, Andrew C. Russia in 2013, Critical Questions for 2013: Regional Issues / CSIS, January 25, 2013. Mode of access: <http://csis.org/publication/critical-questions-2013-regional-issues#g>

Trenin, D. Challenges and Opportunities: Russia and the Rise of China and India / The National Bureau of Asia, Strategic 2011-2012.

关于2017年中央和地方预算执行情况与2018年中央和地方预算草案的报告，2018年3月5日，财政（Доклад об исполнении центрального и местных бюджетов в 2017 г. и о проекте центрального и местных бюджетов на 2018 г. 5 марта 2018 г.). Mode of access: http://www.xinhuanet.com/politics/2018-03/23/c_1122582420.htm (на китайском / in Chinese)

王毅：新时期中美俄关系不是你上我下的跷跷板（Ван И. Китайско-американо-российские отношения в новую эру не являются качелями / МИД Китая, 08 марта 2017). Режим доступа: <http://www.fmprc.gov.cn/web/wjzbzd/t1443999.shtml> (на китайском / in Chinese)

王毅在美演讲：中美关系再次走到了十字路口—王毅国务委员兼外长在美国对外关系委员会的演讲，2018年9月9日（Выступление Ван И в Соединенных Штатах: китайско-американские отношения вновь вышли на перепутье – советник Государственного совета и министр иностранных дел Ван И в Совете США по международным отношениям, 9 сентября 2018 года). Режим доступа: <http://www.mzfxw.com/m/show.php?classid=1&id=108786&style=0&cpage=0&cid=&bclassid=4> (на китайском / in Chinese)

References:

Barskiy, K. «Vostochnyy vektor» vneshney politiki Rossii nachertil Yevgeniy Primakov (Evgeny Primakov Drew the “Eastern Vector” of Russia’s Foreign Policy), 15.11.2016. Mode of access: <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=16172>

Bo Bolo. A Wary Embrace. What the China-Russia Relationship Means for the World. Lowy Institute for International Policy, Penguin Random House Australia, 2017.

Karaganov, S. Kitay i Rossiya – pochti soyuzniki... Rossiya i Indiya vedut ser'yeznyy dialog po strategicheskim voprosam tol'ko na vysshem urovne (China and Russia Are almost Allies ... Russia and India Lead a Serious Dialogue on Strategic Issues only at the Highest Level) // *Rossiya v mirovoy politike*, 7 March, 2018. Mode of access: <http://www.globalaffairs.ru/pubcol/Kitai-i-Rossiya--pochti-soyuzniki-Rossiya-i-Indiya-vedut-sereznyi-dialog-po-strategicheskim-voprosam>

Kuchins, Andrew C. Russia in 2013, Critical Questions for 2013: Regional Issues / CSIS, January 25, 2013. Mode of access: <http://csis.org/publication/critical-questions-2013-regional-issues#g>

Trenin, D. Challenges and Opportunities: Russia and the Rise of China and India / The National Bureau of Asia, Strategic 2011-2012.

关于2017年中央和地方预算执行情况与2018年中央和地方预算草案的报告，2018年3月5日，财政（Report on the Implementation of the Central and Local Budgets in 2017 and on the Draft

Central and Local Budgets for 2018 March 5, 2018). Mode of access: http://www.xinhuanet.com/politics/2018-03/23/c_1122582420.htm (на китайском / in Chinese)

王毅：新时期中美俄关系不是你上我下的跷跷板（Wang I. Sino-US-Russian Relations in the New Era Are not Swings / MFA of China, March 8, 2017). Mode of access: <http://www.fmprc.gov.cn/web/wjzbzd/t1443999.shtml> (на китайском / in Chinese)

王毅在美演讲：中美关系再次走到了十字路口—王毅国务委员兼外长在美国对外关系委员会的演讲，2018年9月9日（Wang Yi's Speech in the United States: Sino-US Relations again Reached a Crossroads - State Councilor and Foreign Minister Wang Yi at the US Council on Foreign Relations, September 9, 2018). Mode of access: <http://www.mzfxw.com/m/show.php?classid=1&id=108786&style=0&cpage=0&cid=&bclassid=4> (на китайском / in Chinese)

“NEW TRIANGLE” IN RELATIONS BETWEEN CHINA, RUSSIA AND THE USA

Zhao Huasheng

*Institute of International Studies,
Fudan University,
Shanghai, China*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 13.12.2018</p> <p><i>Accepted:</i> 05.04.2019</p>	<p>Abstract: The emergence of a “new triangle” in relations of China, Russia and the United States has become an objective reality. By its nature, structure, content, functionality and influence, the current triangle differs from the “great triangle” of the PRC-USA-USSR that existed in the past. In the relations of the three countries there is no definite rut of change, at the present stage their prospects are open. In the Sino-Russian-American “new triangle” there are many changes that can be divided into background changes and immediate changes that affect the structure of relationships. Changes in the “triangle” are not mechanical, isolated from the outside world and unilinear, they are determined by the interaction of many factors. Theoretically, in the “triangle” of China, Russia and the United States there are many possible models, the choice of which is not exclusively subjective and depends largely on the overall situation and real needs.</p> <p>Creating a union is instrumental and theoretically there is no need to completely eliminate it from the set of diplomatic tools. Within the “triangle”, the Sino-Russian partnership without an alliance represents the best model, the conclusion of an alliance can only be a forced choice. The conclusion of the Sino-Russian alliance would imply a perception of the United States as an open enemy, and although the alliance can weaken the threat, designating a great power as an enemy will in itself create tremendous strategic pressure. A great strategic success for China would be to prevent the appearance of the enemy, and especially not to allow the partner to turn into an enemy. Equally important is maintaining good ties with the other two powers at an even higher level of diplomacy. Although the likelihood of a Chinese-Russian military-political alliance is very low, the continued deterioration of Chinese-American and Russian-American relations could push China and Russia to create some kind of Asian bloc. China rejects the mentality of the Cold War and the “zero-sum game,” but it is able to rationally, effectively and constructively use the structure of the Chinese-Russian-American triangle.</p>
<p>About the author: Professor, Institute of International Studies, Fudan University</p> <p>e-mail: sravnitpolit@mail.ru</p>	
<p>Key words: “Big triangle”; “new triangle”; China-Russia-USA; variables; model</p>	

Для цитирования: Чжао Хуашэн. «Новый треугольник» в отношениях между Китаем, Россией и США // *Сравнительная политика*. – 2019. №2 – С. 69-85.
DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10017

For citation: Zhao Huasheng. «Novyy treugol'nik» v otnosheniyakh mezhdru Kitayem, Rossiyey i SSHA (The «New Triangle» in Relations between China, Russia and the United States) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 2, pp. 69-85.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10017

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10018

ФАКТОР ОБРАЗОВАНИЯ В «МЯГКОЙ СИЛЕ» США, КИТАЯ И ЕС: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Екатерина Андреевна Антюхова

Московский государственный институт
международных отношений (Университет) МИД России,
Москва, Россия

<p>Информация о статье:</p> <p><i>Поступила в редакцию:</i> 13 июля 2018</p> <p><i>Принята к печати:</i> 15 января 2019</p>	<p>Аннотация: «Мягкая сила» в последние десятилетия является неотъемлемой частью внешнеполитического арсенала целого ряда государств. Включая в себя различный инструментарий, «мягкая сила» в качестве одного из наиболее эффективных инструментов, применяемых для достижения поставленных целей, включает в себя образование. Еще в период холодной войны Запад и Советский Союз активно использовали образование для подготовки в третьих странах кадров, полностью разделяющих ценности той или иной стороны. В условиях многополярного мира ситуация несколько изменилась: теперь все крупные государства, а также их объединения стремятся задействовать образование в качестве средства влияния и воздействия на своих контрагентов. В статье на примере США, Китая и Европейского союза рассматриваются и анализируются механизмы, используемые акторами при проведении политики «мягкой силы» через образование. Как показал проведенный в статье анализ, и США, и Китай, и ЕС на сегодняшний день активно используют образование для достижения своих внешнеполитических целей. При этом сама их образовательная политика, направленная вовне, имеет значительные различия. В результате мы можем говорить о трех разных моделях использования образования в качестве инструмента «мягкой силы». Каждая из них имеет свои отличительные черты, связанные, прежде всего, с конкретными механизмами использования образования, а также с содержанием образовательной политики и ее смысло-идеологическим наполнением. Тем не менее, несмотря на серьезные различия, можно уверенно говорить о том, что все три рассмотренные в статье субъекта международных отношений крайне успешно используют образование, часто добиваясь позитивного для себя эффекта в регионах своих национальных интересов.</p>
<p>Об авторе: к.полит.н., старший преподаватель, кафедра сравнительной политологии, МГИМО МИД России</p> <p>e-mail: e.antyukhova@gmail.com</p>	
<p>Ключевые слова: мягкая сила; образование; образовательная политика; США; Китай; Европейский Союз; программы обмена; образовательные фонды</p>	

В современном мире образование играет двоякую роль. С одной стороны, оно продолжает выступать в качестве традиционного института передачи знаний. С другой же – оно становится сильнейшим средством идеологического воздействия. Можно с уверенностью говорить, что все развитые (и развивающиеся) государства мира рассматривают сегодня образование, в том числе, и в качестве эффективного инструмента по достижению своих внешнеполитических целей. И в этом аспекте образование становится элементом того, что принято называть в актуальном политическом и политологическом дискурсе «мягкой силой». Таким образом, представляется крайне важным

проанализировать, как сегодня используют образование в качестве инструмента «мягкой силы» крупнейшие международные акторы, претендующие на ведущие роли в мировой политике, – США, Китай и Европейский союз.

США

США уже не первое десятилетие используют механизм образования для распространения своего влияния в мире. И, как представляется, в том числе и этот фактор, наравне с фактором военного лидерства является причиной нынешнего лидерства Соединенных Штатов на мировой арене. В связи с этим крайне важно проанализировать стратегические на-

правления развития образования в США в контексте использования его в качестве «мягкой силы», а также выявить конкретные механизмы, которые позволяют этому государству достигать максимально эффективных результатов от этого использования.

По мнению ряда отечественных специалистов, образовательная политика США в мире сегодня может считаться одной из самых успешных. Так, Г.Ю. Филимонов пишет: «Благодаря своему планетарному охвату образовательная политика Соединённых Штатов превратилась в действенный метод «мягкой силы», позволяющий формировать мировую политическую, экономическую, интеллектуальную и военную элиту, верную догмам либеральной демократии и рыночной экономики по-американски»¹. При этом, как уточняет Э.И. Усачева, «считается, что элита, подготовленная с помощью данных образовательных программ, будет влиять на политику своей (демократической) страны, делая ее более выгодной для США, в то время как выходцы из «недемократических» стран будут подготовлены как новые оппозиционные лидеры и активисты»².

Как отмечает сам автор концепции «мягкой силы» Дж. Най, такие страны, как США, прекрасно осведомлены о том, что образование является одним из наиболее важных инструментов для достижения в перспективе доминирования на мировой политической арене³. Кроме этого, по мнению Дж. Най, колледжи и университеты могут помочь повысить уровень обсуждения и продвижения

американской внешней политики⁴. В результате, в своих работах Дж. Най утверждает, что основными активами США в деле усиления и расширения «мягкой силы» являются два инструмента, напрямую связанных с образованием: международные программы обмена и фактор привлекательности американского высшего образования.

Серьезным инструментом «мягкой силы» США, безусловно, являются образовательные программы, которые это государство реализует по всему миру. Как отмечал бывший госсекретарь США Дж. Шульц, образовательную политику можно сравнить с «садоводством», потому что в ходе ее реализации в «почву», то есть в «сознание иностранной аудитории» вбрасываются «семена идей и идеалов», «эстетических и политических ориентиров»⁵.

Основная часть американских программ образовательного обмена реализуется на основе закона Фулбрайта-Хейси (*Mutual Educational and Cultural Exchange Act of 1961*)⁶. По мнению П. Макгилл Петерсон, Программа Фулбрайта, спонсируемая государственным Департаментом США, представляет собой отличный пример публичной дипломатии, продвигаемой через высшее образование. Его главная цель – способствовать взаимопониманию между людьми и нациями, и эта программа всегда была «смесью правительства и людей, порожденной «мягкой силой». Программа сегодня претендует на крупнейшее движение студентов и ученых по всему миру, которую какая-либо страна когда-либо спонсировала. Правительственные чиновники часто называют ее одним из величайших дипломатических активов Соединенных Штатов»⁷.

¹ Филимонов Г.Ю. Культурно-информационные механизмы внешней политики США. Истоки и новая реальность: монография. – М.: РУДН, 2012. – С. 143. [Filimonov, G.Yu. Kul'turno-informacionny'e mexanizmy' vneshnej politiki SShA. Istoki i novaya real'nost' (Cultural and Informational Mechanisms of US Foreign Policy. Origins and New Reality): monografiya. Moscow: RUDN, 2012. P. 143.]

² Усачева Э.И. «Мягкая сила» во внешней политике США на современном этапе. – М. 2016. – С. 11. [Usacheva, E' I. «Myagka sila» vo vneshnej politike SShA na sovremennom e'tape ("Soft Power" in US Foreign Policy at the Present Stage). Moscow. 2016. P. 11.]

³ Nye, J. Smart Power // *New Perspectives Quarterly*, 2009, Vol. 26, Iss. 2. P. 17.

⁴ Nye, J. Soft Power and Higher Education. P. 13. Mode of access: https://cdn.mashreghnews.ir/old/files/fa/news/1393/4/11/637473_515.pdf

⁵ Schultz, G. Diplomacy in the Information Age / Paper presented at the Conference on Virtual Diplomacy, U.S. Institute of Peace. Washington, D.C., April 1, 1997. P. 9.

⁶ Public Law 87-256: United States Code. Title 22. Charter 33. Mutual Educational and Cultural Exchange Program.

⁷ McGill Peterson P. Diplomacy and Education: A Changing Global Landscape // *International Higher Education*, 2014, No. 75, pp. 2-3.

Следует отметить, что кроме Программы Фулбрайта в США действует и еще целый ряд подобных программ, самыми известными и значимыми из которых являются: *Benjamin Franklin Transatlantic Fellows Summer Institute Program*, *Hubert H. Humphrey Program*, *Edmund S. Muskie Program*, *Future Leaders Exchange*, *Global UGRAD Program* и ряд других. Данные программы имеют различную направленность и предназначены для разных категорий обучающихся и разных регионов.

Согласно отчету «открытые двери», проекту, разработанному и осуществляемому Институтом Международного образования совместно с Бюро по вопросам образования и культуры Государственного департамента США и Бюро переписи населения США, в 2013-2014 учебном году в высших учебных заведениях США насчитывалось 886 052 иностранных студента, что на 8,1% больше, чем в предыдущем году. Это было 62% по сравнению с 547,867 учащимися в 2000-2001 учебном году⁸. Отметим, что рост зарубежных студентов в США является отчетливой тенденцией в последние годы. Согласно данным Института Международного образования, в американских вузах в 2010 г. обучалось 671 616 иностранных студентов, что было на 8% выше, чем годом ранее⁹.

По мнению Л. Савина, если говорить об американской «мягкой силе», то образование, в данном случае, – это не только система колледжей, институтов и университетов, где готовится американская молодежь, но и государственные программы для иностранных студентов, обучение и подготовка американских граждан за рубежом, выделение грантов через гражданское общество, массовое распространение американских образовательных и исследовательских центров в других странах, а также межведом-

ственная координация правоохранительных органов¹⁰.

Как отмечает О.А. Фролова, «говоря о госинститутах, которые непосредственно формируют и занимаются проведением политики «мягкой силы», стоит, в первую очередь, упомянуть Бюро по делам образования и культуры, которое расположено в структуре Госдепартамента США»¹¹. Бюро по делам культуры и образования отвечает за «масштабную программу культурных обменов в США в Отделе по публичным делам и стратегической коммуникации. Сотрудники Бюро поддерживают сайт Госдепартамента США *Exchanges Connect*¹², предназначенный для налаживания связей между потенциальными участниками программ обмена (американскими или иностранными гражданами) и выпускниками данных программ¹³.

Следует отметить, что огромную роль в реализации международных образовательных программ США играют на сегодняшний день частные фонды и институты. Так, как пишет Л. Бу, частный сектор, который еще в довоенные годы (до Второй мировой войны) находился на передовой линии в процессе налаживания межкультурных ком-

¹⁰ Savin, L. Education as a Tool of us Geopolitics. Mode of access: <http://katehon.com/article/education-tool-us-geopolitics>

¹¹ Фролова О.А. «Мягкая сила» внешнеполитической деятельности США: институты и механизмы формирования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2013. – № 3. – С. 51. [Frolova, O.A. «Myagkaya sila» vneshnepoliticheskoy deyatel'nosti SShA: instituty i mexanizmy formirovaniya («Soft power» of US Foreign Policy: Institutions and Mechanisms of Formation) // *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya*, 2013, No. 3, p. 51.]

¹² Mode of access: <https://exchanges.state.gov/non-us/connect>

¹³ Смирнов А.И., Кохтюлина И.Н. Глобальная безопасность и «мягкая сила 2.0»: вызовы и возможности для России. – М.: ВНИИ-геосистем, 2012. – С. 48. [Smirnov, A.I.; Kohtyulina, I.N. Global'naya bezopasnost' i «myagkaya sila 2.0»: vy'zovy i vozmozhnosti dlya Rossii (Global Security and Soft Power 2.0: Challenges and Opportunities for Russia). Moscow: VNIIGEosistem, 2012.]

муникаций между Соединенными Штатами и другими странами, в 1980-1990-е гг. вновь вернул свой статус и стал активно использоваться Белым домом. Обладая «уникальной ролью в обществе», многочисленные фонды и частные высшие учебные заведения «стали незаменимыми поставщиками многочисленных программ обмена»¹⁴. Среди наиболее известных американских фондов, которые действуют в том числе на постсоветском пространстве следует выделить: «*American Association Of University Woman Educational Foundation*», который обеспечивает финансовую поддержку женщин с высшим образованием и ученой степенью, занимается предоставлением грантов и стипендий, организует различные научно-образовательные мероприятия, такие как круглые столы, форумы и симпозиумы¹⁵; «*Bill and Melinda Gates Foundation*», реализующий различные образовательные программы и дающий образовательные гранты¹⁶; Институт Открытого Общества (Фонд Сороса), предоставляющий образовательные гранты и стипендии.

Значительную роль по распространению американской «мягкой силы» на постсоветском пространстве играют так называемые ресурсные центры – отделы посольств и консульств, а также представительства образовательных обменных программ. Ресурсные центры позволяют активно поддерживать обратную связь с регионами и осуществлять эффективный обмен информацией.

Безусловно, воздействие американской системы образования глобально. И нынешнее изобилие проамериканских иностранных лидеров является результатом образования иностранных студентов, которое имело место десятилетия назад. Отметим, что бывший государственный секретарь Колин Пауэлл однажды сказал: «Я не могу думать о более ценном активе для нашей страны, чем

дружба будущих мировых лидеров, получивших здесь образование»¹⁷.

Китай

Как отмечают западные авторы, категория «мягкой силы» на сегодняшний день часто встречается в китайском политологическом дискурсе¹⁸, хотя до начала 2000-х гг. Китай практически не использовал инструментов «мягкой силы». В 1999 г. к руководству в Китае пришло (четвертое) поколение руководителей, которое сформулировала новую внешнеполитическую доктрину этой страны, связанную с отказом от статуса региональной державы. Новая стратегия Китая была ориентирована на получение статуса не региональной, а великой державы, которая должна сама формировать международную систему отношений, а не просто реагировать на происходящее в ней¹⁹. С этого момента концепция «мягкой силы» активно входит во внешнеполитический инструментарий КНР.

Примерно в этот же период в Китае происходят и серьезные изменения в системе образования. С 1995 г. в стране реализуется общенациональная программа «Проект 211». В соответствии с данной программой в «100 ключевых вузах качество обучения, научно-исследовательской работы и хозяйственной деятельности должны достичь самых высоких международных стандартов, а сами учебные заведения – войти в число ведущих вузов мира»²⁰. В 1999 г. ЦК КПК и Госсовет КНР приняли решение ежегодно увеличивать число студентов вузов на 10%. Одновременно с этим значительно

¹⁷ Powell, C. Statement on International Education Week 2001. U.S. Department of State, November 2001. Mode of access: <http://www.state.gov/secretary/rm/2001/4462.htm>

¹⁸ Rønning, H. How much Soft Power Does China Have in Africa? / China and Africa Media, Communications and Public Diplomacy, 2014. P. 10.

¹⁹ Goldstein, A. The Diplomatic Face of China's Grand Strategy: A Rising Power's Emerging Choice // *The China Quarterly*, 2001, No. 168, p. 836.

²⁰ Кузнецова В.В., Машкина О.А. Высшая школа КНР: успехи, проблемы, решения // Экономика образования. – 2009. – № 2. – С. 67. [Kuznetsova, V.V.; Mashkina, O.A. Vy'sshaya shkola KNR: uspexi, problemy, resheniya (China Higher School: Successes, Problems, Solutions) // *Ekonomika obrazovaniya*, 2009, No. 2, p. 67.]

¹⁴ Bu, L. Educational Exchange and Cultural Diplomacy in the Cold War // *Journal of American Studies*, 1999, Vol. 33, No. 3, Part 1: Women in America. Cambridge University Press. P. 393.

¹⁵ What We Do. Mode of access: <https://www.aauw.org/what-we-do/>

¹⁶ What We Do. Mode of access: <https://www.gatesfoundation.org/What-We-Do>

выросло и количество высших учебных заведений: 1999 г. в стране насчитывалось в общей сложности 1942 вуза²¹. В том же 1999 г. в Китае начинает реализовываться и новая программа «Проект 985» по созданию в стране университетов мирового уровня.

В результате значительно повысился и образовательный уровень внутри самого Китая. Достаточно сказать, что «если в 1982 г. только 20% руководителей провинций Китая посещали учебные заведения уровня колледжа, то в 2002 году их было уже 98%..., две трети из них имели степени магистра или доктора философии»²².

Таким образом, к началу 2000-х гг. Китай выходит на новый уровень развития системы образования. Новые возможности и очевидные успехи в реформировании образования позволили КНР в рамках обновленной внешнеполитической стратегии в целом включить образование в перечень инструментов международной деятельности.

Как отмечает отечественный исследователь Д.М. Ковба, главной особенностью китайского понимания «мягкой силы» является ее культуроцентричная трактовка – «в противовес продвижению привлекательной политической идеологии и политических ценностей»²³. Причина этого кроется в том, что, с точки зрения Китая, бессмысленно противопоставлять гегемонии США иные идеологические нарративы в силу их очевидной слабости и низкой привлекательности по сравнению с идеями демократии и свободы²⁴. Это позволяет говорить о «различных

индивидуальных моделях «мягкой силы», применяемой Китаем и США»²⁵. В результате основным содержанием «мягкой силы» Китая стало культурно-гуманитарное сотрудничество без явной идеологической окраски. Другими словами, Китай не пытается при помощи «мягкой силы» продвигать свой политический проект (коммунистическую идеологию), а старается сформировать свой положительный имидж и привлекательность, декларируя принцип невмешательства во внутренние дела других государств.

Итак, одним из важных инструментов реализации политики «мягкой силы» на современном этапе для Китая является образование. Выделим ключевые элементы стратегии КНР в данном направлении и проанализируем их:

- развитие академической мобильности;
- предоставление грантов китайским и зарубежным студентам;
- реализация совместных образовательных программ;
- помощь в подготовке кадров различной квалификации;
- вхождение китайских вузов в мировые образовательные рейтинги;
- создание международных организаций, в том числе образовательной направленности;
- создание учебных заведений за рубежом (Институты Конфуция);
- помощь в строительстве учебных заведений за рубежом;
- техническое оснащение образовательных организаций за рубежом;

Безусловно, все перечисленные элементы реализуются Китаем не одновременно и не на всех геополитических направлениях. В первую очередь, КНР ориентируется

международных организаций. – 2014. – Т. 9. № 2. – С. 95-129. [Mihnevich, S.V. Panda na sluzhbe Drakona: osnovnyye napravleniya i mekhanizmy politiki «myagkoy sily» Kitaya (Panda in the Service of the Dragon: the Main Directions and Mechanisms of the Policy of «Soft Power» of China) // *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy*, 2014, Vol. 9, No. 2, pp. 95-129.]

²¹ Mashkina O.A. Профессиональное образование в КНР. – М., 2004. – С. 73. [Mashkina, O.A. Professional'noe obrazovanie v KNR (Professional Education in the PRC). Moscow, 2004. P. 73.]

²² Cooper, Ramo J. The Beijing Consensus. London, England: Foreign Policy Center, 2004. Pp. 19-20.

²³ Ковба Д.М. «Мягкая сила» в китайской политической науке и практике. Режим доступа: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/46754/1/klo_2017_223.pdf [Kovba, D.M. «Myagkaya sila» v kitajskoj politicheskoj nauke i praktike («Soft power» in Chinese Political Science and Practice). Mode of access: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/46754/1/klo_2017_223.pdf]

²⁴ См. подробнее: Михневич С.В. Панда на службе Дракона: основные направления и механизмы политики «мягкой силы» Китая // *Вестник*

²⁵ Min-Hua Huang. Follow the Leader? Soft Power of China and the US Compared // *China's Rise: Assessing Views from East Asia and the United States*. 2013. P. 11.

на стратегически важные для себя регионы, среди которых следует выделить Юго-Восточную и Центральную Азию, Африку, Россию, страны Латинской Америки.

КНР активно развивает программы студенческой мобильности, выделяя соответствующие финансовые средства. При этом студентам не только оплачивается обучение, но и предоставляются ежемесячные стипендии в размере 1200-2000 юаней (200-330 долларов) в зависимости от уровня обучения. Как отмечают специалисты, сегодня затраты Китая на мероприятия, связанные с развитием студенческой мобильности, составляют около 100 млн долл. в год. Кроме этого, Китай выделяет около 25 млн долл. в год на продвижение в мире образовательной программы «Изучая китайский в качестве иностранного»²⁶. Китайский исследователь Р. Янг указывает на тот факт, что «Китай сознательно содействует международному обмену и сотрудничеству в области образования. Действительно, Китай умело использует «мягкую силу» для расширения своего глобального влияния. Эффективная стратегия сочетания высшего образования с обращением к Конфуцианству – является явным преимуществом Китая»²⁷. Говоря о роли конфуцианства в китайской модели «мягкой силы», следует отметить, что официально о нем, как о ее компоненте, в своей статье заявил руководитель Отдела общественных связей Центрального Комитета КПК Лю Юньшань, сразу после семнадцатого съезда партии. Он подчеркнул, что политика «мягкой силы» Китая должна основываться на двух элементах: основных ценностях социализма и ценностях традиционной китайской культуры, в первую очередь, конфуцианства²⁸.

²⁶ Ковба Д.М. «Мягкая сила» в китайской политической науке и практике. Режим доступа: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/46754/1/klo_2017_223.pdf [Kovba, D.M. «Myagkaya sila» v kitajskoj politicheskoj nauke i praktike (“Soft power” in Chinese Political Science and Practice). Mode of access: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/46754/1/klo_2017_223.pdf]

²⁷ Yang, R. China’s Soft Power Projection in Higher Education // *International Higher Education*, 2007, Vol. 46, p. 24.

²⁸ Sayama, O. China’s Approach to Soft Power. Seeking a Balance between Nationalism,

В феврале 2016 года Министерство образования Китая опубликовало новую директиву о том, как усилить патриотическое воспитание при помощи национальной системы образования. Ближе к концу документа директива предлагает создать сеть, объединяющую отечественных и иностранных студентов и специалистов для того, чтобы распространять знание о развитии «Родины», обозначив всех китайских студентов в качестве «народных послов»²⁹. Впрочем, следует подчеркнуть, что некоторые западные авторы, в том числе на основании социологических исследований³⁰, делают выводы о том, что подобное применение «мягкой силы» не всегда является эффективным, так как сами китайские студенты за рубежом также подвергаются определенному идеологическому влиянию. А. Бислев подчеркивает, что существующие исследования показывают, как «при определенных условиях образовательные программы по обмену студентами могут быть благоприятными в плане использования «мягкой силы». Однако, как показывает анализ деятельности китайских студентов, так происходит не всегда. Культурные и политические различия, предвзятое отношение к «другим», структурные барьеры в системе образования говорят о том, что... возможности здесь весьма ограничены»³¹. Кроме этого стоит отметить и такой важный фактор, как отсутствие контакта между китайскими студентами, обучающимися за границей и, собственно, китайскими органами власти. В данном случае, влияние на студентов оказывается на сегодняшний день лишь через

Legitimacy and International Influence. Royal United Services Institute for Defence and Security Studies. London, 2016. P. 5.

²⁹ Directive on How to Further Strengthen Patriotic Education in the Educational System from the Party Committee of the Central Ministry of Education. Mode of access: www.moe.edu.cn/srcsite/A13/s7061/201601/t201601_29_229131.html

³⁰ Hong Natalie Yan. EU-China Education Diplomacy: An Effective Soft Power Strategy? // *European Foreign Affairs Review*, 2014, No. 19, pp. 155-172.

³¹ Bislev, A. Student-to-Student Diplomacy: Chinese International Students as a Soft-Power Tool // *Journal of Current Chinese Affairs*, 2017, No. 46 (2), p. 105.

специальные директивные акты³², наподобие акта Министерства образования Китая 2016 г.

В результате развития программ академической мобильности уже к 2014 г. Китай стал третьим по величине глобальным учебным центром в мире, примерно с 8% долей иностранных студентов от общего числа, участвовавших на тот период в подобных программах, и сегодня в качестве национальной цели ставит себе задачу по привлечению 500000 иностранных студентов к 2020 году³³. Таким образом, Китай всячески демонстрирует, с одной стороны, доступность своего образования, а с другой – его высокое качество. Отметим, что в организационном плане крупнейшей китайской организацией, занимающейся организацией международных академических обменов и развитием сотрудничества в области образования, является «Китайская ассоциация по международному обмену в области образования», которая имеет свои филиалы во всех крупных городах страны³⁴.

В настоящее время в Китае создана и действует информационная онлайн-платформа *CUCAS (China's University And College Admission System)*³⁵, инициатором которой выступила «Китайская ассоциация по международному обмену в области образования». Данная система представляет из себя платформу для подачи заявлений в университеты и колледжи Китая иностранными студентами. Миссия системы звучит следующим образом: «Мы стремимся найти более быстрый, легкий и экономически эффективный способ для студентов,

поступающих в университеты Китая»³⁶. Платформа предоставляет выбор консультационных услуг: от выбора программы обучения до оформления необходимого пакета документов. Безусловно, подобного рода использование информационных технологий положительно сказывается на имидже китайской системы образования и Китая в целом.

Стремление к интернационализации образования выразилось и в том, что в последние годы Китай активно сотрудничает с зарубежными университетами и создает филиалы своих вузов за границей. В качестве примера здесь можно привести сотрудничество между университетом Цинхуа³⁷ и Вашингтонским университетом. Филиалы других китайских университетов были созданы и в других странах, включая кампус университета *Soochow* в Лаосе, филиал Сямыньского университета в Малайзии и совместную лабораторию, спонсируемую Чжэцзянским университетом и Имперским колледжем Лондона в Лондоне.

ЕС

В последнее время общественная дипломатия приобрела большую актуальность в стратегии и стратегических документах ЕС. В Программе, определяющей инструментарий партнерства для сотрудничества с третьими странами (*Partnership Instrument for Cooperation with Third Countries*), на период 2014-2020 гг. как минимум три раза упоминается термин «публичная дипломатия». Несмотря на то, что сам термин не получает расшифровки, тем не менее, из документа становится очевидно, что под ним подразумевается деятельность по распространению знаний и повышению уровня узнаваемости Евро-

³² Fish, E. Caught In A Crossfire: Chinese Students Abroad And The Battle For Their Hearts. Mode of access: <https://supchina.com/2018/01/18/caught-in-a-crossfire-chinese-students-abroad-and-the-battle-for-their-hearts/>

³³ Education and the Exercise of Soft Power in China. Mode of access: onitor.icef.com/2016/01/education-and-the-exercise-of-soft-power-in-china/

³⁴ Образование в Китайской народной республике (Education in the People's Republic of China) // Жэньминь жибао онлайн. Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/other/jiaoyu.html>

³⁵ Mode of access: <http://www.cucas.edu.cn/>

³⁶ Our Vision. Mode of access: <http://www.cucas.edu.cn/>

³⁷ В мировом рейтинге вузов *US News & World Report* в 2017 году Университет Цинхуа стал лучшим в сфере информатики и инженерии, обогнав таких признанных мировых лидеров, как Техасский университет (США), Наньянский технологический университет (Сингапур) и Массачусетский технологический институт (США).

пейского союза, продвижению его ценностей и интересов³⁸.

Прежде чем говорить об образовании как инструменте европейской «мягкой силы», полагаем, необходимо уточнить, как Европейский союз понимает сам этот термин, и какое содержание в него вкладывает. Как отмечает отечественный исследователь П.И. Касаткин, «особого внимания заслуживают европейские подходы к пониманию “мягкой силы”»³⁹.

И, действительно, для Европы характерно своего рода терминологическое отделение от американской авторской модели «мягкой силы», что связано с попытками собственных формулировок и трактовок «мягкой силы». Одной из наиболее известных из них на сегодняшний день является сформулированная Ф. Дюшеном концепция «гражданской силы». Идеи Ф. Дюшена, как отмечает Н.Н. Гудалов, «...точно отразили долгосрочный тренд снижения роли военной мощи и появления новых факторов влияния в мировой политике, наблюдаемый до сих пор»⁴⁰. Ф. Дюшен исходил из идеи, что Европа имеет все возможности стать «новым центром силы, в основе которого будут лежать не военные, а сугубо гражданские средства обеспечения ее влияния»⁴¹.

³⁸ Partnership Instrument. First Multi-Annual Indicative Programme for the Period 2014-2017 / Europa.eu. Mode of access: http://ec.europa.eu/dgs/fpi/documents/pi_mip_annex_en.pdf

³⁹ Касаткин П.И., Ивкина Н.В. Культурная и образовательная составляющие «мягкой силы» ЕС // Сравнительная политика. – 2018. – № 1. – С. 28. [Kasatkin, P. I.; Ivkina, N.V. Kul'turnaya i obrazovatel'naya sostavlyayushhie «myagkoj sily» ES (Cultural and Educational Components of the EU “Soft Power”) // *Comparative Politics Russia*, 2018, No. 1, p. 28.]

⁴⁰ Гудалов Н.Н. Политика Европейского союза по разрешению палестино-израильского конфликта на современном этапе. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – СПб. 2015. – С. 57. [Gudalov, N.N. Politika Evropejskogo soyuza po razresheniyu palestino-izrail'skogo konflikta na sovremennom etape (European Union Policy on Resolving the Palestinian-Israeli Conflict at the Present Stage). Dissertation. Saint Petersburg, 2015. P. 57.]

⁴¹ Bull, H. Civilian Power Europe: a Contradiction in Terms // *Journal of Common Market Studies*, 1982, Vol. 21, No. 1-2, p. 149.

Таким образом, Европа уже в 1970-е гг. осознала потенциал «мягкой силы», при помощи которой она могла бы восстановить свои позиции на мировой арене. Но во второй половине XX столетия, в условиях холодной войны и отсутствия единых европейских протогосударственных структур и механизмов, подобные концепции могли носить сугубо теоретический характер. После же распада СССР и начала активного построения единого политического европейского пространства, нашедшего свое организационное оформление в рамках Европейского Союза, единая Европа вновь вернулась к идее использования «мягкой силы», но теперь уже для достижения своих исключительных интересов в условиях многополярного мира.

О.М. Хауер-Тюкаркина полагает, что для реализации потенциала «мягкой силы» у Европейского Союза есть множество различных «платформ». В качестве одной из них он определяет организационно-программную платформу, включающую в себя и образование: «Организационно-программная платформа – все целевые аудитории Образовательные и культурные программы *Leonardo Da Vinci, Erasmus, Sokrates*, Молодежь в действии и пр. *EUNIC (The European Union National Institutes for Culture)* – Объединение институтов культуры стран Европейского союза, осуществляющих образовательные программы за рубежом. Например, членом Объединения являются такие всемирно известные культурные организации как Институт имени Гете (Германия), Институт Сервантеса (Испания), Британский совет (Великобритания) и пр. Цель работы Объединения – продвижение европейских государств в третьих странах, популяризация европейских языков»⁴².

Следует отметить, что уже не первый год страны-члены ЕС постоянно наращивают

⁴² Хауер-Тюкаркина О.М. Роль «мягкой силы» в условиях глобального экономического кризиса (на примере ЕС) // Конфликтология/Nota Bene. – 2015. – № 4 (5). – С. 371. [Hauer-Tyukarkina, O.M. Rol' «myagkoj sily» v usloviyax global'nogo e'konomicheskogo krizisa (na primere ES) // *Konfliktologiya/Nota Bene*, 2015, No. 4 (5), p. 371.]

«аудиовизуальное присутствие в мире, участвуют в разработке новых технологий коммуникации, продвигают свой язык и развивают сотрудничество в сфере образования. В сфере образования политика ЕС направлена на повышение конкурентоспособности Евросоюза», при этом «расширение Евросоюза и усиление глобализации спровоцировали интернационализацию системы образования... Были созданы организации и фонды, занимающиеся международным сотрудничеством для развития отношений в образовательной сфере. Это содействует улучшению качества образования, социальному сплочению и формированию гражданской позиции»⁴³.

Следует отметить, что уже на протяжении нескольких десятилетий Европейский Союз реализует ряд образовательных глобальных инициатив, которые являются эффективным инструментом «мягкой силы». Безусловно, важнейшей из них является «Эразмус», которая на сегодняшний день реализуется в формате «Эразмус+».

Во-первых, «Эразмус» сыграл важнейшую роль в процессе «европеизации» стран-членов Европейского союза⁴⁴. Программа «Эразмус» была основана в 1987 году. Первая программа была предложена в начале 1986 года, и инициатива получила неоднозначные реакции. Некоторые государства-члены были против программы мобильности⁴⁵. Говоря о полном образова-

тельном цикле, следует выделить следующие программы: «Эразмус» (1987-1995), «Сократ I – Эразмус» (1995-2000), «Сократ II – Эразмус» (2000-2007), Программа непрерывного образования (2007-2013) и «Эразмус+» (2013-2020).

«Мягкую силу» ЕС невозможно рассматривать, не обращаясь к анализу Болонского процесса. Как отмечает М.А. Чепурина, «Болонский процесс – инструмент публичной дипломатии, площадка, открывающая возможность и облегчающая студентам, исследователям и преподавателям стран-участниц использование возрастающей международной мобильности как для развития личного потенциала, так и для продвижения имиджа своей страны и ее образовательного пространства за рубежом»⁴⁶.

Болонский процесс нашел достаточное отражение в отечественной научной литературе, в первую очередь, по причине того, что в нем участвует и Россия. Очевидно, что при помощи Болонского процесса Европа в последние годы пытается не только реформировать национальные системы образования, перестраивая их в соответствии со своими представлениями, но и старается продвигать свои ценности, о чем прямо говорится в болонских документах. Но при этом данный процесс имеет и обратный эффект для Европейского союза. Как верно отмечает П.И. Касаткин, «Болонский процесс может помочь максимально использовать «мягкую власть» страны в тот момент, когда традиционные инструменты «твердой власти» не оправдывают себя в России, СНГ и по всему миру»⁴⁷. То есть, интеграция образования

⁴³ Ципановац В. Технологии публичной дипломатии Евросоюза // Фонд изучения исторической перспективы. 2017. Режим доступа: <http://evropazavtra.ru/sompetitions/proshedshie-konkursy/molodye-uchyonye-2017/spisok-rabot-uchastnikov-konkursa-2017/tekhnologii-publichnoy-diplomatii-evr> [Cipanovac, V. Tehnologii publichnoy diplomatii Evrosoyuza (Technologies of Public Diplomacy of the European Union) // Fond izucheniya istoricheskoy perspektivy, 2017. Mode of access: <http://evropazavtra.ru/sompetitions/proshedshie-konkursy/molodye-uchyonye-2017/spisok-rabot-uchastnikov-konkursa-2017/tekhnologii-publichnoy-diplomatii-evr>]

⁴⁴ Egeberg, M.; Trondal, J. National Agencies in the European Administrative Space: Government Driven, Commission Driven or Networked? // Working Paper. Oslo: Arena, 2007.

⁴⁵ Reinalda, B.; Kulesza, E. The Bologna Process – Harmonizing Europe’s Higher Education. Barbara Budrich Publishers. 1st edition. 2005. 248 p.

⁴⁶ Чепурина М.А. Мягкая сила в глобальной политике: болонские измерения // Вестник РУДН: Политология. – 2014. – № 1. – С. 100. [Chepurina, M.A. Myagkaya sila v global'noj politike: bolonskie izmereniya (Soft Power in Global Politics: the Bologna Dimensions) // *Vestnik RUDN: Politologiya*, 2014, № 1, p. 100.]

⁴⁷ Касаткин П.И. Болонская система образования в контексте политического развития ЕС // Право и управление. XXI век. – 2013. – № 4. – С. 70-77. [Kasatkin, P.I. Bolonskaya sistema obrazovaniya v kontekste politicheskogo razvitiya ES (Bologna Education System in the Context of EU Political Development) // *Pravo i upravlenie. XXI vek*, 2013, No. 4, pp. 70-77.]

может быть выгодна и странам, на которые направлен Болонский процесс. Кроме этого, следует учитывать и негативные издержки Болонского процесса, которые наблюдаются сегодня во многих европейских государствах⁴⁸.

Я. Зелонка полагает, что сегодня внешняя политика ЕС носит двойственный и даже парадоксальный характер: ЕС стремится стать мощным международным актором, не являясь при этом сверхдержавой⁴⁹. При этом крайне важно отметить, что несмотря на то, что ЕС переживает серьезные внутренние политические кризисы (например, недавнее заявление Великобритании о выходе из Союза), а также испытывает на себе все последствия мировых экономических кризисов, тем не менее, это никак не сказывается на европейском образовании и его статусе. Согласно всем рейтингам, в том числе таким авторитетным, как *Times Higher Education*, кризисы едва ли повлияли на позицию ЕС как самого передового игрока в части научно-технологического развития: так, например, Индекс высшего образования 2016 года включает сотни университетов стран-членов ЕС, в то время как университеты целевых для «мягкой силы» стран там практически отсутствуют. Например, в рейтинге присутствует только один сербский и два украинских университета, которые занимают места в диапазоне от 600 до 800⁵⁰.

На современном этапе ЕС активно использует образование в качестве инструмента «мягкой силы». При этом сфера влияния Европейского союза в данном контексте постоянно расширяется. Если еще в 1990-е гг. можно было говорить об образовательной «мягкой силе» ЕС лишь в рамках собственно Европы и в отношении бывших советских республик, то сегодня она распространяется на азиатский регион и страны Латин-

ской Америки. Пожалуй, единственным регионом, где ЕС сегодня не может в полной мере реализовать свою стратегию «мягкой силы» – это Северная Америка и, в частности, США. Причинами этого является традиционно сильное, сложившееся исторически со второй половины XX в. влияние США на саму Европу, а также сложность реализации подобной политики внутри Соединенных Штатов в принципе.

Выводы

Сравнивая политику «мягкой силы» Китая, США и ЕС в контексте использования ими образования, можно сделать следующие выводы.

Мы можем говорить о трех разных моделях, которые выявились в результате проведенного нами анализа. Первая из них, и самая ранняя по времени появления, возникла в США. Она представляет собой синтез между государственными организациями и некоммерческими организациями, которые совместно решают вопросы по продвижению американских интересов в мире. При этом частные образовательные организации используются государством, с правом получения значительной финансовой выгоды от реализации своих образовательных программ.

В ЕС использование «мягкой силы» представляет собой на сегодняшний день не вполне устоявшуюся модель. Основная проблема заключается в том, что существуют определенные противоречия между надъевропейским и национальным уровнями, которые не всегда совпадают в своих устремлениях. Если ЕС стремится к достижению общеевропейских целей, то отдельные его члены продолжают отстаивать свои собственные национальные интересы, в том числе используя для этого и национальные системы образования.

Китай позднее всех из рассмотренных нами акторов приступил к формированию своей модели политики «мягкой силы». Ее особенностью является сильный акцент на культурный национальный компонент, который соединяется с идеологической компонентой.

Две из проанализированных моделей – китайская и европейская – находятся сегодня

⁴⁸ Подробнее см.: The Black Book of the Bologna Process. The National Unions of Students in Europe, 2005.

⁴⁹ Zielonka, J. Paradoxes of European Foreign Policy. Policies Without Strategy: the EU's Record in Eastern Europe // Yearbook of Polish European Studies, 1998, No. 2, pp. 25-42.

⁵⁰ Times Higher Education, 2016.

ня во многом в стадии развития. Но если ЕС уже не первый год успешно пытается использовать в качестве инструмента «мягкой силы» глобальные образовательные инициативы в формате международных программ академической мобильности, а также Болонский процесс, то Китай фокусируется на создании сетевой модели, создавая по всему миру образовательные центры, в первую очередь, Институты Конфуция.

Так или иначе, мы можем констатировать тот факт, что все крупные международные акторы и глобальные игроки на сегодняшний день в полной мере осознают важность образования как инструмента укрепления своих позиций в мире. И, на наш взгляд, в условиях формирования экономики знаний данная тенденция будет лишь усиливаться, что необходимо учитывать и Российской Федерации при формировании своего внешнеполитического курса.

Литература:

Гудалов Н.Н. Политика Европейского союза по разрешению палестинско-израильского конфликта на современном этапе. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – СПб. 2015.

Касаткин П.И. Болонская система образования в контексте политического развития ЕС // Право и управление. XXI век. – 2013. – № 4.

Касаткин П.И., Ивкина Н.В. Культурная и образовательная составляющие «мягкой силы» ЕС // Сравнительная политика. – 2018. – № 1.

Ковба Д.М. «Мягкая сила» в китайской политической науке и практике. Режим доступа: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/46754/1/klo_2017_223.pdf

Кузнецова В.В., Машикина О.А. Высшая школа КНР: успехи, проблемы, решения // Экономика образования. – 2009. – № 2.

Машикина О.А. Профессиональное образование в КНР. – М., 2004.

Михневич С.В. Панда на службе Дракона: основные направления и механизмы политики «мягкой силы» Китая // Вестник международных организаций. – 2014. – Т. 9. № 2. – С. 95-129.

Смирнов А.И., Кохтюлина И.Н. Глобальная безопасность и «мягкая сила 2.0»: вызовы и возможности для России. – М.: ВНИИгеосистем, 2012.

Усачева Э.И. «Мягкая сила» во внешней политике США на современном этапе. – М. 2016.

Филлимонов Г.Ю. Культурно-информационные механизмы внешней политики США. Истоки и новая реальность: монография. – М.: РУДН, 2012.

Фролова О.А. «Мягкая сила» внешнеполитической деятельности США: институты и механизмы формирования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2013. – № 3.

Харер-Токаркина О.М. Роль «мягкой силы» в условиях глобального экономического кризиса (на примере ЕС) // Конфликтология/Nota Bene. – 2015. – № 4 (5).

Цитановац В. Технологии публичной дипломатии Евросоюза // Фонд изучения исторической перспектив. 2017. Режим доступа: <http://evropazavtra.ru/sompetitions/proshedshie-konkursy/molodye-uchyonye-2017/spisok-rabot-uchastnikov-konkursa-2017/tehnologii-publichnoy-diplomatii-evr>

Чепурина М.А. Мягкая сила в глобальной политике: болонские измерения // Вестник РУДН: Политология. – 2014. – № 1. – С. 100.

Bislev, A. Student-to-Student Diplomacy: Chinese International Students as a Soft-Power Tool // *Journal of Current Chinese Affairs*, 2017, No. 46 (2), p. 105.

Bu, L. Educational Exchange and Cultural Diplomacy in the Cold War // *Journal of American Studies*, 1999, Vol. 33, No. 3, Part 1: Women in America. Cambridge University Press. P. 393.

Bull, H. Civilian Power Europe: a Contradiction in Terms // *Journal of Common Market Studies*, 1982, Vol. 21, No. 1-2, p. 149.

Cooper, R. KInternational Influx / Portfolio.com, 18 January 2010. Mode of access: <http://www.portfolio.com/businessnews/2010/01/18/american-colleges-and-universities-are-destination-of-choice-for-ambitious-international-students/index.html>

Cooper, Ramo J. The Beijing Consensus. London, England: Foreign Policy Center, 2004. Pp. 19-20.

Egeberg, M.; Trondal, J. National Agencies in the European Administrative Space: Government Driven, Commission Driven or Networked? // Working Paper. Oslo: Arena, 2007.

Fish, E. Caught In A Crossfire: Chinese Students Abroad And The Battle For Their Hearts. Mode of access: <https://supchina.com/2018/01/18/caught-in-a-crossfire-chinese-students-abroad-and-the-battle-for-their-hearts/>

Goldstein, A. The Diplomatic Face of China's Grand Strategy: A Rising Power's Emerging Choice // *The China Quarterly*, 2001, No. 168, p. 836.

Hong Natalie Yan. EU-China Education Diplomacy: An Effective Soft Power Strategy? // *European Foreign Affairs Review*, 2014, No. 19, pp. 155-172.

Mcgill, Peterson P. Diplomacy and Education: A Changing Global Landscape // *International Higher Education*, 2014, No. 75, pp. 2-3.

Min-Hua Huang. Follow the Leader? Soft Power of China and the US Compared // *China's Rise: Assessing Views from East Asia and the United States*. 2013. P. 11.

Nye, J. Smart Power // *New Perspectives Quarterly*, 2009, Vol. 26, Iss. 2. P. 17.

Nye, J. Soft Power and Higher Education. P. 13. Mode of access: https://cdn.mashreghnews.ir/old/files/fa/news/1393/4/11/637473_515.pdf

Powell, C. Statement on International Education Week 2001. U.S. Department of State, November 2001. Mode of access: <http://www.state.gov/secretary/rm/2001/4462.htm>

Reinalda, B.; Kulesza, E. The Bologna Process – Harmonizing Europe's Higher Education. Barbara Budrich Publishers. 1st edition. 2005. 248 p.

Rønning, H. How much Soft Power Does China Have in Africa? / *China and Africa Media, Communications and Public Diplomacy*, 2014. P. 10.

Savin, L. Education as a Tool of us Geopolitics. Mode of access: <http://katehon.com/article/education-tool-us-geopolitics>

Sayama, O. China's Approach to Soft Power. Seeking a Balance between Nationalism, Legitimacy and International

Influence. Royal United Services Institute for Defence and Security Studies. London, 2016. P. 5.

Schultz, G. Diplomacy in the Information Age /Paper presented at the Conference on Virtual Diplomacy, U.S. Institute of Peace. Washington, D.C., April 1, 1997. P. 9.

The Black Book of the Bologna Process. The National Unions of Students in Europe, 2005.

Yang, R. China's Soft Power Projection in Higher Education // *International Higher Education*, 2007, Vol. 46, p. 24.

Zielonka, J. Paradoxes of European Foreign Policy. Policies Without Strategy: the EU's Record in Eastern Europe // *Yearbook of Polish European Studies*, 1998, No. 2, pp. 25-42.

References:

Bislev, A. Student-to-Student Diplomacy: Chinese International Students as a Soft-Power Tool // *Journal of Current Chinese Affairs*, 2017, No. 46 (2), p. 105.

Bu, L. Educational Exchange and Cultural Diplomacy in the Cold War // *Journal of American Studies*, 1999, Vol. 33, No. 3, Part 1: Women in America. Cambridge University Press. P. 393.

Bull, H. Civilian Power Europe: a Contradiction in Terms // *Journal of Common Market Studies*, 1982, Vol. 21, No. 1-2, p. 149.

Chepurina, M.A. Myagkaya sila v global'noj politike: bolonskie izmereniya (Soft Power in Global Politics: the Bologna Dimensions) // *Vestnik RUDN: Politologiya*, 2014, № 1.

Cipanovacz, V. Tehnologii publichnoj diplomatii Evrosoyuzu (Technologies of Public Diplomacy of the European Union) // *Fond izucheniya istoricheskoy perspektivy*, 2017. Mode of access: <http://evropazavtra.ru/sompetitions/proshedshie-konkursy/molodye-uchyonye-2017/spisok-rabot-uchastnikov-konkursa-2017/tehnologii-publichnoj-diplomatii-evr>

Cooper, R. KInternational Influx / Portfolio.com, 18 January 2010. Mode of access: <http://www.portfolio.com/businessnews/2010/01/18/american-colleges-and-universities-are-destination-of-choice-for-ambitious-international-students/index.html>

Cooper, Ramo J. The Beijing Consensus. London, England: Foreign Policy Center, 2004. Pp. 19-20.

Egeberg, M.; Trondal, J. National Agencies in the European Administrative Space: Government Driven, Commission Driven or Networked? // *Working Paper*. Oslo: Arena, 2007.

Filimonov, G.Yu. Kul' turno-informacionny'e mexanizmy' vneshnej politiki SShA. Istoki i novaya real'nost' (Cultural and Informational Mechanisms of US Foreign Policy. Origins and New Reality): monografiya. Moscow: RUDN, 2012.

Fish, E. Caught In A Crossfire: Chinese Students Abroad And The Battle For Their Hearts. Mode of access: <https://supchina.com/2018/01/18/caught-in-a-crossfire-chinese-students-abroad-and-the-battle-for-their-hearts/>

Frolova, O.A. «Myagkaya sila» vneshnepoliticheskoy deyatel'nosti SShA: institutny'e mexanizmy' formirovaniya ("Soft power" of US Foreign Policy: Institutions and Mechanisms of Formation) // *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya*, 2013, No. 3.

Goldstein, A. The Diplomatic Face of China's Grand Strategy: A Rising Power's Emerging Choice // *The China Quarterly*, 2001, No. 168, p. 836.

Gudalov, N.N. Politika Evropejskogo soyuzu po razresheniyu palestino-izrail'skogo konflikta na sovremennom etape (European Union Policy on Resolving the Palestinian-Israeli Conflict at the Present Stage). Dissertation. Saint Petersburg, 2015.

Hauer-Tjukarkina, O.M. Rol' «myagkoj sily» v usloviyax global'nogo e'konomicheskogo krizisa (na primere ES) // *Konfliktologiya/Nota Bene*, 2015, No. 4 (5).

Hong Natalie Yan. EU-China Education Diplomacy: An Effective Soft Power Strategy? // *European Foreign Affairs Review*, 2014, No. 19, pp. 155-172.

Kasatkin, P.I. Bolonskaya sistema obrazovaniya v kontekste politicheskogo razvitiya ES (Bologna Education System in the Context of EU Political Development) // *Pravo i upravlenie. XXI vek*, 2013, No. 4, pp. 70-77.

Kasatkin, P.I.; Ivkina, N.V. Kul'turnaya i obrazovatel'naya sostavlyayushhie «myagkoj sily» ES (Cultural and Educational Components of the EU "Soft Power") // *Comparative Politics Russia*, 2018, No. 1.

Kovba, D.M. «Myagkaya sila» v kitajskoj politicheskoy nauke i praktike ("Soft power" in Chinese Political Science and Practice). Mode of access: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/46754/1/klo_2017_223.pdf

Kuznetsova, V.V.; Mashkina, O.A. Vy'sshaya shkola KNR: uspehi, problemy', resheniya (China Higher School: Successes, Problems, Solutions) // *Ekonomika obrazovaniya*, 2009, No. 2.

Mashkina, O.A. Professional'noe obrazovanie v KNR (Professional Education in the PRC). Moscow, 2004.

Mcgill, Peterson P. Diplomacy and Education: A Changing Global Landscape // *International Higher Education*, 2014, No. 75, pp. 2-3.

Mihnevich, S.V. Panda na sluzhbe Drakona: osnovnyye napravleniya i mexanizmy politiki «myagkoj sily» Kitaya (Panda in the Service of the Dragon: the Main Directions and Mechanisms of the Policy of "Soft Power" of China) // *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy*, 2014, Vol. 9, No. 2, pp. 95-129.

Min-Hua Huang. Follow the Leader? Soft Power of China and the US Compared // *China's Rise: Assessing Views from East Asia and the United States*. 2013. P. 11.

Nye, J. Smart Power // *New Perspectives Quarterly*, 2009, Vol. 26, Iss. 2. P. 17.

Nye, J. Soft Power and Higher Education. P. 13. Mode of access: https://cdn.mashregnews.ir/old/files/fa/news/1393/4/11/637473_515.pdf

Powell, C. Statement on International Education Week 2001. U.S. Department of State, November 2001. Mode of access: <http://www.state.gov/secretary/rm/2001/4462.htm>

Reinalda, B.; Kulesza, E. The Bologna Process – Harmonizing Europe's Higher Education. Barbara Budrich Publishers. 1st edition. 2005. 248 p.

Rønning, H. How much Soft Power Does China Have in Africa? / *China and Africa Media, Communications and Public Diplomacy*, 2014. P. 10.

Savin, L. Education as a Tool of us Geopolitics. Mode of access: <http://katehon.com/article/education-tool-us-geopolitics>

Sayama, O. China's Approach to Soft Power. Seeking a Balance between Nationalism, Legitimacy and International Influence. Royal United Services Institute for Defence and Security Studies. London, 2016. P. 5.

Schultz, G. Diplomacy in the Information Age /Paper presented at the Conference on Virtual Diplomacy, U.S. Institute of Peace. Washington, D.C., April 1, 1997. P. 9.

Smirnov, A.I.; Koptyulina, I.N. Global'naya bezopasnost' i «myagkaya sila 2.0»: vy'zovy' i vozmozhnosti dlya Rossii (Global Security and Soft Power 2.0: Challenges and Opportunities for Russia). Moscow: VNIIGeosistem, 2012.

The Black Book of the Bologna Process. The National Unions of Students in Europe, 2005.

Usacheva, E.I. «Myagka sila» vo vneshnej politike SSHA na sovremennom e'tape ("Soft Power" in US Foreign Policy at the Present Stage). Moscow. 2016.

Yang, R. China's Soft Power Projection in Higher Education // *International Higher Education*, 2007, Vol. 46, p. 24.

Zielonka, J. Paradoxes of European Foreign Policy. Policies Without Strategy: the EU's Record in Eastern Europe // *Yearbook of Polish European Studies*, 1998, No. 2, pp. 25-42.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10018

FACTOR OF EDUCATION IN SOFT POWER OF THE UNITED STATES, CHINA AND THE EU: A COMPARATIVE ANALYSIS

Ekaterina A. Antyukhova

*MGIMO University,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 13.07.2018</p> <p><i>Accepted:</i> 15.01.2019</p>	<p>Abstract: "Soft power" has been an integral part of the foreign policy Arsenal of a number of States in recent decades. Including various tools, "soft power" as one of the most effective tools used to achieve the goals, includes education. Even during the cold war, the West and the Soviet Union actively used education to train personnel in third countries who fully share the values of one or another party. In a multipolar world, the situation has changed somewhat-now all the major States, as well as their associations, seek to use education as a means of influence and influence on their counterparts. The article considers and analyzes the mechanisms used by this actors in the implementation of the policy of «soft power» through education, using the example of the USA, China and the European Union. As the analysis carried out in the article showed, both the US, China and the EU are actively using education to achieve their foreign policy goals. At the same time, their educational policy directed from outside has significant differences. As a result, we can talk about three different models of using education as a tool of «soft power». Each of them has its own distinctive features associated primarily with the specific mechanisms of use of education, as well as the content of educational policy and its meaning and ideological content. Nevertheless, despite the serious differences, we can confidently say that all three of the subjects of international relations considered in the article use education very successfully, often achieving a positive effect for themselves in the regions of their national interests.</p>
<p>About the author: Candidate of Political Science, Senior Lecturer, Department of Comparative Politics, MGIMO University</p> <p>e-mail: e.antyukhova@gmail.com</p>	
<p>Key words: soft power; education; educational policy; USA; China; European Union; exchange programs; educational funds</p>	

Для цитирования: Антюхова Е.А. Фактор образования в «мягкой силе» США, Китая и ЕС: сравнительный анализ // *Сравнительная политика*. – 2019. №2 – С. 86-98.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10018

For citation: Antyukhova, Ekaterina A. Faktor obrazovaniya v «myagkoy sile» SSHA, Kitaya i ES: sravnitel'nyy analiz (Factor of Education in Soft Power of the United States, China and the EU: A Comparative Analysis) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 2, pp. 86-98.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10018

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10019

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ПЕРСПЕКТИВЫ КИТАЙСКИХ РЕФОРМ В ИЗМЕНИВШЕМСЯ МИРЕ»

ЧАСТЬ I: «ВНЕШНИЙ КОНТЕКСТ РЕФОРМ, КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ, ДИСКУССИИ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ И ОЦЕНКА ПРОЦЕССА УГЛУБЛЕНИЯ РЕФОРМ В КИТАЕ»

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 15 января 2019 <i>Принята к печати:</i> 13 апреля 2019</p>	<p>Аннотация: Редакция журнала «Сравнительная политика» публикует материалы круглого стола «Перспективы китайских реформ в изменившемся мире». Часть I: «Внешний контекст реформ, китайско-американские отношения реформ в Китае», посвященного всему комплексу вопросов, связанных с итогами и перспективами 40-летнего периода реформ и открытости в КНР. На мероприятии выступили и приняли участие в дискуссии исследователи МГИМО МИД России, ИДВ РАН, РУДН, ИВ РАН, НИУ ВШЭ, ИМЭМО имени Е.М. Примакова РАН, НИИ ВИ Военной академии Генерального штаба ВС РФ, РИСИ, МГУ имени М.В. Ломоносова.</p> <p>Ведущие российские эксперты обсудили внешний контекст проведения реформ, характер экономической либерализации по мере углубления реформ, последствия политики отказа от «сокрытия возможностей», возможности ослабления напряженности в китайско-американских отношениях, «капитуляции» Китая на американских условиях, а также в целом перспективы экономического реформ в Китае и экономическое развитие Китая в отдаленном будущем.</p>
<p>Ключевые слова: Китай; КНР; реформы; внешний контекст реформ; китайско-американские отношения; либерализация; открытость; развитие Китая</p>	

Московский государственный институт международных отношений
Министерства иностранных дел Российской Федерации
Центр комплексного Китаеведения и региональных проектов
При поддержке журнала «Сравнительная политика»

*Ведущий круглого стола – директор ЦКК и РП МГИМО МИД России,
д.полит.н., доктор философии (Манчестерский университет),
профессор А.Д. Воскресенский*

УЧАСТНИКИ КРУГЛОГО СТОЛА:

БОРОХ Ольга Николаевна, ведущий научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН; **ВИНОГРАДОВ** Андрей Владимирович, главный научный сотрудник Центра комплексного Китаеведения

и региональных проектов МГИМО МИД России, профессор РУДН; **ВОРОНЦОВ** Александр Валентинович, руководитель отдела Кореи и Монголии Института востоковедения РАН, доцент кафедры востоковедения МГИМО МИД

России; **ВОСКРЕСЕНСКИЙ Алексей Дмитриевич**, директор Центра комплексного китаеведения и региональных проектов, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД России; **ГАЛЕНОВИЧ Юрий Михайлович**, главный научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН; **ДИКАРЕВ Андрей Дмитриевич**, ведущий научный сотрудник Центра Восточной Азии и ШОС ИМИ МГИМО МИД России; **ЕФРЕМОВА Ксения Александровна**, научный сотрудник Центра комплексного китаеведения и региональных проектов, доцент кафедры востоковедения МГИМО МИД России; **КАШИН Василий Борисович**, заведующий сектором Центра комплексных Европейских и международных исследований НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем СВА и ШОС ИДВ РАН; **КИРРЕВА Анна Андреевна**, научный сотрудник Центра комплексного китаеведения и региональных проектов, доцент кафедры востоковедения МГИМО МИД России; **КОЛДУНОВА Екатерина Валерьевна**, ведущий эксперт Центра АСЕАН, заместитель декана Факультета международных отношений, доцент кафедры востоковедения МГИМО МИД России; **КУЗНЕЦОВ Денис Андреевич**, преподаватель кафедры мировых политических процессов, научно-технический сотрудник Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России; **ЛОМАНОВ Александр Владимирович**, главный научный сотрудник Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России, главный научный сотрудник Центра Азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова; **ЛУКОНИН Сергей Александрович**, заведующий сектором экономики и политики Китая Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО имени Е.М. Примакова РАН; **НАЗЕМЦЕВА Елена Николаевна**, научный сотрудник Научно-исследовательского института военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ; **ОСТРОВСКИЙ Андрей Владимирович**, заместитель директора, руководитель Центра социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН; **РУМЯНЦЕВ Евгений Николаевич**, старший научный сотрудник РИСИ; **ФЕДОРОВСКИЙ Александр Николаевич**, заведующий Сектором общих проблем Азиатско-Тихоокеанского региона, ведущий научный сотрудник Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО имени Е.М. Примакова РАН; **ЮДИНА Тамара Николаевна**, старший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории философии хозяйства Экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

А.Д. Воскресенский. Наша задача сегодня не только осветить основные достижения китайских реформ за последние 40 лет и оценить современное состояние дел в этой области. Я бы хотел посмотреть на реформы в Китае с исторической точки зрения. Процесс реформ в Китае в действительности гораздо более глубокое явление, которое имеет ярко выраженный исторический характер.

Можно выделить два главных этапа реформ на протяжении практически всей истории Китая. Дело в том, что в Китае был такой период, когда реформы и модернизация проводились без открытости – это и есть первый этап реформирования в Китае. Потом наступил такой период в истории Китая, начиная с конца XIX в. когда реформы и модернизация стали сопровождаться открытием страны. Если смотреть с точки зрения исторической перспективы, то специфика современного периода (т.е. примерно последних 40 лет) как раз и заключается в небывалой до этого открытости китайского общества новациям из за рубежа, которые сопровождают реформы, модернизируя Китай в гораздо более глубокой форме, чем на первом историческом этапе, или даже в начальный период второго этапа. В тоже время Китай столкнулся с невиданными ранее вызовами, которые поставили его перед развилкой в своем развитии.

Начнем анализ процесса реформ в исторической перспективе с первого, начального этапа социального, политического и экономического реформирования Китая. Интересный исторический факт, которому по какой-то причине мало уделяется внимания, состоит в том, что в действительности один из первых реформаторов Китая – Конфуций, который начал проводить реформы в царстве Лу в период еще до нашей эры. Об этом периоде деятельности Конфуция известно немного. Однако российское китаеведение по этому вопросу вполне на мировом уровне, поскольку выдающийся китаевед Л.С. Переломов в своих монографических исследованиях подробно осветил социально-политическую деятельность Конфуция, связанную с теоретическими и практическими аспектами главной социальной новации Китая того времени – концепции государства, возможностями его форматирования и реформирования¹. Первой из наиболее извест-

¹ Переломов Л.С. Конфуций: «Лунь юй». – М., 1998. – С. 474. [Perelomov, L.S. Konfutsiy: «Lun' yuy» (Confucius: «Lunyu»). Moscow, 1998. P. 474]; Переломов Л.С. Конфуцианство и современный стратегический курс КНР. – М., 2007. [Perelomov, L.S. Konfutsianstvo i sovremennyy strategicheskiy kurs KNR (Confucianism and the Modern Strategic Course of the PRC). Moscow, 2007.]

ных и четко концептуализированных попыток реформ в Китае стали реформы периода Чжаньго (5-3 вв. до н.э.), известные как реформы Шан Яна, предложившего и даже осуществившего программу социально-экономических реформ китайского общества. Хорошо известны также реформы Ли Сы периода правления императора Цинь Шихуана, на основе которых, собственно, и было построено первое централизованное государство в истории Китая.

Следующий цикл реформ связан с экономическими реформами периода правления императора У Ди (140-87 гг. до н.э.), далее с реформами Дун Чжуншу (187-120 гг. до н.э.). Потом последовали реформы Ван Мана (9-23 гг. н.э.), Сыма Яня (265-289 гг. н.э.), цикл реформ периода «золотого века» трех великих династий Суй, Тан и Сун. При династии Тан появилась уже целая когорта реформаторов Китая, таких как Фань Чжунъянь (989-1052 гг.), Оуян Сю (1007-1072) и др. Самой известной попыткой реформ периода династии Тан были реформы *цзайсяна* (канцлера) Ван Аньши (1021-1086), последователя Фань Чжунъяня. В Сунский период китайской истории теоретиком и практиком управления Ли Гоу (1009-1059) был создан цикл трактатов «План обогащения государства» («Фу го цэ»), «План усиления армии» («Цян бин цэ») и «План успокоения народа» («Ань минь цэ»), которые кодифицировали опыт реформаторской деятельности в Китае вплоть до 10 века.

Надо сказать, что судьба реформаторов в истории Китая была разная: некоторые были отправлены в отставку, но реформы при этом продолжались, некоторые даже лишились жизни, как, например, Шан Ян или Ван Ман. Другие, как Конфуций или Ван Аньши, были отправлены в отставку или сами уходили со своих постов под давлением политических обстоятельств. К эпохе Мин (1368-1644), к последней собственно китайской династии, определились общие составляющие всего периода реформ вплоть до конца Нового времени: наличие циклов централизации и децентрализации на протяжении всей истории Китая. Но, конечно, как на первом, так и на втором историческом этапе китайских реформ модернизация не сводилась только к периодической смене циклов, рассматривать реформы таким образом, конечно, было бы упрощением. Проводились разного рода экономические меры, но всегда в истории Китая реформы дополнялись идеологическим, доктринальным наполнением и наоборот – любые идеологические реформы имели свою экономическую подоплеку, экономические последствия. Реформы и модернизация в Китае всегда сопровождалась политической

борьбой, явной или скрытой. В ходе этой борьбы использовались и внешние силы, которые, как правило, либо ослабляли страну, либо приводили к установлению иностранного управления.

Вопросы внешней политики и необходимости открывать страну для углубления реформ стали ставиться в китайских реформаторских доктринах только к концу Нового времени в завершающий период правления династии Цинь (1644-1912). Тогда впервые встал вопрос *о политике реформ, модернизации и открытости*. На новом историческом этапе реформ и модернизации в Китае (на рубеже Нового и Новейшего времени) можно выделить своеобразные волны модернизации. Первая – политика «самоусиления» (*цзыцян*) и политика «заморских дел» (*янью юньдун*), связанные с поражением Китая в Опиумных войнах, а также с последствиями франко-китайской и китайско-японской войн. Далее надо отметить движение за реформы 1895-1898 гг. Это была неудачная попытка модернизации «сверху» в условиях национального и элитного раскола. Кризис 1911-1912 гг. привел к изменению политического строя Китая и образованию республики. С этого времени в Китае начинается ускорение политических процессов и усиление влияния политических изменений на экономическую ситуацию в стране. Однако, очевидно, что изменения в Китае были половинчатыми, они в итоге привели к краху экономической системы и необходимости авторитарной модернизации под эгидой Нанкинского Гоминьдана, приведшей к развитию тенденций правого тоталитаризма. В конечном счете эти политические и экономические изменения привели к гражданской войне и краху правления Гоминьдана на материке.

С этого момента в развитии китайского общества появляется политическая развилка, поскольку Китай начинает развиваться как бы по двум линиям и в своих двух разных географических ипостасях – материковой и островной. С одной стороны начинается осуществление «тайваньской модели» реформ и модернизации, развитие которой имеет свою логику, которую мы сегодня не обсуждаем. На материке же конституируется политический режим Китайской Народной Республики на основе идеи «новой демократии», которая потом, также под влиянием политических обстоятельств, трансформируется в советскую модель модернизации. Далее на материке снова произошел идеологический раскол и под руководством Мао Цзэдуна возобладала мобилизационная модель лево-тоталитарного толка, приведшая де-факто ко второй гражданской войне на материковом Китае (так называемая «Великая пролетарская культурная револю-

ция»). Крах лево-тоталитарных реформ породил волну реформирования, на основе экономической открытости, за которой должна была последовать и усиливающаяся политическая демократизация. Но этом этапе в КНР фактически снова произошла уже мини гражданская война (события на площади Тяньаньмэнь 1989 г.), в ходе которой были отодвинуты от политической власти Ху Яобан и Чжао Цзызыян и была сформирована модель Дэн Сяопина, получившая название «социализм с китайской спецификой». Эта модель предполагала дальнейшее экономическое реформирование и открытость, но под более жестким контролем КПК. В ходе этого этапа реформ произошла «заморозка» политической составляющей реформ, но началось медленное формирование плюрализма собственности на основе построения экономики смешанного типа, а потом понемногу стали осуществляться реформы политического характера на низовом уровне с целью повышения эффективности хозяйственных механизмов.

Реформы на основе концепции «социализм с китайской спецификой» также прошли целый ряд этапов перехода от командно-административной к контролируемой рыночной экономике. На начальном этапе слом лево-радикальной модели реформирования приобрел «шоковый характер» – печально знаменитые коммуны Мао Цзэдуна и его последователей были отменены буквально в один миг – четыре года на фоне многотысячелетней китайской истории – это всего лишь миг времени. Главенствующую роль в реформах играла КПК, которая держала под контролем весь ход преобразований. Именно таким путем в Китае произошло внедрение рынка в экономику, которое сопровождалось неравномерностью распределения национального дохода при создании экономики экспортного типа под образным названием «сборочный цех мира». На завершающей стадии «дэнсяопиновского» этапа реформ китайская экономика стала приобретать новые характеристики. Удалось обновить общую инфраструктуру страны, Китай стал крупнейшим производителем инженеров (600 тыс. в год), его экспорт программного обеспечения увеличился в 11 раз, была разработана программа правительственного стимулирования экономики в ответ на кризис, упрощено проведение визовых процедур при въезде иностранных специалистов по информационным технологиям, введена китайская «грин-карта», был сформирован механизм монополюльно преференциальной поддержки передовых отраслей со стороны госбюджета, на этой основе созданы 50 научных парков, разработана политика по приобретению международной сертификации и т.д.

В ходе изменения мировой экономической ситуации и финансово-экономического кризиса перед страной появились новые вызовы. Адекватный ответ на них потребует нового этапа напряженного развития страны при гармонизации отношений с окружающим миром. Новые вызовы и необходимость своевременного ответа на них были сформулированы в документах 19 съезда КПК. Это неравномерность и неполнота развития, невысокое качество и эффективность развития, недостаточно мощный инновационный потенциал, трудоемкость ликвидации бедности, большой разрыв между городом и селом, между регионами, разрыв в распределении доходов населения, трудности в области занятости, сложности в повышении качества образования, медобслуживания, обеспечения достойной старости. Был сделан акцент на проведение работы, направленной на усиление верховенства закона в управлении государством и была отмечена необходимость наращивать систему государственного управления и контроля². Внешние условия могут способствовать или замедлять реформы, но давать ответы на эти вызовы, тем более, что они открыто и четко были сформулированы руководителем Китая на 19 съезде КПК все равно придется. Ответ на эти вызовы потребует больших интеллектуальных усилий по разработке программы гармоничного развития Китая в посткризисном мире.

Сегодня мы наблюдаем начало нового большого этапа в истории Китая. В экспертном сообществе идет дискуссия по вопросу, продолжит ли Китай реформы дальше, сможет ли он гармонизировать свое развитие с внешним миром. В Китае поставлена задача догнать и перегнать развитые страны по уровню жизни населения с помощью импорта иностранных технологий и создания оригинальных технологий на собственной основе, чтобы поставить Китай в центр мировой системы, основанной на новых факторах производства. Такую задачу безуспешно пытался решить Мао Цзэдун на основе леворадикальной тоталитарной модели опоры на собственные силы в закрытой стране. Эта модель не просто потерпела крах, она поставила Китай на грань национальной катастрофы. Сегодня осуществление задачи возрождения китайской нации

² Основные тезисы доклада XIX Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (на кит., русск., англ.). – Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2018. [Osnovnyye tezisy doklada XIX Vsekitayskogo s'yezda Kommunisticheskoy partii Kitaya (The Main Theses of the Report of the XIX Chinese Congress of the Communist Party of China (in Chinese, Russian, English)). Beijing: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh, 2018.]

невозможно как без гармонизации внутренних сфер жизни, так и без гармонизации модели развития Китая с внешним миром. Пока мы не знаем, в каком виде Китай даст ответ на эти новые вызовы, сформулированные в документах 19 съезда КПК. При продолжении реформ Китай неизбежно столкнется с необходимостью преодоления полярных точек зрения в выработке политики своего дальнейшего развития. Не смотря на все сложности развития Китая на современном этапе возможность продолжать осуществление «китайской мечты» – дальнейшее, уже самоподдерживающееся, гармоничное развитие Китая в гармонично развивающемся мире – остается. Но осуществление этой задачи в нынешних условиях мирового развития будет весьма не простым.

На нашем круглом столе предполагается обсудить следующие вопросы:

Главный вопрос для обсуждения: Перспективы китайских реформ в изменившемся мире — сможет ли Китай продолжать успешные преобразования в условиях соперничества с США?

1. В 2018 году китайско-американские отношения перешли от сотрудничества, которое длилось свыше четырех десятилетий, к соперничеству. Означает ли это, что внешний контекст проведения реформ изменился радикальным и необратимым образом?

2. Одна из претензий американской стороны сводится к тому, что Китай не оправдал ожиданий и не пошел по пути либерализации по мере углубления реформ. Как оценивать эту проблему? Ожидания Запада были необоснованными изначально? Либо в процессе реформ произошел существенный поворот, который привел к отклонению от ожидаемой цели?

3. В 2017 году Си Цзиньпин заявил, что Китай завершил этап «обогащения» и начинает этап «усиления». Можно ли на этом основании говорить о том, что реформаторская экономическая политика Дэн Сяопина уже стала частью истории?

4. Сходный вопрос можно задать в сфере внешней политики. В 1992 году Дэн Сяопин сформулировал «политику сокрытия возможностей», которая была пересмотрена при Си Цзиньпине в пользу «политики активных действий». В 2018 году в ходе неформальных дискуссий в китайском интернете звучали упреки в адрес властей, якобы спровоцировавших этим шагом США на ужесточение политики на китайском направлении. Насколько обоснованы эти суждения? Будет ли Китай пытаться вернуться к «сокрытию возможностей»? Принесет ли это ослабление напряженности?

5. Торговая война замедляет темпы роста экономики КНР. Достаточно ли у Вашингтона

торговых рычагов, чтобы вынудить Китай к «капитуляции» на американских условиях? Как повлияет гипотетическое принятие полного набора американских требований на перспективы экономических реформ в Китае?

6. Торможение экономики под давлением извне подталкивает китайские власти к поиску дополнительных рычагов стимулирования роста. Каких шагов следует ожидать? Следует ли опасаться их негативного влияния на экономическое развитие Китая в отдаленном будущем?

7. Китайские реформы нацелены на обретение мирового лидерства в науке и технике. Достижение этой цели повлияет на мировой статус Китая, и руководство страны понимает это. Чего ждать в условиях конфронтации с США? Эта цель не будет достигнута никогда, она будет осуществлена с опозданием, либо за счет напряженности ресурсов выполнена досрочно?

8. Куда будет толкать Китай рост напряженности с Западом – в направлении расширения открытости и либерализации экономики, либо в сторону увеличения автаркии в духе «опоры на собственные силы»? В какой мере и в каком виде эти два направления могут сочетаться друг с другом?

9. Тема политических реформ в Китае ушла на задний план. Как долго может продолжаться подобная «заморозка»? Какие факторы могут побудить китайское руководство к проведению политических реформ?

10. Китай заявляет об «уверенности в пути, теории и строе» социализма с китайской спецификой. Закончился ли период идейной открытости Китая внешнему миру? Какие идеи и концепции влияют на китайские реформы в наши дни – западные, марксистские, какие-то иные?

11. Есть ли основания говорить о появлении в ходе продвижения китайских реформ общезначимой «китайской модели», которая может быть предложена в качестве альтернативы западной модели другим странам? Может ли Россия на нынешнем этапе заимствовать какие-либо компоненты «китайской модели»? Как следует реагировать на попытки заимствования «китайской модели» странами постсоветского пространства?

12. Существует ли вероятность того, что вокруг Китая будет формироваться новый экономический «полос» современного мира? Какие выгоды и какие проблемы ждут тех, кто будет пытаться к нему присоединиться?

А.Н. Федоровский. Прежде всего целесообразно уточнить термины, употребляемые в ходе дискуссии. Термин «сотрудничество» едва ли может охарактеризовать китайско-американские отношения после начавшихся в КНР сорок лет

назад реформ. На каком-то временном отрезке и в каких-то форматах – возможно стороны и говорили о *сотрудничестве*. В любом случае это была удобная журналистская и дипломатическая «фигура речи». Но едва ли данный термин подходил в качестве исчерпывающей оценки американо-китайского взаимодействия. *Сотрудничество* представляется механизмом реализации межгосударственного *партнерства*, которое формируется на базе *союзнических отношений* и/или в случае возникновения *доверия между национальными элитами*. Применительно к китайско-американским отношениям об этом едва ли можно говорить в пореформенном периоде в Китае, а также в обозримой перспективе.

В этом контексте следует также оценить широко используемые сейчас термины *конфронтация* или *соперничество в политике*, *конкуренция* или *противостояние в экономике*.

Сочетание *конфронтации* в политике и *противостояния* в экономике могут крайне негативно сказаться не только на Китае, но и на США, а также на всем существующем мировом порядке. Это действительно могло бы стать глобальной проблемой номер один. Между тем *соперничество* в политике и *конкуренция* в экономике – это сочетание близкое к оптимальному для таких глобальных держав как КНР и США, формирующее естественный фон для всей гаммы двусторонних отношений, а также для международных связей на региональном и глобальном уровнях. Это та форма сосуществования, которая не закрывает возможности политического взаимодействия и экономической кооперации на многих стратегически важных направлениях, обеспечивая безопасность и развитие на региональном и глобальном уровнях. В то же время каждая из сторон не отказывается от собственных приоритетов во внутренней и внешней политике в той мере, в какой они не угрожают жизнеспособности противоположной стороны.

В этих условиях в долгосрочной перспективе взаимозависимость (хотя и при сохраняющемся перекосе ее в пользу США) китайской и американской экономик определяет высокую степень вероятности компромиссного решения кризиса американо-китайских отношений, включающего, с одной стороны гибкость американского подхода к КНР, с другой стороны, уступки Китая во внешнеэкономической политике.

Характер проблем китайско-американских отношений едва ли может быть выражен тем, что Пекин не оправдал ожиданий Вашингтона, разочарованного теми или иными (главным образом внутренними) аспектами действий КНР. Внутренняя трансформация Китая безусловно важная, но

не приоритетная на данном этапе тема для США. Главная задача, которую стремятся решить американские элиты на протяжении последних двух десятилетий – интегрировать Китай в возглавляемый США мировой экономический порядок, прежде всего на региональном уровне в АТР.

Дж. Буш пытался добиться поставленной цели в рамках «Стратегического экономического диалога», в максимальной степени стремясь локализовать внешнеэкономическую экспансию Китая в рамках направлений, объемах и форматах, устраивающих США. Расчет строился из вероятности сохранения модели – инвестиции и связанные с ними высокие технологии – закрепляются за США, капиталовложения в труд и технологии среднего уровня – за Китаем, что позволило бы американскому и китайскому бизнесу поддерживать высокий уровень обменов в сфере финансов, технологий и торговли, и одновременно действовать на параллельных рынках, в минимальной степени подрывая интересы друг друга. Однако приоритеты бурно развивающегося Китая объективно выходили за рамки, намечаемые для него США, и в последний год президентства Дж. Буш обратился к идее Транстихоокеанского партнерства (ТТП), реализовать которую уже не мог из-за дефицита времени.

Осознав неудачу политики предшественника, Б. Обама открыто поставил цель – поставить Китай перед сформулированными США правовыми условиями интеграции в рамках ТПП. Однако отказ КНР принять к исполнению разработанную без его участия модель региональной интеграции существенно обесценили значение ТТП для США.

Наконец, Д. Трамп, за счет давления на двустороннем уровне, рассчитывает заставить Пекин либерализовать доступ на внутренний рынок Китая, признать американские условия научно-технического взаимодействия. И уже на этой базе выстраивать региональные и глобальные мегапроекты с участием Китая.

А.Д. Дикарев. Во-первых, многолетнее сотрудничество Китая и США в экономической сфере сопровождалось постоянным, а иногда весьма радикальным если не соперничеством, то противостоянием в сфере политической. Достаточно вспомнить хотя бы санкции, введенные против Китая после событий на Тяньаньмэнь, постоянное давление на Китай по вопросу о правах человека, по тибетской проблеме. США явно рассчитывали, что либерализация китайской экономики, поворот на рыночные рельсы, окончательно обозначившийся с начала 1990-х гг., в совокупности все то, что называлось «четырьмя модернизациями», неизбежно приведет страну

к модернизации внутривнутриполитической жизни по американскому, так называемому «демократическому» образцу. Как известно, этого не случилось, в Китае усиливается авторитарный тренд, что ставит под вопрос одно из фундаментальных положений западной политологии о том, что улучшение материальной жизни общества раньше или позже повлечет за собой политическую модернизацию в том или ином виде, а в конечном пределе – демократизацию политического строя.

Во-вторых, весьма резкие и противоречивые эскапады администрации Трампа в адрес Китая, которые принимают в последнее время характер «торговой войны», еще не дают возможности говорить о радикальной смене курса (с сотрудничества на соперничество). Слишком много связывает экономики Китая и США, слишком велик торговый оборот между двумя странами, чтобы можно было и далее безболезненно обмениваться выпадами в адрес массированного повышения импортных пошлин, которое, кстати, то объявляется, то откладывается. Двусторонний ущерб от подобных действий, надо полагать, осознается и в Китае, и в США. Да, соперничество (противостояние) налицо. Неким пиком в текущем году стал инцидент в начале октября в Южно-Китайском море с участием военных кораблей Китая и США. Но это соперничество геополитического свойства, в экономике же я не прогнозирую радикального обострения в отношениях, тем более коллапса торговых связей КНР-США. Элементы соперничества, разумеется, будут более ощутимыми, по мере хотя бы их переноса в сферу высоких и информационных технологий. Но тренд на торгово-экономическую кооперацию кардинально не изменится. Глобализация экономики необратима. Протекционизм Трампа – блюдо для внутреннего употребления.

То, что Китай не спешит вставать на путь либерализации по мере углубления реформ – вполне очевидно. Но вряд ли следует в этой связи говорить о неких «претензиях» Запада. Это сожаление, разочарование, ошибка в расчетах, в известной мере свидетельство некоего догматизма западной политологической мысли. Да, ожидания Запада оказались необоснованными, по крайней мере на нынешнем отрезке развития Китая. В ракурсе поставленного вопроса я не вижу какого-то существенного поворота, тем более «отклонения» от некоей цели в процессе углубления реформ в эпоху Си Цзиньпина. Возможны ли какие-то «либеральные» подвижки в политическом строе Китая – вопрос пока что не актуальный, в лучшем случае он откладывается на отдаленное будущее.

Что касается экономической политики и –

шире – социально-экономического строя Китая, то очевидно, что с середины 1990-х гг. рыночный курс становится необратимым, в Китае все больший удельный вес приобретает частный сектор, валовая продукция, произведенная в этом секторе, превышает в настоящее время продукцию госпредприятий. Это не что иное, как капитализм, но пытающийся стать социально ориентированным. Тем не менее, если говорить о продолжении курса на реформы при Си Цзиньпине и установке на доминирование рынка во всех отраслях (2013 г.), несколько настораживает информация о последних тенденциях к финансовой поддержке в первую очередь государственных предприятий, часто не слишком рентабельных. Так, по некоторым данным, в 2013 г. объем кредитов, выдаваемых частным предприятиям, составлял 57 % от всех кредитных банковских операций, а в 2016 г. соотношение резко изменилось в пользу государственных предприятий: 83% против 17%. Очевидно, что правительство Си Цзиньпина решает тем самым не столько экономические, сколько политические задачи по дальнейшему построению и «усилению» государственного капитализма с китайской спецификой.

Основная цель на обозримое будущее как в сфере внутренней, так и внешней политики сформулирована 19 съездом – «великое возрождение китайской нации». Китай все более открывается миру (теперь говорят уже о новой стратегии открытости – «открытия мира для Китая») и пытается усилить свои геополитические позиции. Достаточно вспомнить хотя бы изменение оборонительной стратегии Китая – переход от береговой обороны к «обороне в открытом море». КНР позиционирует свою внешнюю политику в соответствии с установками съезда (см. Раздел 3 отчетного доклада Си Цзиньпина) как «дипломатию великой державы» (*да го вай цзяо*). Будет очень странно, если при таких амбициозных целях произойдет возврат к политике «сокрытия возможностей» (*тао гуан ян хуй*). Да, появляется некоторая критика внешнеполитического курса, выдержанная в традиционных для китайской публицистики назидательных выражениях. Так, например, на конференции в конце сентября 2018 г. сын Дэн Сяопина Дэн Пуфан, говоря о стратегии КПК, призывал «искать истину в фактах, сохранять трезвомыслие, осознавать свои плюсы и минусы, избегать безрассудного поведения». Речь эта была воспринята в китайском истеблишменте как нападки на курс партии и подверглась цензуре. Да, существует, как указывали российские эксперты, опасность некоторого «стратегического овердрафта» в китайской внешней политике. Может ли позволить себе Китай сейчас тратить

все больше ресурсов на глобальные цели? Думается, руководство КНР понимает ситуацию, и поэтому в 2018 г. наблюдается некоторое торможение в сфере финансирования проектов ОПОП, а недавние встречи Си Цзиньпина с Синдзо Абэ и Р. Дутерте дают основания говорить о 2018 годе как о периоде некоего стратегического торможения внешнеполитической активности в целом, сопровождаемого тактического характера попытками дальнейшего укрепления региональных (АТР) позиций Китая. Не исключено, что к юбилейному декабрьскому Пленуму КПК хочет прийти, имея в активе как можно меньшее число откровенных конфликтов как внутри страны, так и за рубежом.

При этом курс на глобальное лидерство в свете установок 19 съезда сохраняется. «Китай будет и дальше продвигаться к центру мировой арене», – так формулируют китайские официальные лица внешнеполитические перспективы страны. Вместе с тем в лучших традициях эпохи Мао Цзэдуна современный Китай устами Си Цзиньпина провозглашает, что «каких бы успехов в развитии мы ни достигли, Китай никогда не провозгласит себя гегемоном, никогда не будет заниматься экспансией» и «никогда не будет претендовать на сферы влияния».

Следует отметить один любопытный нюанс: пассаж «никогда не будет претендовать на сферы влияния» – это вольное дополнение формулировки Си Цзиньпина китайским экспертом (См. «Китай», №11, 2017, с. 35). Сам Си Цзиньпин заканчивает свою тираду на «экспансии». Однако по факту Китай медленно, но верно превращается именно в такого мирового гегемона, в силу, определяющую развитие если не мировой политики и культуры, то, по крайней мере, мировой экономики. Заявленные на съезде цели развития Китая – это прямой вызов Соединенным Штатам Америки.

Вполне очевидно, что в будущем в одних зонах мира будет сильнее влияние США, в других – Китая. Даже если Китай «не претендует на сферы влияния», он своим существованием, экономической стратегией и политической «открытостью» неизбежно создает эти самые сферы, в первую очередь в Юго-Восточной Азии, значительная часть которой, как известно, истари считается в Китае *«Pax Sinica»*.

В целом же, говоря о роли Китая в современном мире, можно согласиться с теми, кто отмечают как некоторое противоречие тот факт, что с одной стороны Китай позиционирует себя как защитника миропорядка, а с другой – призывает реформировать глобальное управление.

Е.Н. Наземцева. Очевидно, что ожидания Запада в отношении либерализации Китая были необоснованными изначально. Китай продолжает оставаться традиционным обществом, а следовательно, достаточно консервативным в отношении каких-либо политических новаций. Несмотря на период определенной открытости и реформ, эта тема, действительно, ушла на задний план. Вряд ли в ближайшем будущем возникнут серьезные факторы, которые изменят существующую обстановку. Особенно, учитывая осложнение международных отношений, характерное для сегодняшней политики. Любая нестабильность вызывает недоверие со стороны консервативно настроенных субъектов, а, следовательно, ведет к их дистанцированию от факторов нестабильности и, соответственно, к «закрытию». Традиционное общество, которым остается Китай, консервативно в принципе. Поэтому ожидать каких-либо кардинальных сдвигов в области политической жизни Китая не стоит. Для этого необходимы кардинальные изменения общественных устоев, но этого пока не произошло.

А.В. Виноградов. Влияние внешнего фактора на проведение китайских реформ, действительно, велико. Без иностранных инвестиций, технологий и рынков сбыта экономические реформы в КНР не достигли бы тех успехов, которые так удивляют мир. Не менее важным фактором была политическая поддержка китайским преобразованиям, с которыми, прежде всего, в США связывали надежды на трансформацию китайского общественного строя в сторону либерализации. Именно на этом была основана политика «вовлечения Китая» Б. Клинтона в первой половине 1990-х годов.

Несмотря на то, что отношения между двумя странами развивались неровно, случались не только прорывы, но и кризисы, как, например, после событий 1989 г. на площади Тяньаньмэнь, в целом, китайско-американские отношения развивались поступательно, взаимовыгодно, а вклад США в нынешнее экономическое процветание КНР существенен. Появление концепций «стратегической двойки» (*G2*), «Чимерики» и других в 2000-е годы выражали надежды США на установление особого характера отношений с нарождающимся экономическим гигантом и второй экономикой мира при сохранении своих позиций и мирового лидерства. Отказ китайского руководства от установления привилегированных, но не равноправных отношений стал предвестником их неизбежного обострения. Неожиданный кризис 2008 г. ускорил развитие Китая и приблизил момент обострения. Следует, вероятно, признать, что США не смогли в должной степени проана-

лизировать характер и стратегические перспективы развития КНР. В то время как китайское руководство, руководствуясь принципами политического реализма, достаточно точно рассчитывало траекторию движения и собственного социально-экономического развития и двусторонних отношений.

Проблема не только американской политической науки, заключается в том, что глубина проникновения в проблему и уровень экспертов в области внутренней политики и идеологии значительно ниже аналогичного уровня специалистов по международным отношениям. Так сложилось исторически в подавляющем большинстве стран мира. С самого начала китайских реформ каждое движение к экономической либерализации сопровождалось идеологическими ограничениями. Так, начало реформ, которое принято связывать с решениями 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (1978 г.), всего через 3 месяца было дополнено выдвижением Дэн Сяопином «4 основных принципов». И все последующие решения по строительству социалистической товарной, а затем и рыночной экономики сопровождались усилением строительства социалистической духовной культуры, идеологическими кампаниями и теоретической учебкой, а лидеры, пытавшиеся выйти за установленные рамки, отправлялись в отставку (Чжао Цзяян).

Теоретические новации Си Цзиньпина вполне вписываются в эту сбалансированную стратегию. Нет никаких признаков того, что новый курс будет более либеральным, западным и менее социалистическим. Реформы Дэн Сяопина сегодня, действительно, выполнили свою историческую роль, курс Си Цзиньпина будет направлен на активное и эффективное использование экономического потенциала КНР на внешней арене, решительную и бескомпромиссную защиту национальных экономических и геополитических интересов. Время, когда Китая в решающей степени зависел от экономического сотрудничества с Западом, прошло, теперь это зависимость обоюдная. Все договоренности с США будут носить ситуационный характер, развитие экономического сотрудничества не будет осуществляться ценой национального достоинства или потери суверенитета.

То же самое можно сказать о китайской политической системе. Ее основные параметры были определены в начале реформ, каждый новый генеральный секретарь подтверждает, что этот курс неизменен. Монополия КПК на власть не оспаривается, что, конечно, не означает, что в сфере политики, идеологии, идейно-теоретической доктрине не происходят изме-

нения. 19 съезд КПК подтвердил это в полной мере. На нем были внесены фундаментальные изменения в идейно-теоретическую доктрину КПК – было провозглашено новое основное противоречие социализма, что открывает простор для дальнейшего масштабного развития теории. Этому, безусловно, будет способствовать и достижение провозглашенных целей по построению общества «сяокан» к 2021 г. Практические успехи китайских реформ делают не только их, но и их идеологическое обеспечение привлекательным на внешнем рынке во многих странах Азии и Африки, включая Центральную Азию. Китайский авторитаризм демонстрирует эффективность и жизненную силу, соответствует национальным традициям и современному положению множества государств. Успехи авторитарного Китая легитимизируют существование и сохранение авторитарных режимов в других странах, создают благоприятные предпосылки для распространения китайского опыта и китайского политической модели. Следует признать, что институциональный авторитаризм в Китае не только избавился от недостатков большинства авторитарных режимов в истории, но и на практике доказал свою эффективность, по крайней мере, при ликвидации бедности и построении индустриальной экономики – задач, стоящих перед большинством развивающихся стран мира.

Ю.М. Галенович. Соперничество с США всегда было составной частью глобальной стратегии Мао Цзэдуна и его последователей. Американцы, начиная со времен президентства Никсона, были введены в заблуждение и заблуждались. Они опомнились только несколько лет тому назад. Отношения Америки и Китая будут развиваться в зависимости от политики руководства Китая, которое получило 90 дней для того, чтобы определить свою позицию в ответ на требования США в ходе первого раунда торговой войны.

Речь в КНР идет не о проведении реформ, а об осуществлении руководством Китая своей глобальной стратегии. США потребовали изменить практику политики в отношении США. Стороны пока взяли паузу и не делают новых шагов.

В КНР только в «золотое десятилетие реформ», то есть в 1980-х гг., генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан, премьер Госсовета КНР Чжао Цзяян, председатель ПК ВСНП Вань Ли были подлинными инициаторами и поборниками осуществления реформ. Затем Дэн Сяопин путем интриг устранил подряд двух генеральных секретарей ЦК КПК, применил военную силу против мирных демонстрантов, выстулавших за демократию, прервал на несколько лет проведение экономических реформ и не допустил осуществ-

вления политических реформ. Далее последовал период восстановления основных параметров политического режима, созданного при правлении Мао Цзэдуна. Параллельно продолжилось осуществление политики, направленной на создание мощного глобального военного, экономического и политического потенциала КНР.

Таким образом, Мао Цзэдун «поднимал» свой «Новый Китай»; Дэн Сяопин «обогащал» его; Си Цзиньпин занимается его «усилением». Нынешнее руководство КПК-КНР, продолжая глобальную стратегию Мао Цзэдуна, исходит из уверенности в том, что их государство накопило достаточно сил для того, чтобы активно осуществлять свою глобальную стратегию по всем направлениям и во всех областях. В мире возникла новая ситуация. Существует не только глобальное противостояние Америки и Китая, но и возникает глобальное противостояние КПК-КНР и остального человечества.

Т.е. в настоящее время имеет место не торговая война, а всестороннее осуществление руководством КПК-КНР своей глобальной стратегии. То, что происходит в сфере торговли, это составная часть осуществления упомянутой стратегии. Глобальная стратегия Мао Цзэдуна и его последователей направлена на то, чтобы их государство заняло главное место в мире в политическом, экономическом и военном отношении. Действия в области технология и науки являются частями такой стратегии.

Конечно, Китай нуждается в изменении существующего политического режима. Попытки двинуться в этом направлении делались в 1980-х гг. Ху Яобаном, Чжао Цзяном, Вань Ли. Политика при руководстве Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао являлась своего рода попыткой продолжения движения в сторону согласования интересов людей внутри Китая и интересов китайцев и людей других стран на мировой арене. Политика при руководстве со стороны Си Цзиньпина имеет своей целью «Великое Возрождение Великой Нации Китая», что на практике означает постепенное навязывание своего господства остальному человечеству.

Сегодня руководящими идеями в КПК-КНР являются иррациональный эгоизм и эгоцентризм, «имя» Мао Цзэдуна, а также политические установки нынешнего «великого лидера» Си Цзиньпина. Все это проявления современного китайского гиперационализма.

В Китае не принят термин «модель», поэтому говорить о «китайской модели» и ее применимости не стоит. У России и Китая нет точек соприкосновения, если говорить об образе жизни и образе мыслей в той и в другой стране. Руковод-

ители КПК-КНР в настоящее время полностью оправдывают единственное во второй половине прошлого века военное нападение на нашу страну и наш народ из-за рубежа, на границе, то есть войну против нас, подготовленную и начатую исключительно по воле Мао Цзэдуна. Между двумя государствами подписаны соглашения о прохождении линии границы, но нет договора о границе, а во время пограничных консультаций китайская сторона заявляла, что вслед за соглашениями о прохождении линии границы будет готовиться договор о границе. Таким образом, вопрос о том, что в КПК-КНР именуется «утраченными территориями», продолжает оставаться не решенным.

Осуществление глобальной стратегии нынешнего руководства КПК-КНР предполагает привлечение на свою сторону всех возможных сил в мире, подчинение их своим интересам. В мире может нарастать сопротивление этим действиям руководства КПК-КНР. Остальное человечество могло бы побуждать руководителей КПК-КНР изменить свою глобальную стратегию и согласиться с тремя главными принципами нынешних международных отношений: (1) вечный мир, (2) абсолютная самостоятельность или независимость каждого субъекта международных отношений, (3) их полное равноправие.

Е.Н. Румянцев. По очевидным причинам в центре нашей дискуссии находится проблематика китайско-американских отношений. Коллеги уже поставили вопрос о новом этапе в их развитии и его возможной датировке. В связи с этим хочу предложить такую дату, как 4 октября 2018 года.

Напомню, что в этот день вице-президент США М. Пенс выступил с речью об американо-китайских отношениях и политике действующей американской администрации в этом вопросе. Это второй случай в истории США, когда один из высших руководителей страны целиком посвящает речь Китаю. В 1841 г. с речью о Китае выступил к тому времени уже бывший (занимал высший пост в 1825-1829 гг.) президент США Дж. К. Адамс.

Главный смысл «послания» М. Пенса состоит в провозглашении и обосновании «нового подхода» США к Китаю. В начале он обратился к истории, особо подчеркнув, что, «когда Китай переживал период унижений и эксплуатации во времена так называемого “столетия позора”, Америка отказалась в этом участвовать...»³. Та-

³ Здесь и далее цит. по: Remarks Delivered by President Mike Pence on the Administration's Policy towards China at Hudson Institute on October 4, 2018. Mode of access: <https://www.hudson.org/events/1610-vice-president-mike-pence-s-remarks-on-the-administration-s-policy-towards-china102018>

ким образом, США дистанцируются от политики стран Западной Европы, России и Японии в Китае второй половины 19-го века. В то же время, они не признают и постановку китайской стороной вопроса о «столетии позора»⁴ (упоминание о нем предвзвешено словами «так называемое»), за которое другие страны еще, дескать, «не вернули долг» Китаю.

Переходя к дню нынешнему, вице-президент заявил, что США «стремятся к отношениям, основанным на справедливости, взаимности и уважении суверенитета». По его словам, «президент Трамп с самого начала придал отношениям с Китаем и председателем Си Цзиньпином приоритетное значение», наладил с китайским лидером «прочные личные отношения». Они «тесно сотрудничали по вопросам, представляющим взаимный интерес, самый важный из которых – это денуклеаризация Корейского полуострова».

Однако, заявил М. Пенс, «американский народ заслуживает того, чтобы знать, что Пекин с использованием всех возможностей, имеющихся в распоряжении китайского государства, применяя политические, экономические и военные инструменты, а также широко ведя пропаганду, продвигает свое влияние и преследует свои интересы в Соединенных Штатах». Таким образом, речь идет не только о внешнеполитическом или торговом соперничестве. Впервые вопрос поставлен о вмешательстве Пекина во внутренние дела США. А апелляция к американскому народу означает, что дело зашло уже далеко.

После «падения» Советского Союза, сообщил вице-президент, американцы «исходили из неизбежности появления свободного Китая». Именно поэтому «Америка согласилась предоставить Пекину полный доступ в свою экономику и дала согласие на вступление КНР во Всемирную торговую организацию. В результате за прошедшие 17 лет⁵ китайский ВВП увеличился в 9 раз. При этом, утверждал Пенс, «наибольшая часть экономических достижений Китая была обеспечена американскими инвестициями». Он процитировал Трампа, сказавшего неделей раньше, что за последние 25 лет США «восстановили Китай» (*rebuilt China*).

«КПК, – продолжил Пенс, – использовала целый арсенал методов, несовместимых со свободной и справедливой торговлей, включая таможенные пошлины, квоты, валютные манипуляции, принуждение к передаче технологий, кражу интеллектуальной собственности, субсидии сво-

им промышленным предприятиям». Именно использование подобных методов «позволило Пекину создать промышленную базу», причем «за счет его конкурентов и, особенно, Америки».

В связи с программой «Сделано в Китае – 2025» М. Пенс заявил о намерении КПК «поставить под свой контроль 90% наиболее передовых отраслей мировой промышленности». При этом, «что хуже всего – это то, что китайские спецслужбы организовали масштабное воровство американских технологий, включая новейшие военные разработки».

Таким образом, «Америка надеялась на экономическую либерализацию», однако Китай «выбрал экономическую агрессию». И, «хотя Пекин демонстрирует на словах свою приверженность “реформам и открытости”, эта знаменитая политика Дэн Сяопина сейчас выхолощена».

Пожалуй, одним из самых серьезных обвинений в адрес Китая является выдвинутое далее вице-президентом обвинение в адрес лично Си Цзиньпина в том, что он обманывает США. По словам М. Пенса, в 2015 году, «стоя в Розовом саду Белого дома, лидер Китая сказал, что его страна не имеет намерений осуществлять милитаризацию Южно-Китайского моря, однако в то же самое время Пекин развернул на базах, созданных на искусственных островах в этом море, новейшие противокорабельные ракеты и ракеты ПВО». В связи с этим М. Пенс заявил, что «нас не запугать, и мы не отступим». Таким образом, вырисовывается перспектива гонки вооружений между США и КНР.

Затем были озвучены оценки, согласно которым в КНР строится «не имеющее аналогов в мире» полицейское государство, в котором граждане находятся под контролем властей, не имеют свободного доступа к информации, подвергаются гонениям по религиозному и национальному признакам. При этом, «история свидетельствует, что страна, угнетающая собственный народ, редко на этом останавливается». Применительно к Китаю это выражается в проводимой им «долговой дипломатии», принуждении все новых стран к разрыву дипломатических отношений с Тайванем, что «угрожает стабильности в Тайваньском проливе».

«Китай, – заявляет Пенс, – продвигает свои стратегические интересы по всему миру с растущими интенсивностью и изощренностью». Однако прежние американские администрации «практически полностью игнорировали действия Китая и даже содействовали им. Однако это время закончилось». Это означает, что в Америке признали наличие у Китая глобальной стратегии. До последнего времени США неправильно

⁴ Согласно проповедуемым в КНР взглядам, оно началось с «опиумной войны» 1840 г. и закончилось с приходом к власти в Китае в 1949 г. КПК.

⁵ КНР вступила в ВТО в 2001 г.

оценивали стратегическую обстановку в мире, а с приходом Д. Трампа они начали пересматривать свои представления о Китае и его политике. Следствием этого и стал резкий поворот в политике США по отношению к КНР.

М. Пенс утверждал также, что в результате проводимых действующей администрацией США мероприятий курсы акций в КНР за первые 9 месяцев 2018 г. упали на 25%. В ответ, заявил он далее, «Пекин ведет всеобъемлющую скоординированную кампанию с целью лишить поддержки президента США, ... разрушить наши самые ценные идеалы». С этой целью «КПК с помощью поощрений либо принуждения заставляет действовать в нужном ей направлении американские деловые круги, киностудии, университеты, аналитические центры, ученых, журналистов, чиновников местных органов власти, штатов и федеральных учреждений» США. Все это – факты, – подчеркивает Пенс – в том числе полученные спецслужбами. И «то, что делают русские, бледнеет в сравнении с тем, что творит в США Китай». «Если говорить прямо, – подытоживает он свои рассуждения, – лидерство президента Трампа работает; и Китай хочет, чтобы у Америки был другой президент».

М. Пенс пообещал, что нынешняя администрация «и дальше будет решительно действовать в защиту американских интересов, американских рабочих мест и безопасности Америки». Он, в частности, заявил, что «все большее число американских университетов и аналитических центров находят в себе мужество отказаться от легких денег из Пекина, понимая, что предоставление каждого доллара сопровождается соответствующими требованиями».

В заключение вице-президент привел положение из Доктрины национальной безопасности США 2017 г., согласно которому «конкуренция не всегда означает враждебность». Он также заявил, что «сегодня Америка протягивает Китаю руку, и мы надеемся, что Китай вскоре протянет руку в ответ, но не на словах, а на деле, и с новым уважением к Америке».

Речь вице-президента США насыщена фактами, в том числе малоизвестными, иллюстрируется примерами из истории Китая, цитатами из китайской литературы. Она подготовлена высококомпетентными китаеведами во главе с руководителем Центра изучения стратегии Китая Гудзоновского института Майклом Пилсбери и спичрайтерами Белого дома. В ходе выступления Пенс дважды обращался к М. Пилсбери, а несколько ранее Трамп назвал М. Пилсбери «ведущим авторитетом по Китаю». Это говорит о том, что высшие руководители США лично знают

ведущих американских китаеведов, читают разрабатываемые ими документы, научные работы, опираются на их знания при планировании политики в отношении Китая.

В некоторых источниках сообщалось, что при подготовке речи Д. Трамп вместе с М. Пенсом внимательно изучал каждую строчку ее текста⁶. Эта речь, как заявил на условиях анонимности некий сотрудник Белого дома, «на 100% выражает мнение президента США, здесь не должно быть никаких вопросов»⁷. Сам Пенс в начале выступления передал присутствующим привет от президента. Это означало, что он будет не делиться своими личными соображениями, а изложит позицию действующего военно-политического руководства США. На наш взгляд, речь отражает и консолидированное мнение всей правящей американской элиты. Об этом, в частности, говорит тот факт, что вопрос об отношении к Китаю не играл сколько-нибудь существенной роли на недавних промежуточных выборах. Более того, эта позиция отражает и настроения большинства рядовых американцев, которые тонко и своевременно уловил Трамп.

Видимо, как бы ни развивались американско-китайские отношения в дальнейшем, после речи Пенса они уже не будут такими, как прежде, то есть со времени визита в Пекин Р. Никсона в 1972 г. В этом смысле данная речь является документом исторического значения. Было бы полезно проанализировать ее с точки зрения реальностей политики Пекина в отношении России.

Т.Н. Юдина. Во-первых, истинного сотрудничества между КНР и США в течение последних четырех десятилетий (1978-2018 гг.) не было и не могло быть, как говорят, по определению. Почему? – Разный менталитет народов и элит этих стран: прежде всего, для народа Китая принцип справедливости на протяжении всей истории цивилизации Поднебесной был и остается основополагающим, а для элиты Североамериканских Штатов Америки этим принципом является англо-саксонская выгода, денежный интерес. Ведь была же попытка создания т.н. Чимерики. Как известно, она провалилась. Вспомним высказывание Зб. Бжезинского о том, что разрушая Советский Союз, США проглядели Китай. Настоящее всеобъемлющее сотрудничество возможно между теми странами и народами, которые имеют здоровые цивилизационные скрепы, напри-

⁶ China Still Poring Over Little-Noticed Pence Speech Weeks Later // *Bloomberg News*, October 27, 2018.

⁷ Groppe, Maureen; Shesgreen, Deirdre. Vice President Mike Pence Expected to Take Tough Line on China as He Heads to Asia // *"USA TODAY"*, November 9, 2018.

мер, принцип справедливости, сотрудничества, именно справедливости, а не т.н. равенства.

Правда, можно назвать эпоху «реформ и открытости» Дэн Сяопина вплоть до этапа торговой войны 2018 г. между США и Китаем в контексте китайско-американских отношений в некотором смысле как период сотрудничества. Однако это сотрудничество в области китайско-американских экономических отношений было неполноценным, не всеобъемлющим; оно основывалось на принципе «дружбы против третьей стороны», «общей борьбы против гегемонизма», в данном случае против СССР. Действительно, в большой игре «камнем в воде» была политическая и дипломатическая стратегия Дэн Сяопина использования противоборства СССР и США как двух ядерных сверхдержав. Еще Мао Цзэдун начал большую игру с США, он заложил основы не всеобъемлющего сотрудничества, а именно заигрывания с американской администрацией. Он санкционировал тайные встречи с Генри Киссинджером. В результате этого еще в 1972 г. произошел известный визит президента США Ричарда Никсона в КНР.

14 декабря 1978 г., т.е. за два дня до начала исторического третьего Пленума КПК XI созыва, открывшегося 16 декабря, было подписано коммюнике об установлении дипломатических отношений между КНР и США. И уже в январе-феврале 1979 г. китайский «архитектор» реформы и открытости (*гайгэ кайфан*) посетил США. Вывод: можно сказать, что внешний контекст проведения реформ изменился, но не радикальным и не необратимым образом. Во-вторых, контекст проведения реформ в современном Китае изменился с приходом к власти Д. Трампа, проведением его политики – т.н. «трампономики», ориентированной не на глобализирующуюся экономику страны и мира, а на национальную экономику в рамках его президентских возможностей и амбиций. Особенно внешний контекст проведения реформ изменился и стал радикальным в 2018 г. в условиях торговой войны между США и КНР. В-третьих, внешний контекст проведения реформ в КНР изменился, но нельзя сказать, что он приобрел необратимый характер. Идет «большая игра» в условиях гибридной войны.

Ожидания Запада были необоснованными изначально, т.к. реформирующийся Китай в лице Дэн Сяопина и китайской элиты определили свою модель строительства «Китайского Дома» как модель построения социализма с китайской спецификой до 2049 г. на принципах «сяокан» (а значит, справедливости, а не потребительства и выгоды), социального рыночного хозяйства, опираясь на духовную многотысячную культуру

своего народа, выдвигая свои мудрые лозунги. Такими лозунгами были: «Не важно какого цвета кошка (капитализм или социализм, план или рынок), лишь бы кошка ловила мышей», «Реформы в обмен на технологии» и др. Мой совет американским политтехнологам: изучить хотя бы российские исследования, касающиеся духовной жизни Китая, а также труды отечественного энциклопедиста Д.И. Менделеева, касающиеся истинного Китая.

Реформаторская экономическая политика Дэн Сяопина уже отчасти стала частью истории, завершился этап «обогащения», легального и теневого. Но ведь обогащение, образование социального слоя богатых (миллионеров и миллиардеров, в том числе и красных миллиардеров-коммунистов) по Дэн Сяопину должно привести к образованию среднего класса, сокращению бедных, полной реализации политики «сяокан» в Китае. Исходя из этого можно констатировать, что процесс строительства общества среднестатистических китайцев не закончился, «обогащение» бедных и средних слоев населения продолжается. Начинается этап «усиления». Интересный факт: вступление Дзека Ма в ряды членов КПК.

Поскольку политика, внутренняя и внешняя, – концентрированное выражение экономики, то корни надо искать в экономике (с материалистической точки зрения, а если глубже, то – и в истоках духовной жизни Китая). Думается, что дело и не в «политике сокрытия возможностей» Дэн Сяопина, и не в «политике активных действий» Си Цзиньпина, а в реальных конкурентных преимуществах, успехах в целом реформирующейся экономики Китая как мировой экономической и технологической державы мира. Это – успехи прежде всего IT-сектора китайской экономики (именно здесь сегодня прежде всего идет борьба за то, «кто станет властелином мира»), Интернета+ и др. «Торговая война», дипломатическая, идеологическая, политическая, информационная и другие современные войны Китая и США, России и США, явные и скрытые, – это звенья большой гибридной, а точнее гуманитарной войны, которую сегодня ведут властвующие элиты США и против России, и против Китая для сохранения американской гегемонии в мире. Будет ли Китай пытаться вернуться к «сокрытию возможностей»? Принесет ли это ослабление напряженности? Да, Китай уже сегодня де-факто возвращается к «сокрытию возможностей». В «большой игре» как части гибридной и гуманитарной войны у Китая есть механизмы и инструменты «сокрытия возможностей».

Торговая война замедляет темпы роста экономики КНР. Это правильно, т.к. китайская, как

и любая национальная экономика, развивается в условиях глобализирующегося мир-хозяйства. Однако замедление темпов роста экономики КНР привело к выработке модели «новой нормы» (*синь чантай*). Достаточно ли у Вашингтона торговых рычагов, чтобы вынудить Китай к «капитуляции» на американских условиях? Явно недостаточно. Уже сегодня Соединенные Штаты Америки проиграли экономическую конкуренцию КНР. Сформировавшийся Юго-Восточный центр глобальной экономики в пять раз опережает темпы роста мировой экономики. Торможение экономики под давлением извне подталкивает китайские власти к поиску дополнительных рычагов стимулирования роста. Возможно, что это, во-первых, экономическая экспансия; во-вторых, дальнейшее строительство инновационного государства в КНР, в-третьих, дальнейшее международное экономическое сотрудничество, в том числе и в новом формате. Следует ли опасаться их негативного влияния на экономическое развитие Китая в отдаленном будущем? – Да, следует, т.к. страна столкнулась с неразрешимыми экологическими проблемами: ни земля, точнее почва, ни вода больше не могут самостоятельно восстанавливаться. Это сказывается уже сегодня на социально-экономическом положении Китая. Есть и другие опасения.

Китайские реформы строительства инновационного государства в целом, а частности структурные реформы, реформа «сделано в Китае», Интернет+ нацелены на обретение мирового лидерства в науке и технике. В условиях цифровизации решается вопрос: «кто станет властелином мира», поставленный В.В. Путиным перед детьми в «Сириусе» в 2017 г. За право стать «властелином мира» сегодня активно борются прежде всего США и КНР, их IT-компании.

Ответом на вопрос куда будет толкать Китай рост напряженности с Западом – в направлении расширения открытости и либерализации экономики, либо в сторону увеличения автаркии в духе «опоры на собственные силы, думается, является выдвинутый Си Цзиньпином еще в 2013 г. мегапроект «Экономический пояс шелкового пути», ныне – «один пояс, один путь», его лозунг «китайская мечта о великом возрождении», «великое возрождение великой китайской нации». Что касается дальнейшего пути КНР в условиях напряженности с Западом, то их несколько: это и расширение открытости и либерализации экономики, и увеличение автаркии в духе «опоры на собственные силы», либо сочетание вышеназванных двух направлений. Думается, что будут «цвести 100 цветов», что будет смешанная модель.

Политические реформы в Китае идут китайски (примеров много), об их «заморозке» говорят лишь западные аналитики. Практика социального рейтинга («цифрового» рейтинга), а именно практика всегда в Китае была единственным из критериев истины, покажет суть новой политической реформы в КНР. Продолжительность «политической заморозки» связана с проведением социального рейтинга, на мой взгляд. Внутренние факторы могут побудить китайское руководство к дальнейшему проведению политических реформ.

Можно утверждать, что период идейной открытости Китая внешнему миру еще не закончился. В дальнейшем могут меняться лозунги, но национально-утопическая парадигма строительства социализма с китайской спецификой вплоть до 2049 г. – юбилейного года – года 100-летия образования КНР, а также строительства общества среднего достатка «сяокан» до 2021 г. – года 100-летия КПК, – останутся неизменными. На китайские реформы влияют в наши дни марксистские, точнее, неомарксистские идеи, а также свои, конфуцианские, иные, которые по Е.Ф. Авдокушину позиционируются как национально-утопические; а также идеи потребительского общества, хотя провозглашались идеи строительства гармоничного общества.

Об общей значимости «китайской модели» развития не приходится говорить в широком плане, т.к. она выросла на китайской почве, исходя из основ китайской цивилизации, духовной жизни Поднебесной с учетом менталитета, мудрости китайского народа, а также заимствования советской модели НЭПа. В узком плане, в контексте инструментов, механизмов, элементов – да, можно говорить о ее значимости. Может ли она быть предложена в качестве альтернативы западной модели другим странам? Каким другим странам: странам Африки, Центральной Азии, Латинской Америки, России? Каждая страна имеет институциональную матрицу. В рамках своей особенной институциональной матрицы можно реагировать на попытки заимствования «китайской модели» странами постсоветского пространства

В настоящее время наблюдается кризис лидерства в современном мире. Создается одновременно и видимость (симулякр) нового экономического «полюса» современного мира вокруг Китая, и база формирования вокруг Китая этого нового экономического «полюса» современного мира. Подтверждением тому являются мегапроект «один полюс – один путь», создание и развитие организаций ШОС, БРИКС, банков АБИИ и БРИКС, активная инвестиционная политика КНР в Африке, Латинской Америке, Центрально-

Азиатских государствах, др. Какие выгоды и проблемы ждут тех, кто будет пытаться присоединиться к этому новому экономическому «полюсу» современного мира? Ответы на этот вопрос могут быть разные: во-первых, никакие; во-вторых, позитивные (инфраструктурные, например), в-третьих, негативные (в отношении не цивилизационной эксплуатации природных ресурсов и др.)

С.А. Луконин. Идеологически Китай никогда и не был «своим». Так называемое «сотрудничество» выразалось в том, что Китай интегрировался в мировую экономику соблюдая уже установленные «Западом» правила и успешно используя существующие механизмы в свою пользу. Т.е. скорее, это было не китайско-американское сотрудничество, а взаимовыгодная экономическая кооперация по отдельным направлениям.

На мой взгляд, внешний контекст не изменился, в целом, капитализм и его основные компоненты остались прежними. Следовательно, и конкуренция никуда не исчезла, а лишь обострилась. Трудно предположить, что Китай не понимал этого и рассчитывал на благоприятные условия для своего развития, а также верил в свои же формулы типа «выиграть-выиграть», «гармоничного сосуществования» и т.п. Поэтому: «контекст» не изменился радикальным образом, а ситуация обратима в том смысле, что острота конкуренции может быть снижена, если США и Китай, в итоге, договорятся, а точнее, если Китай примет обновленные правила игры.

На мой взгляд, Китай, по крайней мере в экономике, по-прежнему идет по пути либерализации. Думаю, что говорить о «повороте» в процессе китайских реформ преждевременно. С исторической точки зрения прошло слишком мало времени для окончательного ответа куда Китай идет в сторону либеральной рыночной экономики или куда-то еще. Такие факторы как растущий средний класс, увеличение источников экономической инициативы и т.п. находятся в процессе своего развития и становления. Исходя из этого, в будущем Китай, скорее всего, столкнется с противоречием между политической и экономической системами.

В конце 2018 г. – начале 2019 г. в китайской информационной среде с новой силой возобновилась дискуссия о роли частного бизнеса в экономике Китая (в целом дискуссии о балансе между капитализмом и социализмом ведутся постоянно, периодически обостряясь, в период «не легкой годины»). Некоторые российские китаеведы, особенно старшего возраста, также являются сторонниками тезиса о постепенной социализа-

ции китайской экономики и часто в подтверждение своих убеждений приводят слова самих Си Цзиньпина и Ли Кэцяна (что, правда, в принципе противоречит 40-летнему периоду открытости и поощрения частной инициативы). В этот раз дискуссия вышла в массы – в китайском сегменте Интернета было опубликовано анонимное письмо о том, что частный бизнес «сделал своё дело, частный бизнес должен уйти» в пользу крупных государственных компаний. Ожесточенные споры достигли такого уровня, что Си и Ли пришлось давать разъяснения.

Си во время своего тура по северо-восточному Китаю в очередной раз подтвердил, что правительство «будет и впредь неизменно поддерживать развитие частного сектора китайской экономики». В принципе возмущение частных предпринимателей нарастало с момента обострения отношений с США. Многие представители частных компаний неофициально заявляют, что сейчас они находятся в тяжелейших, со времен поездки Дэн Сяопина на юг Китая в 1992 году, условиях. Подчеркивают недостаточный уровень юридической защиты предпринимательства и отсутствие стимулов к развитию, резкое снижение заказов со стороны компаний, работающих на экспорт в США и обострение конкуренции за такие заказы со стороны компаний, работающих на другие экспортные направления. Представители частных компаний говорят, что на самом деле это они основные пострадавшие от политики сокращения избыточных производственных мощностей, от неравномерного доступа к кредитам и обострения противоречий с США. Конечно, можно предположить, что такие дискуссии – это информационная кампания, которая является отражением ужесточения конкуренции за государственные финансовые ресурсы (пирог становится меньше, а ртов осталось прежнее количество).

Позднее, Лю Хэ – советник Си по экономике, в интервью одному из ведущих китайских деловых изданий «Цай Синь» (财新) указал на важность частных компаний для Китая и отметил, что он выступает резко против формулы, получившей распространение в отдельных кругах китайского общества «государство наступает, частный сектор отступает». По мнению Лю – это «однобокое и неправильное представление», а Китай должен балансировать между поддержкой роста и обеспечением финансовой стабильности с учетом интереса и государственных, и частных компаний. Кроме того, Лю отметил следующее.

– Реформа спроса-предложения не закончена, её необходимо углубить.

– Основные задачи для китайской экономики: жизнеспособность, устойчивость и инновации.

– Необходимо способствовать развитию частного сектора, предоставлять ему доступ к финансам и снижать ограничения в его работе.

– Нужно продвигать реформу госпредприятий с целью развития структур смешанного владения, что придаст стимул к их развитию и повышению конкурентоспособности.

– Финансовая система должна обеспечивать развитие реального сектора экономики.

– Рынок капитала должен усилить свою роль и стать основным источником капитала.

– Трудно предсказать результаты трансформации Китая т.к. идет процесс маркетизации экономики.

– Значимый стимул развития китайской экономики – растущий средний класс, чьи потребности разнообразны и велики.

– Значимый негативный тренд – старение населения.

– Приоритеты: технологическая и информационная революция, а также «зелёное» развитие.

В принципе, отрицать важность частных компаний для Китая достаточно странно: они потребляют 40% ресурсов, обеспечивают более 50% налоговых выплат, их вклад в китайский ВВП составляет 60%, они обеспечивают работой 80% работоспособного населения, производят 70% инноваций. По состоянию на конец 2017 г. в Китае насчитывалось более 27 млн частных компаний, стоимость их активов составляла примерно 24 трлн долларов США.

В продолжение дискуссии о взаимоотношениях с частным бизнесом китайские власти объявили т.н. политику «соревновательного нейтралитета», которая предполагает создание равных условий для развития частного и государственного секторов экономики. Китай будет придерживаться и стремиться к определению термина «соревновательного нейтралитета», которое дала Организация экономического сотрудничества и развития.

На уровне пропаганды, Китай уже вернулся к политике «сокрытия возможностей». Например, используется термин «торгово-экономические трения с США» вместо «торговой войны с США». Тем самым китайские власти стараются не усиливать возмущение общественного мнения внутри Китая, оставляя пространство для маневра в переговорах с Америкой. Схожий характер носит и распоряжение сократить частоту упоминаний программы «сделано в Китае 2025» в СМИ.

Вместе с тем, успешность «сокрытия» под вопросом – в своем развитии Китай вышел на уровень, когда дальнейшее развитие националь-

ной экономики возможно, почти по всем направлениям, в основном за счет внешней экономической экспансии, которую невозможно «сокрыть». Например, как реализовывать инициативу «Один пояс, один путь»?

Торговая война, с одной стороны, замедляет темпы роста экономики КНР, а с другой – по итогам 2018 г. профицит Китая в торговле с США может увеличиться на 10% по сравнению с 2017 г. и составить более 410 млрд долларов. Одно из объяснений – американские компании закупают товары «в прок» рассчитывая минимизировать потери или заработать в случае окончательного введения повышенных пошлин.

У США рычагов достаточно и, главный из них – это общее взаимодействие с Китаем по вопросам, например, реализации инициативы «Одного пояса, одного пути». Китаю для развития и реализации своих проектов необходимо положительное отношение к ним США.

Китай по-прежнему уязвим по фактору новых технологий и зависит от США на 27%, от Японии на 17%, от Германии на 11%. И это несмотря на серьезные попытки форсировать развитие национальной науки и инноваций. Интересно, что единственные целевые показатели в пятилетнем плане социально-экономического развития КНР на 2011-2015 гг. которые остались невыполненными в полном объеме – это увеличение финансирования НИОКР. Цель – 2,2% от ВВП, достигли только 2,1%. Важно отметить, что 0,1% п.п. не так мало – 100 млрд долларов. В Плане на 2016-2020 гг. цель – 2,5% и есть сомнения, что показатель будет достигнут т.к. темпы прироста финансирования НИОКР в первые два года пятилетки прибавили только 0,07 п.п. по сравнению с аналогичным периодом предыдущей пятилетки. Даже при том, что финансирование в денежном эквиваленте велико и составило в 2017 г. 254 млрд долл. (второе место в мире после США) по показателям расходов на науку от ВВП Китай находится позади Японии (3,5% ВВП), Германии (2,9% ВВП) и самих США (2,8% ВВП).

Скорее всего, ужесточение противостояния с США ускорит либерализацию китайской экономики: для успешного противостояния, Китаю выгодно еще глубже интегрироваться в мировую экономику, чтобы сделать санкции США невозможными или неэффективными. А для более глубокой интеграции, нужна либерализация.

Внутрикитайская финансово-экономическая политика в 2019 г. будет направлена с одной стороны на поддержку экономики и, с другой, на обеспечение стабильности финансовой системы. Фактически основная задача китайских властей в будущем году – это найти баланс между сти-

мулированием экономического роста и его же ограничением для снижения долговой нагрузки китайских провинций и компаний.

В 2019 г. экономическая ситуация в Китае будет стабильной: «жесткой посадки» в очередной раз не произойдет. Однако значительное негативное влияние на темпы развития китайской экономики, конечно, будут оказывать торгово-экономические «трения» с США, а также постепенно активизирующееся противодействие китайской экономической экспансии в ведущих странах ЕС. Кроме того, слишком активные действия самих китайских властей при решении внутренних экономических проблем также могут привести к кратковременным негативным, но не фатальным, последствиям.

В целом, совокупность внутренних и внешних вызовов может привести к дополнительному сокращению темпов прироста китайского ВВП по итогам 2019 г. на 0,5 – 1,0 п.п., однако, даже в таком случае этот показатель составит примерно 5,5-6,0%. Поддержку, по-прежнему достаточно высоким темпам развития китайской экономики, обеспечат активные действия китайского правительства, направленные на компенсацию потерь от негативных факторов.

К таким действиям в будущем году можно отнести в целом дальнейшую либерализацию экономики и поддержание стабильности финансовой системы и, в частности, увеличение финансирования проектов в рамках Пояса и Пути, расширение экономического сотрудничества со странами Центральной и Восточной Европы, Центральной Азии, Африки, Латинской Америки, Индией и Россией, а также активизацию переговоров о заключении соглашений о свободной торговле, в т.ч. с Сингапуром, Японией и Южной Кореей.

Главной «головной болью» для Пекина в 2019 г. останутся отношения с США. Сейчас Китай прибегает к тактике затягивания переговоров в надежде на изменение внутривнутриполитической ситуации в США и, соответственно, изменение американской внешней политики. Эксперты предупреждают, что эффект от «трений», в случае их продолжения, в следующем году будет гораздо серьезнее, чем по итогам 2018 года.

Например, главный экономист по Китаю японской инвестиционной компании *Nomura* Лю Тин считает, что темпы прироста китайского экспорта, в случае сохранения негативных экономических отношений с США, сократятся по итогам 2019 г. примерно до 5,5%, что потянет за собой вниз и темпы прироста китайского ВВП примерно на 0,8 процентных пункта.

Главный экономист *UBS Investment Bank* Ван Тао делает еще более пессимистичный

прогноз – темпы прироста китайского экспорта по итогам следующего года могут сократиться примерно до 4%. Дополнительный негативный эффект будут оказывать внутренние экономические тенденции: сокращение инвестиций в экспортный сектор экономики, вероятное, еще большее замедление рынка недвижимости из-за многолетней практики китайских властей по его охлаждению.

Вместе с тем, китайские внутренние экономические тенденции могут быть и позитивными. Примерно в середине 2018 г. китайские власти начали активные действия по стимулированию экономики и, учитывая временную задержку, её результаты могут быть достигнуты в середине – конце 2019 года. В первой половине 2018 г. Пекин, скорее притормаживал экономику для исправления дисбалансов в разных секторах. Например, темпы прироста государственных расходов на инфраструктурные проекты в первой половине 2018 г. сократились до 7,3% по сравнению с 21,1% в первой половине 2017 года.

Согласно планам Пекина, в экономике будет реализовываться активная фискальная политика, которая предполагает снижение прямых и косвенных налогов, а также расширение прав провинциальных властей по выпуску долговых ценных бумаг с целью поддержания инвестиций в основные фонды. По мнению главного экономиста китайской *Haitong Securities* Цзян Чао в связи с ослаблением государственного контроля за выпуском провинциями долговых ценных бумаг их денежный объем может составить в 2019 г. примерно от 290 до 360 млрд долл. (по оценке этого же эксперта соответствующий показатель в 2018 г. составлял примерно 200 млрд долл.).

В настоящее время проводится настройка монетарной политики с целью увеличения объема кредитования малых и средних частных предприятий. Желаемый для Пекина результат такой настройки – выравнивание дисбаланса между долями государственных и частных компаний в общем объеме предоставленных кредитов. С высокой долей вероятности будет продолжен курс на либерализацию и дальнейшее открытие китайской экономики, продолжение реформы государственных предприятий, на усиление защиты интеллектуальной собственности и поддержку частного сектора экономики. В т.ч. как реакция на внешнюю критику и признание значимой роли иностранных компаний в китайской экономике власти начали обсуждение поправок в закон, который защищает интересы иностранных инвесторов и гарантирует им равный с китайскими компаниями доступ на китайский рынок, а также защищает их от «силовой» передачи технологий.

Планируется увеличение дефицита государственного бюджета до более чем 3% (в 2018 г. – 2,6%), а также снижение налогов на общую сумму примерно 220 млрд долларов. НДС для производственных предприятий уже снижен с 17% до 16%, в других отраслях с 11% до 10%. По мнению властей, это поможет сэкономить предприятиям около 75 млрд долл. уже по итогам 2018 финансового года.

Интересен подход китайских властей к регулированию «серого/теневого» сектора во время негативной экономической ситуации: Председатель Народного банка КНР (ЦБ) И Ган заявил: «несмотря на то, что теневой банковский сектор – это основная сфера где накапливаются риски, это не всегда полностью негатив, т.к. теневой банковский сектор может поддерживать финансовые рынки до того момента пока операции являются законными».

Дефицита ликвидности не ожидается – темпы прироста объема выданных кредитов могут составить около 10-11%. Вероятно, ЦБ Китая пойдет на очередное снижение требований к объему резервов банков в 2019 году. Основная цель, как уже было сказано выше, увеличить финансовую поддержку в форме кредитов частных средних и малых предприятий. Основными проводниками финансирования, как предполагается станут, частные и сельские банки.

Наряду с финансовым сектором, рынок недвижимости вызывает серьезные опасения китайских властей. Первые признаки его замедления начались еще в третьем квартале 2018 г.: в сентябре 2018 г. темпы прироста инвестиций в недвижимость снизились с 9,2% в августе до 8,9% в сентябре. Также в сентябре 2018 г. снизился и объем продаж на 3,6% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. Вместе с тем, падение рынка не ожидается – в Китае развитие сектора недвижимости носит ярко выраженный циклический характер, который связан с политикой властей по его охлаждению или стимулированию. Последнее «закручивание гаек» началось в 2016 г. в связи с борьбой со спекуляциями. Обычно в случае негативных показателей на протяжении шести месяцев подряд власти ослабляют регулирование: снижение ипотечных ставок, налога на второе жилье, размер первоначального взноса при покупке второго жилья и т.д. Предполагается, что во втором-третьем квартале 2019 г. рост возобновится. Относительно недвижимости в городах т.н. первого пояса опасений нет вообще (падение продаж не прогнозируется).

По словам И Гана главное противоречие в экономике, которое властям предстоит решить

в 2019 г. с одной стороны, мягкая монетарная политика (в т.ч. снижение учетной ставки), с другой, она не может быть чрезмерно мягкой т.к. может спровоцировать дальнейшее ослабление юаня (соответственно, повышение уровня инфляции). Возможно, власти Китая попытаются раздавать деньги адресно и сохранить размер учетной ставки на некоем приемлемом уровне.

Китай не станет неоспоримым инновационным лидером в мире, но прорывы по отдельным направлениям будут. Прежде всего, прорывов следует ожидать в сферах связанных с реализацией крупных инфраструктурных проектов или в сферах, где Китай не присоединился к мировым ограничениям этического характера, например, телекоммуникации, энергосбережение и энергоэффективность, биоинженерия, редактирование генома, искусственный интеллект и т.п.

Китай уже не может опираться только на собственные силы. Для дальнейшего развития Китаю необходима внешнеэкономическая экспансия, которую невозможно реализовывать при автаркии.

На мой взгляд, Китай не предложил новой модели – это рыночная экономика с госсектором. Да, можно выделить «китайскую модель» как переход от плановой экономики к рыночной, однако, заимствовать уже нельзя. Успех Китая – это не использование какой-либо модели, а благоприятные условия на начальных этапах экономического развития: низкая заработная плата, отсутствие, до недавнего времени, издержек на экологию, безопасность труда, социальную сферу и т.п., низкие логистические издержки. Подтверждение сказанному – большая разница в уровне и качестве развития восточных провинций и всего остального Китая.

Вокруг Китая Уже формируется и будет формироваться новый экономический «полюс» современного мира. Китай – крупнейший источник капитала и импорт ресурсов и продукции. Стандартные проблемы центра и периферии. Преимущество – отсутствие политических требований в краткосрочной и среднесрочной перспективах.

*Материал к публикации
подготовлен А.Д. Воскресенским*

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10019

ROUNDTABLE “PROSPECTS OF CHINESE REFORMS IN A CHANGED WORLD”

PART I: “EXTERNAL CONTEXT OF REFORMS,
CHINESE-AMERICAN RELATIONS,
DISCUSSIONS ON ECONOMIC LIBERALIZATION
AND EVALUATION OF REFORMS DEEPENING IN CHINA”

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i></p> <p style="text-align: right;">15.01.2019</p> <p><i>Accepted:</i></p> <p style="text-align: right;">13.04.2019</p> <p>Key words: China; PRC; reforms; external context of reforms; China-US relations; liberalization; openness; China development</p>	<p>Abstract: The Editorial Board of <i>Comparative Politics Russia</i> publishes the proceedings of the roundtable “Prospects for Chinese Reforms in a Changed World.” Part I: “External Context of Reforms, Chinese-American Relations, Discussions on Economic Liberalization and Evaluation of Reforms Deepening in China,” devoted to the whole range of issues related to the results and prospects of the 40-year period of reforms and openness policy in the PRC.</p> <p>Researchers from the Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Institute of Far Eastern Studies of Russian Academy of Sciences, The Peoples’ Friendship University of Russia, Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences, National Research University Higher School of Economics, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, General Staff Academy of the Russian Federation’s Armed Forces, The Russian Institute for Strategic Studies, Lomonosov Moscow State University.</p> <p>Leading Russian experts discussed the external context of the reforms, the nature of economic liberalization, the consequences of the rejection of “hiding capacity”, the possibility of easing tensions in Chinese-American relations, China’s “capitulation” on American terms, as well as prospects for economic reforms in China and Chinese economic development in the distant future.</p>
---	---

Prepared for publication by Alexei D. Voskressenski

Для цитирования: Круглый стол «Перспективы китайских реформ в изменившемся мире». Часть I: «Внешний контекст реформ, китайско-американские отношения, дискуссии об экономической либерализации и оценка процесса углубления реформ в Китае» // *Сравнительная политика*. – 2019. №2 – С. 99-117.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10019

For citation: Kruglyy stol «Perspektivy kitayskikh reform v izmenivshemysya mire». Chast' I: «Vneshniy kontekst reform, kitaysko-amerikanskiye otnosheniya, diskussii ob ekonomicheskoy liberalizatsii i otsenka protsessya uglubleniya reform v Kitaye» (Roundtable “Prospects of Chinese Reforms in a Changed World.” Part I: “External Context of Reforms, Chinese-American Relations, Discussions on Economic Liberalization and Evaluation of Reforms Deepening in China”). // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 2, pp. 99-117.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10019

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10020

КИТАЙСКО-РОССИЙСКОЕ ПАРТНЕРСТВО И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Лю Фэнхуа

*Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии
Китайской Академии общественных наук,
Пекин, Китайская Народная Республика*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 11 декабря 2018 <i>Принята к печати:</i> 5 апреля 2019</p>	<p>Аннотация: В течение большей части времени с момента установления китайско-российского стратегического партнерства дипломатическое взаимодействие было основной сферой стратегического сотрудничества между двумя сторонами. Дипломатическое взаимодействие в основном проявлялось в двух аспектах: совместном поддержании благоприятной окружающей среды и условий международной безопасности и приверженности к установлению нового международного политического и экономического порядка; поддержании усилий друг друга по защите национального суверенитета и территориальной целостности. С началом сотрудничества «Один пояс, один союз» в 2015 году (сращения экономического пояса «Великий шелковый путь» и ЕАЭС, осуществляемое Казахстаном) и расширения регионального сотрудничества между Китаем и Россией китайско-российское стратегическое партнерство с этапа дипломатического взаимодействия вступило в стадию общего развития. На основе дипломатической поддержки на высоком уровне Китай и Россия будут сотрудничать друг с другом в своих соответствующих стратегиях экономического и социального развития и стратегиях региональной интеграции, чтобы в полной мере изучить их потенциал сотрудничества для достижения общих целей развития.</p>
<p>Об авторе: д.ю.н., главный научный сотрудник, заведующий лабораторией дипломатических отношений с Россией, Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской Академии общественных наук e-mail: sravnitpolit@mail.ru</p>	
<p>Ключевые слова: китайско-российское стратегическое партнерство; стратегическое сотрудничество; дипломатическое взаимодействие; общее развитие</p>	

В течение большей части времени с момента установления китайско-российского стратегического партнерства дипломатическое взаимодействие было основной сферой стратегического сотрудничества между двумя сторонами. Дипломатическое взаимодействие в основном проявлялось в двух аспектах: совместном поддержании благоприятной окружающей среды и условий международной безопасности и приверженности к установлению нового международного политического и экономического порядка, а также для поддержания усилий друг друга по защите национального суверенитета и территориальной целостности. С началом осуществления сотрудничества по проекту «Один пояс, один путь» в 2015 году (сопряжения экономического пояса «Нового шелкового пути» и ЕАЭС через Казахстан) и расширения регионального сотрудничества между Китаем и Россией китайско-

российское стратегическое партнерство с этапа простого дипломатического взаимодействия вступило в стадию сопряжения и координации общего развития. На основе дипломатической поддержки на высоком уровне Китай и Россия будут сотрудничать друг с другом посредством сопряжения в своих соответствующих стратегий экономического и социального развития и стратегий региональной интеграции, чтобы в полной мере освоить потенциал сотрудничества для достижения общих целей развития.

После распада Советского Союза, на основе китайско-российских отношений Китай и Россия вскоре установили стратегическое партнерство, основанное на доверии в XXI веке. После более чем двух десятилетий развития китайско-российское стратегическое сотрудничество достигло плодотворных результатов в различных областях. Стратегическое партнерство между

двумя странами достигло значительного развития и стало хорошим примером отношений между соседними странами и основными державами после окончания «холодной войны».

Установление и развитие китайско-российского стратегического партнерства

В апреле 1996 года главы двух стран выступили с совместным заявлением в Пекине, объявив, что обе стороны будут развивать стратегическое партнерство, основанное на равном доверии и ориентированное на XXI век. С тех пор китайско-российские отношения вступили в новый исторический этап – этап стратегического партнерства.

С точки зрения политической семантики концепция стратегического партнерства включает в себя два компонента: одним из них является «партнерство», которое подчеркивает дружеские отношения между двумя странами и их полную независимость; вторым – «стратегическое сотрудничество», смысл которого заключается в долгосрочном сотрудничестве между двумя сторонами; первый компонент является свойством, а второй – особенностью. Поэтому, как было объявлено обеими сторонами, китайско-российское стратегическое партнерство – это дружеские отношения сотрудничества, а не альянс, либо союз, направленный против третьих стран. Что касается сферы стратегического сотрудничества между Китаем и Россией, то в соответствии с совместным заявлением, в том числе о стратегической стабильности, установлении нового мирового политического и экономического порядка, безопасности и сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе¹, то оно отражает первоначальные намерения двух стран.

Хотя инициатива о создании стратегического партнерства между Китаем и Россией была впервые предложена Россией, результаты этой дипломатии имеют свою логику для обеих стран. Реализация плана

расширения НАТО не только безжалостно разрушила российскую мечту об «интеграции с Западом», но и способствовала проведению Россией всесторонней дипломатии и поиску политических друзей на Востоке против расширения НАТО на Восток. Левые силы, представленные Коммунистической партией России, в 1995 году выиграла выборы и вошли в состав Государственной думы. Руководитель Министерства иностранных дел Евгений Примаков, который был верен принципам евразийства, своей политикой, опираясь также и на другие факторы, значительно укрепил и развил тесную связь между Россией и Китаем, чтобы восстановить влияние политической власти великой державы России². С 1995 по 1996 год визит тайваньского лидера Ли Дэньхуэя в Соединенные Штаты и конфронтация между военными кораблями Китая и Соединенных Штатов в Тайваньском проливе показали, что политика Соединенных Штатов «сближение + сдерживание» склоняется к направлению сдерживания, особенно с точки зрения вмешательства в «тайваньский вопрос». Таким образом, можно видеть, что политика сдерживания, осуществляемая США, серьезная озабоченность КНР по поводу одностороннего подхода Соединенных Штатов к мировым делам и общие тенденции международной безопасности после «холодной войны» являлись наиболее важными причинами для того, чтобы Китай и Россия сформировали стратегическое партнерство. Разумеется, совместные действия по устранению угроз «трех сил зла» (терроризм, экстремизм, сепаратизм) в соответствующих странах и Центральной Азии, а также развитие двустороннего торгово-экономического сотрудничества являются общими интересами Китая и России.

Впоследствии были установлены основные механизмы китайско-российских

¹ Совместное заявление Китая и России от 25 апреля 1996 года (Joint Statement of China and Russia, April 25, 1996) // *Xinhua*, 2017. Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/ziliao/2002-11/27/content_642464.htm

² Лю Фэнхуа. Дипломатическая стратегия тандема Медведев-Путин. – Пекин: Научное издательство «Общественные науки Китая», 2012. – С. 42-45. [Liu Fenghua. Diplomatic Strategy of Tandem Medvedev-Putin (Diplomatic Strategy of Tandem Medvedev-Putin). Beijing: Scientific Publishing “Social Sciences of China”, 2012. Pp. 42-45.]

стратегических отношений сотрудничества, в том числе механизм регулярных встреч глав государств, глав правительств и министров иностранных дел. Регулярный механизм встреч между премьер-министрами Китая и России привели к созданию Постоянного комитета премьер-министра (заместителя премьер-министра), комитета по гуманитарному сотрудничеству и механизма проведения переговоров по энергетическому сотрудничеству, механизму регулярных встреч между премьерами Китая и России, встреч в рамках постоянного комитета премьер-министров (заместителей премьер-министров), комитета по гуманитарному сотрудничеству, а также встреч для переговоров по вопросам энергетики. Механизм регулярных встреч премьер-министра включает работу подкомиссий и секретариатов в таких сферах как экономика и торговля, энергетика, транспорт, ядерная энергия, наука и техника, аэрокосмическая промышленность, банковское дело и информация. Создание и функционирование механизмов консультаций играют все более важную роль в углублении дружеских отношений и стратегического сотрудничества между двумя странами.

Первоначальные результаты стратегического сотрудничества между Китаем и Россией в основном отражались в дипломатической политике. Китай поддерживал усилия России по сохранению национального единства и общественного порядка в Чечне, в то время как Россия поддерживала официальную позицию Китая по тайваньскому вопросу. Китай, вместе с Россией, Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном подписали соглашение об укреплении доверительного соглашения в военной области в приграничных районах и соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил, что не только укрепило мир и стабильность в Центральной Азии, но и трансформировало встречу на высшем уровне «Шанхайская пятёрка» в региональный механизм многостороннего сотрудничества. Как показала «Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международном порядке в XXI веке», подписанная в 1997 году, поощрение многопо-

ляризации и установление справедливого и разумного нового международного порядка являются приоритетным направлением стратегического сотрудничества между двумя странами³. Хорошим примером эффективного сотрудничества в противостоянии однополярности и гегемонизма является то, что Китай и Россия выступили против возглавляемых США военных действий НАТО в Косово и способствовали в конечном итоге политическому решению проблемы Косово в Совете Безопасности ООН. «Стратегический треугольник» Россия-Китай-Индия, предложенный Е. Примаковым, также является одной из основ нового международного порядка, защищаемого Россией.

Очевидно, что сотрудничество в области военных технологий являлись наиболее плодотворной сферой сотрудничества между Китаем и Россией. После распада Советского Союза военная промышленность России находилась в очень трудном положении, и руководители российского ВПК были готовы продавать оружие любой покупательной способности для поддержания этой отрасли. Китай же стоял перед проблемой модернизации вооруженных сил и рассматривал внедрение иностранных военных технологий в качестве одного из важных решений военного дела. Поэтому с 1992 года военная торговля между Китаем и Россией показала быстрые темпы развития. С 1995 по 1999 год китайско-российская торговля оружием достигла объема более 3,3 млрд долларов США⁴. Номенклатура торговых отношений в военной области включала истребители, транспортные самолеты, современные подводные лодки, эсминцы, радиолокационные системы, зенитные ракетные комплексы и другое вооружение и военное снаряжение. Хотя Китай являлся круп-

³ Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международном порядке в XXI веке (Joint Declaration of the Russian Federation and the People's Republic of China on the International Order in the 21st Century) // Жэньминь жибао, 24 апреля 1997 г.

⁴ Stockholm International Peace Research Institute. SIPRI Yearbook 2000. Armaments, Disarmament, and International Security. New York: Oxford University Press, 2000. P. 341.

нейшим импортером российских военных технологий, китайско-российское военно-техническое сотрудничество в то время не смогло достичь стратегического уровня. Поскольку историческая память о китайско-советской конфронтации, неразрешенном китайско-российском пограничном вопросе, озабоченности России по поводу собственной безопасности и другие вопросы влияли на уровень принятия решений о продаже оружия, в России существовало множество ограничений на экспорт высокотехнологичной военной техники в Китай.

В 2000 году Владимир Путин, тогда еще премьер-министр, будучи сильным и прагматичным политиком, стал президентом России. К каким изменениям в китайско-российских отношениях мог привести приход к власти новой президентской администрации? В соответствии с «Концепцией внешней политики Российской Федерации», обнародованной в том же году, главной задачей дипломатических отношений России с Китаем являлась адаптация масштабов экономического сотрудничества между двумя странами до уровня политических отношений⁵. В 1990-е годы ежегодный объем двусторонней торговли с Китаем составлял около 6 млрд. долларов США. Этот количественный показатель был далек от уровня экономической мощи и политических отношений между двумя странами, и он не был сопоставим с уровнем двусторонних торговых отношений между Китаем и Соединенными Штатами Америки, Китаем и Японией. Совместными усилиями обеих сторон, начиная с 2000 года, китайско-российская торговля начала долгосрочный и быстрый рост, хотя масштабы и качество этих двусторонних экономических отношений все еще требовали постоянного улучшения.

2001 год стал знаменательным годом в истории современных китайско-российских отношений. В этом году было объявлено о создании Шанхайской организации сотрудничества и был подписан «Договор о

добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой». Китай и Россия модернизировали механизм встреч «Шанхайская пятерка» и трансформировали их в региональную международную организацию Шанхайская организация сотрудничества. Это был не только результат общих интересов государств-членов этой новой организации в ответ на угрозы безопасности, таких как «три силы зла» (терроризм, экстремизм, сепаратизм) в Центральной Азии, но и предшественником установления справедливого и рационального нового международного политического и экономического порядка между Китаем и Россией. «Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой» предусматривал долгосрочное и всестороннее развитие добрососедской дружбы и стратегического партнерства между двумя странами с целью создания «постоянного мира и дружбы из поколения в поколение» между Китаем и Россией⁶. Договор также включал в себя содействие установлению нового международного порядка и другим целям стратегического сотрудничества, отражающим общую позицию Китая и России в противодействии проблеме однополярного мира. Оба эти события произошли в ситуации, когда отношения России с Западом не выходили за рамки войны в Косово. Правительство В. Путина продолжало следовать «многополярной» внешней политике Б. Ельцина – Е. Примакова.

Однако китайско-российское стратегическое партнерство не являлось «островом» в мировом океане: постоянно меняющаяся международная обстановка неизбежно влияла на Китай и Россию и их взаимоотношения. После теракта 11 сентября США пришлось перенести стратегический акцент со сдерживания Китая, России и других крупных стран на борьбу с терроризмом. Президент

⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации, 2000 (The Concept of Foreign Policy of the Russian Federation, 2000). Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru./document/decrece/2000/07/-10.html>.

⁶ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой (Treaty of Good Neighborliness, Friendship and Cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China) // *Жэньминь жибао*, 17 июля 2001 г.

В. Путин воспользовался возможностью для осуществления своей прагматичной внешней политики. Основное содержание этой политики заключалось в формировании контртеррористического партнерства с Соединенными Штатами, создании механизма сотрудничества «Большой двадцатки» с НАТО, восстановления статуса России как большой страны («*da go*») и создании благоприятных внешних условий для экономического и социального развития России⁷. Улучшение отношений России с США значительно ослабило стратегический спрос на систему В. Путина в объединении с Китаем против США, и стратегическое сотрудничество между Китаем и Россией ослабло. Стратегическое сотрудничество между Китаем и Россией на глобальном уровне было ослаблено в первую очередь потому, что бойкот однополярной гегемонии и содействие многополярности в мире каждой из стран по отдельности на самом деле были направлены против Соединенных Штатов. Стратегическое сотрудничество между Китаем и Россией в обеспечении глобальной стратегической стабильности в основном заключалось в поддержании «Договора по ПРО», что также представлялось непоследовательным. До этого Россия и Латинская Америка совместно решительно выступали против создания системы противоракетной обороны Соединенных Штатов. Однако после того, как Соединенные Штаты официально объявили о своем выходе из «Договора по ПРО» в декабре 2001 года, ответ России был безразличным, что противоречило предыдущим общим позициям Китая и России. Инициатива России по сотрудничеству с НАТО в создании Европейской системы противоракетной обороны еще более озадачила Китай.

Размывание стратегического сотрудничества между Китаем и Россией отражает две основные характеристики стратегического партнерства между двумя сторонами. Во-

первых, имели приоритет геополитические соображения. Геополитическая ситуация могла не только способствовать китайско-российскому стратегическому партнерству, но и влиять на его развитие. Несмотря на то, что Россия пересекает два континента Европу и Азию, она всегда считала себя европейской страной и европейской цивилизацией. Только страдая от неудач или холодных столкновений с Западом, она начинала думать о Востоке. Напротив, Восток имел второстепенный статус. Короче говоря, китайско-российское стратегическое партнерство в то время, возможно, являлось дипломатической «картой» России. Аналогичным образом, Китай также разыграл российскую «карту» в своей дипломатии с Соединенными Штатами. Во-вторых, нестабильность или уязвимость к изменениям внешней политики. В. Путин понял, что самой неотложной задачей России является разрешение внутривнутриполитических беспорядков и экономического кризиса, а не противодействие гегемонии США и монополизации ими международной сферы. Более того, практика доказала, что российская «многополярная» внешняя политика потерпела неудачу. Однако для создания хорошей внешней среды для внутривнутриполитического и экономического развития было необходимо развивать стабильное сотрудничество с Западом. Как только Россия скорректировала свою западную политику, сразу же было скорректирована ее политика в области китайско-российского стратегического сотрудничества.

Несмотря на это, стратегическое сотрудничество между Китаем и Россией на региональном и двустороннем уровнях продолжало развиваться. Подписание «Устава Шанхайской организации сотрудничества» заложило основу для этой организации. В рамках Шанхайской организации сотрудничества был создан механизм регулярных встреч глав государств, глав правительств и руководителей различных ведомств, создан секретариат и региональное агентство по борьбе с терроризмом и завершено создание собственного механизма функционирования этой организации. Государства-члены Шанхайской организации сотрудничества также подписали «Меморандум об основных целях и направлениях для запуска регионального

⁷ Лю Фэнхуа. Дипломатическая стратегия тандема Медведев-Путин. – Пекин: Научное издательство «Общественные науки Китая», 2012. – С. 62. [Liu Fenghua. Diplomatic Strategy of Tandem Medvedev-Putin. Beijing: Scientific Publishing “Social Sciences of China”, 2012. P. 62.]

экономического сотрудничества и запуска процессов содействия торговле и инвестициям» и «Проект многостороннего экономического и торгового сотрудничества между государствами-членами ШОС», а также в области сотрудничества в сферах экономики и торговли, безопасности и других областях. В то же время китайско-российское сотрудничество в политической, экономической, военной и других областях также продолжало развиваться и достигло хороших результатов.

Были также и некоторые проблемы в двустороннем сотрудничестве между Китаем и Россией. Россия, из-за нежелания разрешать Китаю инвестировать в свои стратегические ресурсы, помешала приобретению «Славянской нефтяной компании» Китайской национальной нефтегазовой корпорацией. Поскольку энергетические трубопроводы и экспортные рынки не зависели от Китая, Россия отложила давно проработанный проект нефтепровода Ангарск-Дацин. Эти проблемы указывают на то, что администрация В. Путина стремилась к максимизации своих интересов и принимала меры предосторожности в сотрудничестве с Китаем.

Во время второго срока президентства В. Путина, в связи с усилением противоречий между Россией и Соединенными Штатами по вопросам внутренней политики России, «цветных революций» в Содружестве Независимых Государств и расширением НАТО на Восток, администрация президента В. Путина решительно защищала дипломатию неославизма, которая включала основные интересы развития России⁸. При такой внешней политике китайско-российские отношения находились на лидирующей позиции из-за их стратегического значения в балансировании Запада. Поэтому стратегическое сотрудничество между двумя странами вновь усилилось. Когда Соединенные Штаты вторглись в Ирак, НАТО расширилось до западной границы России, а «цветные революции» произошли во многих странах Содружества Независимых Государств. Это поспособствовало подписанию двумя государствами «Совместной декларации Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международном порядке в XXI веке», в которой

поясняется общая позиция обеих сторон по таким вопросам, как новый международный порядок, поддержание модели развития и консолидация глобальной стратегической стабильности⁹. Китай и Россия выступили против размещения США своей национальной системы противоракетной обороны и системы тактической противоракетной обороны в Восточной Азии, совместно противодействовали политике США в сфере космических вооружений. И Китай, и Россия были обеспокоены тем, что «цветные революции» могли привести к социально-политическим потрясениям в Центральной Азии и, таким образом, поставить под угрозу стабильность их соседних регионов, тем самым поддерживая страны Центральной Азии, чтобы противостоять «цветным революциям» и поддерживать социальную и политическую стабильность. «Декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества», принятая на саммите в Астане в 2005 году, потребовала от Соединенных Штатов формулирования графика вывода войск из Центральной Азии¹⁰ и оказала большое политическое давление на политику Соединенных Штатов Америки.

В то же время двустороннее сотрудничество между Китаем и Россией достигло отличных результатов и отражало постепенное укрепление стратегического сотрудничества. «Дополнительное соглашение между РФ и КНР о российско-китайской государственной границе на ее восточной части», подписанное в 2004 году, ознаменовало определение всей китайско-российской границы. Всестороннее урегулирование пограничных вопросов, оставленных историей, значительно увеличило взаимное политическое доверие между двумя странами и создало благоприятные политические условия для того, чтобы обе сто-

⁹ Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международном порядке в XXI веке (Joint Declaration of the Russian Federation and the People's Republic of China on the International Order in the 21st Century) // *Жэньминь жибао*, 24 апреля 1997 г.

¹⁰ Декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (Declaration of the Heads of State of the Shanghai Cooperation Organization) // *Жэньминь жибао*, 6 июля 2005 г.

⁸ Ibid. С. 80.

роны углубили сотрудничество в других областях. В 2005 году Китай и Россия запустили механизм консультаций по национальной безопасности. Совместные военные учения «Мирная миссия-2005» ознаменовали новый уровень военного сотрудничества между двумя сторонами. В 2006 году Китай и Россия достигли соглашения о китайском проекте расширения нефтепровода «Тайшет-Находка», а российская сторона приступила к строительству нефтепровода от НПС «Тайшет» до НПС «Сковородино». Трубопровод отметил переход на этап реализации китайско-российского проекта сотрудничества в сфере нефтепровода. Объемы торговли между Китаем и Россией увеличивались год за годом, достигнув в 2007 году 48,17 млрд долл. США¹¹. Китай стал третьим по величине торговым партнером России, а Россия стала восьмым крупнейшим торговым партнером Китая.

В период «тангема Д. Медведев – В. Путин» стратегическое партнерство сотрудничества между Китаем и Россией развивалось неуклонно. Растущая экономическая, регионализация стран Азиатско-Тихоокеанского региона и актуальность развития Сибири и Дальнего Востока побудили Россию укрепить свое торгово-экономическое сотрудничество со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, особенно с Китаем. Новая версия «Концепции внешней политики России» в 2008 году предусматривала направленность российской политики в отношении Китая на повышение масштаба и качества экономического сотрудничества между двумя сторонами. Развитие сотрудничества в рамках Шанхайской организации сотрудничества, стран Россия-Китай-Индия и БРИКС¹². Руководители Китая и России часто встречались, и механизм двустороннего диалога и сотрудничества действовал эффективно.

¹¹ Данные с веб-сайта Главного таможенного управления Китая (Data from the Website of the General Administration of Customs of China). Режим доступа: <http://www.customs.gov.cn>

¹² Концепция внешней политики Российской Федерации, утверждённая Президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым 12 июля 2008 г. (The Concept of Foreign Policy of the Russian Federation, 2008). Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/text/docs/2008/07/204108.shtml>

В 2010 году было завершено строительство нефтепровода из России в Китай. В следующем году этот нефтепровод начал поставлять российскую нефть в Китай с ежегодным объемом в 15 миллионов тонн, что ознаменовало новый уровень энергетического сотрудничества между двумя странами. В дополнение к другим мерам компенсации последствий мирового финансового кризиса в 2009 году объем китайско-российской торговли поддерживался всеми силами и развивался быстрыми темпами. В 2011 году он достиг 79,25 млрд долл. США¹³. Китай стал крупнейшим торговым партнером России. Совместные военные учения между Китаем и Россией в рамках двустороннего сотрудничества и в рамках Шанхайской организации сотрудничества усилили согласованные боевые возможности двух армий в сухопутной, морской и воздушной сферах, а сотрудничество в области торговли военной техникой между двумя сторонами также продолжило развиваться. Расширилось и китайско-российское культурное сотрудничество. Мероприятия «Год языка» («Год китайского языка» и «Год русского языка») укрепили взаимопонимание и дружбу между двумя народами. Обе страны продвигают реформу международного политического и экономического порядка и многополяризации мира, поддерживают международную стратегическую стабильность, борются с «тремя силами зла» (терроризм, экстремизм, сепаратизм), неуклонно проводят реформу Совета Безопасности ООН, политически решают ядерную проблему КНДР, иранскую ядерную проблему и сирийский вопрос, а также укрепляют Шанхайскую организацию сотрудничества. Была проведена координация и сотрудничество по основным международным и региональным вопросам, таким как сотрудничество в рамках «БРИКС». Надо сказать, что «перезагрузка» отношений между Россией и США и прогресс российско-европейского прагматического сотрудничества во время правления «тангема Д. Медведев – В. Путин» не ослабили интереса России к развитию сотрудни-

¹³ Данные с веб-сайта Министерства торговли «Отчет об инвестиционной среде в области торговли в стране 2012», сайт Министерства торговли, <http://www.mofcom.gov.cn>.

чества с Китаем, а бушующий международный финансовый кризис еще больше укрепил китайско-российскую экономическую и торговую сферы сотрудничества.

После того, как В. Путин вернулся в Кремль в 2012 году, китайско-российское стратегическое партнерство и сотрудничества постепенно стало входить в период «большого» развития. С точки зрения китайско-российских отношений, после более чем десятилетнего периода развития стратегическое партнерство между двумя сторонами уже имело относительно прочную материальную и социальную основу и, следовательно, обладало значительным потенциалом саморазвития. С точки зрения внешней среды, сдерживание США Китая и России не только не смягчилось, но и после выхода экономики США из рецессии показало тенденции к усилению. Поэтому версия «Концепции внешней политики России» в 2013 году предусматривала продолжение Россией расширения всестороннего партнерства и стратегического сотрудничества с Китаем и активного развития сотрудничества в различных областях, в том числе в области дипломатии¹⁴. Поскольку отношения между Россией и Западом постепенно становились более холодными и обостряющимися, важность китайско-российского стратегического сотрудничества с Россией постоянно повышалась. Сначала администрация В. Путина и Соединенные Штаты отдалились друг от друга потому, что последние вмешивались во внутренние дела России и стали разворачивать противоракетную систему в Европе. В 2013 году Россия также стала вести ожесточенные дипломатические столкновения с Соединенными Штатами в отношении сирийского военного плана действий и «дела» Сноудена. По этим вопросам Китай и Россия имели одинаковые или схожие позиции и отправляли военные корабли для обеспечения

совместного сопровождения вывоза химического оружия из Сирии. Это внесло важный вклад в решение сирийского вопроса с помощью политических средств. После инцидента с Крымом в 2014 году Россия и Запад вступили в затяжную конфронтацию. Китай имел справедливую и объективную позицию в отношении украинского кризиса и не участвовал в международных санкциях западных организаций против России. Общественное мнение России считает, что Китай является надежным стратегическим партнером и выступает за укрепление своих экономических и политических отношений с Китаем¹⁵.

В ситуации, когда конфронтация с Западом становилась все глубже и глубже, Россия была вынуждена проводить внешнюю политику «обращения к Востоку», в частности углубляя всестороннее стратегическое сотрудничество между Китаем и Россией, тем самым создавая дополнительную движущую силу для развития китайско-российских отношений. В 2014 году объем китайско-российской торговли увеличился на 6,8% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года и достиг рекордного уровня в 95,28 млрд долл. США¹⁶. Китай сохранил позицию России как крупнейшего торгового партнера, а Россия – стала девятым по величине торговым партнером Китая¹⁷. По состоянию на сентябрь 2014 года совокупные инвестиции Китая в Россию достигли 32 млрд

¹⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации, Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. (The Concept of Foreign Policy of the Russian Federation, 2013). Режим доступа: <http://www.mid.ru/bdcomp/ns-osndoc.nsf/e2f289bea62097f9c325787a0034c255/c32577ca0017434944257b160051bf7f?OpenDocument>

¹⁵ Опрос: Китай является самым важным внешнеполитическим партнером в глазах россиян (Poll: China Is the most Important Foreign Policy Partner in the Eyes of Russians) // «Спутник», 13 января 2015 г. Режим доступа: <http://sputniknews.cn/china/20150113/1013513557.html>

¹⁶ Данные с веб-сайта Главного таможенного управления Китая (Data from the Website of the General Administration of Customs of China). Режим доступа: <http://www.customs.gov.cn>

¹⁷ Представитель российского бизнеса в Китае: российско-китайское экономическое сотрудничество растет на фоне общей нестабильности в мире (Representative of Russian Business in China: Russian-Chinese Economic Cooperation Is Growing against the Background of General Instability in the World) // Спутник, 29 декабря 2014 г. Режим доступа: http://sputniknews.cn/russia_china_relations/20141229/1013400681.html

долл. США¹⁸, став четвертым по величине источником инвестиций в Россию. Из-за экономических санкций ЕС против России и сокращения импорта энергоносителей из России Россия активно изучила азиатский энергетический рынок и сделала прорыв в сотрудничестве в области природного газа между Китаем и Россией: 5 мая 2014 года был подписан крупный «Договор купли-продажи природного газа по «восточному» маршруту» общей стоимостью 400 млрд долл. США. Это проложило путь для реализации проекта китайско-российского восточного газопровода. В предыдущие годы китайско-российское военное технологическое сотрудничество вышло за рамки сокращения, и также достигло прорывного развития: осенью 2014 года Китай и Россия подписали договор на поставку зенитно-ракетного комплекса С-400 «Триумф». Общая стоимость договора превысила 3 млрд долл. США¹⁹, что указывает на то, что военно-техническое сотрудничество Китая и России вступило в новый раунд активного развития.

В мае 2015 года Китай и Россия опубликовали «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути», заявив, что он укрепит региональную экономическую интеграцию путем развития сотрудничества между двумя крупными проектами²⁰. С запуском стыковочного сотруд-

ничества «Один пояс, один путь» и расширения китайско-российского регионального сотрудничества китайско-российское стратегическое партнерство вступило в стадию общего со-развития по сравнению с этапом дипломатической политики. Основная коннотация общего развития Китая и России заключается в следующем: на основе поддержания высокого уровня дипломатической поддержки Китай и Россия будут сотрудничать друг с другом в своих соответствующих стратегиях экономического и социального развития и стратегиях региональной интеграции, чтобы в полной мере раскрыть потенциал сотрудничества между двумя сторонами в целях достижения цели общего развития.

В июне 2016 года Министерство торговли Китая и Евразийская экономическая комиссия подписали «Совместное заявление о формальном инициировании переговоров по соглашению о торгово-экономическом сотрудничестве между Китаем и Евразийским экономическим союзом», в котором отмечалось, что стыковочное сотрудничество «Один пояс, один союз» входит в стадию проектирования «дорожной карты». В октябре 2017 года Китай и Евразийский экономический союз достигли существенного заключения соглашения об экономическом и торговом сотрудничестве. После подписания соглашения оно будет способствовать упрощению торговли между двумя сторонами и эффективно осуществлять сотрудничество «Один пояс, один путь» с Евразийским экономическим союзом для обеспечения необходимых институциональных механизмов. Это важный результат реализации двумя сторонами консенсуса, достигнутого главами государств Китая и России в отношении сотрудничества «Один пояс, один путь».

Китайско-российское сотрудничество теперь процветает во всех областях. С точ-

¹⁸ Чжан Гаоли и первый заместитель премьер-министра России Шувалов провели первое заседание Китайско-российского комитета по инвестиционному сотрудничеству (Zhang Gaoli and First Deputy Prime Minister of Russia Shuvalov Held the First Meeting of the Chinese-Russian Committee for Investment Cooperation) // *Xinhua*, 9 сентября 2014 г. Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/politics/2014-09/09/c_1112408358.htm

¹⁹ Российские СМИ: подписан контракт на поставку Россией в Китай С-400 (Russian Media: A Contract Has Been Signed for the Supply of S-400 by Russia to China) // *Спутник*, 26 ноября 2014 г. Режим доступа: http://sputniknews.cn/russia_china_relations/20141126/44207346.html

²⁰ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути (Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on Cooperation in Conjugating the Building of the Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt) // *Xinhua*, 9 мая 2015 г. Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/world/2015-05/09/c_127781619.htm

зийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути (Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on Cooperation in Conjugating the Building of the Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt) // *Xinhua*, 9 мая 2015 г. Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/world/2015-05/09/c_127781619.htm

ки зрения энергетики, в 2015 году началось строительство «восточного» маршрута российско-китайского газопровода. Россия стала вторым по величине поставщиком сырой нефти в Китай. В 2016 году Россия впервые стала крупнейшим поставщиком нефти в Китай. В области объема торговли, затронутого снижением мировых цен на энергоносители и западными экономическими санкциями против России, произошло следующее: объем торговли между Китаем и Россией в 2015 году сократился до 68,06 млрд долл. США, однако физические показатели торговли между двумя странами продолжали расти, увеличившись до 84,07 млрд долл. США²¹. Китай сохранил позицию России как крупнейшего торгового партнера страны. Две страны активно развивают инвестиционное сотрудничество в авиации, высоких технологиях и инфраструктурных проектах. В 2017 году Промышленно-коммерческий банк Китая запустил расчеты в юанях в Москве. Центральный банк России создал представительство в Пекине. В то время как китайско-российское финансовое сотрудничество продолжает расти, оно также способствует развитию экономических и торговых связей между двумя странами. Китай и Россия расширили свое сотрудничество в области военных технологий и в 2015 году подписали контракт на поставку истребителей Су-35. Китай и Россия активно проводят совместные морские военные учения, совместные учения по компьютерному моделированию противоракетной обороны и укрепляют сотрудничество в области военной безопасности. Обе страны выступают против использования так называемых ракетных угроз некоторыми странами в качестве предлога для одностороннего развертывания противоракетных систем в Европе и Азиатско-Тихоокеанском регионе, что серьезно подрывает национальные стратегические интересы безопасности в регионе и отрицательно сказывается на международном и региональном стратегическом балансе. Они также провели плодотворное

дипломатическое сотрудничество в сфере ядерной безопасности Северной Кореи, Сирии, Афганистана, безопасности Интернета и по другим международным проблемам, а также в области сотрудничества в многосторонних механизмах, таких как Шанхайская организация сотрудничества, БРИКС, «Большая двадцатка» и Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС).

Таким образом, китайско-российское стратегическое партнерство на протяжении более двух десятилетий принесло не только плодотворные результаты, но и сделало значительный скачок от дипломатической политики к общему развитию. Практика китайско-российского стратегического партнерства также накопила ценный исторический опыт. Оно в основном включает в себя: поддержание независимости, добрососедства и дружбы, взаимное уважение и отношения друг к другу на равных, взаимовыгодное сотрудничество и сбалансированные интересы, неприсоединение, неконфронтацию и не преследующее каких-то корыстных целей в отношении к третьим странам, а также акцент на неидеологизированных отношениях между странами. Новый тип межгосударственного партнерства между Китаем и Россией – «партнерство без альянса» – не только отвечает фундаментальным интересам народов двух стран, но и служит образцом отношений между соседними странами и великими державами в современном мире.

Основа китайско-российского стратегического партнерства

С точки зрения практики основа китайско-российского стратегического партнерства и сотрудничества расширилось от первоначального дипломатического сотрудничества до политического и военно-технического сотрудничества, вместе с текущим экономическим и энергетическим сотрудничеством. Не только расширилась область сотрудничества, но и расширилась глубина сотрудничества в различных областях. Основываясь на общих интересах, многопрофильное сотрудничество, которое все более и более выходит на стратегический уровень, является надежной основой для китайско-российского стратегического партнерства.

²¹ Данные с веб-сайта Главного таможенного управления Китая (Data from the Website of the General Administration of Customs of China). Режим доступа: <http://www.customs.gov.cn>

Первое – это дипломатическое сотрудничество. Поскольку изменения в международной обстановке безопасности и давление гегемонизма являются основными причинами формирования стратегического сотрудничества между Китаем и Россией, сотрудничество в международных делах, естественно, стало важнейшей частью стратегического сотрудничества между Китаем и Россией, по крайней мере, так было до настоящего времени. После распада Советского Союза надежды и усилия России по поддержанию своего статуса великой державы путем интеграции в западную международную систему потерпели неудачу. Соединенные Штаты использовали слабость России для содействия расширению НАТО на восток и аннексировали восточно-европейскую сферу влияния, которая принадлежала Советскому Союзу, вызывая дипломатическое сопротивление России. В то же время распад Советского Союза улучшил обстановку безопасности «трех северных районов» (Северо-Восток, Север и Северо-Запад) Китая, но также привел к утрате фундамента для антисоветской стратегии Соединенных Штатов и сделал Китай целью сдерживания Соединенными Штатами. Таким образом, из-за истории китайско-советской конфронтации и ряда нерешенных вопросов, в том числе пограничных, Китай и Россия, двусторонние отношения которых изначально были трудными для развития, сблизилась, сформировавшись в стратегическое партнерство по сотрудничеству.

Китайско-российское дипломатическое сотрудничество осуществляется на четырех уровнях: глобальном, региональном, двустороннем и многостороннем. Наиболее важным является сотрудничество на глобальном уровне, в том числе противодействие Соединенным Штатам по ряду конкретных вопросов, таких как противостояние системе военно-политического альянса по расширению и упрочиванию развертывания США вооруженных сил в соседних с Китаем и Россией странах, против начала США войн в Косово, против дислокации США оборонительной системы управляемых снарядов театра военных действий, против размещения оружия в космическом пространстве, против

однополярного мира и установления нового международного политического и экономического порядка. Причина, по которой дипломатическое сотрудничество в этих областях чрезвычайно важно, заключается в том, что оно касается международной обстановки в области безопасности и международного статуса двух стран. Следует подчеркнуть, что Китай и Россия до сих пор избегали формирования антиамериканского альянса в широком смысле этого понятия. Даже дипломатическое сотрудничество по вышеуказанным конкретным вопросам ограничивалось дипломатическими заявлениями. Дипломатическое сотрудничество на региональном уровне в основном заключается в создании и развитии Шанхайской организации сотрудничества в Центральной Азии и создании открытой и равноправной структуры региональной безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Центральная Азия и Азия являются соседними регионами Китая и России. Содействие миру и развитию в этих регионах отвечает интересам как двух стран, так и заинтересованных государств. На двустороннем уровне Китай и Россия твердо поддерживают усилия друг друга по защите национального суверенитета и территориальной целостности, а также сотрудничают по многим международным вопросам, таким как ядерная проблема Северной Кореи, иранская ядерная проблема, Афганистан, Сирия и украинский кризис. Обе страны осуществляют дипломатическую координацию и сотрудничество в многосторонних механизмах, таких как Организация Объединенных Наций, страны БРИКС, Большая двадцатка, сотрудничество в рамках формата «Китай-Россия-Индия» и Организация Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества. Хотя китайско-российское дипломатическое сотрудничество было временно ослаблено из-за давления или вовлечения в различные ситуации Соединенными Штатами России, оно в целом развивалось плодотворно и постоянно усиливалось.

Второе – это политическое сотрудничество. Первоначально китайско-российское политическое сотрудничество включало в себя решение пограничных вопросов, оставшихся от истории, противодействие

«трех силам зла» и противодействие вмешательству во внутренние дела других стран. Стороны установили относительно полный механизм политического диалога и активно содействовали сотрудничеству в политике и в других областях. «Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Китаем и Россией» является важным достижением в этой области сотрудничества. Проблема границ связана с национальной самооценкой и исторической памятью Китая, а также с политическим взаимным доверием между Китаем и Россией. Китай и Россия приложили совместные усилия по решению сложного пограничного вопроса и создали благоприятные условия для развития политических отношений и расширения сотрудничества в других областях. Китай и Россия не только поддерживают сопротивление друг друга «трех силам зла» (терроризм, экстремизм, сепаратизм), но и осуществляют сотрудничество в этой области в Центральной Азии. В новом столетии Китай и Россия поддерживают и сотрудничают друг с другом в сопротивлении «цветным революциям», защищая разнообразие цивилизаций, самостоятельно выбирая пути развития и сохраняя исторические перспективы международного порядка после Второй мировой войны.

Третье – это сотрудничество в сфере военных технологий. С начала 1990-х годов до начала 2006 года Китай поддерживал позицию России как крупнейшего экспортера оружия на протяжении многих лет. Китай приобрел большое количество военных самолетов, средств противовоздушной обороны и военно-морской техники из России, в основном включая различные типы истребителей Су-27 и Су-30, головного эскадренного миноносца проекта 956 «Современный», дизельной подводной лодки класса «Кило», зенитно-ракетной системы С-300 ПМУ и зенитного ракетного комплекса «Тор-М1». С 2006 по 2013 год из-за того, что спрос Китая на российские военные технологии, как правило, был насыщен, две страны не только реализовали ранее подписанные крупные контракты на закупку оружия, но главным образом сконцентрировались на осуществлении китайского им-

порта ракетных систем ПВО, авиационных двигателей, авиационных систем и военно-морской техники. За исключением закупки военных компонентов, масштабы сотрудничества в области военной техники в целом продемонстрировали снижение. Несмотря на это, Китай остается одним из основных рынков для экспорта российской военной техники. Осенью 2014 года Китай и Россия подписали «Договор поставки системы противоракетной обороны С-400 «Триумф» как знак того, что обе стороны объявили о новом раунде пикового периода сотрудничества в области военной техники. Это первый экспорт России зенитно-ракетного комплекса С-400 в другие страны, а также крупнейшая сделка в истории военно-технического сотрудничества между Китаем и Россией. Это показывает, что военно-техническое сотрудничество между двумя сторонами является стратегическим и может играть одну из основных ролей стратегического сотрудничества между двумя странами. Хотя такая стратегическая модернизация сотрудничества между Китаем и Россией в сфере военных технологий косвенно стимулируется международной ситуацией после украинского кризиса, это в основном результат долгосрочного развития отношений стратегического сотрудничества на высоком уровне и в целом военно-технического сотрудничества между двумя странами.

Экономическое сотрудничество, которое было до этого слабым звеном китайско-российского стратегического партнерства сотрудничества, теперь стало одной из его стратегических основ. Как упоминалось ранее, объем китайско-российской торговли увеличился с 6,84 млрд долл. США в 1996 году до 95,28 млрд долл. США в 2014 году²². С 2011 года Китай всегда был крупнейшим торговым партнером России, а Россия также входила в десятку крупнейших торговых партнеров Китая. Товарно-сырьевая структура китайско-российской торговли постепенно улучшилась, а доля продукции с высокой добавленной

²² Данные с веб-сайта Главного таможенного управления Китая (Data from the Website of the General Administration of Customs of China). Режим доступа: <http://www.customs.gov.cn>

стоимостью увеличилась. Можно сказать, что китайско-российская торговля в 2015 году в основном достигла цели в 100 миллиардов долларов США, как это было определено главами государств обеих стран, и в 2020 году она нацелена на достижение 200 миллиардов долларов США. По сравнению с результатами двусторонней торговли китайско-российское инвестиционное сотрудничество несколько отстает, но Китай также стал четвертым по величине источником инвестиций в России, и обе стороны активно развивают инвестиционное сотрудничество. Постоянно развивающееся китайско-российское стратегическое партнерство способствовало развитию двустороннего экономического сотрудничества, и экономическое сотрудничество, наконец, дошло до такого уровня, который может стать стимулом для действительно стратегических отношений.

Энергетическое сотрудничество также превратилось в новую основу для стратегического партнерства между Китаем и Россией. Китайско-российская торговля нефтью продолжает расширяться, от импорта небольшой части российской нефти в 1990-х годах до импорта 33,1 млн тонн нефти в 2014 году. Россия стала третьим по величине поставщиком нефти в Китай. В 2010 году было завершено строительство нефтепровода Россия-Китай. В следующем году оно было официально введено в коммерческую эксплуатацию и начало обеспечивать Китаю стабильную и надежную поставку сырой нефти, что свидетельствует о том, что две страны установили партнерство в сфере разработки нефтяных месторождений. Сотрудничество между энергетическими компаниями двух стран в области совместной разработки нефтяных и газовых месторождений, партнерство нефтеперерабатывающей и химической промышленности все более расширяется, формируя единую структуру интеграции добычи нефти и газа и их переработку. С подписанием в мае 2014 года «Договора купли-продажи природного газа по «восточному» маршруту» и подписания в мае 2015 года основных условий для транспортировки газа между Китаем и Россией по «западному» маршруту, началось осуществление проекта строительства российско-китайского газопровода. В то же

время обе страны всесторонне содействовали сотрудничеству в ядерной энергетике, электроэнергетике и угольной отрасли. Китайско-российское энергетическое партнерство было консолидировано и развито, и вступило в новый этап долгосрочного стратегического сотрудничества.

Переменные китайско-российского стратегического партнерства

«Переменная» здесь не является исследовательской переменной в общем смысле, а скорее относится к тем факторам, которые могут негативно повлиять на развитие китайско-российского стратегического партнерства. В их число входят: Соединенные Штаты, сосуществование Китая и России в Центральной Азии, а также вопрос о стратегическом взаимном доверии между Китаем и Россией.

Первая – фактор США. Соединенные Штаты являются не только самой большой внешней движущей силой для китайско-российского стратегического сотрудничества, но и основным внешним фактором, который отличает и ослабляет эти стратегические отношения между Китаем и Россией. США – единственная сверхдержава после «холодной войны». Она является лидером нынешней международной системы, она имеет силы и инструменты для влияния на российско-китайские отношения, заставляет одну сторону подавлять другую, противостоит Китаю и России, бросая вызовы международному статусу двух стран. Китай и Россия стремятся к Соединенным Штатам в таких областях, как экономика и безопасность, обе страны в целом рассматривают развитие отношений с Соединенными Штатами как приоритетное направление своей внешней политики. Это делает стратегию США в области отчуждения и ослабления китайско-российских отношений иногда вполне удачной. Например, после террористических актов 11 сентября Соединенные Штаты использовали Россию для улучшения своих отношений с Европой и укрепили свое сотрудничество с Россией в области борьбы с терроризмом и НАТО, чтобы китайское стратегическое партнерство и российско-китайское сотрудничество в рам-

ках Шанхайской организации сотрудничества было значительно более слабым.

Что касается трехсторонних отношений между Китаем и США, то даже в середине и конце 1990-х годов Китай и Россия не могли поколебать дипломатических решений Соединенных Штатов, даже если бы Китай и Россия были объединены. Если вторая по величине экономика мира и вторая мировая военная держава мира объединятся против Соединенных Штатов, Соединенные Штаты более не смогут продолжать содействовать односторонности в международных делах. В 2013 году Китай и Россия совместно продемонстрировали свой успех в предотвращении нападения американских военных на Сирию. В то время как Соединенные Штаты в настоящее время реализуют «Стратегию ребалансирования в Азиатско-Тихоокеанском регионе» и используют украинский кризис для сдерживания роста России, стратегические конкурентные отношения между Китаем и США и холодные отношения между Россией и США будут продолжаться. Однако не исключено, что Соединенные Штаты и Россия в среднесрочной и долгосрочной перспективе могут достигнуть компромисса по украинскому вопросу, что, в свою очередь, будет способствовать возможности перетягивания Соединенными Штатами России на свою сторону для совместного подавления Китая. Обе страны должны быть бдительными. С углубленной реализацией китайско-российской совместной стратегии развития и четкого понимания стратегий двух стран по дифференциации и ослаблению Соединенных Штатов считается, что китайско-российское стратегическое партнерство сотрудничества будет иметь характеристики стабильного и не может быть затронутым внешними силами.

Еще один вопрос – это проблема существования Китая и России в Центральной Азии. Россия рассматривает Центральную Азию как «задний двор» и «зону разделения», которая предотвращает экстремизм и терроризм. Она прямо или косвенно высказывается против присутствия какой-либо большой страны в регионе, включая Китай. Китай не намерен бросать вызов господству России в Центральной Азии,

но у Китая есть свои законные интересы в Центральной Азии, такие как поддержание безопасности своих границ со странами Центральной Азии, предотвращение проникновения «трех сил зла» из Центральной Азии на плацдарм в Синьцзяне, в развитии Центральной Азии, энергетическом и экономическом сотрудничестве и т.д., Россия также признает это. ШОС является крупным достижением китайско-российского сотрудничества в Центральной Азии. Однако из-за опасений относительно роли и статуса Китая в регионе эта организация также часто используется на практике Россией в формировании политики, которая влияет на политику Китая в Центральной Азии.

Основные опасения России в отношении присутствия Китая в Центральной Азии включают в себя: быстрое развитие ШОС, повлиявшее на развитие российско-казахстанского таможенного союза и создание Евразийского экономического союза, использование Китаем своего энергетического сотрудничества со странами Центральной Азии для сокращения импорта из России. Влияние Китая на формирование региональных цен на нефть и газ, строительство автомобильных и железнодорожных сетей в Китае и странах Центральной Азии повлияло на реализацию российской концепции создания крупного транспортного коридора в Европе и Азии. Китай работает над повышением доверия и развеиванием сомнений российской стороны. Результаты этой политики пока не такие эффективные, как хотелось бы, результаты ее пока еще не такие ясные.

После того как председатель Си Цзиньпин предложил концепцию «Экономического пояса Шелкового пути» в 2013 году, в китайско-российских отношениях в Центральной Азии появился новый фактор и, соответственно, новый вопрос: каким образом разрешить вопросы, возникающие между строительством «Экономического пояса Шелкового пути» и строительством Евразийского экономического союза? Первоначальная реакция России была очень противоречивой, поскольку Россия опасалась, что Китай опираясь на свою сильную экономическую мощь, под эгидой «Эконо-

мического пояса Шелкового пути» займет территории Центральной Азии, помешав созданию Россией Евразийского экономического союза. После неоднократной проработки Китаем вопросов по данной теме с Россией, в особенности после введения Западом экономических санкций против России из-за украинского кризиса, Россия начала менять негативные взгляды на концепцию «Экономического пояса Шелкового пути». В качестве результата поиска связи между строительством «экономического пояса Шелкового пути» и Евразийского экономического союза, обеими сторонами в мае 2015 года было выпущено «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути». Сотрудничество между двумя крупными строительными проектами, несомненно, является хорошей идеей для координации отношений между Китаем и Россией в Центральной Азии. Если мы сможем продвигать региональную экономическую интеграцию между Китаем и Россией в Центральной Азии и даже в Содружестве Независимых Государств, это как странам, так и регионам принесет большую пользу. Однако из-за того, что строительство в Средней Азии «Экономического пояса Шелкового пути» объективно создаст определенную степень конкуренции с экономической интеграцией в рамках Евразийского экономического союза в сфере строительства автомобильной и трубопроводной инфраструктуры, упрощения процедур торговли и либерализации и инвестиций, Китай по-прежнему должен продолжать проводить хорошую идеологическую работу с Россией, чтобы она могла избавиться от сомнений и начать работать с Китаем в целях осуществления совместного сотрудничества.

Еще один вопрос – это стратегическое взаимное доверие между Китаем и Россией. Это избитая проблема, но в то же время абсолютно новая проблема. Очень важно придавать ей значение. В 90-х годах XX века политический рынок России не испытывал недостатка в различных версиях «теории китайской угрозы», в начале XXI века русская

иммиграция на Дальний Восток и «экспансия» в Центральную Азию китайцев и другие подобные вопросы рассматривались некоторыми из россиян как потенциальные угрозы. Теперь, с переменой сил и международного статуса Китая и России, беспокойство по поводу стратегического подъема Китая стало серьезным психологическим препятствием для развития отношений между Россией и Китаем. Такие сомнения включают вопросы о том, сможет ли Китай мирно подняться, какая политика в отношении России будет реализована после подъема Китая, поставят ли в невыгодное положение Россию изменившееся соотношение сил Китая и России, является ли Китай стратегическим конкурентом России и т.д.

Например, 21 января 2014 года при все более ожесточенной борьбе между Россией и Западом в украинском кризисе известный аналитический центр, Совет по внешней и оборонной политике России, опубликовал «Стратегию для XXI века (проект обсуждения)», в котором его сотрудники неожиданно предположили, что в будущем безопасность России столкнется с двумя угрозами: «мягкой» и «жесткой»: мягкая угроза – это постепенное укрепление силы Китая, что сделает соседние страны ее традиционной целью, чтобы укрепить себя, и жесткая угроза, которая заключается в том, что сфера влияния исламского восточного экстремизма на Ближнем Востоке распространится внутри России. Как всем известно, члены Совета по внешней и оборонной политике РФ являются элитами интеллектуальных, политических или деловых кругов России. Однако эти элиты закрывают глаза на западное геополитическое давление, с которым сталкивается страна, но при этом они обеспокоены будущей политикой соседского Китая после его подъема. Следует отметить, что сомнения России в отношении стратегии Китая являются глубокими и серьезными.

Конечно, в Китае тоже есть некоторые люди, которые не уверены в России и не оптимистичны в отношении политики России в отношении Китая, а также и стратегического партнерства между Китаем и Россией. Поэтому, уделяя особое внимание долгосрочному здоровому развитию

китайско-российского стратегического партнерства, Китай и Россия должны продолжать делать хорошую работу по укреплению доверия, анализу стратегического сотрудничества в различных областях и постоянному укреплению стратегического взаимного доверия. По словам В. Путина, необходимо, чтобы Россия почувствовала, что экономический рост в Китае не представляет угрозы для России. Китайский ветер – это возможность в полной мере надуть экономические паруса России, а также заставить Китай почувствовать, что Россия действительно является надежным стратегическим партнером.

Заключение

В течение большей части периода с момента установления китайско-российского стратегического партнерства сотрудничества, с точки зрения стратегических стандартов, дипломатическая политика является основной областью стратегического сотрудничества между двумя сторонами. Дипломатическая поддержка в основном проявляется в двух аспектах: во-первых, совместное поддержание хорошей периферийной и международной обстановки в области безопасности и стремление установить справедливый и разумный новый международный политический и экономический порядок, во-вторых, поддержание усилий друг друга по защите национального суверенитета и территориальной целостности. Именно из-за развития стратегического кооперативного партнерства, управляемого дипломатической политикой, произошло углубление сотрудничества между двумя странами в других областях, с тем чтобы фундамент этих стратегических отношений постоянно расширялся и укреплялся.

С началом сотрудничества «Один пояс, один путь» в 2015 году и расширения регионального сотрудничества между Китаем и Россией китайско-российское стратегическое партнерство сотрудничества вошло в новый этап качества – период общего развития. Основная коннотация общего развития заключается в том, что на основе поддержания высокого уровня дипломатической поддержки, которая была создана, Китай и Россия будут осуществлять совместное со-

трудничество между их соответствующими стратегиями экономического и социального развития и стратегиями региональной интеграции для всестороннего изучения потенциала сотрудничества между двумя сторонами в целях достижения цели общего развития.

Практика китайско-российского стратегического партнерства накопила ценный исторический опыт. Она в основном включают в себя: поддержание независимости, добрососедства и дружбы, взаимное уважение и отношения друг к другу на равных, взаимовыгодное сотрудничество и сбалансированные интересы, неприсоединение, неконфронтацию и отсутствие каких-то недобросовестных целей в отношении к третьим странам. История и реальность показывают, что постоянное обогащение и углубление коннотации стратегического сотрудничества в рамках стратегического партнерства координации соответствует национальным интересам Китая и России, а также является широким путем к хорошим китайско-российским отношениям. В обозримом будущем нет необходимости в создании китайско-российского военно-политического альянса. Новый тип отношений между государственными органами двух стран вышел за рамки двусторонних отношений Китая и России и стал образцом отношений между соседними странами и великими державами в современном мире.

Основа китайско-российского стратегического партнерства расширилась от первоначального дипломатического сотрудничества, политического сотрудничества и сотрудничества в области военных технологий до нынешнего экономического и энергетического сотрудничества. В будущем сотрудничество может расшириться на такие области, как региональная интеграция. Расширение и укрепление стратегического фонда обеспечит надежную гарантию устойчивого развития китайско-российского стратегического партнерства.

Российско-китайское стратегическое партнерство сталкивается с такими реальными или потенциальными проблемами, как Соединенные Штаты, сосуществование Китая и России в регионе Центральной Азии и

китайско-российское стратегическое взаимное доверие. Поскольку стратегические отношения между Китаем и Россией достигли очень высокого уровня, я считаю, что обе страны могут справиться с этими проблемами со стратегической точки зрения и сделать взаимоотношения развитыми и здоровыми.

Перспективы стратегического сотрудничества между Китаем и Россией очень хорошие. Они основаны на том, что стратегическое партнерство является наиболее подходящей моделью отношений для Китая и России, созданной после получения исторического опыта и уроков истории. Общими интересами обеих стран является стратегическое сотрудничество в социально-экономическом развитии и поддержание международной безопасности. Как Россия, так и Китай рассматривают развитие взаимных стратегических партнерств как долгосрочную политику и приоритет для своей

дипломатии. Благодаря реализации общей стратегии развития двух стран экономическая взаимозависимость между Китаем и Россией будет продолжать расти, тем самым укрепляя необратимость отношений стратегического сотрудничества между двумя сторонами.

Литература:

Лю Фэнхуа. Дипломатическая стратегия тандема Медведев-Путин. – Пекин: Научное издательство «Общественные науки Китая», 2012.

Armaments, Disarmament, and International Security. New York: Oxford University Press, 2000.

References:

Armaments, Disarmament, and International Security. New York: Oxford University Press, 2000.

Liu Fenghua. Diplomatic strategy tandem Medvedev-Putin (Diplomatic Strategy of Tandem Medvedev-Putin). Beijing: Scientific Publishing “Social Sciences of China”, 2012.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10020

CHINESE-RUSSIAN PARTNERSHIP AND STRATEGIC COOPERATION

Liu Fenghua

Institute of Russia, Eastern Europe and Central Asia, Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 11.12.2018</p> <p><i>Accepted:</i> 5.04.2019</p>	<p>Abstract: For most of the time since the establishment of the Chinese-Russian strategic partnership, diplomatic interaction was the main area of strategic cooperation between the two parties. Diplomatic interaction manifested generally in two aspects: maintaining a favorable environment and conditions of international security and a commitment to establish a new international political and economic order; supporting each other's efforts to protect national sovereignty and territorial integrity. With start of “One Belt, One Union” project in 2015 and broadening of regional cooperation between China and Russia, the Chinese-Russian strategic partnership entered the stage of “common development”. Based on high-level diplomatic support, China and Russia will cooperate with each other in their respective economic and social development strategies and regional integration strategies in order to explore fully their potential for cooperation in order to achieve common development goals.</p>
<p>About the author: Dr. of Law, Principal Researcher, Head of the Laboratory of Diplomatic Relations with Russia, Institute of Russia, Eastern Europe and Central Asia, Chinese Academy of Social Sciences</p> <p>e-mail: sravnitpolit@mail.ru</p>	
<p>Key words: Sino-Russian strategic partnership; strategic cooperation; diplomatic interaction; common development</p>	

Для цитирования: Лю Фэнхуа. Китайско-российское партнерство и стратегическое сотрудничество // *Сравнительная политика*. – 2019. №2 – С. 118-134.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10020

For citation: Liu Fenghua. Kitaysko-rossiyskoye partnerstvo i strategicheskoye sotrudnichestvo (Chinese-Russian Partnership and Strategic Cooperation) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 2, pp. 118-134.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10020

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И БЕЗОПАСНОСТЬ В АТР

Александр Владимирович Лукин

*Московский государственный институт
международных отношений (Университет) МИД России,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия*

Василий Борисович Кашин

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Институт Дальнего Востока Российской Академии наук,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 16 декабря 2018 <i>Принята к печати:</i> 25 апреля 2019</p>	<p>Аннотация: Авторы полагают, что российско-китайское сближение является фундаментальной чертой меняющейся системы международных отношений. Оба государства проводят независимую внешнюю политику, часто противоречащую установкам целям государств Запада. При этом Москва и Пекин дополняют друг друга, так как Россия имеет сравнительное преимущество в военной, разведывательной и дипломатической областях, а Китай является экономической сверхдержавой. Регион Центральной Азии, который, как ожидали некоторые западные эксперты, может стать очагом российско-китайского соперничества, напротив, стал сферой сотрудничества двух стран, затрагивающей сегодня широкий круг международных вопросов. Основной площадкой российско-китайского сотрудничества в Центральной Азии стала Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). При этом после присоединения Индии и Пакистана к ШОС в 2017 году она превращается в механизм российско-китайского сотрудничества не только в ЦА, но и в Индо-Тихоокеанском регионе в целом. Корейский полуостров является еще одним важным направлением координации между Москвой и Пекином в регионе. Россия и Китай с середины 2000-х годов также работают над повышением оперативной совместимости вооруженных сил. Технически страны уже проделали большую работу по подготовке почвы для военного союза, однако политическая готовность обоих государств пока недостаточна.</p> <p><i>Исследование для данной статьи выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда. Проект № 17-18-01577 «Создание Большой Евразии и разработка стратегии двустороннего сотрудничества России и стран региона»</i></p>
<p>Об авторах: <i>Лукин А.В.</i>, д.и.н., профессор, директор Центра исследований Восточной Азии и ШОС, МГИМО МИД России; руководитель департамента международных отношений, НИУ ВШЭ, профессор, Чжэцзянский университет (КНР) e-mail: avlukin@hse.ru <i>Кашин В.Б.</i>, к.полит.н., старший научный сотрудник, Центр комплексных европейских и международных исследований, НИУ ВШЭ, Институт Дальнего Востока РАН e-mail: vkashin@hse.ru</p>	
<p>Ключевые слова: коррупция; дестабилизация; государственный переворот; попытка государственного переворота; ВВП на душу населения; рост ВВП; устойчивость роста; традиционные ценности; рациональные ценности; ценности выживания; ценности самовыражения</p>	

Факторы российско-китайского сближения

Российско-китайское сближение является фундаментальной чертой современной системы международных отношений. Важность этого процесса определяется прежде

всего тем, что он заложил основы многих более широких международных тенденций: формирования многополярного мира, появления таких международных групп и

организаций, как БРИКС и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), а также проекта сопряжения Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и китайской инициативой «Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП) и др. В последнее время все эти тенденции прочно ассоциируются с идеей формирования Большой Евразии.

Разработанное российской внешнеполитическими экспертами понятие Большой Евразии стало частью официального дискурса сравнительно недавно, что выразилось в инициативе Большого или Всеобъемлющего евразийского партнерства. Выступая перед пленарным заседанием Петербургского международного экономического форума 17 июня 2016 года, президент В.В. Путин говорил о необходимости формирования такого партнерства «с участием Евразийского экономического союза, а также стран, с которыми у нас уже сложились тесные отношения: Китай, Индия, Пакистан, Иран», партнеров России по СНГ и других заинтересованных государств и объединений¹.

Эта идея была подтверждена в совместной российско-китайской декларации, которую лидеры двух стран подписали в ходе визита российского президента в Китай в июне 2016 года². В ходе визита в Россию председателя Госсовета КНР Ли Кэцзяна российский премьер Д.А. Медведев заявил, что Москва продолжает работу с Пекином по формированию Всеобъемлющего евразийского партнерства, в которое войдут государства-члены ЕАЭС и ШОС³.

Выступая на встрече министров иностранных дел России и АСЕАН 2 августа 2018 года, министр иностранных дел России С.В. Лавров отметил, что «Большое Евразийское партнерство – это не нечто, к чему надо присоединяться, не какой-то заранее подготовленный проект, согласованный в узком кругу, когда остальные говорят о том, что есть условия, на которых мы будем с вами взаимодействовать». Согласно Лаврову, эта идея основана на том, что в регионе уже действуют Евразийский экономический союз, ШОС, ЕАЭС, АСЕАН, и напомнил призыв В.В. Путина «искать естественные, отвечающие сегодняшним и завтрашним потребностям каждого из этих объединений, каждого из участников, формы сотрудничества»⁴.

По мнению большинства серьезных экспертов, происходящее сегодня российско-китайское сближение в значительной степени основывается на близости взглядов лидеров стран на прошлое и будущее мировой политики. Известный американский специалист по АТР г. Розман (Rozman, 2014) называет данное сходство взглядов «параллельными идентичностями»⁵. По словам Розмана, «риторика Китая в поддержку действий Путина на Украине и риторика России, одобряющая подход Си к Восточной Азии, не случайна. Скорее, это особенность нового геополитического порядка, пришедшего на смену холодной войне. Пока нынешние политические элиты Китая и России удерживают власть, нет оснований ожидать серьезного сдвига ни в национальной идентичности, ни

¹ Стенограмма выступления Путина на ПМЭФ – 2016 (Transcript of Putin's Speech at the St. Petersburg International Economic Forum 2016) // Российская газета. Режим доступа: <https://rg.ru/2016/06/17/reg-szfo/stenogramma-vystupleniia-vladimira-putina-na-pmef-2016.html>

² Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики (Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China) / Сайт Президента России. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/5100>

³ Медведев: Россия формирует евразийское партнерство с Китаем (Medvedev: Russia Forms a Eurasian Partnership with China) // РИА Новости, 2016. Режим доступа: <https://ria.ru/east/20161116/1481497327.html>

⁴ Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам Совещания министров иностранных дел Россия-АСЕАН, Сингапур, 2 августа 2018 года (Speech and Answers to Media by the Minister of Foreign Affairs of Russia S.V. Lavrov at a Press Conference following the Russia-ASEAN Foreign Ministers Meeting, Singapore, August 2, 2018) / МИД России. Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3313736

⁵ Rozman, Gilbert. Asia for the Asians: Why Chinese-Russian Friendship Is Here to Stay // Foreign Affairs, 2014. Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/east-asia/2014-10-29/asia-asians>

в российско-китайских отношениях»⁶. Американская исследовательница российско-китайских отношений Э. Вишник утверждает, что «из-за нормативных сходств это всегда было партнерством следствия, а не тактическим партнерством. Обмен нормами не подразумевает совпадения позиций по всем вопросам; скорее, Россия и Китай разделяют общее негативное восприятие западного вмешательства в их внутренний порядок и ограничения их возможностей на глобальном уровне»⁷. Дж. Стоукс придерживается схожего мнения: «Общее политическое видение мирового порядка создает основу для китайско-российского сотрудничества. Оно определяется, прежде всего, желанием положить конец первенству США, которое должно быть заменено многополярностью»⁸.

Такой подход находит свое отражение и на официальном уровне. В концепции внешней политики России в частности отмечается, что международные отношения «переживают переходный период, существо которого заключается в формировании полицентричной международной системы»⁹. Китайское видение также предполагает многополярный мир будущего. Так, выступая на Генеральной Ассамблее ООН 28 сентября 2015 года, Председатель КНР Си Цзиньпин отмечал, что «движение к многополярному

миру, а также подъем новых рынков и развивающихся стран стали непреодолимой тенденцией истории»¹⁰. Эта общая позиция закреплена во многих двусторонних документах, включая российско-китайскую совместную декларацию о многополярном мире, принятую еще в 1997 году¹¹.

Заинтересованность России и Китая в формировании и укреплении многополярного мира основана на сомнении обоих государств в возможности успешного долгосрочного экономического и социального развития в мире, в котором доминируют США и их западные союзники. Так в Китае ясно видят, что попытка США сорвать реализацию китайской стратегии «Сделано в Китае – 2025» путем введения санкций против крупных китайских инновационных предприятий служит подтверждением того, что экономический подъем Китая будет встречать все более жесткое сопротивление со стороны Вашингтона. Нынешняя китайская модель экономического и технологического развития, предполагающая широкую государственную поддержку технологических «национальных чемпионов», рассматривается США и частью их союзников как опасная, разрушительная и несовместимая с поддерживаемым США международным экономическим порядком.

Корни же нынешнего конфликта Запада с Россией во многом связаны с неспособностью обеих сторон прийти к некоему консенсусу относительно роли Москвы в международной, прежде всего – европейской политике, а также той степени, в которой Россия должна принять западное лидерство в своей внутренней политике и экономическом развитии.

И Россия, и Китай, как крупнейшие страны с независимыми внешнеполитическими курсами и амбициозными стратегиче-

⁶ Rozman, Gilbert. *Asia for the Asians: Why Chinese-Russian Friendship Is Here to Stay // Foreign Affairs*, 2014. Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/east-asia/2014-10-29/asia-asians>

⁷ Wishnick, Elizabeth. In Search of the ‘Other’ in Asia: Russia–China Relations Revisited // *The Pacific Review*, 2016, No. 30:1, pp. 114-132.

⁸ Stokes, Jacob. *Russia and China’s Enduring Alliance: A Reverse ‘Nixon Strategy’ Won’t Work for Trump // Foreign Affairs*, 2017. Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-02-22/russia-and-china-s-enduring-alliance?cid=int-lea&pgtype=hpg>

⁹ Концепция внешней политики Российской Федерации (The Concept of Foreign Policy of the Russian Federation) / МИД России, 2013. Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/122186?p_p_id=101_INSTANCE_CptICkB6BZ29&_101_INSTANCE_CptICkB6BZ29_languageId=ru_RU

¹⁰ The Full Text of Xi Jinping’s First UN Address to the United Nations General Assembly. Mode of access: <https://qz.com/512886/read-the-full-text-of-xi-jinpings-first-un-address/>

¹¹ Russian-Chinese Joint Declaration on a Multipolar World and the Establishment of a New International Order / Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation Mode of access: http://www.mid.ru/ru/maps/cn//asset_publisher/WhKWb5DVbqKA/content/id/412066

скими целями, полагают, что многополярная международная система будет достаточно эффективно управляться несколькими центрами силы, взаимодействующими друг с другом по глобальным вопросам при общем координации со стороны ООН. Предполагается, что Совет Безопасности будет играть центральную роль в этом мировом порядке, вероятно даже в большей степени, чем в период холодной войны.

Отношения между центрами силы должны быть конкурентными, но не конфронтационными. Ведущие государства смогут сохранить свои уникальные экономические модели, идеологии и политические структуры. Подобный подход был в какой-то степени отражен в китайской концепции «новых отношений между крупными державами», которая была первоначально предложена для китайско-американских отношений, но, по мнению китайских теоретиков, может применяться и к отношениям между Китаем и большинством, если не всеми странами G20¹².

Именно такой характер во многом приняли отношения между Россией и Китаем. При этом для России сближение с Китаем является также важной частью российской стратегии «поворота на Восток», обусловленного с одной стороны объективными потребностями развития дальневосточных регионов и страны в целом, а с другой – общим разочарованием российского руководства в возможности выстроить равноправные отношения с Западом.

В первые годы после прихода к власти В.В. Путина Россия продолжала уделять основное внимание Европе, по крайней мере в торгово-экономическом плане. Российские лидеры по-прежнему пребывали в иллюзии, что смогут говорить с Западом на равных и достичь удовлетворительных договоренностей на основе взаимных уступок. В первые годы пребывания В.В. Путина у власти была предпринята попытка оживить процесс интеграции России в «Большой Запад», причем даже за счет

российско-китайских отношений, которые к тому времени уже носили весьма позитивный характер. Россия способствовала созданию американских военных баз в Центральной Азии, к большому раздражению Китая, и даже выразила готовность вступить в НАТО.

Однако оказалось, что Запад воспринимал такие уступки не как акты доброй воли, а как признаки слабости, настаивая всегда на своих условиях и неустанно продвигая свою военную машину ближе к границам России, даже пытаясь убедить Москву в том, что такое развитие событий отвечает интересам страны.

В результате этого фундаментального недопонимания отношения России с Западом переживали кризис несколько раз: в 1999 году во время бомбардировок Югославии, в 2008 году из-за войны в Грузии и во время украинского кризиса в 2014 году, когда Запад попытался включить Украину – ближайшего российского партнера и страну с самыми сильными культурными связями с Россией – в свою зону военного и политического контроля. Если ранее подобные конфликты удавалось урегулировать, то начавшаяся в 2014 г. открытая конфронтация с Западом во многом способствовала ускорению поворота России к Азии, так как Москва стала всерьез рассматривать азиатские страны не только в качестве дополнительных торгово-экономических партнеров, но и как возможную альтернативу основным существующим. Эти давно назревшие изменения во внешней и внешнеэкономической политике России, направленные на ослабление односторонней зависимости от США и Европы, начавшие набирать скорость и глубину после 2014 г., по сути были запущены задолго до кризиса на Украине и введения западных санкций. Нынешнее понимание Москвой необходимости изменений и построения более сбалансированной внешней политики, а также сохранение независимости от других центров силы, во многом основывается на признании того, что Россия культурно и геополитически самобытна и является не столько частью Европы, сколько ее внешним партнером.

¹² The Full Text of Xi Jinping's First UN Address to the United Nations General Assembly. Mode of access: <https://qz.com/512886/read-the-full-text-of-xi-jinpings-first-un-address/>

Сотрудничество России и Китая как фактор глобальной безопасности

В 1990-е и в первой половине 2000-х гг.; России и Китаю удалось существенно расширить взаимное доверие, решить пограничные проблемы и создать механизм сотрудничества в области мер доверия на границе. Одновременно стороны расширили военнотехническое сотрудничество, что также способствовало повышению взаимной транспарентности в сфере безопасности.

С самого начала российско-китайские сотрудничество в данной области имело значение не только для развития двусторонних отношений, но и оказывало весомое влияние на глобальную и региональную безопасность. Российско-китайское сближение повлияло на стратегическую ситуацию и расстановку сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а российско-китайское военнотехническое сотрудничество в значительной степени способствовало превращению Китая к концу 2000-х годов в крупную промышленную и военную державу. Немаловажно и то, что партнерство Москвы и Пекина по линии ВТС привело к установлению большей степени взаимозависимости между двумя странами в области безопасности.

Решение о восстановлении крупномасштабной военнотехнической кооперации с Китаем, полностью прерванной в 60-е гг. XX века, было принято Москвой незадолго до распада Советского Союза, а первый крупный контракт на поставку в Китай истребителей Су-27СК и Су-27УБК был подписан в 1990 году. Цели советского руководства по налаживанию такого сотрудничества были политическими. Нормализация отношений с Китаем в 1989 году считалась очень важным успехом, и советское руководство было готово пойти на многое, чтобы сохранить и расширить эту важную стратегическую победу. Так, Китай стал первой страной, получившей доступ к самому передовому в то время советскому истребителю – Су-27, даже доверенным традиционным союзникам из стран Варшавского договора выдавались менее совершенные истребители МиГ-29.

После распада СССР российское руководство после во многом сохранило тот же

курс в отношении Китая: укрепление связей с Пекином считалось приоритетным по ряду причин, которые были понятны для советских политических аналитиков 80-х годов и сохранили свою актуальность в 90-е годы. Китаю, очевидно, суждено было стать следующей великой экономической державой. Отношения с Пекином, таким образом, должны были укрепить позиции России в диалоге с Западом.

Советско-китайский раскол 60-х годов XX века считался в России одним из худших стратегических поражений Советского Союза в ходе холодной войны. Срочное развертывание и поддержание значительных сил вдоль китайской границы в 60-80-е годы были тяжелым бременем для советской экономики. В конце 80-х годов в Забайкальском военном округе (который также включал 39-ю армию в Монголии) насчитывалось около 270 тыс. военнослужащих, в Дальневосточном военном округе – около 370 тыс., в Сибирском военном округе – около 80 тыс.¹³ Эти силы были срочно развернуты в отдаленных районах Восточной Сибири и Дальнего Востока с суровым климатом и неразвитой инфраструктурой, что сделало их содержание очень дорогостоящим. Китай стал одним из главных противников советского влияния в развивающемся мире и ключевым поставщиком вооружений, а также базой для подготовки сил сопротивления во время советского военного присутствия в Афганистане в 1979-1989 годах. Катастрофические стратегические последствия раскола получили широкое освещение в работах советских и российских дипломатов и военных аналитиков. Урок был усвоен, и Россия не хотела повторять ошибки прошлого¹⁴.

¹³ Слугин В., Фешков К., Калашников С. Вооруженные силы СССР после Второй мировой войны: от Красной армии к Советской. Часть 1: Сухопутные войска. Томск: НТЛ, 2013. – С. 640. [Slugin, V.; Fes'kov, K.; Kalashnikov, S. Vooruzhennyye sily SSSR posle Vtoroy mirovoy voyny: ot Krasnoy armii k Sovetskoy. Chast 1: Sukhoputnyye voyska (USSR Armed Forces after World War II: From the Red Army to the Soviet. Part 1: Ground Forces). Tomsk: NTL, 2013. P. 640.]

¹⁴ Кулик Б. Советско-китайский раскол: причины и последствия. Москва: Институт Дальнего Востока РАН, 2000. – С. 639. [Kulik, B. Sovetskokitayskiy raskol: prichiny i posledstviia (Soviet-

Это обоснование было также сохранено и в середине 90-х годов, когда Россия перешла к более многовекторной внешней политике. В 1996 году две страны наладили стратегическое сотрудничество и начали все активнее координировать свою политику в ООН и других международных организациях. В подписанном в 2001 г. Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве содержался пункт, согласно которому в случае возникновения угрозы агрессии против одной сторон, «Стороны незамедлительно вступают в контакт друг с другом и проводят консультации в целях устранения возникшей угрозы»¹⁵. В то же время, договор не накладывает ни на одну из сторон каких-либо других, более конкретных обязательств.

В течение большей части 90-х годов объемы российско-китайской торговли были незначительными и колебались между 5,4 и 7,6 млрд долл. в год в зависимости от состояния российской экономики. Устойчивый рост двусторонней торговли начался только в 2000 году¹⁶. В 90-е и начале 2000-х гг. объем товарооборота военной продукции составлял 1,5-2,2 млрд долл. и был одним из основных столпов сотрудничества двух стран. Тогда экспорт вооружений имел решающее значение для выживания российской оборонной промышленности, поскольку закупки обычных вооружений российскими военными в 1992-1993 годах, в основном, прекратились и не достигли значительного уровня вплоть до 2009-2011 годов. В те годы на долю Китая приходилось около 40-45% российского экспорта вооружений, а выживание российского оборонно-

промышленного комплекса часто зависело от доступа на китайский рынок. Стоимость поставок российского оружия в Китай в реальном выражении достигла максимума в 2,7 млрд долл. в 2002 году¹⁷.

Военно-техническое сотрудничество двух стран начало сокращаться после 2003 года в связи с развитием китайской военной промышленности и успешным копированием технологий, ранее поставляемых Россией. Однако с конца 2000-х годов растущие амбиции китайских военных и неспособность внутреннего рынка выполнить удовлетворить некоторые их запросы привели к возрождению российско-китайского оборонного сотрудничества. В 2016 году экспорт российского оружия в Китай превысил 3 млрд долл. и имеет тенденцию к дальнейшему увеличению¹⁸.

Таким образом, российско-китайское военно-техническое сотрудничество спасло от краха значительную часть российского военно-промышленного комплекса и в то же время позволило Китаю перескочить через несколько поколений систем вооружений, сэкономив им десятилетия научных исследований и разработок. Так, Китай перешел прямо с производства истребителей второго поколения в конце 1990-х годов на производство истребителей поколения 4+++. В Китае начали выпуск систем вооружений, которые до этого никогда там не производились, такие как зенитные управляемые ракеты (ЗУР) дальнего действия, ракеты класса «воздух-воздух», действующие за пределами прямой видимости, беспилотные подводные аппараты; бомбы с лазерным наведением и т.д. Можно утверждать, что российско-китайское военно-техническое сотрудничество в какой-то мере способствовало передаче статуса великой военно-технологической державы от России к Китаю.

В свою очередь обеспокоенность Рос-

Chinese Split: Causes and Consequences). Moscow: Institut Dalnego Vostoka RAN, 2000. P. 639.]

¹⁵ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республике (Treaty of Good Neighborliness, Friendship and Cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China) / МИД России. Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/576870

¹⁶ Справка МИД «Российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество» (Ministry of Foreign Affairs "Russian-Chinese Trade and Economic Cooperation") / МИД России. Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/548594

¹⁷ Объем ВТС России и Китая за последние восемь лет составил 16 млрд долл. / Рособорозэкспорт, 2009.

¹⁸ Шойгу: Россия и Китай за год реализовали контракты в сфере ВТС на 3 млрд долл (Shoigu: Russia and China for the Year Implemented Contracts in the Field of Military-Technical Cooperation for \$3 billion). Режим доступа: <https://vz.ru/news/2016/11/23/845346.html>

сии относительно роста китайского военного потенциала, осуществляемого при поддержке России, отчасти снизилась благодаря двум факторам: во-первых, благодаря эффективным мерам по укреплению доверия вдоль границы и в Центральной Азии и, во-вторых, очевидному приоритету морской экспансии в китайской внешнеполитической и военной стратегии. Анализ китайского военного развития, включая такие компоненты как постепенное сокращение сухопутных войск Народно-освободительной армии Китая, строительство крупного и дорогостоящего морского флота и практическую подготовку к конфликту в Тихом океане, означали, что Пекин преследует гораздо более глобальные цели, которые в значительной степени соответствуют стратегическим интересам России. С конца 90-х годов китайские военные стратеги уделяли все больше внимания таким задачам, как защита китайских интересов за рубежом и в море. В Москве полагают, что наращивание военного потенциала КНР будет поддерживать более активную китайскую внешнюю политику во всем мире. Это, в свою очередь, будет способствовать ослаблению роли США и укреплению многополярного характера международной системы – что соответствует интересам Москвы.

Военно-техническое сотрудничество способствовало и росту связей между военными ведомствами и офицерским составом двух государств. Российские специалисты активно обучали китайских офицеров эксплуатировать самые современные виды вооружения. С конца 90-х годов стороны начали проводить регулярные военные стратегические консультации (на уровне заместителей начальников генеральных штабов) и консультации по вопросам стратегической безопасности (секретарь Совета безопасности РФ и член Госсовета КНР, отвечающий за внешнюю политику).

С 2012 года Россия и Китай увеличили масштабы военного сотрудничества, начав ежегодные совместные учения «Морское взаимодействие». Эти учения проходят либо в Японском море, либо в одном из морей, прилегающих к Китаю. В 2015 и 2017 годах учения проводились в два этапа: 1-й этап в Северной Атлантике (Восточное Средизем-

номорье в 2015 году, Балтийское море в 2017 году) и 2-й в Тихом океане. Они считаются самыми сложными морскими учениями, проведенными до сих пор современной Россией. Мероприятия включают в себя отработку совместных действий в области противовоздушной обороны, совместные противолодочные маневры, испытания крылатых ракет и артиллерийские стрельбы, операции морских вертолетов, десантные операции и другие сложные аспекты войны на море.

Хотя обе стороны подчеркивают анти-террористический и гуманитарный характер учений, они явно были направлены на борьбу с враждебным государством, обладающим современным вооружением. Другим примером практической подготовки к возможному конфликту с крупной иностранной державой являются регулярные компьютерные командно-штабные учения по организации противоракетной обороны, начавшиеся в 2016 году. В России и Китае также растет число совместных военных соревнований, в которых задействованы многие подразделения и службы вооруженных сил как этих двух стран, так и некоторых членов ШОС и партнеров из таких регионов, как Африка и Ближний Восток.

Таким образом, мы можем наблюдать постоянные усилия обеих сторон по расширению взаимодействия российских и китайских вооруженных сил и на море, и на суше. Однако на официальном уровне обе стороны по-прежнему отрицают возможность создания формального военного союза. Кроме того, Россия по-прежнему проводит полностью независимую политику в области безопасности в Азии, имея очень тесное военно-техническое и военное сотрудничество с некоторыми из китайских региональных соперников (Вьетнам, Индия) и даже с одним союзником США (Южная Корея). Россия избегает вмешательства в крупные территориальные споры с участием Китая в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Отсутствует и какая-либо дипломатическая координация между Россией и Китаем в отношении территориального спора последнего с Японией.

Будучи относительно пассивным игроком в области обеспечения региональной

безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Россия по-прежнему оказывает существенное влияние на ситуацию в этом регионе, и для этого не нуждается в каком-либо формальном союзе с Китаем.

Российско-китайское взаимодействие по урегулированию ситуации на Корейском полуострове

Россия и Китай ведут активный диалог по ситуации на Корейском полуострове. В конце 2002 года, обвинив Пхеньян в тайном обогащении урана, США приостановили поставки топлива на северокорейские электростанции, предусмотренные двусторонним рамочным соглашением 1994 года. В ответ 12 декабря 2002 года Северная Корея официально возобновила свою ядерную программу и выслала инспекторов МАГАТЭ из страны. 10 января 2003 года Пхеньян официально вышел из Договора о нераспространении ядерного оружия, создав тем самым крайне опасную точку региональной напряженности.

Москва и Пекин немедленно начали совместный поиск дипломатических путей разрешения конфликта. В специальном совместном коммюнике, подписанном 27 февраля 2003 года, министры иностранных дел двух стран выразили серьезную озабоченность ситуацией на Корейском полуострове и призвали все заинтересованные стороны приложить максимум усилий для нахождения мирного и справедливого решения, призывая к превращению корейского полуострова в зону, свободную от ядерного оружия, и подчеркнув, что соблюдение режима нераспространения и сохранение мира, безопасности и стабильности на полуострове будет отвечать интересам всего международного сообщества. Они также призвали к началу «конструктивного и равноправного диалога» между США и КНДР в целях разрешения «северокорейской ядерной проблемы». Россия и Китай также заявили о своем намерении «и далее развивать добрососедские, дружественные связи и сотрудничество с КНДР и Республикой Корея». Хотя обе страны осуждали Пхеньян, подход России и Китая отличался от позиции США, которые возложили на КНДР всю вину за кризис и

отказались начать с ней какие-либо переговоры¹⁹.

Тем не менее, 27 августа 2003 года, в основном благодаря деятельной поддержке Китая и России, в Пекине начались шестисторонние переговоры по северокорейской ядерной программе. Помимо КНДР, России, США и Китая, в переговорах также приняли участие Япония и Республика Корея. Впоследствии Москва и Пекин продолжили тесное сотрудничество и консультации по корейскому вопросу. Формат шестисторонних переговоров стал с их точки зрения базовым, на основе которого необходимо было искать дипломатические пути решения политического кризиса.

После выхода КНДР из шестисторонних переговоров в 2009 г. Россия и Китай заняли последовательную позицию, с одной стороны, поддерживая все санкционные резолюции СБ ООН, призванные побудить КНДР отказаться от ядерного оружия, а с другой, призывая Вашингтон начать прямой диалог с Пхеньяном.

Россия и Китай также совместно противодействовали планам США по развертыванию в Южной Корее противоракетных комплексов подвижного наземного базирования ТНААД. Официальные лица обеих стран неоднократно осуждали эти планы в 2015 и 2016 годах. В марте 2016 года министры иностранных дел Сергей Лавров и Ван И предупредили на совместной пресс-конференции, что развертывание ракетных систем на корейском полуострове может повлечь совместный ответ России и Китая. Ван И указал, что эти планы «наносят прямой ущерб стратегической безопасности России и Китая» и что «такие планы выйдут за рамки потребности безопасности в регионе, нарушают стратегический баланс и приведут к новой гонке вооружений»²⁰.

¹⁹ Совместное коммюнике министров иностранных дел российской федерации и китайской народной республики о ситуации на корейском полуострове (Joint Communiqué of the Ministers of Foreign Affairs of the Russian Federation and the People's Republic of China on the Situation on the Korean Peninsula) / МИД России, 2003. Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVBqKa/content/id/530622

²⁰ Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова

Сергей Лавров призвал США и Южную Корею «не прятаться за объяснения, что планы связаны с авантюрами КНДР...». «Россия и Китай выступают за принятие таких мер, которые, с одной стороны, препятствовали бы дальнейшему развитию северокорейских ракетных ядерных программ, а с другой – не вели бы к нарастанию напряженности в регионе, не перекрывали бы возможность политико-дипломатического урегулирования и не использовались бы в качестве предлога для опасного дестабилизирующего «накачивания» в регион вооружений, включая планы создания здесь системы противоракетной обороны», – заявил российский министр²¹.

Когда в ноябре 2016 г. Китай и США договорились о новых жестких санкциях против КНДР, в российской печати появились критические заметки в связи с тем, что Пекин не сообщил Москве заранее о содержании этих договоренностей²². Китайские дипломаты в частном порядке признавали недостаточную координацию с российскими коллегами в этом случае. В итоге российская озабоченность по этому вопросу была учтена.

В апреле 2017 года Россия и Китай выступили с дорожной картой для решения ядерного кризиса в Корее. Он включал три этапа. На первом этапе КНДР должна была приостановить свои ракетные и ядерные испытания, а Вашингтон и Сеул – не проводить ежегодные совместные военные учения. Второй этап предполагал начало прямых переговоров между Пхеньяном и Вашингто-

в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел КНР Ван И, Москва, 11 марта 2016 года (Speech and Answers to Media by the Minister of Foreign Affairs of Russia S.V. Lavrov during a Joint Press Conference Following Talks with the Minister of Foreign Affairs of the People's Republic of China Wang Yi, Moscow, March 11, 2016) / МИД России. Режим доступа: http://www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/2138588

²¹ Ibid.

²² США и Китай договорились о новых санкциях в отношении Северной Кореи // Агентство «Regnum», 2016. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/2209060.html>

ном, а также Сеулом и Пхеньяном. На последнем этапе должны быть возобновлены многосторонние переговоры, такие как формат «шестерки» с участием США, Китая, Японии, Южной Кореи, России и Северной Кореи. Такой многосторонний диалог должен служить средством обеспечения гарантий безопасности для КНДР и укрепить систему региональной безопасности²³.

Во время визита Си Цзиньпина в Россию в начале июля 2017 года Россия и Китай подчеркнули, что размещение системы ПРО в АТР наносит «серьезный ущерб интересам стратегической безопасности стран региона, в том числе России и Китая», и призвали отменить планы по ее развертыванию. В совместном заявлении китайского и российского лидеров также содержался призыв ко всем сторонам конфликта начать переговоры на основе отказа от применения силы и обещания сделать Корейский полуостров свободным от ядерного оружия²⁴.

Большинство китайских экспертов полагают, что, хотя системы ТНААД в Южной Корее малоэффективна для сдерживания ракетных ударов Северной Кореи или России, содержащиеся в данных комплексах системы радиолокации, могут использоваться для отслеживания ракетных систем Китая. Это даст США весомое преимущество в любом потенциальном конфликте с Китаем. По словам научного сотрудника Китайской академии военных наук генерал-майора Ло Юаня, США окружают Китай противоракетными системами, и единственным

²³ Совместное заявление Министерства иностранных дел Российской Федерации и Министерства иностранных дел Китайской Народной Республики по проблемам Корейского полуострова (Joint Statement of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation and the Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China on the Problems of the Korean Peninsula) / МИД России, 2017. Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2807662

²⁴ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о текущей ситуации в мире и важных международных проблемах / Сайт Президента России, 2017. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/5219>

недостающим звеном в этом окружении является Корейский полуостров²⁵. Таким образом, размещение систем ТНААД на Корейском полуострове можно рассматривать как элемент американской антикитайской военной стратегии, которая в свою очередь является стимулом для развития российско-китайского военного сотрудничества.

Накануне встречи американского и северо-корейского лидеров в Сингапуре в июне 2018 года министр иностранных дел России Сергей Лавров заметил, что процесс решения проблемы идет «в логике российско-китайской дорожной карты»²⁶. И Россия, и Китай приветствовали результаты переговоров между лидерами США и КНДР в июне 2018 г. в Сингапуре и призвали обе стороны искать мирное решение северокорейского ядерной проблемы.

Российско-китайское взаимодействие по Южно-Китайскому морю

В отличие от проблем Корейского полуострова, российский и китайский подходы к ситуации в Южно-Китайском море значительно разнятся. Но и здесь наблюдается определенное сближение. Это сотрудничество значительно усилилось после начала украинского кризиса в 2014 г.

Когда в 2016 году территориальный спор в Южно-Китайском море рассматривался Постоянной палатой Третейского суда в Гааге, Пекин активно искал международную поддержку своей позиции. В ряде случаев китайские государственные СМИ (скорее всего, специально) неправильно истолковали позицию российских и других международных чиновников в пользу Китая. Например, в мае 2016 года главные китайские информационные агентства цитировали

ли заявление генерального секретаря ШОС Р. Алимова, который якобы выразил полную и недвусмысленную поддержку своей организации позиции Китая этом конфликт²⁷ МИД России вынужден был опубликовать собственный комментарий, в котором указывалось, что, как было сказано в информационном сообщении о заседании Совета министров иностранных дел ШОС 24 мая в Ташкенте, министры Министры «подтверждают приверженность своих государств поддержанию законного порядка на море на основе принципов международного права» и считают, что все соответствующие «должны урегулироваться мирным путем на основе дружественных переговоров и договоренностей между заинтересованными сторонами, без их интернационализации и вмешательства извне» и на основе соблюдения всех положений Конвенции ООН по морскому праву²⁸. Это означало, что, в целом поддерживая позицию Китая о необходимости урегулирования территориального спора на двусторонней основе путем переговоров между участниками конфликта без вмешательства внерегиональных сил, Россия в то же время не поддерживает конкретные территориальные претензии Китая или любой другой стороны.

Однако после решения международно-го арбитража, неблагоприятного для Китая, российская позиция по этому вопросу стала несколько менее осторожной и сблизилась с позицией Пекина. Москва поддержала отказ Китая от выполнения арбитражного решения и приняла китайскую аргументацию, которая заключалась в том, что Китай не являлся инициатором арбитража, а его

²⁵ Zhang, Yunbi. China, Russia to Hold First Joint Anti-Missile Drill // *China Daily*, 2016. Mode of access: http://www.chinadaily.com.cn/world/cn_eu/2016-05/05/content_25067674.htm

²⁶ Ответ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на вопрос СМИ «на полях» саммита Шанхайской организации сотрудничества, Циндао, 9 июня 2018 года / МИД России, 2018. Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/maps/kr/-/asset_publisher/PR7UbfssNIml/content/id/3254852

²⁷ SCO Supports Peace and Stability in South China Sea, 25 May 2016. Mode of access: http://www.xinhuanet.com/english/2016-05/25/c_135385276.htm

²⁸ Комментарий Министерства иностранных дел России относительно заявления Генсекретаря ШОС Р.К. Алимова по проблематике ЮКМ (Commentary of the Ministry of Foreign Affairs of Russia Regarding the Statement of the SCO Secretary General R.K. Alimova on the Issues of South China Sea) / МИД России, 2016. Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2292783

позиция в ходе судебного разбирательства не была услышана. Однако это все равно не означало однозначной поддержки китайских территориальных претензий.

Тем не менее, постепенное сближение позиций было очевидно. Эта динамика отражалась в растущем военном сотрудничестве и особенно формах и местах проведения совместных военных учений. В мае 2015 года Россия и Китай впервые провели совместные морские учения в Средиземном море. Эта акция привлекла значительное внимание в западной прессы. Россию и Китай обвинили в создании нового военно-морского альянса против США и их союзников. Место проведения учений отражало желание двух стран продемонстрировать совместное присутствие своих военно-морских флотов в море, где флоты стран НАТО доминировали после распада Советского Союза. Кроме того, в 2015 и 2016 годах китайские военные корабли посетили российский черноморский порт Новороссийск, расположенный недалеко от Крыма; а в сентябре 2016 года совместные морские учения были проведены в Южно-Китайском море.

Несмотря на некоторое расхождение позиций двух стран по Крыму и Южно-Китайскому морю, военные России и Китая демонстрируют взаимную поддержку и готовность к сотрудничеству. Как пояснил заместитель министра обороны РФ А.И. Антонов, это сотрудничество основано на общих вызовах и угрозах двум странам. Выступая по итогам переговоров министра обороны РФ С.К. Шойгу с заместителем председателя Центрального военного совета КНР Фань Чанлуном, А.И. Антонов отметил: «Китайские коллеги подчеркнули совпадение общих позиций по проблеме вызовов и угроз. Они отметили необходимость перестройки нынешнего миропорядка, отхода от двойных стандартов и упрочения равноправных и взаимовыгодных отношений в мире»²⁹. 7 июня 2017 года министры обороны России и Китая подписали «Дорожную карту»

по военному сотрудничеству на 2017-2020 годы. По словам представителя министерства обороны Китая, «дорожная карта» задала общие рамки для военного сотрудничества между Китаем и Россией в 2017-2020 годах, что отразило высокий уровень взаимного стратегического доверия и готовность двух стран совместно реагировать на новые угрозы и вызовы безопасности³⁰.

Российско-китайское сотрудничество в рамках ШОС

Ключевой многосторонней площадкой, на которой Москва и Пекин взаимодействуют по вопросам обеспечения региональной безопасности, является ШОС, в которую наряду с Китаем и Россией входит также большинство государств Центральной Азии, а с недавнего времени также Индия и Пакистан. Опыт многостороннего сотрудничества в рамках этой организации показал, что есть несколько общих интересующих государств-участников направлений.

Одним из ключевых направлений является сотрудничество в борьбе с международным терроризмом. Все восемь государств-членов столкнулись с исламским экстремизмом и терроризмом, часто связанными с сепаратистскими движениями и международными фундаменталистскими организациями. Россия и Китай не являются в этом исключением – Россия на протяжении многих лет ведет войну с терроризмом на Северном Кавказе. В Китае существует достаточно острая проблема синьцзянского сепаратизма.

Подход ШОС к вопросам международной безопасности, особенно в борьбе с терроризмом, гораздо шире, чем подход, используемый США и их союзниками. Вашингтон придает первостепенное значение военным ударам по международным террористическим центрам и жесткое давление на государства, поддерживающие терро-

²⁹ Россия и Китай расширяют военное сотрудничество против общих угроз // Информационное агентство «Звезда», 2015. Режим доступа: <https://tvzvezda.ru/news/forces/content/201505111109-4uqh.htm>

³⁰ Wu, DD. China and Russia Sign Military Cooperation Roadmap // *The Diplomat*, 2017. Mode of access: https://thediplomat.com/2017/06/china-and-russia-sign-military-cooperation-roadmap/?utm_content=buffera10d0&utm_medium=social&utm_source=facebook.com&utm_campaign=buffer

ризм (таковым может быть объявлен любой режим, который по каким-то причинам не нравится Вашингтону), а члены ШОС видят прямую связь между международным терроризмом, с одной стороны, и сепаратизмом и религиозным экстремизмом – с другой. Подписанная в 2001 г. Конвенция ШОС по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом содержит четкие описания этих трех понятий³¹, хотя общепринятого международного определения терроризма не существует.

Руководимые более широким пониманием борьбы с терроризмом, страны-участницы ШОС сформулировали свою позицию по вопросу присутствия военных из США и других стран так называемой «антитеррористической коалиции» в Центральной Азии. ШОС смотрит на иностранное присутствие в регионе под своим углом. С одной стороны, Россия, Китай и страны Центральной Азии понимают, что военные операции в Афганистане направлены на борьбу с терроризмом. Однако есть серьезные подозрения, что США могут использовать свое присутствие в регионе для достижения собственных геополитических целей. По этому вопросу в январе 2002 года, страны ШОС подписали декларацию, в которой заявлялось, что силы международной коалиции в Афганистане должны действовать в соответствии с мандатом Совета Безопасности ООН и с согласия законных властей Афганистана³². В 2005 году саммит глав государств-участниц ШОС в Астане принял декларацию, в которой призвал командование Международных сил по сохранению

безопасности (МССБ, командование которыми в 2003 году приняло на себя НАТО) установить предельный срок для присутствия своих войск в Афганистане³³.

После избрания Б. Обамы президентом США тенденция к сотрудничеству стран ШОС и Западом по афганской проблематике начала усиливаться. Предыдущая республиканская администрация Дж. Буша младшего игнорировала любые сигналы извне и отказывалась сотрудничать с ШОС. Администрация Обамы пришла к выводу о том, что ей необходимо сотрудничать со всеми, кто может быть вовлечен в принятие решений по афганской проблеме. Как страны ШОС, так и США исходили из того, что провал антитеррористической коалиции в Афганистане будет серьезным, возможно, непоправимым ударом по всей системе международной безопасности в регионе. Страны-члены ШОС, являющиеся потенциальными мишенями террористической и наркоугрозы, исходящей из Афганистана, были также крайне заинтересованы в стабилизации ситуации в этой стране. Активизация участия ШОС в борьбе с терроризмом в Афганистане стала крупным успехом организации. Специальная конференция по Афганистану, состоявшаяся в Москве 27 марта 2009 года под эгидой ШОС, стала серьезным этапом в развитии организации и способствовала эволюции подхода международного сообщества к региональным проблемам. В конференции приняли участие Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун, генеральный секретарь ОБСЕ Марк Перрен де Бришамбо, помощник генерального секретаря НАТО Мартин Ховард, а также представители государств-наблюдателей ШОС, Группы восьми и международных организаций, таких как ОДКБ, ЕС, СНГ, ОИК и СВМДА. Участие в конференции официальных лиц НАТО, США и их основных союзников свидетельствовало об изменении отношения Запада и его стрем-

³¹ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республике (Treaty of Good Neighborliness, Friendship and Cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China) / МИД России, 2001. Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/576870

³² Справка МИД «Российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество» (Ministry of Foreign Affairs "Russian-Chinese Trade and Economic Cooperation") / МИД России, 2002. Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/548594

³³ Декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (Declaration of the Heads of State of the Shanghai Cooperation Organization) / МИД России. Режим доступа: http://www.mid.ru/sanhajskaa-organizacia-sotrudnicestva-sos-/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/433380

лении сотрудничать с ШОС и ее членами в данном вопросе.

После Московской конференции ШОС продолжала заниматься афганской проблемой. 25 января 2010 года в Москве состоялись региональные консультации ШОС по Афганистану, в которых приняли участие заместители министров иностранных дел Афганистана, Индии, Ирана, Казахстана, Кыргызстана, Китая, Пакистана, России, Таджикистана и Узбекистана, а также представители Секретариата ШОС. Однако принятие санкций против России в 2014 и 2015 годах привело к сворачиванию этих усилий и постепенному отказу западных стран от сотрудничества с ШОС.

ШОС также является важной площадкой для развития военного сотрудничества между странами-членами. Министерства обороны этих стран объединили усилия в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Совместные военные учения ШОС «Мирная миссия» проводятся раз в два года. В их ходе разрабатываются реалистичные сценарии военных конфликтов, которые могут иметь место в Центральной Азии. Например, в ходе учений «Мирная миссия-2016» решалась задача «восстановления конституционного порядка» в одной их стран-участниц ШОС. Учения включали боевое столкновение подразделения Вооруженных Сил Кыргызстана с террористами, которым удалось проникнуть в два местных поселка. Кыргызские войска сразу же получили поддержку с воздуха ВВС России, которая также развернула в этом районе подразделения тактической разведки. Позднее на место происшествия прибыли российские и китайские подразделения с тяжелым вооружением и вертолетами, которые помогли ликвидировать противника.

Экономическое сотрудничество в рамках ШОС уже давно буксует. Однако в 2018-2019 гг. оно может получить новый импульс отчасти потому, что и Россия, и Китай столкнулись с возросшей напряженностью в отношениях с США и считают необходимым активизировать экономическое взаимодействие. Кроме того, повышению роли экономической повестки должно способствовать вступление в ШОС Индии и Пакистана,

имеющие традиционные развитые экономические связи с Россией, Китаем и Центральной Азией.

Определенный импульс реализации экономических проектов в рамках ШОС может придать и выдвинутая Россией инициатива Большого евразийского партнерства, которая рассматривает ШОС как один из опорных институциональных форматов для формирования обширного континентального сообщества в области безопасности и экономического сотрудничества.

В отличие от ситуации с экономическим сотрудничеством, в области образования и здравоохранения в ШОС были достигнуты определенные успехи. То же относится и к культурной сфере. Страны Центральной Азии, Китай и Россия имеют древние и уникальные цивилизации. По мере того, как эти страны все более открываются, массовая культура становится неотъемлемой частью их собственной культурной жизни, поэтому все они сталкиваются с проблемой сохранения своих национальных традиций перед лицом глобализации. Эта обширная область для взаимодействия в рамках ШОС.

Наконец, четкая позиция ШОС, которая выступает за многополярный мир и сохранение решающей роли ООН и Совета Безопасности в международных делах вызывает интерес и уважение во многих частях мира.

В целом, несмотря на некоторые проблемы, ШОС уже превратилась в реально функционирующую авторитетную международную организацию, с которой приходится считаться другим странам и институтам. Основа ее существования проста: все члены ценят сотрудничество с Западом и понимают, что без сотрудничества с ним невозможно экономическое и технологическое развитие. В то же время они чувствуют себя более комфортно в мире, где есть альтернативные центры силы и где есть организации, понимающие их фундаментальные проблемы лучше и глубже, Запад и руководимые им союзы. Те же соображения и даже само существование такой авторитетной международной организации, как ШОС, где рабочими языками являются русский и китайский, но не английский, привлекают в нее все больше новых заинтересованных

партнеров. В современном мире с его сильной тенденцией к единообразию во всем, включая политику, существует запрос на голос стран, выступающих за многополярный мир, плюрализм и терпимость во внешней политике.

В первые годы существования ШОС все ее члены и большинство экспертов считали, что она не готова к расширению, так как организация должна прежде всего укрепиться в своем нынешнем составе, запустить свои механизмы и набраться опыта. Между тем международный интерес к ШОС продолжал расти. Еще в 2006 году Пакистан, который имел статус государства-наблюдателя, обратился с просьбой о полноправном членстве. Иран обращался с аналогичными просьбами в 2007 и 2008 годах, и еще один наблюдатель, Индия, выразил желание стать полноправным членом в 2010 году. В 2009 году саммит ШОС в Екатеринбурге ввел статус «партнера по диалогу», который был предоставлен Шри-Ланке и Белоруссии. Заинтересованность в установлении контактов с ШОС проявили также Египет, Непал, Сербия, Катар, Азербайджан, Турция и ряд других стран. Уже в 2011 году Турция обратилась к Генеральному секретарю ШОС с просьбой предоставить ей статус партнера по диалогу. США тоже продемонстрировали официальный интерес в этом статусе. Оба государства являются членами НАТО, что свидетельствует о серьезном отношении альянса к ШОС.

Нежелание принимать новых членов ШОС объяснялось техническими причинами, а именно, отсутствием механизмов вступления в организацию. Однако к концу первого десятилетия XXI века такой механизм был создан, наряду с правовой базой и четкими процедурами. На заседании глав государств-членов в июне 2010 года в Ташкенте было утверждено Положение о приеме новых членов ШОС, в котором были сформулированы четкие критерии, которым страны, желающие вступить в ШОС, должны соответствовать³⁴. Согласно этому

документу, государство, желающее стать полноправным членом ШОС, должно географически принадлежать к евразийскому пространству, иметь дипломатические отношения со всеми государствами-членами ШОС, поддерживать с ними активные торгово-экономические связи, иметь статус наблюдателя или партнера по диалогу и не находиться под санкциями ООН. Последний критерий на неопределенное время отсек одного из наиболее активных заявителей – Иран. В сфере безопасности международные обязательства государств, желающих вступить в ШОС, не должны противоречить международным договорам и другим документам, принятым организацией. Кроме того, государство-заявитель не должно быть вовлечено в вооруженный конфликт с другим государством (государствами). На саммите ШОС в Астане в июне 2011 года был принят меморандум об обязательствах государства-заявителя, необходимых для вступления в ШОС, что стало последним шагом в создании формальной основы для приема новых членов. После этого уже не было никаких формальных оснований отказывать другим странам в участии, ссылаясь на отсутствие соответствующих процессуальных документов.

Россия стала главным сторонником расширения ШОС. Пекин занял более осторожную позицию, официально не отказывая организации в расширении, но намекая, что ситуация еще «не созрела». Однако по мере углубления российско-китайского сотрудничества и изменения международной обстановки Пекин также изменил свою позицию и согласился на одновременный прием Индии и Пакистана. В результате, формальный допуск двух стран был санкционирован саммитом в Астане в 2017 году³⁵. Саммит в Циндао в 2018 году первым приветствовал официальные делегации и лидеров как Ин-

июня 2010. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/1293166.html>

³⁴ Положение о порядке приема в ШОС новых членов утверждено в Ташкенте (Regulations on the Procedure for Admission to the SCO of New Members Approved in Tashkent) // Regnum, 11

³⁵ Астанинская декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (Astana Declaration of the Heads of States of the Shanghai Cooperation Organization) / Сайт Президента России, 2017. Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/5206>

дии, так и Пакистана. Кроме того, Россия официально поддержала прием Ирана, что создает перспективу для вступления последнего в организацию.

Присоединение Индии, Пакистана и, возможно, в будущем – Ирана коренным образом меняет саму природу ШОС. Тогда в число членов организации войдут все ведущие незападные государства Евразии. Беларусь, европейское государство с несколько своеобразной политической системой, уже стала государством-наблюдателем ШОС. Все более скептически настроенная в отношении Запада Турция и разочаровавшаяся в защите Западом прав тамильских сепаратистов Шри-Ланка получили более свободный статус партнера по диалогу.

С этими и другими новыми членами и партнерами ШОС можно рассматривать как формирующийся краеугольный камень многополярного мира в процессе становления, платформу, предлагающую Евразийскую альтернативу Западной Европе. Если группа БРИКС способна стать альтернативой западным структурам с точки зрения глобального управления (в узком смысле, альтернативой «Группе семи» в «Группе двадцати»), то ШОС могла бы взять на себя роль второго, незападного центра тяжести в Евразии (поскольку Западная Европа также является частью Евразии).

Существует довольно популярная как в России, так и за рубежом теория о том, что России и Китаю суждено бороться за влияние в Центральной Азии. С легкой руки западных политологов, вроде З. Бжезинского (1997) и С. Хантингтона (1997), строящих абстрактные конструкции типа «шахматных досок», «великих игр» или «столкновения цивилизаций», они получили довольно широкое распространение в экспертных кругах на постсоветском пространстве. Относительная популярность таких идей в США можно объяснить выдачей желаемого за действительное антироссийскими и антикитайскими консерваторами, которые считают, что конфликты и борьба между Москвой и Пекином могут принести пользу Вашингтону. На постсоветском пространстве распространенность данных теорий базируется отчасти на подчас слепом доверии западным

теориям, а отчасти определяется политическими факторами. В России, как правило, об опасности Китая говорят либо радикальные западники, стремящиеся побудить Россию следовать за США и Европой, либо радикальные националисты, которые видят угрозы России повсюду, и Китай в этом смысле для них не исключение.

В действительности, интересы Китая в Центральной Азии совпадают с интересами России и заключаются в следующих трех ключевых факторах:

1. Поддержка политической стабильности (никто не хочет политического взрыва, который может привести к власти радикальные исламистские движения).
2. Сохранение у власти светских режимов.
3. Ускорение экономического развития стран региона как единственной прочной основы политической стабильности.

В этом смысле экономическая и внешнеполитическая деятельность каждой России и Китая в Центральной Азии не должна рассматриваться как угроза интересам других государств (так иногда утверждают негибкие консерваторы эпохи холодной войны). Если Китай инвестирует в экономику Центральной Азии, поддерживает там культурную и исследовательскую работу, то он не обязательно стремится нанести ущерб интересам России в регионе, потому что его усилия в конечном итоге приведут к экономическому и культурному развитию этих стран. Было бы неразумно выступать против такой деятельности. Скорее сама Россия должна быть более активной в реализации аналогичных программ.

Конечно, совпадение жизненно важных государственных интересов не означает отсутствия экономической конкуренции между компаниями из разных государств. Многие из них, включая крупные государственные компании и корпорации, очевидно, конкурируют за центральноазиатские рынки и часто получают поддержку от своих правительств. Но экономическую конкуренцию между хозяйственными субъектами не следует путать с соперничеством между государствами. Такая конкуренция часто встречается даже между самыми близкими союзниками, как это было

во время картофельной войны между США и Канадой в 1982-1983 годах или банановой, затрагившей интересы США, Великобритании, государств ЕС и некоторых латиноамериканских стран. То же можно сказать и о постоянной торговой напряженности между США и Японией. Эти острые экономические конфликты не испортили политических отношений, основанных на прочном союзническом фундаменте

Выводы

Совместное противостояние вызовам безопасности и повышение взаимного доверия изначально были ключевыми факторами в развитии отношений между Москвой и Пекином. К середине 90-х годов XX века они продвинулись дальше, все более стараясь координировать свою политику на региональном и глобальном уровнях. Такое сотрудничество основывалось на общих взглядах на мироустройство и стабильно растущей напряженности в отношениях с США.

Разрешение пограничных споров, частичная демилитаризация границ и успешное сотрудничество соседних стран в Центральной Азии обеспечили необходимую основу для вывода партнерства на глобальный уровень. России и Китаю пока удалось сдержать конкуренцию в регионе и продвинуть вперед совместный региональный проект – Шанхайскую организацию сотрудничества.

На глобальном уровне отношения в области безопасности шли рука об руку с военно-техническим сотрудничеством, которое фактически превратило Китай в военно-промышленную державу мирового класса, способную проецировать силу на региональном и глобальном уровнях.

В то же время Россия избегает прямого вовлечения в наиболее острые проблемы региональной безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Скорее Москва оказывает влияние на ситуацию в главном вопросе, ограничивая возможности США по перегруппировке своих военно-стратегических и дипломатических ресурсов с Ближнего Востока и Европы в сторону Азии.

Россия и Китай работают над повышением оперативной совместимости своих воо-

руженных сил с середины 2000-х годов. Технически они уже проделали большую работу по подготовке почвы для военного альянса. Однако в политическом плане они пока к этому не готовы. Сценарий создания формального союза может стать реалистичным лишь при наилучшем раскладе, в случае, если безопасность обеих стран будет одновременно подвергнута серьезной и прямой угрозе со стороны США и их союзников.

Литература:

Кулик Б. Советско-китайский раскол: причины и последствия. Москва: Институт Дальнего Востока РАН, 2000.

Слугин В., Феишков К., Калашиников С. Вооруженные силы СССР после Второй мировой войны: от Красной армии к Советской. Часть 1: Сухопутные войска. Томск: НТЛ, 2013.

Rozman, Gilbert. Asia for the Asians: Why Chinese-Russian Friendship Is Here to Stay // *Foreign Affairs*, 2014. Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/east-asia/2014-10-29/asia-asians>

Stokes, Jacob. Russia and China's Enduring Alliance: A Reverse 'Nixon Strategy' Won't Work for Trump // *Foreign Affairs*, 2017. Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-02-22/russia-and-china-s-enduring-alliance?cid=int-lea&pgtype=hpg>

Wishnick, Elizabeth. In Search of the 'Other' in Asia: Russia-China Relations Revisited // *The Pacific Review*, 2016, No. 30:1, pp. 114-132.

Wu, D. China and Russia Sign Military Cooperation Roadmap // *The Diplomat*, 2017. Mode of access: https://thediplomat.com/2017/06/china-and-russia-sign-military-cooperation-roadmap/?utm_content=buffera10d0&utm_medium=social&utm_source=facebook.com&utm_campaign=buffer

Zhang, Yunbi. China, Russia to Hold First Joint Anti-Missile Drill // *China Daily*, 2016. Mode of access: http://www.chinadaily.com.cn/world/cn_eu/2016-05/05/content_25067674.htm

References:

Kulik, B. Sovetsko-kitayskiyraskol: prichiny i posledstviia (Soviet-Chinese Split: Causes and Consequences). Moscow: Institut Dalnego Vostoka RAN, 2000.

Rozman, Gilbert. Asia for the Asians: Why Chinese-Russian Friendship Is Here to Stay // *Foreign Affairs*, 2014. Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/east-asia/2014-10-29/asia-asians>

Slugin, V.; Fes'kov, K.; Kalashnikov, S. Vooruzhennyye sily SSSR posle Vtoroy mirovoy voyny: ot Krasnoy armii k Sovetskoy. Chast 1: Sukhoputnyye voyska (USSR Armed Forces after World War II: From the Red Army to the Soviet. Part 1: Ground Forces). Tomsk: NTL, 2013.

Stokes, Jacob. Russia and China's Enduring Alliance: A Reverse 'Nixon Strategy' Won't Work for Trump // *Foreign Affairs*, 2017. Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-02-22/russia-and-china-s-enduring-alliance?cid=int-lea&pgtype=hpg>

Wishnick, Elizabeth. In Search of the 'Other' in Asia: Russia-China Relations Revisited // *The Pacific Review*, 2016, No. 30:1, pp. 114-132.

Wu, D. China and Russia Sign Military Cooperation Roadmap // The Diplomat, 2017. Mode of access: https://thediplomat.com/2017/06/china-and-russia-sign-military-cooperation-roadmap/?utm_content=buffera10d0&utm_medium=social&utm_source=facebook.com&utm_campaign=buffer

Zhang, Yunbi. China, Russia to Hold First Joint Anti-Missile Drill // China Daily, 2016. Mode of access: http://www.chinadaily.com.cn/world/cn_eu/2016-05/05/content_25067674.htm

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10021

RUSSIAN-CHINESE COOPERATION AND SECURITY IN ASIA PACIFIC REGION

Alexander V. Lukin

*MGIMO University,
National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia*

Vasily B. Kashin

*National Research University Higher School of Economics,
Institute of Far Eastern Studies of Russian Academy of Science,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 16.12.2018</p> <p><i>Accepted:</i> 25.04.2019</p>	<p>Abstract: The authors argue that Russian-Chinese rapprochement is a fundamental feature of the current changing system of international relations. The two countries are effectively enabling each other to conduct independent foreign policies often in direct opposition to the West. There is a degree of complementarity between the two sides with Russia having comparative advantage in the military, intelligence and diplomatic fields and China being an economic superpower. The region of Central Asia which, as some Western authors have expected, could become the hotpoint of the Russian-Chinese rivalry. Yet in reality it became the cradle of the two countries' cooperation which is now affecting a wide range of international issues. Shanghai Cooperation Organization (SCO) has emerged as the main platform for Russian-Chinese cooperation in Central Asia. After India and Pakistan joined the SCO in 2017 it is evolving into a mechanism of Russian-Chinese cooperation not only in Central Asia but in the Indo-Pacific as a whole. The Korean peninsula is another important area of coordination between Moscow and Beijing in the Asia-Pacific. Russia and China have also been working on increasing interoperability of their military forces in the region since mid 2000s. Technically they have already done a great job for preparing ground for a military alliance. However, politically they do not appear to be ready for that yet.</p> <p><i>Acknowledgement: The study for the article was carried out with support of the Russian Science Foundation. Project No. 17-18-01577 "Creating Greater Eurasia and Developing a Strategy for Bilateral Cooperation between Russia and the Countries of the Region"</i></p>
<p>About the authors:</p> <p><i>Alexander V. Lukin</i>, PhD, Doctor of History, Director of Centre for East Asia and SCO Studies, MGIMO University; Professor, Head of Department of International Relations, National Research University – Higher School of Economics</p> <p>e-mail: avlukin@hse.ru</p> <p><i>Vasily B. Kashin</i>, Candidate of Political Science, Senior Researcher, Center for Comprehensive European and International Studies, National Research University – Higher School of Economics, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Science</p> <p>e-mail: vkashin@hse.ru</p>	
<p>Key words: Russia; China; Shanghai Cooperation Organization; Greater Eurasia; bilateral relations; globalization</p>	

Для цитирования: Лукин А.В., Кашин В.Б. Российско-китайское сотрудничество и безопасность в АТР // *Сравнительная политика*. – 2019. №2 – С. 135-151.
DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10021

For citation: Lukin, Alexander V.; Kashin, Vasily B. Rossiysko-kitayskoye sotrudnichestvo i bezopasnost' v ATR (Russian-Chinese Cooperation and Security in Asia Pacific Region) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 2, pp. 135-151.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10021

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10022

«ПОТОМСТВЕННЫЕ ПАРЛАМЕНТАРИИ» («СЭСЮ: ГИИН») В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Павел Андреевич Антонов

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 13 января 2018 <i>Принята к печати:</i> 25 апреля 2019</p>	<p>Аннотация: В работе представлен анализ феномена «сэсю: гиин» (потомственные парламентарии) в политической жизни современной Японии, определена доля потомственных политиков в Парламенте и Правительстве Японии, оценивается влияние происхождения лидера на выстраивание политического курса страны на внутреннем и внешнем направлениях, используя примеры биографий ведущих политиков и актуальной для современной Японии повестки дня (пересмотр Конституции, проведение Олимпийских игр, отношения с Россией).</p>
<p>Об авторе: аспирант, кафедра политологии Востока, Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова e-mail: Pantonov007@gmail.com</p>	<p>В Японии неизменно поддерживается высокий процент «потомственных политиков» на уровне 20-30% от общего числа парламентариев, доля «сэсю гиин» возрастает до 50-60% на уровне руководства Либерально-Демократической партии, комитетов Парламента, глав Министерств и ведомств. Это позволяет говорить о превращении политики в Японии в «семейное ремесло» («кагё:ка»). Косвенным подтверждением этого тезиса служит тот факт, что из четырнадцати премьеров, возглавлявших кабинет министров Японии в эпоху Хэйсэй (1989г. – н.в.) девять можно отнести к категории «сэсю: гиин». Проведённый анализ позволяет сделать ряд практических выводов.</p>
<p>Ключевые слова: политические институты; процессы и технологии; Восточная Азия; Япония; Японский парламентаризм; политическая система современной Японии; политические элиты; политические династии</p>	<p>При подготовке прогнозов изменений в японской политической элите и конфигурации будущих кабинетов Министров следует принимать во внимание не только данные об идеологических взглядах политиков и принадлежности к той или иной партии, но и семейные связи. С высокой долей вероятности можно утверждать, что в ближайшие годы на премьерский и министерские посты будут претендовать такие политики как С. Коидзуми, Ф. Кисида, Т. Коно, Я. Накасонэ. Выстраивая стратегию развития сотрудничества Российской Федерации с Японией, Российской стороне следует уделять первостепенное внимание налаживанию доверительных отношений с упомянутыми политиками.</p>

Введение

В период с 2010 по 2018 год в глобальной политике произошли значительные изменения, в частности в расстановке сил в политических элитах.

Механизм изменений в зависимости от региона был различен: от революционного, как в странах Ближнего Востока, Восточ-

ной Европы, Африки, до эволюционного – в США, странах Западной Европы и России. Заметим, что в Восточной Азии за последние восемь лет перемены происходили как революционно, так и эволюционно.

Результат произошедших изменений во многом был идентичен. К власти приш-

ли политики консервативного, в некоторых странах ультраправого, националистического толка, ориентированные в основном на протекционизм в отношении развития экономики и примат национальных интересов над глобальными в международных отношениях. Кульминацией процесса обновления элит, безусловно, стали состоявшиеся в ноябре 2016 года выборы президента США, на которых победу одержал республиканец Дональд Трамп¹.

За последние восемь лет в Восточной Азии также произошло обновление поколения руководителей. В декабре 2011 года к власти в КНДР пришёл Ким Чен Ын². В ноябре 2012 года на пост председателя ЦК КПК был выбран Си Цзиньпин³. В декабре 2012 года на выборах в нижнюю палату японского Парламента победу одержала Либерально-Демократическая партия (ЛДП) во главе с Абэ Синдзо, вернув себе статус правящей партии после поражения на выборах 2009 года⁴. В феврале 2013 года в должность президента Южной Кореи вступила Пак Кын Хе. В марте 2017 года после ожесточённых уличных протестов президенту Пак объявлен импичмент. В результате выборов, состоявшихся 9 мая 2017 года, победу одержал Мун Чжэ Ин, баллотировавшийся от Совместной демократической партии⁵.

¹ 2016 Presidential Election Results / Politico Magazine WebSite. Mode of access: <http://www.politico.com/2016-election/results/map/president>

² «Великий преемник» Ким Чен Ын. Биография // РБК, 19.12.2011. Режим доступа: <http://www.rbc.ru/society/19/12/2011/5703f0d69a7947633d3b457>. [«Velikii preemnik» Kim ChenYn. Biografiia 2016g. (The Great Successor “Kim Jong-un. Biography”) // RBK. Mode of access: <http://www.rbc.ru/society/19/12/2011/5703f0d69a7947633d3b457>]

³ The Power of Xi Jinping // *Economist*, September 18, 2014. Mode of access: <http://www.economist.com/news/china/21618882-cult-personality-growing-around-chinas-president-what-will-he-do-his-political>

⁴ Osaki, T. Ruling Block Retains Majority in Japans Upper House Election // *The Japan Times*, July 11, 2016. Mode of access: <http://www.japantimes.co.jp/news/2016/07/11/national/politics-diplomacy/ruling-bloc-wins-big-in-upper-house/#.WQA3A6DvUxA>

⁵ Головнин В.И. Крах дочери диктатора // *Новая газета*, 11.03.2017. Режим доступа: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/03/11/71747-krah-docheri-diktatora>

Помимо использования консервативной риторики пришедших к власти лидеров государств Восточной Азии объединяет ещё одна общая черта. Многие из них являются представителями именитых фамилий правящей политической элиты, участвующих в управлении своих стран в течение многих десятилетий.

В связи с этим значительный интерес представляет анализ влияния династий на политическую риторику и практику в странах Восточной Азии в целом и в Японии в частности.

Автор предлагает определить долю потомственных политиков в Парламенте и Правительстве Японии, а также на примере биографий ведущих политиков проследить влияние происхождения лидера на выстраивание политического курса страны на внутреннем и внешнем направлениях.

В конце сентября 2017 года Премьер-министр Японии Абэ Синдзо: объявил о решении распустить Парламент и назначить проведение внеочередных выборов в нижнюю палату. Цель Премьера состояла в том, чтобы сохранить лидирующие позиции ЛДП вплоть до 2021 года, что позволит без препятствий продолжить курс «абэномики», провести Токийскую Олимпиаду 2020 года и сохранить С. Абэ возможность оставаться во главе партии вплоть до начала 2020-х годов.

Отметим, что момент для досрочных выборов был выбран удачно. Накалившаяся обстановка на Корейском полуострове сплотила общество вокруг кабинета С. Абэ, а разрозненной оппозиции не удалось набрать необходимую поддержку, для того чтобы составить должную конкуренцию ЛДП. Созданная накануне выборов «Партия мечты», направляемая популярной среди избирателей мэром Токио Ю. Коикэ, не смогла обеспечить сильные позиции в Парламенте.

Досрочные всеобщие выборы состоялись 22 октября 2017 года. Правящая коали-

novayagazeta.ru/articles/2017/03/11/71747-krah-docheri-diktatora [Golovnin, V.I. Krakh docheri diktatora (The Collapse of the Dictator's Daughter) // *Novaya Gazeta*, March 11, 2017. Mode of access: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/03/11/71747-krah-docheri-diktatora>]

ция в составе ЛДП и партии «Ко:мэйто» по итогам выборов сохранила конституционное большинство (2/3 голосов): ЛДП получила 283 места, «Ко:мэйто» – 29. Главной оппозиционной силой в нижней палате стала Конституционно-Демократическая партия Японии (56 мест), образовавшаяся после раскола Демократической партии Японии.

Победа на выборах гарантировала сохранение лидерских позиций коалиции ЛДП – «Ко:мэйто» на ближайшие четыре года. 20 сентября 2018 года С. Абэ одержал решительную победу на выборах главы ЛДП.

Проанализируем результаты состоявшихся выборов в Палату Представителей Парламента Японии, а также состав сформированного правительства с точки зрения принадлежности победивших на выборах политиков и назначенных на министерский пост руководителей к категории «потомственных парламентариев».

Для проведения анализа использовалась информация о представителях депутатского корпуса, размещённая на ресурсах Парламента Японии⁶, личных страницах политиков в сети Интернет и данные статистических исследований, опубликованные в японских СМИ.

Роль «потомственных парламентариев» в политической жизни Японии

Прошедшие в Японии внеочередные выборы характеризуются не только победой правящей коалиции и укреплением позиций премьер-министра, но и широким участием в них «потомственных парламентариев» (яп. сэсю: гиин), в число которых в Японии включают политиков, «унаследовавших пост от супруга, отца, деда, дяди, тестя и прочих старших родственников»⁷.

⁶ The House of Representatives / The National Diet of Japan, Official Web-site. Mode of access: <http://www.shugiin.go.jp/internet/index.nsf/html/index.htm>; The House of Councillors / The National Diet of Japan, Official Web-site. Mode of access: <http://www.sangiin.go.jp/>; Prime Minister of Japan and His Cabinet, Official Web-site. Mode of access <http://www.kantei.go.jp/>

⁷ Политическая система современной Японии / Под ред. Д.В. Стрельцова. – М.: Аспект

Информационное агентство «Дзидзи» выявило⁸, что из 1180 политиков-кандидатов 128 человек (10,9%) являлись «потомственными парламентариями», причем наибольшее число «сэсю: гиин» (94 человека) состоят в рядах ЛДП.

Анализ депутатского корпуса после выборов показал, что не менее четверти (по данным издания «Майнити», 25,8%⁹) депутатов нижней палаты японского Парламента могут быть отнесены к категории «сэсю: гиин».

Подавляющее большинство «потомственных парламентариев» Палаты представителей – потомки министров, премьер-министров, не менее 30% – представители третьего поколения политиков.

В нынешнем депутатском корпусе представлены потомки девяти японских премьеров, среди которых пять являются родными детьми бывших глав Кабинета министров Японии: Д. Судзуки, Р. Хасимото, К. Обути, С. Коидзуми, Я. Фукуда.

Среди парламентариев представлены потомки известных политических деятелей, руководивших страной в период Мэйдзи (1868–1912), в частности, правнук первого премьер-министра Японии Ито Хиробуми (1841-1909) – Мацумото Такэаки¹⁰ (в период

Пресс, 2013. – С. 272. [Politicheskaja sistema sovremennoj Japonii (Political System of Modern Japan) / ed. by Strel'tsov D.V. Moscow: Aspect Press, 2013, P. 272.]

⁸ Сю:инсэн 2017: сэсю:рикко:хо су: (Выборы в палату Представителей 2017 г., число кандидатов – потомственных парламентариев) // Jiji.com, 10.10.2017. Режим доступа: https://www.jiji.com/sp/graphics?p=ve_pol_election-syugiin20171010j-28-w420 [Shyu:insen 2017 rikko:ho su: (Elections to the House of Representatives 2017, the Number of Candidates – hereditary MPs) // Jiji.com, October 10, 2017. Mode of access: https://www.jiji.com/sp/graphics?p=ve_pol_election-syugiin20171010j-28-w420]

⁹ “Hereditary politicians” Make up 25.8% of Those Elected in Latest Election // *The Mainichi*, October 28, 2017. Mode of access: <https://mainichi.jp/english/articles/20171028/p2a/00m/0na/001000c>

¹⁰ Мэйдзи дзидай но дзинбуцу но сисон (Потомки великих деятелей эпохи Мэйдзи) // Мэйдзи гайдо. Режим доступа: <https://meiji.bakumatsu.org/posterities/view/24> [Meiji jidai no jinbutsu no shison (Descendants of the Great Personalities of

с 9 марта по 2 сентября 2011 года – министр иностранных дел Японии), правнучка в пятом поколении министра Ивакура Томоми (1825-1883) – Камэи Акико¹¹.

Согласно статистике, в рядах правящей ЛДП доля политиков – представителей именитых фамилий возрастает. Из 284 депутатов от ЛДП в Палате представителей 67 парламентариев, то есть не менее 24% являются детьми депутатов ЛДП предыдущих созывов. Если учесть наличие в роду депутата Парламента – родственника, а не только родителей, то к категории «сэсю: гиин» можно отнести более 30% депутатов ЛДП.

У 51 из 67 парламентариев – прямых потомков депутатов отец не только являлся депутатом Парламента, но и занимал пост руководителя одного из министерств.

Процент «потомственных политиков» среди руководства фракций – хабацу в правящей ЛДП и в Кабинете министров выше, чем среди рядовых членов Парламента, составляя порядка 50% в течение всего времени пребывания у власти С. Абэ начиная с 2012 года¹².

Примечательна доля депутатов от ЛДП из числа «сэсю: гиин», сохранивших мандат после поражения правящей партии на выборах 2009 года. Так, из 119 избранных депутатов ЛДП практически половина,

50 человек (42%)¹³ можно отнести к категории «сэсю: гиин».

Таким образом, налицо тенденция увеличения доли «сэсю: гиин» на этапе выдвижения кандидатов в депутаты (10%), в формировании Парламента (не менее 25% депутатов в целом и не менее 30% в правящей ЛДП), руководстве фракциями – хабацу и Правительством (порядка 50%).

Категория «потомственных парламентариев» по своему происхождению неоднородна. Среди них можно выделить несколько групп:

1) старые политические фамилии, берущие своё начало с довоенных времён (эпоха Мэйдзи (1868-1912) и ранее);

2) семьи, занимавшие промежуточные позиции в бюрократической, политической элите в довоенный и военный период, в годы послевоенных реформ занявшие высшие руководящие посты;

3) фамилии, пришедшие в большую политику в период быстрого экономического роста, японского «экономического чуда» 1960-1970-х годов, поднявшись с уровня региональных управленцев, бизнеса, интеллигенции.

В качестве примера рассмотрим ряд биографий наиболее влиятельных японских политиков современности и перспективных политических деятелей, которые с высокой вероятностью займут руководящие посты в стране в ближайшее время.

Действующий Премьер-министр Абэ Синдзо – внук премьера Киси Нобусукэ (1957-1960), внучатый племянник премьера Сато: Эйсаку (1964-1972), брата Н. Киси. Сато: Эйсаку в годы Второй мировой войны служил в Министерстве транспорта. Киси Нобусукэ в это же время входил в состав Кабинета министров и, будучи членом правительства Х. Тодзио (1941-1944), был одним из тех, кто подписал декларацию об объявлении войны США, в 1945 году отнесён к обвиняемым в военных преступлениях категории «А» и находился под стражей¹⁴. Но

the Meiji Era) // Meiji gaido Web-Portal. Mode of access: <https://meiji.bakumatsu.org/posterities/view/24>]

¹¹ Бакумацу но дзинбуцу но сисон (Потомки великих деятелей эпохи конца сёгуната) // Бакумацу гайдо. Режим доступа: <https://bakumatsu.org/posterities/view/104> [Bakumatsu no jinbutsu no shison (Descendants of the great personalities of the Bakumatsu period), *Bakumatsu gaido Web-portal*. Mode of access: <https://bakumatsu.org/posterities/view/104>]

¹² Сэсю: дзю:нин, хансу: коэру, дай нидзи Абэ наикаку (Более половины кабинета С. Абэ (10 человек) – потомственные парламентарии) // Никкэй, 26.12.2012. Режим доступа: https://www.nikkei.com/article/DGXNASDE26006_W2A221C1M10600/ [Seshyu: jyu:nin, hansu: wo koeru, dai niji Abe naikaku (More than Half of S. Abe's Cabinet (10 People) are Hereditary MPs) // *Nikkei*, December 26, 2012. Mode of access: https://www.nikkei.com/article/DGXNASDE26006_W2A221C1M10600/]

¹³ Ibid.

¹⁴ Абэ сюсё: «дзаининтю: ни кайкэн о» «дзисюкэнпо:» софу но сю:нэн цугу (Премьер С. Абэ – Новая конституция в течение очередного срока как унаследованная

в 1953 году Н. Киси вернулся в политику и стал одним из основателей ЛДП в 1955 году.

Отец нынешнего Премьера Абэ Синдзо: Абэ Синтаро:; известный политик, неоднократно избиравшийся в Парламент, четырежды занимал министерский пост (в том числе в 1982–1986 годах руководил МИД Японии), возглавлял ЛДП¹⁵. Преждевременная уход из жизни Абэ-старшего не позволил ему стать премьером. С. Абэ: начал политическую карьеру, став в 1982 году помощником своего отца.

Младший брат Абэ Синдзо: Киси Нобуо¹⁶, являясь депутатом Парламента, возглавлял Комитет по международным делам Палаты представителей.

Первый заместитель председателя правительства, курирующий экономический блок, Асо: Таро:¹⁷, занимавший пост премьер-министра (2008-2009), является праправнуком Окубо Тосимити (1830-1878), одного из трёх влиятельных деятелей эпохи реставрации Мэйдзи (1868-1912), руководившим наравне с Сайго Такакори (1828-1877) и Кидо Такаэси (1833-1877) борьбой против военного правительства бакуфу, ставшего «отцом» налоговой, земельной и административной реформы¹⁸.

Дед Асо: Таро: по материнской линии Ёсида Сигэру возглавлял правительство

страны в 1946-1947 и 1948-1954 годах, вошёл в историю как «отец-основатель» современной японской политической системы, внешнеполитической доктрины («доктрина Ёсида»), считается одним из наиболее успешных премьеров в истории страны¹⁹.

Отец Т. Асо: Асо: Такакити, являлся крупным бизнесменом и членом парламента, владельцем компании *Aso Cement*, а также родственником и близким соратником премьер-министра Японии Танаки Какуэя (1972–1974)²⁰.

Жена Т. Асо – дочь бывшего премьера Дзэнко Судзуки (1980–1982), а младшая сестра Нобуко замужем за принцем Микаса-но Томохито, двоюродным братом императора Акихито²¹.

Министр иностранных дел Японии Ко:но Таро: из семьи потомственных политиков, его отец Ко:но Ёхэй – бывший председатель ЛДП, дольше всех возглавлявший Палату представителей Парламента Японии (2003-2009), дважды занимавший пост главы внешнеполитического ведомства Японии. Дед Итиро: Ко:но и двоюродный дед Кэндзо Ко:но занимали высокие руководящие посты в Правительстве и Парламенте Японии. Отметим, что Т. Ко:но в стиле работы предпочитает ссылаться на опыт отца и деда. В частности, на встрече с главой МИД России С. Лавровым, Т. Ко:но заявил, что «его дед был одним из первых японских политиков, посетивших Кремль в Советские годы».

Исихара Нобутэру²², занимавший в кабинете С. Абэ пост чрезвычайного министра по экономическим вопросам, является сыном экс-мэра Токио Исихара Синтаро: (занимал этот пост в 1999-2012 годах). Родной

от деда идея) // Никкэй, 03.05.2016. Режим доступа: <https://www.nikkei.com/article/DGXKZO00356490S6A500C1M12700/> [Abe shuyshyo: “dzainintyu:ni kaiken wo” “dzishyukenpo:” sofu no shyu:nen tsugu (Prime Minister S.Abe – New Constitution during the Term as an Idea Inherited from Grandfather) // Nikkei, May 3, 2016. Mode of access: <https://www.nikkei.com/article/DGXKZO00356490S6A500C1M12700/>]

¹⁵ Leaders of the Party / Liberal Democratic Party of Japan, Official Web Site. Mode of access: https://www.jimin.jp/aboutus/history/prime_minister/

¹⁶ Kishi Nobuo. Official Web Site. Mode of access: <http://kishi-jpn.com/profile.html>

¹⁷ Aso Taro. Official Web Site. Mode of access: <http://www.aso-taro.jp/profile/index.html>

¹⁸ Жуков А.Е. История Японии. Т. 2. 1868-1998. – М., Институт востоковедения РАН. – С. 530-612. [Zhukov, A.E. Istoriia Japonii. T. 2. 1868-1998 (History of Japan. Vol. 2. 1868-1998). Moscow: The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science. Pp. 530-612.]

¹⁹ Leaders of the Party / Liberal Democratic Party of Japan, Official Web Site. Mode of access: https://www.jimin.jp/aboutus/history/prime_minister/

²⁰ Асо: Таро: Биографическая справка // РИА Новости, 22.09.2008. Режим доступа: <https://ria.ru/world/20080922/151477292.html> [Aso Taro. Biograficheskaya spravka (Aso Taro. Curriculum Vitae) // RIA Novosti. Mode of access: <https://ria.ru/world/20080922/151477292.html>]

²¹ Ibid.

²² Ishihara Nobuteru. Official Web Site. Mode of access: <http://www.nobuteru.or.jp/>

брат Исихара Нобутэру, Исихара Хиротака²³, также является депутатом Парламента.

Дед и отец, а также дядя Кисида Фумио²⁴, бывшего министра иностранных дел, а ныне одного из руководителей ЛДП и вероятного «преемника» С. Абэ на посту премьера были депутатами Парламента, а также возглавляли различные учреждения в городе Хиросима. Ф. Кисида является родственником экс-премьера Миядзава Киити (занимал пост в 1991-1993 годах), политическая карьера которого тесно связана с Хиросимой.

Наиболее перспективный и популярный молодой политик Японии, Коидзуми Синдзио²⁵ (37 лет), занимающий пост первого зама генерального секретаря ЛДП, часто называется в числе будущих претендентов на пост Премьер-министра и является сыном Коидзуми Дзюнитиро:, политика, возглавлявшего Правительство Японии с 2001 по 2006 год. Дед и прадед Коидзуми Синдзио: также неоднократно избирались в Парламент Японии и назначались на министерские посты.

В результате выборов в октябре 2017 года в Палату советников впервые избран Накасонэ Ясутака²⁶ (36 лет), сын бывшего министра иностранных дел Японии Накасонэ Хирофуми и внук Премьер-министра Накасонэ Ясухиро (занимал пост в 1982-1987 годах). Накасонэ Ясутака, как и его дед и отец, выбран депутатом от избирательного округа в префектуре Гумма.

Влиятельные политики С. Абэ, Т. Асо:, Н. Исихара, Т. Ко:но, молодое поколение Я. Накасонэ, С. Коидзуми сохраняют приверженность ЛДП, баллотируются от округов, в которых работали их отцы, деды, используют образы своих именитых родственников в ходе политической деятельности, во время проведения избирательных кампаний.

Вместе с тем отметим, что ряд представителей «сэсю: гинн», чьи предки входили в

руководство ЛДП, ныне участвуют в работе оппозиционных партий. Приведём в пример бывшего Премьер-министра Японии от Демократической партии Ю. Хатояма, наследника известнейшего в Японии «клана Хатояма»²⁷, представитель которого основал «систему 1955 года».

Анализируя тексты выступлений политиков, можно сделать вывод, что апеллирование к достижениям своих родителей – базисный приём в предвыборной риторике кандидатов²⁸.

Так, Я. Накасонэ и С. Коидзуми регулярно заявляют о приверженности к политическим идеалам своих отцов, не скрывают намерения отстаивать точку зрения именитых родственников в будущем²⁹.

Премьер С. Абэ в ходе своего выступления в Парламенте в сентябре 2015 года вспоминал политический принцип отца: «служить народу до последнего, даже жертвуя жизнью»³⁰. «Учителем в политике» называет С. Абэ своего деда, Киси Нобусукэ, писавшего: «Думаю, политику, в которой лидер следует за толпой, а потом отдаётся воле толпы, нельзя назвать демократической.

²⁷ Панов А.Н. Клан Хатояма. Портрет семьи на фоне истории Японии. – М.: ЗАО ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 244 с. [Panov, A.N. Klan Hatoyama. Portret sem'i na fone istorii Japonii (Clan Hatoyama. Family Portrait on the Background of the History of Japan). Moscow: CJSC OLMA Media Group, 2010. 244 p.]

²⁸ Koizumi Shinjiro. Official Web Site. Mode of access: <https://shinjiro.info/sp/>; Nakasone Yasutaka. Official Web Site. Mode of access: <http://yasu-nakasone.com/>; Aso Taro. Official Web Site. Mode of access: <http://www.aso-taro.jp/profile/index.html>

²⁹ Nakasone Yasutaka. Official Facebook Page. Mode of access: <https://ja-jp.facebook.com/nakasone0119/>; Koizumi Shinjiro. Official Facebook Page. Mode of access: <https://ja-jp.facebook.com/shinjiro.koizumi/>

³⁰ Асада М. Надзэ Абэ сюсэ: нитоттэ Росиа ва коннани “токубэцунасондзай” нанока (Почему для Премьера С.Абэ Россия столь значима?) // Гэндай синсё, 14.06.2018. Режим доступа: <https://gendai.ismedia.jp/articles/-/56100> [Asada, M. Naze Abe shyusho: ni totte Roshia wa konnani tokubetsuna sondzai nanoka (Why is Russia so Important for Premier S. Abe?) // Gendai shinsho. Mode of access: <https://gendai.ismedia.jp/articles/-/56100>]

²³ Ishihara Hirotaka. Official Web Site. Mode of access: <http://www.ishihara-hirotaka.com/>

²⁴ Kishida Fumio. Official Web Site. Mode of access: <https://www.kishida.gr.jp/prof.html>

²⁵ Koizumi Shinjiro. Official Web Site. Mode of access: <https://shinjiro.info/sp/>

²⁶ Nakasone Yasutaka. Official Web Site. Mode of access: <http://yasu-nakasone.com/>

Стоять на два-три шага впереди народа, вести народ и следовать вместе с ним по пути – в этом состоит истинное демократическое лидерство»³¹. Эти слова часто приводят в качестве политического «кредо» С. Абэ, особенно в отношении наиболее актуальных для современной Японии вопросов, – пересмотр Конституции и проведение Олимпиады.

С. Абэ неоднократно указывал на намерение поменять конституцию в ходе своего срока полномочий. В первую очередь изменить девятую статью Конституции, согласно которой «японский народ на вечные времена отказывается от войны как суверенного права нации, а также от угрозы или применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров»³².

Выступая в Парламенте после победы на внутривыборных выборах 20 сентября 2018 года политик вновь отметил, что твёрдо убеждён в необходимости внесения изменений в текст основного закона после подготовки проекта изменений специально созданной комиссией³³. «ЛДП со своего

основания провозгласила курс на изменение конституции в качестве основной цели партии»³⁴, – заявляет премьер С. Абэ. Обозреватель газеты «Никкэй» отмечает, что «ключ к разгадке воззрений С. Абэ на конституцию лежит в истории Н. Киси»³⁵.

Так Н. Киси, будучи обвиняемым по делу в военных преступлениях в ходе Второй мировой войны и находясь под стражей, был недоволен проводимой оккупационными властями политикой, утверждая, что «необходимо изменить оккупационную конституцию, предложенную оккупационными войсками»³⁶.

Вернувшийся в политику в 1953 году Н. Киси определил две стратегические цели:

– обновить японо-американский договор о безопасности, сделав его «более равнозначным»³⁷;

– изменить конституцию.

Первой цели Н. Киси удалось достичь – обновленный договор о безопасности был подписан 19 января 1960 года. Договор отменил право армии США вмешиваться во внутренние дела Японии, а также обязал США защищать Японию в случае нападения³⁸. Однако данный шаг стоил премьеру

³¹ Абэ сюсё: «дзайинтё: ни кайкэн о» «дзисюкэнпо:» софу но сю:нэн цугу (Премьер С. Абэ – Новая конституция в течение очередного срока как унаследованная от деда идея) // Никкэй, 03.05.2016. Режим доступа: <https://www.nikkei.com/article/DGXXKZO00356490S6A500C1M12700/> [Abe Shyushyo: “dzainintyu:ni kaiken wo” “dzishyukenko:” sofu no shyu:nen tsugu (Prime Minister S. Abe – New Constitution during the Term as an Idea Inherited from Grandfather) // *Nikkei*, May 3, 2016. Mode of access: <https://www.nikkei.com/article/DGXXKZO00356490S6A500C1M12700/>]

³² Нихон коку кэнпо: (Конституция Японии) / Официальный портал Парламента Японии. Режим доступа: http://www.shugiin.go.jp/internet/itdb_annai.nsf/html/statics/shiryodl-constitution.htm [Nihon koku kenpo: (The Constitution of Japan) / The National Diet of Japan – Official Web Site. Mode of access: http://www.shugiin.go.jp/internet/itdb_annai.nsf/html/statics/shiryodl-constitution.htm]

³³ Судзумура Ю. Абэ сюсё: кэнпо: кайсэй но хонкидо ва? (Насколько серьёзно намерение С. Абэ изменить конституцию?) // *WebRonza*, 01.11.2018. Режим доступа: <https://webronza.asahi.com/politics/articles/2018102600005.html?page=1> [Suzumura Yu. Abe shyusho: kenpo: kaisei no honkido wa? (How Serious is

S. Abe’s Intention to Change the Constitution?) // *WebRonza*, November 01, 2018. Mode of access: <https://webronza.asahi.com/politics/articles/2018102600005.html?page=1>]

³⁴ Абэ сюсё: «дзайинтё: ни кайкэн о» «дзисюкэнпо:» софу но сю:нэн цугу (Премьер С. Абэ – Новая конституция в течение очередного срока как унаследованная от деда идея) // Никкэй, 03.05.2016. Режим доступа: <https://www.nikkei.com/article/DGXXKZO00356490S6A500C1M12700/> [Abe Shyushyo: “dzainintyu:ni kaiken wo” “dzishyukenko:” sofu no shyu:nen tsugu (Prime Minister S. Abe – New Constitution during the Term as an Idea Inherited from Grandfather) // *Nikkei*, May 3, 2016. Mode of access: <https://www.nikkei.com/article/DGXXKZO00356490S6A500C1M12700/>]

³⁵ Ibid.

³⁶ Ibid.

³⁷ Ibid.

³⁸ The Treaty of Mutual Cooperation and Security between the United States and Japan / Ministry of Foreign Affairs of Japan Official Web Site. Mode of access: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/area/usa/hosho/index.html>

Н. Киси политической карьеры – премьер был вынужден уйти в отставку, поскольку в стране разразились крупнейшие в послевоенной истории протесты³⁹.

Для достижения второй цели – изменения конституции – Н. Киси учредил в 1957 году специальную комиссию по анализу текста основного закона, которая напрямую подчинялась правительству. Однако работа комиссии не завершилась успехом, так как после отставки Премьера «удачный момент для претворения в жизнь его замыслов был потерян»⁴⁰.

Действия на посту Премьера С. Абэ разительным образом схожи с политикой его деда. В начале своего срока С. Абэ предпринял ряд шагов, направленных на укрепление японо-американского военно-политического союза, внося 1 июля 2014 года изменения в трактовку текста основного закона в части применения права на «коллективную самооборону», предоставляющего возможность силам самообороны Японии «давать вооружённый отпор совместно с вооружёнными силами других государств в случае, когда нападению подверглась страна, имеющая тесные взаимоотношения с Японией, даже если при этом сама Япония нападению не подвергается»⁴¹.

Признание права на коллективную оборону вызвало определенную насторожен-

ность у японской общественности⁴², однако не привело к масштабным протестам, что позволило говорить о том, что «С. Абэ выучил уроки своего деда»⁴³.

Вспоминая о Н. Киси, С. Абэ отмечает: «Дед вёл страну к восстановлению подлинной независимости, однако растратил всю энергию на внесение изменений в договор о безопасности с США, не смог поменять конституцию»⁴⁴. Кроме того, С. Абэ подчеркивает: «Изменение конституции – это ключевая задача, ответственность, которая лежит на нас, поколениях, рождённых после войны»⁴⁵.

Н. Киси и С. Абэ стремились к изменению конституции, расширению военно-политического союза с США. Вместе с тем

⁴² Сю:дантэки дзидэйкэн ко:си ва ё:нинха га тасу: Кэнпо:кайсэй ва сансэй яя увамавару (Большинство выступает «за» признание права на коллективную самооборону. Налицо также укрепление позиции концепции пересмотра конституции) // Санкэй, 06.01.2014. Режим доступа: <https://www.sankei.com/politics/news/140106/plt1401060005-n1.html> [Shyu:danteki jieiken ko:shi wa yo:ninha ga tassu: Kenpo: kaisei wa sansei yaya uwamawaru (Most Favor the Recognition of the Right to Collective Self-Defense. There is also a Strengthening of the Position of the Concept of Constitutional Review) // Sankei, January 06, 2014. Mode of access: <https://www.sankei.com/politics/news/140106/plt1401060005-n1.html>]

⁴³ Сиота У. Софу Киси Нобусукэ ни Абэ сюсё: ва нани о мананда нока (Чему научился Премьер Абэ у деда Киси Нобусукэ?) // *Toyo keizai online*, 26.06.2013. Режим доступа: <https://toyokeizai.net/articles/-/14476> [Shiota, U. Sofu Kishi Nobusuke ni Abe shyusho: wa nani wo mananda noka (What did Premier Abe learn from grandfather Kishi Nobusuke?) // *Toyo keizai online*, June 26, 2013. Mode of access: <https://toyokeizai.net/articles/-/14476>]

⁴⁴ Абэ сюсё: “дзаининто: ни кайкэн о” “дзисюкэнпо:” софу но сю:нэн цугу (Премьер С. Абэ – Новая конституция в течение очередного срока как унаследованная от деда идея) // *Nikkei*, 03.05.2016. Режим доступа: <https://www.nikkei.com/article/DGXKZO00356490S6A500C1M12700/> [Abe shyusho: “dzainintyu:ni kaiken wo” “dzishyukpenpo:” sofu no shyu:nen tsugu (Prime Minister S. Abe – New Constitution during the Term as an Idea Inherited from Grandfather) // *Nikkei*, May 3, 2016. Mode of access: <https://www.nikkei.com/article/DGXKZO00356490S6A500C1M12700/>]

⁴⁵ Ibid.

³⁹ Жуков А.Е. История Японии. Т. 2. 1868-1998. – М., Институт востоковедения РАН. – С. 569. [Zhukov, A.E., *Istoriia Japonii*. Т. 2. 1868-1998 (History of Japan. Vol. 2. 1868-1998). Moscow: The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science. P. 569.]

⁴⁰ Абэ сюсё: “дзаининто: ни кайкэн о” “дзисюкэнпо:” софу но сю:нэн цугу (Премьер С. Абэ – Новая конституция в течение очередного срока как унаследованная от деда идея) // *Nikkei*, 03.05.2016. Режим доступа: <https://www.nikkei.com/article/DGXKZO00356490S6A500C1M12700/> [Abe Shyusho: “dzainintyu:ni kaiken wo” “dzishyukpenpo:” sofu no shyu:nen tsugu (Prime Minister S. Abe – New Constitution during the Term as an Idea Inherited from Grandfather) // *Nikkei*, May 3, 2016. Mode of access: <https://www.nikkei.com/article/DGXKZO00356490S6A500C1M12700/>]

⁴¹ Abe’s Moves Toward Collective Self-Defense // *Nippon.com*, July 11, 2014. Mode of access: <https://www.nippon.com/en/features/h00062/>

С. Абэ на данный момент удалось добиться гораздо больших успехов в части изменения конституции. Премьер не только создал парламентскую комиссию по подготовке проекта изменений текста основного закона, но после прошедших в 2018 году выборов заявил о том, что начнёт процедуру рассмотрения поправок в конституцию, обеспечив при этом $\frac{2}{3}$ конституционного большинства в Парламенте в составе правящей коалиции, необходимые для начала процедуры проведения референдума.

Ещё одним «выученным» уроком деда для С. Абэ стал грамотно использованный проект проведения летних Олимпийских игр в Токио. Для С. Абэ завоевание в 2013 году Японией права проводить летние олимпийские игры в 2020 году можно назвать личным достижением, поскольку право провести Олимпиаду в 1964 году в Японии завоевал Киси Нобусукэ.

Олимпиада 1964 года стала важным событием, доказавшим, по оценкам Bloomberg, возрождение Японии после Второй мировой войны подобно «фениксу»⁴⁶. Игры показали миру «скоростные поезда “Синкансэн”, новые стадионы, окрашенные неоном города, а также то, что Япония экономически будет двигаться в Азию и весь мир»⁴⁷.

Вместе с тем на стадии подготовки к Олимпиаде 1964 года Н. Киси, по воспоминаниям секретаря кабинета министров М. Акаги и его личного помощника премьер-министра И. Вада, не проявлял значительного интереса к организации игр, будучи занятым подготовкой договора о безопасности с США.

С. Абэ, в отличие от деда, прилагает все силы к проведению Олимпиады. Обозреватель издания «То:ё: кэйдзай» Сиота Усио отмечает, что политик тем самым умело ис-

пользует тематику Олимпийских игр для решения экономических задач по обновлению инфраструктуры, привлечению туристов, работает над созданием «правильной» атмосферы, благоприятствующей внесению изменений в конституцию⁴⁸.

«Личным» делом С. Абэ называют курс на обновление взаимоотношений с Россией. Японский историк, специалист по российско-японским отношениям Асада Масафуми утверждает, что семья Премьера с довоенных времен тесно связана с выработкой внешнеполитического курса в отношении России. Так, ученый приводит в пример биографию дальнего родственника Премьера С. Абэ, дипломата Моцуока Ёсукэ (1880-1946 гг.), племянница которого была супругой Саго: Эйсаку. Мацуока Ёсукэ от имени японского правительства руководил переговорами с СССР о заключении Пакта о нейтралитете 1941 года.

Киси Нобусукэ, по выражению А. Масафуми, являлся «самым нелюбимым» в СССР политиком, которого Н.С. Хрущев в разговоре с тогдашним министром сельского хозяйства Т. Фукуда называл «кислым» и подчеркивал, что «если бы Японией руководил Хатояма Итиро: или Ко:но Итиро:, то наши отношения не были бы в таком плачевном состоянии»⁴⁹. Особое недовольство у руководства СССР вызвал заключённый Н. Киси договор безопасности с США 1960 года.

⁴⁶ Песек В. То:кё: горин дэ 1964 нэн но махо: о мо: ити до (Возвращение магии Токийской Олимпиады 1964 г.) // Bloomberg.com, 10.09.2013. Режим доступа: <https://www.bloomberg.co.jp/news/articles/2013-09-10/1964> [Pesek, W. То:кю: горин дэ 1964 нэн но махо: wo mo: iti do (The Return of the Magic of the 1964 Tokyo Olympics) // Bloomberg.com, September 10, 2013. Mode of access: <https://www.bloomberg.co.jp/news/articles/2013-09-10/1964>]

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ Сиота У. Софу Киси Нобусукэ ни Абэ сюсё: ва нани о мананда нока (Чему научился Премьер Абэ у деда Киси Нобусукэ?) // Тою кеизай online, 26.06.2013. Режим доступа: <https://toyokeizai.net/articles/-/14476> [Shiota, U. Sofu Kishi Nobusuke ni Abe shyusho: wa nani wo mananda noka (What Did Premier Abe Learn from Grandfather Kishi Nobusuke?) // Toyo keizai online, June 26, 2013. Mode of access: <https://toyokeizai.net/articles/-/14476>]

⁴⁹ Асада М. Надзэ Абэ сюсё: нитоттэ Росиа ва коннани “токубэцунасондзай”нанока (Почему для Премьера С. Абэ Россия столь значима?) // Гэндай синсё, 14.06.2018. Режим доступа: <https://gendai.ismedia.jp/articles/-/56100> [Asada, M. Naze Abe shyusho: ni totte Roshia wa konnani tokubetsuna sondzai nanoka (Why Is Russia so Important for Premier S. Abe?) // Gendai shinsho. Mode of access: <https://gendai.ismedia.jp/articles/-/56100>]

В отношении политики на российском направлении значительное влияние на С. Абэ оказал отец, Абэ Синтаро, который возглавлял МИД Японии в 1980-х годах.

Абэ Синтаро начал проводить активный курс в отношении Советского Союза в 1985 году, когда к власти в СССР пришёл М.С. Горбачёв.

В январе 1990 года Абэ Синтаро перед визитом в СССР заявил: «Период Горбачева – это шанс для заключения мирного договора. Жизнь готов положить на то, чтобы добиться этого. Думаю, нам нужно сделать ставку на Горбачева»⁵⁰.

Перед встречей с М.С. Горбачевым С. Абэ заявил: «Наряду с дипломатическим вакуумом в отношениях с КНДР, отсутствие мирного договора с СССР – одна из послевоенных дипломатических задач Японии. Однако, я думаю, подход, при котором наши отношения не могут развиваться без решения данного вопроса, в современной международной обстановке не обязательно хорош для Японии. Прикладывая усилия к решению территориальной проблемы, нам следует сбалансировано расширять экономическое сотрудничество»⁵¹.

Стремясь полномасштабно развивать японо-советские отношения, С. Абэ представил план из восьми пунктов, подразумевавший расширение экономического сотрудничества и гуманитарных обменов.

В апреле 1991 года впервые в истории руководитель СССР М.С. Горбачёв посетил Японию. С. Абэ, приняв участие в торжественном приёме и обратился со словами поздравления. Это было его последним выступлением на публике. Спустя месяц Абэ Синтаро ушёл из жизни⁵².

В переговорах о заключении мирного договора М.С. Горбачёв и Т. Кайфу не достигли взаимопонимания. Так, М.С. Горбачёв говорил «о сокращении, например, в течение трех лет воинского контингента на Южных Курилах, о налаживании совместной хозяйственной деятельности в этом районе, включая морские ресурсы; о безвизовом, упрощенном посещении островов

японскими гражданами»⁵³. Глава СССР заявил, что если благодаря этому отношения улучшатся, то можно продолжить переговоры, направленные на заключение мирного договора⁵⁴.

Вновь действия Абэ Синдзо: аналогичны шагам его отца в направлении России. План сотрудничества из восьми пунктов, который Премьер продвигает с 2016 года, выглядит как «обновлённая версия» плана Абэ Синтаро: «Укрепить взаимодействие в экономике и культуре, достичь доверия», – основные цели как плана Абэ Синтаро, так и Абэ Синдзо.

В мае 2016 года Абэ Синдзо заявил Президенту Российской Федерации В.В. Путину: «Восьмёрка считается в Японии счастливым числом, сулящим рост процветания. Предложение, которое сделал Советскому Союзу мой отец Абэ Синтаро: в то время, когда он находился на посту министра иностранных дел, также состояло из восьми пунктов. Помня об этом и желая развития японско-российских отношений, я тоже подготовил восемь пунктов. Я думаю о таком плане сотрудничества, который, на мой взгляд, превосходя все прежние замыслы, наряду с развитием российской экономики позволит россиянам непосредственно ощутить на себе его пользу. В случае реализации этого плана мы с вами сможем добиться значительного углубления двусторонних отношений между нашими странами. Со своей стороны я готов приложить для этого максимальные усилия. И мне хотелось бы, чтобы вы, Владимир, тоже всерьёз его рассмотрели»⁵⁵.

⁵³ Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Гл. 26. Япония. Официальный визит президента СССР. Режим доступа: http://www.e-reading.mobi/chapter.php/1013462/34/Gorbachev_-_Zhizn_i_reformy.html [Gorbachev, M.S. Zhizn' i reformy. Gl. 26. Iaponiia. Ofitsial'nyi vizit prezidenta SSSR (Life and Reforms. Vol. 26. Japan. Official Visit of the President of the USSR). Mode of access: http://www.e-reading.mobi/chapter.php/1013462/34/Gorbachev_-_Zhizn_i_reformy.html]

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ Sato, M. Signs of Progress in Sochi? Abe-Putin Summit Points to Economic Cooperation, Territorial Resolution // *Nippon.com*, May 08, 2016. Mode of access: <https://www.nippon.com/ru/currents/d00221/>

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ Ibid.

⁵² Ibid.

План Абэ Синтаро: закончился, так и не начавшись. Результаты реализации обновленного плана Абэ Синдзо: будут видны в ближайшие годы.

Заключение

На примере предвыборной риторики кандидатов, а также политической практики нынешнего Премьера видно, как принадлежность к политической фамилии оказывает влияние на выработку повестки лидера, его целей и тактики поведения.

С одной стороны, подобная традиция позволяет политической элите Японии сохранять преемственность и устойчивость власти, способствует выстраиванию эффективного внутреннего взаимодействия.

С другой стороны, налицо тенденция к «закупориванию» лифтов вертикальной мобильности в политической элите, что может способствовать отчужденности в отношении политики у граждан страны.

В Японии высокий процент «потомственных политиков» неизменно поддерживается на уровне 20-30% общего числа парламентариев, доля «сэсю: гиин» возрастает до 50-60% на уровне руководства Либерально-Демократической партии, комитетов Парламента, глав министерств и ведомств⁵⁶. Это позволяет говорить о превращении политики в Японии в «семейное ремесло» («кагэ:ка»⁵⁷). Косвенным подтверждением этого тезиса служит тот факт, что из четырнадцати премьеров, возглавлявших кабинет министров Японии в эпоху Хэйсэй (1989 - н.в.) девять можно отнести к категории «сэсю: гиин».

Проведённый анализ позволяет сделать ряд практических выводов.

При подготовке прогнозов изменений в японской политической элите и конфигурации будущих кабинетов министров следует принимать во внимание не только данные об идеологических взглядах политиков и при-

надлежности к той или иной партии, но и семейные связи.

С высокой долей вероятности можно утверждать, что в ближайшие годы на премьерский и министерские посты будут претендовать такие политики как С. Коидзуми, Ф. Кисида, Т. Коно, Я. Накасонэ. Выстраивая стратегию развития сотрудничества Российской Федерации с Японией, Российская сторона могла бы уделить особое внимание налаживанию доверительных отношений с упомянутыми политиками.

Фактор происхождения политика оказывает определенное влияние на деятельность политических лидеров Японии. В ходе предвыборных компаний кандидаты неизменно апеллируют к деятельности своих родственников-политиков. В политической практике принадлежность к семье определяет повестку, которой уделяет первостепенное внимание политик, а также набор тактических приемов, целей, к достижению которых стремится лидер.

Литература:

- Абэ сэсюэ: “дзаининтто: ни кайкэн о” “дзисюкэнпо:” софуно сю:нэн цугу (Премьер С. Абэ – Новая конституция в течение очередного срока как унаследованная от деда идея) // Никкэй, 03.05.2016. Режим доступа: <https://www.nikkei.com/article/DGXXKZO00356490S6A500C1M12700/>
- Асада М. Надзэ Абэ сэсюэ: нитоттэ Росиа ва коннани “токубэцунасондзай” нанока (Почему для Премьера С.Абэ Россия столь значима?) // Гэндай синсё, 14.06.2018. Режим доступа: <https://gendai.ismedia.jp/articles/-/56100>
- Головин В.И. Крах дочери диктатора // *Новая газета*, 11.03.2017. Режим доступа: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/03/11/71747-krah-docheri-diktatora>
- Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Гл. 26. Япония. Официальный визит президента СССР. Режим доступа: http://www.e-reading.mobi/chapter.php/1013462/34/Gorbachev_-_Zhizn_i_reformy.html
- Жуков А.Е. История Японии. Т. 2. 1868-1998. – М., Институт востоковедения РАН. – С. 530-612.
- Панов А.Н. Клан Хатояма. Портрет семьи на фоне истории Японии. – М.: ЗАО ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 244 с.
- Песек В. То:кё: горин дэ 1964 нэн но махо: о мо: ити до (Возвращение магии Токийской Олимпиады 1964 г.) // Bloomberg.com, 10.09.2013. Режим доступа: <https://www.bloomberg.co.jp/news/articles/2013-09-10/1964>
- Политическая система современной Японии / Под ред. Д.В. Стрельцова. – М.: Аспект Пресс, 2013.
- Сиота У. Софу Киси Нобусукэ ни Абэ сэсюэ: ва нани о мананда нока (Чему научился Премьер Абэ у деда Киси Нобусукэ?) // Toyo keizai online, 26.06.2013. Режим доступа: <https://toyokeizai.net/articles/-/14476>

⁵⁶ Политическая система современной Японии/ Под ред. Д.В. Стрельцова. – М.: Аспект Пресс, 2013. – С. 273. [Politicheskaja sistema sovremennoj Japonii (Political System of Modern Japan) / edited by Strel'tsov D.V. Moscow: Aspect Press, 2013. P.273].

⁵⁷ 家業化

Судзумура Ю. Абэ сюсё: кэнпо: кайсэй но хонкидо ва? (Насколько серьёзно намерение С. Абэ изменить конституцию?) // *WebRonza*, 01.11.2018. Режим доступа: <https://webronza.asahi.com/politics/articles/2018102600005.html?page=1>

Сюдантэки дзэйкэн ко:си ва ё:нинха га тасу: Кэнпо:кайсэй ва сансэй яя увамавару (Большинство выступает «за» признание права на коллективную самооборону. Налицо также укрепление позиции концепции пересмотра конституции) // *Санкэй*, 06.01.2014. Режим доступа: <https://www.sankei.com/politics/news/140106/plt1401060005-n1.html>

Osaki, T. Ruling Block Retains Majority in Japans Upper House Election // *The Japan Times*, July 11, 2016. Mode of access: <http://www.japantimes.co.jp/news/2016/07/11/national/politics-diplomacy/ruling-bloc-wins-big-in-upper-house/#.WQA3A6DvUxA>

Sato, M. Signs of Progress in Sochi? Abe-Putin Summit Points to Economic Cooperation, Territorial Resolution // *Nippon.com*, May 08, 2016. Mode of access: <https://www.nippon.com/ru/currents/d00221/>

References:

Abe Shyushyo: “dzainintyu:ni kaiken wo” “dzishyukenko:” sofu no shyu:nen tsugu (Prime Minister S. Abe – New Constitution during the Term as an Idea Inherited from Grandfather) // *Nikkei*, May 3, 2016. Mode of access: <https://www.nikkei.com/article/DGXKZO00356490S6A500C1M12700/>

Asada, M. Naze Abe shyusho: ni totte Roshia wa konnani tokubetsuna sondzai nanoka (Why is Russia so Important for Premier S. Abe?) // *Gendai shinsho*. Mode of access: <https://gendai.ismedia.jp/articles/-/56100>

Golovnin, V.I. Krakh docheri diktatora (The Collapse of the Dictator’s Daughter) // *Novaya Gazeta*, March 11, 2017. Mode of access: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/03/11/71747-krah-docheri-diktatora>

Gorbachev, M.S. Zhizn’ i reformy. Gl. 26. Iaponiia. Ofitsial’nyi vizit prezidenta SSSR (Life and Reforms. Vol. 26. Japan. Official Visit of the President of the USSR). Mode of access: http://www.e-reading.mobi/chapter.php/1013462/34/Gorbachev_-_Zhizn_i_reformy.html

Osaki, T. Ruling Block Retains Majority in Japans Upper House Election // *The Japan Times*, July 11, 2016. Mode of access: <http://www.japantimes.co.jp/news/2016/07/11/national/politics-diplomacy/ruling-bloc-wins-big-in-upper-house/#.WQA3A6DvUxA>

Panov, A.N. Klan Hatoyama. Portret sem’i na fone istorii Iaponii (Clan Hatoyama. Family Portrait on the Background of the History of Japan). Moscow: CJSC OLMA Media Group, 2010. 244 p.

Pesek, W. To:kyo: gorin de 1964 nen no maho: wo mo: iti do (The Return of the Magic of the 1964 Tokyo Olympics) // *Bloomberg.com*, September 10, 2013. Mode of access: <https://www.bloomberg.com.jp/news/articles/2013-09-10/1964>

Politicheskaia sistema sovremennoi Iaponii (Political System of Modern Japan) / ed. by Strel’tsov D.V. Moscow: Aspect Press, 2013.

Sato, M. Signs of Progress in Sochi? Abe-Putin Summit Points to Economic Cooperation, Territorial Resolution // *Nippon.com*, May 08, 2016. Mode of access: <https://www.nippon.com/ru/currents/d00221/>

Shiota, U. Sofu Kishi Nobusuke ni Abe shyusho: wa nani wo mananda noka (What did Premier Abe learn from

grandfather Kishi Nobusuke?) // *Toyo keizai online*, June 26, 2013. Mode of access: <https://toyokeizai.net/articles/-/14476>

Shyu:danteki jieiken ko:shi wa yo:ninha ga tassu: Kenpo: kaisei wa sansei yaya uwamawaru (Most Favor the Recognition of the Right to Collective Self-Defense. There is also a Strengthening of the Position of the Concept of Constitutional Review) // *Sankei*, January 06, 2014. Mode of access: <https://www.sankei.com/politics/news/140106/plt1401060005-n1.html>

Suzumura Yu. Abe shyusho: kenpo: kaisei no honkido wa? (How Serious is S. Abe’s Intention to Change the Constitution?) // *WebRonza*, November 01, 2018. Mode of access: <https://webronza.asahi.com/politics/articles/2018102600005.html?page=1>

Zhukov, A.E. Istoriia Iaponii. T. 2. 1868-1998 (History of Japan. Vol. 2. 1868-1998). Moscow: The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science. Pp. 530-612.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10022

HEREDITARY MPS (SESHYU: GIIN)
IN THE POLITICAL SYSTEM F MODERN JAPAN:
COMPARATIVE AND HISTORICAL ANALYSIS

Pavel A. Antonov

*Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

<p>Article history: <i>Received:</i> 13.01.2019 <i>Accepted:</i> 25.04.2019</p>	<p>Abstract: The author analyzes the phenomenon of “seshyu: giin” in the political life of modern Japan, defines the share of hereditary politicians in the Parliament and the Government of Japan, assesses the influence of the leader’s origin on the country’s domestic and external policy, using the biographies of Japanese leading politicians and their approach to the actual domestic and foreign issues. “Hereditary politicians” in Japan have consistently maintained a high percentage of representation at the level of 20-30% of the total number of MPs, the share of “seshyu giin” rises to 50-60% at the level of the leadership of the LDP, parliamentary committees, heads of ministries. This phenomenon reflects the transformation of politics in Japan into a “family business” (“kagyo: ka”). An indirect evidence to this thesis is also the fact that nine of the fourteen PMs who headed the cabinet of ministers of Japan during the Heisei era (1989 – nowadays.) can be classified as “seshyu: giin”. The analysis makes possible to make a number of practical conclusions. Preparing analytical forecasts regarding changes in the Japanese political elite, as well as the configuration of future Cabinet Ministers, it is necessary to take into account not only information about the ideological views of politicians, connections with a particular party, but also family ties. It seems logical that in the coming years the Prime Minister and ministerial posts will be occupied by such politicians as Koizumi S., Kishida F., Kono T., Nakasone J.. The Russian side should pay special attention to building relationship of mutual trust with the abovementioned politicians through intergovernmental, inter-parliamentary dialogue mechanisms.</p>
<p>About the author: Postgraduate student, Institute of Asian and African studies, Lomonosov Moscow State University e-mail: Pantonov007@gmail.com</p>	
<p>Key words: Northeast Asia; Japan; LDP; the Cabinet of Ministers of Japan; hereditary MPs; political dynasty</p>	

Для цитирования: Антонов П.А. «Потомственные парламентарии» («сэсю: гиин») в политической системе современной Японии: сравнительно-исторический анализ // *Сравнительная политика*. – 2019. №2 – С. 152-164.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10022

For citation: Antonov, Pavel A. «Potomstvennyye parlamentarii» («sesyu: giin») v politicheskoy sisteme sovremennoy Yaponii: sravnitel’no-istoricheskiy analiz (Hereditary MPs (seshyu: giin) in the Political System of Modern Japan: Comparative and Historical Analysis) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 2, pp. 152-164.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10022

ЗАХВАТ СОВЕТСКОГО ТАНКЕРА «ТУАПСЕ»: ЭНДШПИЛЬ ОПЕРАЦИИ ПО ОБМЕНУ ЗАЛОЖНИКАМИ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОБЫТИЙ И ИСТИННЫХ ПРИЧИН ИНЦИДЕНТА)

Валентин Цуньлиевич Головачев

*Институт востоковедения Российской академии наук,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 30 ноября 2018 <i>Принята к печати:</i> 27 апреля 2019</p>	<p>Аннотация: Данная статья завершает серию из трех статей, излагающих новую версию о причинах и целях инцидента с советским танкером «Туапсе», захваченным в 1954 г. ВМС правительства Чан Кай-ши у берегов Тайваня. Статьи основаны на рассекреченных архивах Госдепа США, ЦРУ и материалах международной прессы. Некогда сверхсекретные документы содержат ключевую информацию о череде дат, фактов и событий, раскрывающих истинную суть и подоплеку истории. В первой статье исследованы «американский гамбит», маневры Чан Кай-ши и борьба за освобождение танкера и его экипажа в июне–декабре 1954 г. Вторая статья исследует синхронный этап американо-китайских переговоров о репатриации группы плененных в КНР американских летчиков из военного контингента ООН в Корею. Этот этап завершили принятие резолюции по летчикам на Генассамблее ООН в Нью-Йорке (10.12.1954) и уникальный визит генсека ООН в Пекин (5-10.01.1955) для переговоров с Чжоу Энь-лаем. Публикуемая статья содержит сравнительный анализ и реконструкцию событий января–августа 1955 г., связанных с многосторонним «торгом» за обмен заложников между Москвой, Вашингтоном, Пекином и Тайбэем. Итогом торгов стало почти одновременное освобождение 29 советских моряков и 11 американских летчиков в конце июля 1955 г. Исследование подтверждает версию о том, что захват «Туапсе» был не дежурной акцией «чанкайшистов» по морской блокаде материкового Китая, но особой операцией спецслужб США с целью захвата и обмена советских заложников на американских летчиков.</p>
<p>Об авторе: к.и.н., старший научный сотрудник отдел Китая, руководитель Центра тайваньских исследований, ИВ РАН e-mail: valli@complat.ru</p>	
<p>Ключевые слова: китайско-российское стратегическое партнерство; стратегическое сотрудничество; дипломатическое взаимодействие; общее развитие</p>	

Захват «Туапсе», переговоры в Женеве и дебаты на Генеральной Ассамблее ООН: от дипломатии права до дипломатии торго

Утром 23 июня 1954 г. ВМС правительства китайских националистов (ПКН) захватили в 125 милях от Тайваня советский танкер «Туапсе» и 49 членов экипажа. Этот громкий инцидент совпал по времени с другим как будто посторонним событием – примерно за сутки до этого Пекин подтвердил на закрытых американо-китайских переговорах в Женеве, что держит в тюрьме группу американских летчиков из военно-

го контингента ООН в Корею, плененных 12 января 1953 г. на северо-востоке Китая и осужденных на долгие сроки за шпионаж. В действительности оба июньских события вызвали целую череду сопутствующих тайных событий, анализ которых подтверждает их неслучайную взаимосвязь.

5 июня в Женеве прошла 1-я закрытая встреча представителей США и КНР, на которой был поднят вопрос о взаимной

репатриации насильно удерживаемых граждан обеих сторон. На 2-й встрече 10 июня американцы передали поимённый список 18 сбитых лётчиков и потребовали освободить их при первой возможности. В тот момент в США ещё не знали судьбу всех лётчиков, даже живы ли они вообще. На 3-й встрече 15 июня китайцы сообщили, что американские военные, сидящие в тюрьме за нарушение воздушных границ Китая, могут переписываться с семьями и получать посылки через Общество Красного Креста в Пекине. В случае хорошего поведения заключённых Китай может изучить возможность смягчения наказаний или досрочного освобождения. Вручённый Пекину список арестованных американцев проверяется, об итогах проверки будет сообщено позже¹. 16 июня, всего через сутки после этого известия и ровно за неделю до инцидента с «Туапсе», президент США Д. Эйзенхауэр и госсекретарь Д. Даллес обсудили по телефону планы захвата танкера руками ВМС ПКН, а также возможные риски и последствия этой акции². 21 июня китайские делегаты в Женеве сообщили, что три лётчика погибли при парашютировании у города Аньдун, но 15 лиц из списка живы и сидят в тюрь-

ме³. Сразу после этого где-то очень далеко от Женевы некие силы привели в действие операцию по захвату «Туапсе».

22 июня посол США в Тайбэе К. Рэнкин сообщил в Госдеп, что ВМС ПКН получили приказ перехватить 3 советских танкера, если те пойдут мимо Тайваня на север. Рэнкин предупредил о возможных негативных последствиях акции⁴. 23 июня корабли ВМС ПКН захватили танкер «Туапсе» и увели его на Тайвань. Это был первый случай, когда китайские националисты решились на захват советского судна, которое долго «вели» от Манилы самолёты и два корабля ВМС США. Процесс захвата и увода танкера в порт Гаосюн контролировался американскими спецслужбами и фиксировался с самолетов и кораблей США⁵.

После захвата танкера СССР направил в адрес США две ноты протеста (24 июня и 2 июля). В сентябре Советское правительство обратилось к правительству Франции с просьбой взять на себя заботу об экипаже танкера и оказать содействие в скорейшем освобождении и возвращении танкера и экипажа на родину. Исполком СОКК и КП СССР обратился с аналогичной просьбой к шведскому обществу Красного Креста⁶. 30 сентября советская делегация в ООН потребовала включить в повестку Генеральной ассамблеи ООН (далее – ГА ООН) вопрос «Нарушение свободы навигации в районе китайских морей», касавшийся захватов «Туапсе», «Президента

¹ Foreign Relations of the United States, 1952-1954 // *China and Japan*, 1985, Vol. XIV, Part 1. 468. Washington. Mode of access: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v14p1>; Переговоры Дага Хаммаршёльда с Чжоу Энь-лаем об освобождении американских лётчиков и «пекинская формула» ООН // Вестник ИВ РАН. – 2018, – № 1. – С. 141-142. [Golovachov, V.Ts. Peregovory Daga Khammarshol'da s Chzhou En'-layem ob osvobozhdenii amerikanskikh lotchikov i «pekinskaya formula» OON (Dag Hammarskjold's Talks with Chou En-lai on the Release of American Pilots and the UN "Peking Formula") // *Vestnik IV RAN*, 2018, No. 1, pp. 141-142.]

² Головачёв В.Ц. Захват танкера «Туапсе»: американский гамбит, побочные эффекты и Договор о взаимной обороне с Тайванем // *Россия и АТР*. – 2018. – № 3. – С. 98. [Golovachov, V.Ts. Zakhvat tankera «Tuapse»: amerikanskiy gambit, pobochnyye efekty i Dogovor o vzaimnoy oborone s Tayvanem (Capture of the Tuapse Tanker: American Gambit, Side Effects and the Mutual Defense Treaty with Taiwan) // *Rossiya i ATR*, 2018, No. 3, p. 98.]

³ Foreign Relations of the United States, 1952-1954 // *China and Japan*, 1985, Vol. XIV, Part 1. 477-478, № 220. Washington. Mode of access: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v14p1>

⁴ Ibid. 480-481, № 222.

⁵ Interception of Soviet Tanker, 25 June 1954 / Office of Current Intelligence. Central Intelligence Agency. General CIA Records. P. 2. Mode of access: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP91T01172R000300010021-6.pdf>

⁶ Правда: Полный электронный архив газеты – 3, № 211, 30.07.1955 / East View Information Services. Режим доступа: <https://dlib.eastview.com/browse/publication/9305/udb/870> [Pravda: Polnyy elektronnyy arkhiv gazety (Pravda: Full Electronic Archive of the Newspaper) / East View Information Services. Mode of access: <https://dlib.eastview.com/browse/publication/9305/udb/870>]

Готвальда» и «Праця» (двух арестованных ранее польских судов), виновники которых – «не только силы Чан Кай-ши, но также те, кто поощрял их»⁷. Позднее, 10, 13-15 и 17 декабря, СССР подавал в Политический комитет ООН жалобу и проект резолюции ГА ООН о нарушении свободы навигации в китайских морях и о пиратских нападениях на торговые суда со стороны контролируемых США военных судов из Тайваня. СССР требовал от США принять меры для недопущения таких актов в будущем и освобождения судов и команд, удерживаемых на Тайване. Однако все проекты были отклонены на предварительных голосованиях⁸ и начальный этап спасения моряков методами публичной дипломатии закончился безуспешно.

В то же время заявленный США и союзниками в начале декабря вопрос о судьбе американских летчиков был оперативно включен в повестку ГА. 10 декабря на 509-м пленарном заседании IX сессии ГА ООН была рассмотрена «Жалоба на задержание и заключение в тюрьму военного персонала ООН в нарушение соглашения о перемирии в Корее». Резолюция ГА порицала пленение американцев и предписывала: «Генеральному Секретарю, действуя от имени ООН, искать путей освобождения... указанных 11 военнослужащих Командования ООН <...>, которые всё ещё содержатся в заключении»⁹. Менее чем через месяц,

с 5 по 10 января 1955 г., генсек ООН Даг Хаммаршёльд провел беспрецедентный визит в Пекин для личных переговоров с премьером и главой МИД КНР Чжоу Энь-лаем, в ходе которых добивался от Чжоу обещания освободить летчиков. Переговоры в Пекине дали надежду на решение проблемы, но без конкретных сроков и гарантий. Поэтому в случае с американскими пилотами ответственность международной дипломатии была внешне более эффективной, а по сути оставалась также под вопросом.

Начальный полугодовой этап переговоров об освобождении советских моряков и пленных американских летчиков (июнь-декабрь 1954 г. и начало января 1955 г.) уже рассмотрен мною в двух специальных статьях¹⁰. Как показало сравнение двух линий параллельно развивавшихся событий, особенностью этого этапа было то, что СССР и США добивались освобождения своих граждан по дипломатическим каналам, зы-

военного персонала ООН в нарушение соглашения о перемирии в Корее (906) / IX Генеральная Ассамблея. IX сессия. 509-е пленарное заседание, 10.12.1954. Режим доступа: <http://www.un.org/depts/dhl/dag/docs/ares906r.pdf> [Complaint about the Arrest and Imprisonment of UN Military Personnel in Violation of the Truce Agreement in Korea (906) / IX General Assembly. Session IX. 509th Plenary Meeting, 10.12.1954. Mode of access: <http://www.un.org/depts/dhl/dag/docs/ares906r.pdf>]

⁷ Foreign Relations of the United States, 1952-1954 // *China and Japan*, 1985, Vol. XIV, Part 1. 679, прим. 3, № 317. Washington. Mode of access: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v14p1>

⁸ Заявление Министерства иностранных дел СССР. 15 декабря 1954 г. // В кн.: Советско-китайские отношения. 1953-1955. Сборник документов, 2015. – С. 237-249. <http://istmat.info/node/54339> Дата обращения: 28.11.18 [Zayavleniye Ministerstva inostrannykh del SSSR. 15 dekabrya 1954 g. (Statement by the Ministry of Foreign Affairs of the USSR. December 15, 1954) // V kn.: Sovetsko-kitayskiye otnosheniya. 1953-1955. Sbornik dokumentov. Pp. 237-249.]; Foreign Relations of the United States, 1952-1954 // *China and Japan*, 1985, Vol. XIV, Part 1. 1035-1036, № 448. Washington. Mode of access: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v14p1>

⁹ Жалоба на задержание и заключение в тюрьму

¹⁰ Головачёв В.Ц. Захват танкера «Туапсе»: американский гамбит, побочные эффекты и Договор о взаимной обороне с Тайванем // Россия и АТР. – 2018. – № 3. – С. 95-110. [Golovachov, V. Ts. Zakhvat tankera «Tuapse»: amerikanskiy gambit, pobochnyye efekty i Dogovor o vzaimnoy oborone s Tayvanem (Capture of the Tuapse Tanker: American Gambit, Side Effects and the Mutual Defense Treaty with Taiwan) // *Rossiya i ATR*, 2018, No. 3, pp. 95-110.]; Головачёв В.Ц. Переговоры Дага Хаммаршёльда с Чжоу Энь-лаем об освобождении американских лётчиков и «пекинская формула» ООН // Вестник ИВ РАН. – 2018, – № 1. – С. 140-148. [Golovachov, V.Ts. Peregovory Daga Khammarshol'da s Chzhou En'-layem ob osvobozhdenii amerikanskikh lotchikov i «pekinskaya formula» OON (Dag Hammarskjold's Talks with Chou En-lai on the Release of American Pilots and the UN "Peking Formula") // *Vestnik IV RAN*, 2018, No. 1, pp. 140-148.]

вая к международному праву и авторитету ООН. При этом ни одна из причастных сторон не рассматривала обе истории в прямой связи друг с другом.

Лишь в январе 1995 г., после дебатов на IX сессии ГА ООН и переговоров в Пекине, американская и тайваньская стороны прямо заговорили о том, что освобождение «туапсинцев» (членов экипажа танкера) возможно лишь в обмен на освобождение американских лётчиков. Москва и Пекин, видимо, тоже сделали надлежащие выводы. После этой смены подходов события вступили в качественно новый этап прямого торга за обмен заложниками, забравший еще семь месяцев до начала августа.

Данная статья, основанная на сравнительном анализе рассекреченных архивов Госдепа США и ЦРУ, а также материалов международной прессы, посвящена реконструкции и изучению событий вышеназванного второго этапа, на котором торг по обмену заложниками стал главным условием переговоров, шедших параллельно по всем каналам и уровням.

«Наши старшие дипломаты и военные представители изначально обойдены в этом деле»: роль спецслужб и дипломатов в операции по захвату «Туапсе»

Архивные документы и показания прямых участников инцидента с «Туапсе» подтверждают, что американские спецслужбы (ЦРУ и военная разведка) инициировали операцию и с самого начала работали в прямом контакте со спецслужбами и военными ПКН, в обход дипломатических каналов обеих сторон. При этом дипломаты США и ПКН были изначально против нарушающего международное право захвата и добились скорейшего освобождения танкера и заложников. Со своей стороны, спецслужбы и военные стремились максимально затянуть удержание заложников, игнорировали призывы к их освобождению и фактически саботировали действия дипломатов.

Два офицера разведки ВМС ПКН, бежавшие в КНР вскоре после инцидента, подтвердили, что американские спецслужбы не просто передали разведанные о

движении танкера, но от начала и до конца контролировали операцию: эскортировали «Туапсе», следили за захватом, досмотрели танкер и изъяли судовые документы в порту Гаосюн¹¹. Кроме того, они участвовали в принуждении «туапсинцев» к невозвращению в СССР и запросам политического убежища в США.

Что касается дипломатов, то 22 июня, за сутки до ареста танкера, Рэнкин послал в Госдепартамент письмо №702 с предупреждением, выявившим первые расхождения между спецслужбами и дипломатами:

«Я узнал из китайских источников, что их ВМС получили инструкции захватить 3 советских танкера, если они пройдут вблизи Формозы по пути на север. <...> общий вывод сведётся к тому, что президент Чан никогда бы не отдал приказ о таком захвате, если бы информация о положении [судов] не была получена по официальным каналам от США (предположительно, атташе ВМС США при миссии США в Тайбэе), с последующим выводом о том, что США одобрили перехват»¹².

Письмо К. Рэнкина, непосвящённого в тайны «госдеповского двора», вызвало раздражение его боссов. 23 июня, в день захвата «Туапсе», Госдепартамент выслал в Тайбэй депешу № 946 с приказом не вмешиваться в ход событий:

«Департамент не имеет информации, которая подтвердила бы выводы, указанные в пп. 2 и 3 вашего 702. Дело не является от-

¹¹ Турченко С. Роковой рейс танкера «Туапсе» // *Газета «Труд»*. 22.03.2001, № 53. Режим доступа: http://www.trud.ru/article/22-03-2001/21477_rokovoij_rejs_tankera_tuapse.html [Turchenko, S. Rokovoy reys tankera «Tuapse» (The Fateful Flight of the Tanker “Tuapse”) // *Gazeta «Trud»*, 22.03.2001, № 53. Mode of access: http://www.trud.ru/article/22-03-2001/21477_rokovoij_rejs_tankera_tuapse.html]; *Interception of Soviet Tanker, 25 June 1954 / Office of Current Intelligence. Central Intelligence Agency. General CIA Records. P. 2. Mode of access: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP91T01172R000300010021-6.pdf>*

¹² *Foreign Relations of the United States, 1952-1954 // China and Japan, 1985, Vol. XIV, Part 1. 480-481, № 222. Washington. Mode of access: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v14p1>*

ветственностью нашего Правительства и вам следует воздержаться от влияния на китайское правительство в этом деле. Вам следует избегать дискуссий, которые могут способствовать неоправданным выводам, о которых вы упомянули. Персоналу США следует избегать проявлений открытого интереса или ассоциации с этим инцидентом»¹³.

Стало ясно, что Вашингтон желал заранее дистанцироваться от запланированной тайной операции. Несмотря на окрик сверху, 24 июня Рэнкин снова шлёт донесение, указывающее на острые разногласия по «Туапсе» между тайваньскими дипломатами и военными. Более того, в донесении названы даже имена главных оппонентов:

«Министр иностранных дел Е [Гунчао] информирует меня, что выступал против захвата советских судов в открытом море и его взгляд вступил в противоречие с начальником штаба генералом Чжоу Чжи-ю. Рэнкин»¹⁴.

В то время как дипломаты требовали скорого освобождения судна и экипажа, военные из окружения Чан Кай-ши препятствовали этому. Чтобы преодолеть влияние последних 9 июля Госдеп выслал в посольство в Тайбэе приказ, в котором бросил на весы авторитет правительства США:

«Вам следует запросить информацию о примерной дате планируемого освобождения судна и тех членов экипажа, которые не желают требовать политического убежища. <...> Вы можете потребовать, чтобы министр иностранных дел донёс суть вышеизложенного до президента Чана, предварив заявлением, что <...> в верхах нашего правительства озабочены возможными последствиями дальнейшего ареста судна и команды»¹⁵.

13 июля Рэнкин уведомил Госдепартамент, что послание от 9 июля передано министру иностранных дел ПКН. Последний сообщил, что изначально был против захвата танкера, но Чан Кай-ши положился на других советников. Министр просил передать ему послание Госдепа в письменном виде, чтобы показать его президенту.

В тот же день МИД ПКН сообщил американцам, что послание о «Туапсе» достигло президента, а корабль всё ещё удерживается «в ожидании дальнейшего расследования», что означает явное игнорирование рекомендации Госдепартамента о его немедленном освобождении¹⁶.

С критикой ситуации выступали и другие дипломаты, далекие от места событий и «местной кухни» спецслужб. Так, посол США в Японии Аллисон заявил в личном письме госсекретарю от 16 августа: «Я больше всего обеспокоен тем, что выглядит отсюда как недавняя нескоординированная деятельность правительства США на Дальнем Востоке <...> Я имею в виду такие вещи, как наше подталкивание китайских националистов к остановкам советских танкеров, за которым последовало полное отступничество, когда Советы подняли громкий шум»¹⁷.

9 сентября в беседе с Рэнкиным в Тайбэе сам госсекретарь сделал такое важное признание: «Вся тема танкера и его команды в основном решается вне обычных каналов Госдепартамента и посольства»¹⁸.

Это признание Д. Даллеса прямо подтвердило тот факт, что судьба моряков находится во власти спецслужб. 13 сентября в отчете о визите Даллеса в Тайбэй К. Рэнкин еще конкретнее описал «обходные» действия представителей разведки, скрывавших от старших сотрудников посольства США в Тайбэе мотивы и цели своего необычного вмешательства в «высокую политику»: «У меня не было возможности более глубоко обсудить проблему советского танкера ... в беседе с Секретарём. <...> Как вы знаете США используют три главных канала в делах с китайским правительством: дипломатический, военный и разведку. На практике, более 90% американских обменов с китайцами по военным и разведывательным каналам не затрагивают существенных политических решений и могут быть описаны как „технические“. Бывает, однако, случайно или нарочно, что по этим каналам решаются вопросы высокой политики, тогда как

¹³ Ibid. 481, № 222.

¹⁴ Ibid. 483-484, № 224.

¹⁵ Ibid. 491-492, №229.

¹⁶ Ibid. 492, № 230.

¹⁷ Ibid. 522, № 253.

¹⁸ Ibid. 625, № 294.

Посольство не только обходят мимо, но и оставляют в неведении о том, каковы позиции Департамента, и даже знает ли он о решаемой проблеме. <...> Вытекающие трудности хорошо иллюстрирует дело *Tuance*. Полагая, что правительство США реально хочет, чтобы китайцы освободили танкер, как же мы убедим их в этом? Наш старший представитель разведки здесь, вполне естественно, не воспринимается китайцами как уполномоченный в политических делах, тогда как **наши старшие дипломаты и военные представители изначально обойдены в этом деле – равно как адмиралы Рэдфорд и Карни, и поэтому могут считаться не имеющими ничего общего с этим делом.** <...> **Поэтому китайцы принимают как должное, что делаемые посольством представления о Туапсе нужны лишь для протокола и не выражают истинные желания правительства США** (выделено мною. – В.Г.). Не буду удивлён, если в данном случае, в конце концов, потребуются личное письмо от президента Эйзенхауэра к президенту Чан Кай-ши¹⁹.

К началу октября дошла очередь и до вынужденной прямой переписки президентов. Но даже прямые личные обращения Эйзенхауэра встретили противодействие не только со стороны Чан Кай-ши, но и, как ни парадоксально, со стороны американских спецслужб.

6 октября представитель США в ООН Г.К. Лодж информировал Д. Даллеса, что Чан Кай-ши получил от Эйзенхауэра «несколько» посланий с просьбой вернуть «Туапсе». При этом представитель ПКН при ООН Цзян Тин-фу сообщил, что «несколько американцев» в Тайбэе призвали Чан Кай-ши *игнорировать письма президента Эйзенхауэра (!)* и оставить судно. На вопрос о том, были ли это американские официальные лица, Цзян ответил, что они были не из посольства, и заключил, что *они могли быть связаны с ЦРУ*²⁰.

Тайное вмешательство неких «нескольких американцев», призывавших пренебречь письмами своего президента, было событием экстраординарным, однозначно

выдающим серьёзность внутренних «игр» и намерений американских спецслужб. Единственное мыслимое объяснение подобного саботажа состоит в том, что спецслужбам требовались «равноценные» советские заложники и время для подготовки обмена на пленных американских летчиков.

Лишь в конце ноября международная обстановка изменилась настолько сильно, что позволила спецслужбам США постепенно раскрыть свои давние планы для координации дальнейших действий с Госдепом, министерством обороны и другими ведомствами.

23 ноября госсекретарь Д. Даллес и глава МИД ПКН Джордж Е Гун-чао парафировали в Вашингтоне текст американо-китайского Договора о взаимной обороне (далее – ДВО. Подписан 2 декабря)²¹. 24 ноября (23 ноября в Азии), менее чем через сутки после парафирования ДВО, «Голос Китая» внезапно сообщил в эфире, что группа американских лётчиков осуждена в КНР за шпионаж. Тем самым проблема пленных лётчиков была открыто введена в мировую политическую повестку, после чего Вашингтон и Тайбэй стали прямо рассматривать «туапсинцев» как заложников для обмена.

Реакция США на публичные заявления об американских лётчиках и переход к «дипломатии торга»

Первая внутренняя реакция в США на весть о пленных американских лётчиках в тюрьмах КНР была радикальной и потенциально очень опасной. Тема захвата заложников с целью их дальнейшей обмена зазвучала практически мгновенно.

24 ноября, в тот же день, когда Радио Китая сообщило про лётчиков, в протоколе заседания Минобороны США появилась следующая запись о возможных жёстких мерах для оказания давления на КНР:

«а) Публичное объявление о введении морской блокады на все или несколько северных портов китайских коммунистов для возмездия за продолжающееся незаконное содержание в тюрьмах граждан США; б) Захват одного или более судов под флагом

¹⁹ Ibid. 626, № 294.

²⁰ Ibid. 705, № 324.

²¹ Ibid. 927-928, № 402.

китайских коммунистов и их команд как заложников для возвращения незаконно содержащихся в тюрьмах американцев; ... е) выделение поддержки для среднemasштабного рейда на материковый Китай в целях захвата заложников, с последующей открытой поддержкой США такой акции. (выделено мною. – В.Г.)»²².

30 ноября, на встрече рабочей группы Госдепа, Минобороны и ЦРУ, вновь прозвучала идея о морской блокаде (с санкции Конгресса), в т.ч. об «изъятии» судов под гонконгским и советским флагами, следующих в Порт-Артур и Далянь²³. Эти радикальные инициативы не были одобрены и не содержали упоминаний о «Туапсе», но полностью выявили стандартные мысли и реакции американских военных и спецслужб.

29 ноября Д. Даллес заявил, что США передадут дело в ООН для принятия коллективных мер и применения всех мирных процедур, согласно Уставу ООН. При этом США не отрицают вероятность принятия односторонних мер²⁴.

Хотя визит генсека ООН в Пекин 5-10 января 1955 г. дал основания для осторожного оптимизма, он не обеспечил быстрого решения проблемы и даже гарантий её решения. Поэтому ещё в ходе переговоров в Пекине из Вашингтона и Тайбэя зазвучали прямые призывы обменять летчиков на моряков с «Туапсе».

7 января на совещании в Госдепе по делу спасения летчиков шеф ЦРУ А. Даллес впервые открыто озвучил давно задуманный план: «Удерживаемая сейчас на Формозе команда с *Tuapse* может обеспечить инструмент для торга»²⁵. Уже через две недели подобное же заявление открыто прозвучало из уст президента Китайской республики (КР).

22 января, обсуждая текущие события с послом США в Тайбэе, Чан Кай-ши оценил визит генсека ООН в Пекин как провал, попенял, что ДВО всё ещё не вступил в силу и за-

явил, что Китай, многим обязанный США, готов внести свой вклад в освобождение летчиков. Он был бы рад освободить советский танкер «Туапсе» и отказавшихся от невозвращения членов команды, если это даст свободу американским узникам (выделено мною. – В.Г.). По сему пункту присутствовавшая мадам Чан Кай-ши (Сун Мэй-лин) заметила, что такое предложение поставило бы красных на место²⁶.

Таким образом, в январе 1955 г. Вашингтон и Тайбэй прямо признали «туапсинцев» заложниками торгов об освобождении американских летчиков из тюрьмы в КНР, а Чан Кай-ши вновь ловко использовал тему «туапсинцев» теперь уже для ускорения ратификации ДВО.

Ратификация ДВО в Тайбэе и продолжение дискуссий об условиях освобождения «туапсинцев»

3 марта, в день ратификации и вступления в силу ДВО, на встрече с Чан Кай-ши в Тайбэе Д. Даллес вернулся к вопросу о «Туапсе». Цитируемые ниже эпизоды беседы вновь однозначно подтверждают прямую связь судьбы «туапсинцев» с вопросом об освобождении американских лётчиков. Как писал Даллес:

«В качестве следующего дела я затем обратился к вопросу о танкере *Tuapse* и членах команды *Tuapse* и польского судна²⁷, которые были захвачены. Сказал, что хотел бы рекомендовать президенту освобождение *Tuapse*, а также тех членов команды, которые хотят репатриации. Сказал, что в случае с советским танкером будет, как я полагаю, полезно избежать предоставления Советам лишних предлогов для помощи китайским коммунистам. И хотя я думаю, что этот частный случай неважен сам по себе, тем не менее Советы могут использовать его как предлог для действий заодно с китайскими коммунистами. Думаю, что членов команды не следует удерживать против их воли. Мы жалуемся на незаконные аресты со стороны китайских коммунистов и надеемся, что Ки-

²² Ibid. 948-949, № 408.

²³ Ibid. 950, № 409, прим. 3.

²⁴ Ibid. 963, 966, № 416, 417.

²⁵ Foreign Relations of the United States, 1955-1957 // *China*, 1986, Vol. II. 8, № 4. Washington. Mode of access: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v02>

²⁶ Ibid. 112-113, № 32.

²⁷ Польское судно «Президент Готвальд» было захвачено 13 мая 1954 г.

тайская республика покажет миру лучший пример. ... Затем я обратил внимание на то, что президент никак не прокомментировал моё предложение в отношении освобождения *Tuapse* и тех членов его команды, кто желал бы репатриации. Я сказал, что есть американская поговорка, которая гласит, что «молчание – знак согласия», и я надеюсь, что это также и китайская поговорка. **Президент ответил, что он отпустил бы Туапсе и членов его команды за некую цену. Он не хочет отпускать его в виде жеста доброй воли по отношению к Советскому Союзу. Китайские коммунисты удерживают невинных летчиков, злостно нарушили Корейское перемирие, а США ничего не делают с этим. Он не верит, что Туапсе следует отпускать, тогда как коммунисты ведут себя таким образом. Ценой должно быть освобождение летчиков.** (выделено мною. – В.Г.) Он не видит, почему должен отпустить корабль в такое время. Я спросил его относится ли это также к команде, желающей репатриации. Он сказал, что отпустит тех, кто не выбрал убежище. **Мадам Чан тут же прервала, заявив, что команда не будет освобождена без условий, а только если будут отпущены американские лётчики.** (выделено мною. – В.Г.) Подумав, она добавила, что так она понимает слова Президента.

Я сказал, что мне не очень нравится эта позиция. Она подразумевает, что так как коммунисты поступают плохо, ПКН будет делать плохо схожим образом. Я призвал президента задать более высокий стандарт, чем коммунисты. Это дало бы его правительству моральные преимущества и было бы одобрено США. **Я верю, что это лучше, чем удерживать членов команды как заложников в целях освобождения лётчиков** (Выделено мною. – В.Г.).

Президент пояснил, что в этом и есть разница между США как лидером свободного мира и националистским Китаем как жертвой коммунизма. Сказал, что он и его народ имеют некие чувства, которые заведомо не разделяют США. Но он продолжит консультации с США по этому делу через посольство в Тайбэе. Я ответил, что признаю националистский Китай жертвой ком-

мунизма, <...> но <...> мы подчиняемся и следуем моральным принципам. <...> Президент сказал, что продолжит изучать эту проблему»²⁸.

На самом деле, добившись ратификации ДВО, Чан Кай-ши больше не нуждался в советских заложниках, но был не прочь оказать напоследок демонстративное одолжение американцам и «внести свой вклад в освобождение летчиков», использовав туапсинцев как разменную монету.

Майские переговоры и освобождение первых четырех американских летчиков

21 мая Даг Хаммаршёльд получил от Чжоу Энь-лая известие, что ответ на запрос от 16 мая о судьбе летчиков будет дан к концу месяца. В связи с этим он выразил уверенность, что Чжоу согласится отпустить как минимум 4-х пилотов. Эту новость генсек сообщил одновременно делегации США в ООН и представителю СССР в ООН А.А. Соболеву²⁹.

27 мая премьер Индии Дж. Неру написал Эйзенхауэру, что решение США выпустить из страны 58 китайских студентов помогло переговорам и Пекин решил отпустить 4-х американских летчиков в виде «первого шага» и вклада в снижение напряженности. Официальное заявление об этом последует 30 мая³⁰. В тот же день Чжоу сообщил премьеру Индонезии, в ответ на просьбу отпустить всех летчиков, что он уже решил освободить 4-х лётчиков и теперь очередь США сделать жест доброй воли в адрес Китая, например, ослабить эмбарго³¹.

Пекин отпустил 4-х летчиков 30 мая, после визита представителя Индии в ООН Кришны Мэнона. Мэнон провел серию бесед с Чжоу и вылетел в США для консультаций с Д. Эйзенхауэром и Д. Даллесом.

Депортация 4-х летчиков стала первым успехом торга и своего рода добровольным «авансом», отразившим готовность Пекина продолжить обмен заложниками. Но теперь пришло время для

²⁸ Ibid. 322-323, 327, № 138.

²⁹ Ibid. 570-571, № 255.

³⁰ Ibid. 575, № 259.

³¹ Ibid. 592, № 268.

ответного шага – освобождения заложников «Красного Китая» и Москвы. Посредничество Кришны Мэнона должно было подтолкнуть США к этому шагу.

11 июня газета «*The Southeast Missourian*» публикует заметку «Индийский дипломат Мэнон посетил Эйзенхауэра», сообщавшую, что на пресс-конференции после встречи с президентом Мэнон заявил: «Освобождение нескольких лётчиков Красным Китаем “открыло двери” для возможности освобождения остальных». Умалчивая детали беседы с лидером США Мэнон объявил: **«Цель его приезда сюда состоит в том, чтобы доложить о 10-дневном визите в КНР к Чжоу Энь-лаю в прошлом месяце и призвать правительство США сделать некий примирительный жест в отношении Красного Китая, вслед за освобождением 4-х летчиков»**. В аэропорту индийский дипломат сказал репортёрам: **«Вы беспокоитесь о своих согражданах там (в Красном Китае), а они беспокоятся об их согражданах тут.»** (выделено мною. – В.Г.)³².

Таким образом Пекин ждал ответных уступок от США. Но в Вашингтоне требовали освобождения «незаконно захваченных» американцев без прочих условий и повторяли, что готовы выпустить всех желающих покинуть США китайских студентов³³. В итоге Вашингтон всё же учёл ожидания Пекина и Москвы и сделал даже не один, а два «неких жеста примирения» для общего урегулирования: США начали прямые открытые переговоры с КНР в Женеве и освободили советских заложников. Но реализация этих мер заняла ещё полтора месяца.

³² Indian Diplomat Menon Pays Call on Eisenhower // *The Southeast Missourian*, 1955, Vol. 51. № 211. P. 1. Mode of access: <https://news.google.com/newspapers?nid=1893&dat=19550611&id=YndFAAAIBAJ&sjid=NccMAAIAIBAJ&pg=1519,916076>

³³ 58 учившихся в США китайских студентов не были «шпионами», военнопленными или заключёнными, хотя снятие запрета на их выезд из Штатов постоянно упоминалось при обсуждении темы освобождения американских летчиков. *Foreign Relations of the United States, 1955-1957*. 594-595, № 269 // *China*, 1986, Vol. II. Washington. Mode of access: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v02>

Дискуссии о морали и продолжение торго на высшем уровне

14 июня в беседе с Мэноном Д. Даллес пафосно обвинил Пекин в использовании узников как заложников политического торго и заявил, что китайские коммунисты научились этому у русских, которые и через 10 лет после 1945 г. держат в плену немцев и японцев, чтобы выбивать у японского и германского правительств. «США не могут терпеть такого поведения», – заявил Даллес, словно забыв про незаконный арест «Туапсе», «нецивилизованное» поведение его захватчиков и использование советских моряков как заложников для грубого политического торго³⁴. Впрочем, группа из 49 туапсинцев не могла быть сброшена со счетов, да и сам Даллес не забыл о них и уже через неделю обсуждал их судьбу с «чанкайшистом» и «русским коммунистом».

В беседе 21 июня Джордж Е сказал Даллесу, что думает, что моряки с *Tuapse* будут освобождены в течение нескольких дней». 23 июня на встрече с Даллесом в Сан-Франциско глава МИД СССР В.М. Молотов поднял вопрос о танкере «Туапсе» и его экипаже. Американский протокол их беседы срывает все покровы с прямого тайного торго заложниками, которым так возмущался, но цинично пользовался сам Даллес. Участниками торго были все причастные стороны и посредники. И главное – протокол снова доказывает то, что США прямо увязывали судьбу туапсинцев с судьбой своих лётчиков:

«Он [Молотов] сказал, что хотелось бы, чтобы США смогли сделать что-либо для облегчения ситуации [с «Туапсе»]. Я ответил, что уже напоминал про эту тему Джорджу Е, главе МИД китайских националистов, но указал, что США не полномочны отдавать приказы ПКН. М-р Молотов выразил уверенность в том, что США имеют определённое влияние [на Чан Кай-ши]. Я сказал, что мы, конечно, были весьма обеспокоены из-за американцев, сидящих в тюрьмах китайских коммунистов (выделено мною. – В.Г.). Я упомянул, что Кришна Мэнон работал над этой темой, но

³⁴ Ibid. 601, № 270.

не думаю, что он намного улучшил дела. М-р Молотов ответил, что, по его впечатлению, Мэнон очень старался и добился некоего прогресса³⁵.

По данным сверхсекретного «Бюллетеня текущей разведки» ЦРУ, 28 июня Чан Кай-ши заявил американскому поверенному в Тайбэе (и это последнее из пока что найденных заявлений Чана), что отпустит команду советского танкера «Туапсе» через десять дней или две недели³⁶.

Но Чан не сдержал обещания и 21 июля на банкете в честь саммита лидеров 4-х стран в Женеве Даллес и Молотов снова вернулись к теме «Туапсе». Как записано в меморандуме госсекретаря США:

«После обеда маршал Булганин, премьер-министр Идэн, м-р Молотов и я сели вместе и возобновили разговор про Китай. <...> Я поговорил с Молотовым об освобождении команды Туапсе. Молотов сказал, что знает об этих планах, и что некоторые [члены команды] вроде бы придут в США. Он сказал, что это произведёт очень плохое впечатление в СССР. Я сказал, что очень усердно работал над этим делом с того момента как он поговорил со мной в Сан-Франциско, и что, как я понимаю, около 30 собирались вернуться обратно в Россию. Он сказал, что точно число – 29. В ответ на его заявление о том, что создаст очень плохое впечатление то, что некоторые собираются в США, я сказал, что плохое впечатление было и тогда, когда некоторые американские узники войны решили уйти в коммунистический Китай, но что это такие вещи, с которыми приходится мириться»³⁷.

Запись Даллеса интересна тремя моментами: 1) руководство США доверительно подтверждает руководству СССР, что вопрос об освобождении в целом решён. 2) Тема моряков-невозвращенцев в СССР соотнесе-

на с темой американских военнопленных-невозвращенцев в КНР. 3) За 5 дней до освобождения группы «туапсинцев» обе стороны знают их точное число. Очевидно, детали обмена были согласованы через посольство Франции и шведское Общество Красного Креста, не без скрытого участия спецслужб.

Эндшпиль: обмен заложниками и новая версия об истинных целях захвата экипажа «Туапсе»

Финал обеих историй, как и их начало, оказался синхронным.

25 июля, после 13,5 месяцев закрытых переговоров, КНР и США заявили о начале с 1 августа открытых двусторонних переговоров на уровне послов в Женеве, ради урегулирования отношений и ослабления напряжённости на Дальнем Востоке, особенно в районе Тайваня³⁸. И это был первый встречный шаг Вашингтона.

26 июля 29 из 49 «туапсинцев» были освобождены из 13-месячного плена, переданы представителям французского посольства и вылетели из Тайбэя в Гонконг. Тем самым Вашингтон сделал 2-й шаг навстречу Москве и Пекину, снявший последние препоны для освобождения летчиков.

27 июля «туапсинцы» прибыли в Кантон (Гуанчжоу), а 31 июля – на вокзал в Пекин, где их встречали сотрудники советского посольства, представители руководства китайского профсоюза моряков и Всекитайской федерации профсоюзов³⁹. Как

³⁸ Ibid. 678-680, №319; Ежегодник БСЭ. 1958. Москва: Большая Советская Энциклопедия, 1958. С. 274. Режим доступа: http://istmat.info/files/uploads/47724/ezhegodnik_bse_1958_str_1-419.pdf [Yezhegodnik BSE. 1958. Moskva: Bol'shaya Sovetskaya Entsiklopediya, 1958. P. 274. Mode of access: http://istmat.info/files/uploads/47724/ezhegodnik_bse_1958_str_1-419.pdf]

³⁹ Правда: Полный электронный архив газеты. 3, 30.07.1955, №211; 4, 01.08.1955, №213 / East View Information Services. Режим доступа: <https://dlib.eastview.com/browse/publication/9305/udb/870> [Pravda: Polnyy elektronnyy arkhiv gazety. 3, 30.07.1955, №211; 4, 01.08.1955, №213 (Pravda: Full Electronic Archive of the Newspaper. 3, 30.07.1955, №211; 4, 01.08.1955, №213) / East View Information Services. Mode of access: <https://dlib.eastview.com/browse/publication/9305/udb/870>]

³⁵ Ibid. 610-611, № 276.

³⁶ Current Intelligence Bulletin, 30.06.1955 // Office of Current Intelligence Central Intelligence Agency. General CIA Records. Mode of access: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp79t00975a002100070001-9>

³⁷ Foreign Relations of the United States, 1955-1957 // China, 1986, Vol. II. 670-671, № 313. Washington. Mode of access: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v02>

сказал К. Мэнон, «двери открылись» и путь к возвращению на родину 11 американских летчиков стал тоже свободен.

1 августа в Женеве начались переговоры между США и КНР, в т.ч. о взаимной репатриации граждан и снижении напряженности. Их старт был малообещающим, но уже в 1-й день Пекин объявил, что **31 июля правительство КНР приняло решение досрочно освободить 11 американских лётчиков, которые в тот же день покинули пределы КНР и были переданы американской стороне** в окрестностях Гонконга⁴⁰.

5 августа 29 «туапсинцев» прилетели в аэропорт Внуково, где их встречали министр морского флота СССР В.Г. Бакаев, представители общественности, а также родные и близкие членов команды танкера «Туапсе»⁴¹.

Так закончилась эта долгая и драматичная история, в которой все государственные стороны в целом достигли своих тайных и явных целей, а в роли единственных невинных жертв остались лишь взятые в заложники советские моряки. После освобождения американских лётчиков судьба 20 «добровольно» оставшихся на Тайване моряков потеряла прежнюю актуальность для США. В СССР их зачислили в «невозвращенцы», со всеми печальными последствиями, а для тайваньских властей они стали ненужной обузой, постепенное избавление от которой заняло почти 40 лет.

11 американских летчиков вернулись на родину в США как национальные герои и продолжили службу в ВВС. История с освобождением американских летчиков привела к заметному росту престижа ООН и генсека

Хаммаршёльда на мировой арене⁴². Однако ООН подключилась к участию в решении проблемы лишь через полгода после её появления и была лишь одним из нескольких акторов в куда более сложной многоходовой операции.

В целом комплексный сравнительный анализ рассекреченных архивных документов и международной прессы, двух линий событий (моряки–летчики), совокупности многовекторной политики Москвы, Вашингтона, Пекина и Тайбэя, а также фактов и обстоятельств, прежде неизвестных или ускользавших от внимания исследователей, позволяет сделать шокирующий вывод. Это вывод состоит в том, что **арест советских моряков с танкера «Туапсе» был не чем иным как стандартной «спасательной» спецоперацией, задуманной и выполненной ЦРУ, при участии спецслужб ПКН, сразу после подтверждения Пекином факта удержания в тюрьме 15 американских летчиков. Целью операции было скорейшее освобождение летчиков путем захвата группы заложников и дальнейшего двустороннего обмена.** Спасение летчиков, среди которых были сотрудники военной разведки и ЦРУ, было делом «чести мундира» для спецслужб, чьи мысли и образ действий допускали захват заложников как самый быстрый и эффективный «инструмент» решения проблемы. Захват танкера «Туапсе» под видом патрульной акции «чанкайшистов» в рамках долговременной морской блокады материкового Китая был лишь прикрытием для американских спецслужб, применявших ради успеха операции

⁴⁰ Ibid. 3, 02.08.1955, № 214; Prados, John. Safe for Democracy: The Secret Wars Of The CIA. Chicago, Ivan R. Dee, 2006. P. 119.

⁴¹ Правда: Полный электронный архив газеты. 8, 06.08.1955, № 218 / East View Information Services. Режим доступа: <https://dlib.eastview.com/browse/publication/9305/udb/870> [Pravda: Polnyu elektronnyu arkhiv gazety (Pravda: Full Electronic Archive of the Newspaper). 8, 06.08.1955, № 218 / East View Information Services. Mode of access: <https://dlib.eastview.com/browse/publication/9305/udb/870>]

⁴² Хаммаршёльд Даг. Биография. Переговоры с КНР. Режим доступа: http://www.wikiwand.com/ru/Хаммаршёльд_Даг [Khammarshol'd, Dag. Biografiya. Peregovory s KNR (Hammarskjold Dag. Biography. Negotiations with the PRC.). Mode of access: http://www.wikiwand.com/ru/Хаммаршёльд_Даг]; Хаммаршёльд Даг / Биография на сайте ООН. Режим доступа: <https://www.un.org/sg/ru/content/formersg/dag-hjalmar-agne-carl-hammarskj%C3%B6ld> [Khammarshol'd, Dag. Biografiya na sayte OON (Hammarskjold, Dag / Biography on the UN Website). Mode of access: <https://www.un.org/sg/ru/content/formersg/dag-hjalmar-agne-carl-hammarskj%C3%B6ld>]

все средства, включая даже манипуляции действиями двух президентов (Эйзенхауэра и Чан Кай-ши).

Оценивая суть инцидента с «Туапсе» Чжан Мин-чу, служивший в Гаосюне с 1954 г., так озвучил в 2002 г. неофициальное мнение тайваньских военных, хоть и не аргументированное ветераном ВМС КР, но полностью совпадающее с версией автора этой статьи: почти за всеми захватами судов в открытом море стояли имевшие исключительные технические и политические возможности американцы, которые потом разыгрывали роль «добрых посредников» и примирителей, а на деле просто хотели устроить обмен на 11 летчиков, сбитых 12 января 1953 г. китайскими коммунистами на р. Ялуцзян у границ Северной Кореи⁴³.

Вышеизложенная версия, конечно, требует дальнейшей проверки. Факт ведущей «стратагемной» роли американских спецслужб в истории обмена советских моряков на американских летчиков может быть окончательно подтвержден лишь при сравнении уже имеющихся сведений с данными пока еще закрытых архивов спецслужб США, СССР, КНР и КР на Тайване.

Литература:

Булович О., Каткевич В. Танкер «Туапсе», или возвращение из тайваньского плена, 2005 / Odesskiy.com. Режим доступа: <http://odesskiy.com/chisto-fakti-iz-zhizni-istorii/tanker-tuapse-ili-vozvraschenie-iz-tajvanskogo-plena.html>

Головачёв В.Ц. Захват танкера «Туапсе»: американский гамбит, побочные эффекты и Договор о взаимной обороне с Тайванем // Россия и АТР. – 2018. – № 3. – С. 95-110.

Головачёв В.Ц. Переговоры Дага Хаммаршёлда с Чжоу Энь-лаем об освобождении американских лётчиков и «пекинская формула» ООН // Вестник ИВ РАН. – 2018. – № 1. – С. 140-148.

Ежегодник БСЭ. 1958. – Москва: Большая Советская Энциклопедия, 1958. Режим доступа: http://istmat.info/files/uploads/47724/ezhegodnik_bse_1958_str_1-419.pdf

Правда: Полный электронный архив газеты / East View Information Services. Режим доступа: <https://dlib.eastview.com/browse/publication/9305/udb/870>

⁴³ Чжан Мин-чу 2002. Чжан Мин-чу. Лазурное море, в сердце Цзоин: правдивая история о защите Тайваньского пролива. Тайбэй: Сингуан, 2002. Гл. 6. 張明初. 碧海左營心: 捍衛臺海的真實故事. Режим доступа: <https://www.yooread.com/5/4769/190247.html>

Турченко С. Роковой рейс танкера «Туапсе» // Газета «Труд». 22.03.2001, № 53. Режим доступа: http://www.trud.ru/article/22-03-2001/21477_rokovoj_rejs_tankera_tuapse.html

Чжан Мин-чу. Лазурное море, в сердце Цзоин: правдивая история о защите Тайваньского пролива. Тайбэй: Сингуан, 2002. 張明初. 碧海左營心: 捍衛臺海的真實故事. Режим доступа: <https://www.yooread.com/5/4769/190247.html>

Current Intelligence Bulletin, 30.06.1955 / Office of Current Intelligence Central Intelligence Agency. General CIA Records. Mode of access: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp79t00975a002100070001-9>

Foreign Relations of the United States, 1952-1954 // *China and Japan*, 1985, Vol. XIV, Part 1. Washington. Mode of access: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v14p1>

Foreign Relations of the United States, 1955-1957 // *China*, 1986, Vol. II. Washington. Mode of access: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v02>

Heller, Peter B. The United Nations under Dag Hammarskjöld, 1953-1961. Lanham, Maryland and London, 2001.

Indian Diplomat Menon Pays Call on Eisenhower // *The Southeast Missourian*, 1955, Vol. 51. № 211. Mode of access: <https://news.google.com/newspapers?nid=1893&dat=19550611&id=YndFAAAAIBAJ&sjid=NccMAAAIBAJ&pg=1519,916076>

Prados, John. Safe for Democracy: The Secret Wars Of The CIA. Chicago, Ivan R. Dee, 2006.

Ramcharan, Bertrand G. United Nations Protection of Humanity and Its Habitat: A New International Law of Security and Protection. Brill, 2016.

Tucker, N. Taiwan, Hong Kong, and the United States, 1945-1992: Uncertain Friendships. New York, 1994.

References:

Bulovich, O.; Katkevich, V. Tanker «Tuapse», ili vozvrashcheniye iz tayvan'skogo plena (Tanker «Tuapse», or Return from Taiwanese Captivity), 2005 / Odesskiy.com. Mode of access: <http://odesskiy.com/chisto-fakti-iz-zhizni-istorii/tanker-tuapse-ili-vozvraschenie-iz-tajvanskogo-plena.html>

Current Intelligence Bulletin, 30.06.1955 / Office of Current Intelligence Central Intelligence Agency. General CIA Records. Mode of access: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp79t00975a002100070001-9>

Foreign Relations of the United States, 1952-1954 // *China and Japan*, 1985, Vol. XIV, Part 1. Washington. Mode of access: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v14p1>

Foreign Relations of the United States, 1955-1957 // *China*, 1986, Vol. II. Washington. Mode of access: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v02>

Golovachov, V.Ts. Peregovory Daga Khammarshol'da s Chzhou En'-layem ob osvobozhdenii amerikanskikh lotchikov i «pekinskaya formula» OON (Dag Hammarskjöld's Talks with Chou En-lai on the Release of American Pilots and the UN «Peking Formula») // *Vestnik IV RAN*, 2018, No. 1, pp. 140-148.

Golovachov, V.Ts. Zakhvat tankera «Tuapse»: amerikanskiy gambit, pobochnyye efekty i Dogovor o vzaimnoy oborone s Tayvanem (Capture of the Tuapse Tanker: American Gambit, Side Effects and the Mutual

Defense Treaty with Taiwan) // *Rossiya i ATR*, 2018, No. 3, pp. 95-110.

Heller, Peter B. The United Nations under Dag Hammarskjöld, 1953-1961. Lanham, Maryland and London, 2001.

Indian Diplomat Menon Pays Call on Eisenhower // The Southeast Missourian, 1955, Vol. 51. № 211. Mode of access: <https://news.google.com/newspapers?nid=1893&dat=19550611&id=YndFAAAAIBAJ&sjid=NccMAAAIBAJ&pg=1519,916076>

Prados, John. Safe for Democracy: The Secret Wars Of The CIA. Chicago, Ivan R. Dee, 2006.

Pravda: Polnyy elektronnyy arkhiv gazety (Pravda: Full Electronic Archive of the Newspaper) / East View Information Services. Mode of access: <https://dlib.eastview.com/browse/publication/9305/udb/870>

Ramcharan, Bertrand G. United Nations Protection of Humanity and Its Habitat: A New International Law of Security and Protection. Brill, 2016.

Tucker, N. Taiwan, Hong Kong, and the United States, 1945-1992: Uncertain Friendships. New York, 1994.

Turchenko, S. Rokovoy reys tankera «Tuapse» (The Fateful Flight of the Tanker “Tuapse”) // *Gazeta «Trud»*, 22.03.2001, № 53. Mode of access: http://www.trud.ru/article/22-03-2001/21477_rokovoij_rejs_tankera_tuapse.html

Yezhegodnik BSE. 1958. Moskva: Bol'shaya Sovetskaya Entsiklopediya, 1958. Mode of access: http://istmat.info/files/uploads/47724/ezhegodnik_bse_1958_str_1-419.pdf

張明初. 碧海左營心：捍衛臺海的真實故事：<https://www.yooread.com/5/4769/190247.html>

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10023

CAPTURE OF THE SOVIET TANKER “TUAPSE”: A HOSTAGE SWAP ENDGAME (COMPARATIVE ANALYSIS OF THE EVENTS AND THE TRUE CAUSES OF THE INCIDENT)

Valentin Ts. Golovachev

*Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 30.11.2018</p> <p><i>Accepted:</i> 27.04.2019</p>	<p>Abstract: The paper is a final piece of the three articles series, revealing a new eye-opening conception on true reasons and objectives of the “Tuapse” incident. The story of Soviet tanker Tuapse, captured by the ROC (Taiwan) Navy on June 23, 1954 in open seas near Taiwan is widely covered in Russian and global mass media. The main events and dramatic story of the Tuapse crew are generally reconstructed, but the true reasons and aims of this incident remain an open question so far. This article, containing the comparative analyze of two incidents and multilateral politics at final stage of the related events (January-August 1955), gives a final answer to this question. It presents a special interpretation of the events, leading to conclusion that the capture of Tuapse and its crew was nothing but a special CIA hostage swap operation, instrumental to negotiations on the release of 11 American airmen, imprisoned in PRC on January 12, 1953. As a result, the airmen were released on July 31, 1955, five days after the Tuapse seamen. The article is based on the US State Department and the CIA’s declassified archives, as well as the materials of the related Russian and international press.”</p>
<p>About the author: Candidate of History, Leading Researcher, Department of China, Head of the Center for Taiwanese Studies, Institute of Oriental Studies of Russian</p> <p>e-mail: valliu@complat.ru</p>	
<p>Key words: Merkel; Trump; NATO; transatlantic solidarity; defense policy; new establishment; populism; Bundeswehr; international relations</p>	

Для цитирования: Головачев В.Ц. Захват советского танкера «Туапсе»: эндшпиль операции по обмену заложниками (сравнительный анализ событий и истинных причин инцидента) // *Сравнительная политика*. – 2019. – № 2. – С. 165-177.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10023

For citation: Golovachev, Valentin Ts. Zakhvat sovetskogo tankera «Tuapse»: endshpil’ operatsii po obmenu zalozhnikami (sravnitel’nyy analiz sobytij i istinnykh prichin intsidenta) (Capture of the Soviet Tanker «Tuapse»: A Hostage Swap Endgame (Comparative Analysis of the Events and the True Causes of the Incident)) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 2, pp. 165-177.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10023

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

КОНФЕРЕНЦИЯ «СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ В МИРОВОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ: ГЛОБАЛЬНОЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ»

16-18 апреля 2019 г. в Московском государственном лингвистическом университете состоялась международная конференция «Современная Россия в мировом политическом процессе: глобальное и региональное измерение», на которой обсуждались вопросы как развития современной мировой системы, мирового политического процесса, роли России в них, эффективности внешней политики России, пространственных и региональных факторов глобальной дивергенции, так и подготовки специалистов по направлению «Зарубежное регионоведение», специалистов-политологов и международных. В ней приняли участие высокопоставленные сотрудники государственных органов Российской Федерации, представители ведущих вузов и научно-исследовательских институтов из Москвы, Санкт-Петербурга, других городов России и зарубежных стран, включая МГЛУ, СПбГУ, МГИМО, ИМЭМО РАН, ИДВ РАН, Орловский государственный университет, НИУ ВШЭ, ВАГШ ВС РФ, Дипломатическую академию, Волгоградский государственный

университет, Академию гражданской защиты МЧС, РГУ нефти и газа имени И.М. Губкина, Академию управления МВД России, Тихоокеанский государственный университет, ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, Новосибирский государственный технический университет, Военный университет МО РФ, Университет предпринимательства (Эстония), Узбекский государственный университет мировых языков (Узбекистан), Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева (Казахстан), Стамбульский университет (Турция).

Открывала пленарное заседание конференции ректор МГЛУ И.А. Краева. На пленарном заседании выступали председатель Комитета Совета Федерации по международным делам К.К. Косачев, директор Департамента внешнеполитического планирования МИД России, Чрезвычайный и Полномочный Посланник 1-го класса О.В. Степанов («Основные тенденции мирового развития и внешняя политика России»), профессор, президент Международной славянской академии наук, образования, искусства и культуры С.Н. Бабурин («Цивилизационный конституционализм как основа межгосударственной интеграции»), президент Академии геополитических проблем Л.Г. Ивашов («Место и роль России в системе мировых цивилизаций в XXI веке»), директор Центра комплексного ки-

таеведения и региональных проектов МГИМО, главный редактор журнала «Сравнительная политика» А.Д. Воскресенский («Национализация теоретического осмысления глобального и регионального уровня международных процессов: оценка инструментов и сравнительный анализ западного, российского и китайского опыта») и др. известные политики и ученые. Во второй половине дня выступили главный научный сотрудник ИМЭМО РАН М.В. Стрежнева («Участие Европейского союза в глобальном управлении: институционально-организационный анализ»), профессор РАНХиГС Е.Г. Никитенко («Угрозы национальной и оборонной безопасности России на региональных направлениях»).

В рамках конференции 18 апреля также прошел совместный круглый стол секции ФУМО по зарубежному регионоведению, Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО и кафедры теории регионоведения ИМО и СПН МГЛУ при поддержке журнала «Сравнительная политика» под названием «Мировое комплексное регионоведение как методологическая платформа для исследования мировых процессов: глобальное и региональное измерение». В качестве ведущих круглого стола выступили сопредседатель секции ФУМО «Зарубежное регионоведение» А.Д. Воскресенский и заведующий кафедрой теории регионоведения Института международных отношений и социально-политических наук МГЛУ В.В. Макаренко. На круглом столе обсуждались вопросы развития мирового комплексного регионоведения и ключевых направлений региональных исследований, прикладные и образовательные аспекты направления. Сопредседатель секции ФУМО по зарубежному регионоведению профессор А.Д. Воскресенский охарактеризовал зарождение и эволюцию зарубежного регионоведения и мирового комплексного регионоведения как учебного и научно-синтетического направления междисциплинарного характера. Он рассмотрел ключевые категории, концепции и методологический аппарат мирового комплексного регионоведения, которые позволяют анализировать дифференцированное пространство и проводить прикладные исследования; научный сотрудник Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО К.А. Ефремова рассмотрела различные подходы к анализу регионального уровня международных отношений; главный научный сотрудник Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО А.В. Виноградов охарактеризовал процессы консолидации регионального пространства вокруг ключевых центров силы – региональных

и великих держав, и процесс становления международных отношений в многополярном мире между цивилизациями, а не национальными государствами; главный научный сотрудник Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО А.В. Ломанов показал динамику процесса развития региональных исследований в Китае, их ключевые черты, направления развития в связке с продвигаемой Китаем Инициативой пояса и пути, и проблемы, с которыми они сталкиваются; научный сотрудник Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО А.А. Киреева в своем выступлении рассказала про использование компьютерного тестирования для оценки остаточных знаний в ходе подготовки к вступительным испытаниям; ведущий эксперт Центра АСЕАН Е.В. Колдунова охарактеризовала возможные варианты развития образовательных траекторий студентов бакалавриата и магистратуры, обучающихся по направлению подготовки «Зарубежное регионоведение», которые должны сочетать как хорошее знание страновых и региональных процессов, так и понимание общих закономерностей для преодоления «ловушки уникальности».

В последовавшей за выступлениями дискуссии приняли участие заведующий кафедрой теории регионоведения Института международных отношений и социально-политических наук МГЛУ В.В. Макаренко, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Института международных отношений и социально-политических наук МГЛУ Ю.В. Синчук, заведующий кафедрой политологии Института международных отношений и социально-политических наук МГЛУ В.К. Белозеров, декан исторического факультета, заведующая кафедрой всеобщей истории и регионоведения Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева Т.Н. Гелла и другие профессора. Они заинтересованно обсудили вопросы соотношения мирового комплексного регионоведения и зарубежного регионоведения как направления подготовки с другими дисциплинами и направлениями подготовки, вопросы реализации междисциплинарности в образовании и возможности использования междисциплинарной платформы мирового комплексного регионоведения для расширения методологической базы и эвристических возможностей «подведомственных» дисциплин с целью повышения конкурентных составляющих своих направлений подготовки и продуцирования научного знания.

Подробнее:

<https://mgimo.ru/about/news/departments/konferentsiya-sovremennaya-rossiya-v-mirovom-politicheskom-protsesse-globalnoe-i-regionalnoe-izmeren/>

**КОНФЕРЕНЦИЯ
«ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ
ВЗАИМОСВЯЗАННОСТИ
ЮЖНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ»**

9-10 февраля 2019 г. в Янгоне (Республика Мьянма) под эгидой Агентства аграрного развития состоялась международная конференция «Цифровая трансформация взаимосвязанности Южной и Юго-Восточной Азии: возможности для сотрудничества. Агентство аграрного развития Мьянмы (Бирмы) является самым известным и крупным неправительственным агентством страны, которое проводит различные формы работы в аграрных сообществах, включая, в том числе, и образовательные программы разного профиля и уровня подготовки. Конференция была напрямую связана с разработкой новой аграрно-индустриальной модели развития Бирмы и анализом вызовов и возможностей, с которыми сталкивается регион Южной Азии в своем развитии. На конференции обсуждались вопросы в соответствии со следующими блоками проблем: Геоэкономика и геополитика как катализатор развития Южной и Юго-Восточной Азии; Роль новых технологий и технологии блокчейна в повышении региональной интегрированности; Вызовы и возможности для сотрудничества в современном гипервзаимосвязанном обществе; Возможности для создания промышленно-аграрной экономики пространственного развития; Индустрия 4.0. как путь создания взаимосвязанных бизнес экосистем. В работе конференции приня-

ли участие Директор ЦККиРП профессор А.Д.Воскресенский, директор по исследованиям Фонда Южной Азии (Бельгия) Зигфрид Вольф, директор Института стратегических исследований Бирмы У Тхеин Тун О, профессор В. Коровкин (Сколково), директор Института мира и безопасности (Мьянма) доктор Мин За О, а также профессор Виктор Кейн, директор Азиатского центра Школы бизнеса и менеджмента Королевского технологического университета Мельбурна (кампус в Хошимине (Вьетнам)) и др. В ходе конференции ее участникам были презентованы новые номера журнала «Сравнительная политика».

Подробнее:

<https://mgimo.ru/about/news/departments/konferentsiya-tsifrovaya-transformatsiya-vzaimosvyazannosti-yuzhnoy-i-yugo-vostochnoy-azii/>

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

При направлении материалов в журнал просим Вас соблюдать следующие требования.

Редакционный совет и редакция журнала рассматривают *авторские рукописи оригинального характера, содержащие результаты исследований, не публиковавшиеся ранее и не принятые к публикации другими журналами, основанные на методах сравнительно-политического и сравнительно-исторического анализа*. К публикации принимаются статьи (20000–75000 печатных знаков со всеми сносками и пробелами), рецензии на недавно вышедшие научные издания (до 25000 знаков), а также заметки о важнейших событиях в мире политической науки (до 15000 знаков). Рукописи должны быть отредактированы и соответствовать научному стилю речи.

Материалы необходимо присылать на сайт www.comparativepolitics.org с обязательной регистрацией на сайте и копией на электронную почту sgavniropolit@mail.ru, или представить в редакцию на электронном носителе (119454, Москва, пр-т Вернадского 76, МГИМО МИД России).

Внимание! В редакционный цикл включаются рукописи, соответствующие всем требованиям к содержанию и комплектности:

Правила оформления статьи:

- формат doc, docx; А4, интервал – 1,5;
- размер шрифта – 14;
- ссылки постраничные: шрифт – 12, интервал – 1;
- в конце статьи – полный список литературы в алфавитном порядке на русском и английском языке (с транслитерацией и переводом);
- поля: слева – 3 см, сверху, справа и снизу – 2 см;
- все таблицы, графики, схемы, рисунки должны редактироваться в Microsoft Word, быть пронумерованы, озаглавлены, иметь перевод названия на английский язык и ссылки в тексте;

Комплектность статьи:

- заглавие статьи на русском языке прописными (заглавными) буквами (должно быть коротким, отражать суть исследовательской проблемы);
- фамилия, имя, отчество автора(ов);
- резюме статьи на русском языке (200-250 слов);
- ключевые слова (7-12 слов на русском языке);
- основной текст статьи;
- информация об авторе (ФИО полностью, научные звания, должность, место работы (с указанием почтового адреса), научная специализация, e-mail);
- заглавие статьи на английском языке прописными (заглавными) буквами;
- имя фамилия (английская транскрипция);

– abstract (резюме на английском языке, 200-250 слов);

- key words (7-12 слов на английском языке);
- about the author (на английском языке: ФИО, научные звания, должность, место работы и почтовый адрес, научная специализация, e-mail);
- иные материалы – по согласованию с редакцией.

В редакцию необходимо направлять два файла статьи – один, содержащий всю информацию об авторе (см. выше), один – без идентификации автора для анонимного рецензирования экспертами в данной области.

Принятие статьи к рассмотрению не означает гарантии ее публикации, поскольку она проходит этап рецензирования и редактирования. Редакция оставляет за собой право на редактирование и сокращение материалов.

Правила оформления ссылок:

Библиографические данные литературы в сносках оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1 и ГОСТ 7.82.

Русскоязычная литература обязательно должна быть транслитерирована латиницей с переводом названия на английский язык. Примеры и требования оформления литературы смотрите на сайте журнала: <https://www.comparativepolitics.org/jour/about/submissions#authorGuidelines>

Транслитерировать можно автоматически с помощью сайта translit.ru; режим транслитерации следует выбрать LC (Library of Congress).

Статьи аспирантов принимаются при наличии рецензии или рекомендации соответствующих кафедр вузов, отделов, секторов научно-исследовательских учреждений либо научного руководителя.

При несоблюдении перечисленных требований присланные материалы не рассматриваются.

GUIDE FOR THE AUTHORS

Submissions should comply with the following requirements.

Editorial Board and Editorial Council consider *original research works from all subfields of Political Science based on a method of political or historical comparison on the strict condition that they have not been published yet or accepted for publication in other journals*. The journal publishes different types of manuscripts: a) articles (20000–75000 typographical units including footnotes and whitespaces); b) book reviews (up to 25000 typographical units); c) notes on significant events in Political Science (up to 15000 typographical units). Manuscripts must be properly edited and written in an academic style.

Works must be submitted to the journal's website www.comparativepolitics.org with e-mail copy (sravnitpolit@mail.ru), or delivered to the Editorial office in hard and electronic copies (76, Prospect Vernadskogo, MGIMO-University, Moscow, 119454, Russia).

Working with your texts, please, proceed from the following format parameters:

- doc, .docx; A-4 format, interval – 1,5;
- font size – 14;
- footnotes: font size – 12, interval – 1;
- Literature List / References in alphabet order;
- margins: left – 3 см, upper, lower and right – 2 см;

– tables, charts, diagrams, pictures should be edited in Microsoft Word, have numbers, titles and references in the text.

Please, verify the compliance of materials with the following structure of an article:

- Title in English in capital letters (should be short and reflect the research problem);
- Surname and author(s) initials;
- Abstract (in English, 200-250 words);
- Key words (in English, 7-12 words);

Main body of the text;

– About the author (in English) (name, surname, academic ranks, position, institution/affiliation and its address, research field, e-mail);

- Title in Russian in capital letters;
- Surname and author(s) initials (Russian transcription);
- Abstract (in Russian, 200-250 words);

- Key words (in Russian, 7-12 words);
- About the author (in Russian) (name, surname, academic ranks, position, institution/affiliation and its address, research field, e-mail);
- Other materials – by agreement with the Editorial office.

Please, send two files of an article – one containing an article and information about the authors, another – without information about the authors for anonymous peer reviewing by experts in a respective field.

Accepting an article the Editorial Board and Council reserve the right to edit and to reduce a text as well as to reject publishing after peer reviewing and editing.

Footnotes requirements:

Footnotes in Russian should follow Russian national standards ГОСТ (GOST) 7.1 and ГОСТ (GOST) 7.82, in English – “Scopus” journals requirements. Russian titles of articles and books are transliterated in Latin letters and translated into English. Literature guide is available at journal web-site:

<https://www.comparativepolitics.org/jour/about/submissions#authorGuidelines>

One can transliterate automatically using www.translit.ru website and choosing “LC” (Library of Congress) transliteration regime.

Articles of PhD students are accepted with recommendation letter from their university, departments and, research institutions or academic advisor.

Submissions which violate these requirements will be rejected.

ЗАСЕДАНИЕ
Комиссии по этике журнала

30 апреля 2019 г. состоялось заседание Комиссии по этике журнала «Сравнительная политика».

Рассматривался вопрос о статьях д.и.н. С.И. Лунева:

– Лунев С.И. Потенциал сотрудничества в формате БРИКС и культурно-цивилизационный фактор // *Сравнительная политика*. 2014. № 1.

– Лунев С.И. Значение форматов РИК, БРИК и БРИКС для Индии // Китай в мировой и региональной политике. *История и современность*. 2012. № 17.

В связи с выявленной идентичностью примененных методологических приемов и 100% идентичностью выводов в заключениях обеих статей автора Комиссией по этике журнала «Сравнительная политика» было принято решение о ретрагировании статьи д.и.н. С.И. Лунева: Потенциал сотрудничества в формате БРИКС и культурно-цивилизационный фактор // *Сравнительная политика*. 2014. № 1.

* * *

Редакция информирует, что участник «круглых столов», материалы которых были опубликованы в журнале «Сравнительная политика» в 2018 г., А.В. Виноградов является также профессором РУДН.

ПОДПИСКА

Сравнительная политика

Индекс по каталогу:

«Роспечать» – 37237

Периодичность в год – 4, 150 стр.

Стоимость одного номера при подписке
через редакцию – 450 руб.

Журнал посвящен актуальным проблемам политической жизни России. Рассматриваются вопросы взаимодействия между законодательной, судебной и исполнительной властью, политическими элитами и другими субъектами российской политики, а также такие проблемы, как становление правового государства и гражданского общества, демократизация и демократический транзит, модернизация и политические режимы, структурные реформы политической, партийной и избирательной систем.

Извещение	<p style="text-align: right;"><i>Форма № ПД-1</i></p> <p style="text-align: center;">ООО "Юридическая периодика" <small>наименование получателя платежа</small></p> <hr/> <p>7705790921 40702810500000010326 <small>ИНН получателя платежа (номер счета получателя платежа)</small></p> <hr/> <p>в <u>ПАО Банк ЗЕНИТ г. Москва</u> БИК <u>044525272</u> <small>(наименование банка получателя платежа)</small></p> <p>Номер кор./сч. банка получателя платежа: <u>30101810000000000272</u></p> <hr/> <p>Подписка на журнал «Сравнительная политика», 2019 <small>(наименование платежа) (номер лицевого счета (код) плательщика)</small></p> <p>Ф.И.О. плательщика: _____ Адрес плательщика: _____ Сумма платежа _____ руб. 00 коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого _____ руб. _____ коп. " " " _____ 20 _____ г.</p> <p>С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен Подпись плательщика: _____</p>
Квитанция	<p style="text-align: right;"><i>Форма № ПД-1</i></p> <p style="text-align: center;">ООО "Юридическая периодика" <small>наименование получателя платежа</small></p> <hr/> <p>7705790921 40702810500000010326 <small>ИНН получателя платежа (номер счета получателя платежа)</small></p> <hr/> <p>в <u>ПАО Банк ЗЕНИТ г. Москва</u> БИК <u>044525272</u> <small>(наименование банка получателя платежа)</small></p> <p>Номер кор./сч. банка получателя платежа: <u>30101810000000000272</u></p> <hr/> <p>Подписка на журнал «Сравнительная политика», 2019 <small>(наименование платежа) (номер лицевого счета (код) плательщика)</small></p> <p>Ф.И.О. плательщика: _____ Адрес плательщика: _____ Сумма платежа _____ руб. 00 коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого _____ руб. _____ коп. " " " _____ 20 _____ г.</p> <p>С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен Подпись плательщика: _____</p>

Центр редакционной подписки:
тел. (495) 617-18-88 (многоканальный)
8-800-333-28-04 (по России бесплатно)